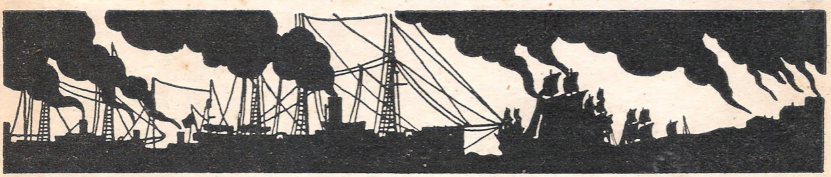
ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС

СТАТЬИ и ПИСЬМА ПО ВОЕННЫМ ВОПРОСАМ

КРАСНАЯ НОВЬ

1924



ИРЕРБЕРГ

ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка.	Напечатано:	Следует читать:
LXI	8	54 д. и орудиях	546 орудияк
„	13	Бурбона.	Бурбаки.

Фридрих Энгельс

СТАТЬИ И ПИСЬМА ПО ВОЕННЫМ ВОПРОСАМ

ПЕРЕВОД С НЕМЕЦКОГО

Под редакцией, с предисловием и примечаниями
Н. Н. ПОПОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ НОВЬ“
ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ ◇ МОСКВА ◇ 1924

Главлит № 21.035. Тираж 12.000 экземпл.

Типогр. „Красный Пролетарий“ Изд-ва „Красная Новь“, Пименовская ул., д. 1/16.

ПРЕДИСЛОВИЕ

I.

Пацифистская традиция, установившаяся прочно во втором Интернационале еще задолго до его бесславной гибели, была основной причиной того, что военные статьи Энгельса, блестящие по форме и богатейшие по своему содержанию, десятки лет лежали под спудом, покрытые густым слоем пыли...

Это было вполне понятно и простительно для второго Интернационала. Буржуазия не подпускала его близко к своей военной политике, предпочитая вести ее самостоятельно. А сам он воевать ни с кем не собирался, ибо второй Интернационал понимал и признавал только одну форму войны—войну избирательных бюллетеней. Здесь, в этой области чисто-бумажной войны он был в своей стихии.

Но что было понятно и совершенно простительно для второго Интернационала, то непонятно и непростительно для нас, коммунистов, и в частности—для коммунистов Союза Советских Республик. Мы построили первое в мире пролетарское государство. Окруженное со всех сторон кольцом враждебных буржуазных стран, это государство не может обходиться без армии, как армия, в свою очередь, не может обходиться без командного состава. Наш командный состав должен учиться понимать войну, должен видеть связь военной организации с экономической структурой общества и с его политическими учреждениями, связь военной техники с экономикой страны, роль и значение всех факторов, обусловливающих победу и поражение, наконец, должен знать конкретные военные науки, в частности военную историю...

Так почему же ему не поучиться всему этому из первых рук—у великого основоположника научного социализма, который был одним из самых блестящих и глубоких военных писа-

телей своего времени, почему не использовать того колоссального, военно-исторического материала, который есть в сочинениях Энгельса? По части конкретности, научности, доброкачественности этого материала Энгельс не уступит лучшим буржуазным военным историкам и писателям, по части метода он стоит далеко выше их...

Конечно, не для одного только изучения истории войн могут послужить статьи Энгельса... Изучение истории войн нашей эпохи необходимо связано с изучением конкретной обстановки, в которой они происходили, с изучением театров войны. А эти театры продолжают существовать и теперь. Они являются ареной не только прошлых, но и возможных будущих войн.

Изучая статьи Энгельса, прослеживая по ним стратегический ход операций той или другой войны, можно хорошо усвоить все географические особенности театров военных действий. Как военный писатель-марксист, Энгельс придавал этим особенностям большое значение и великолепно знал их. Далекий, как небо от земли, от того легкомысленного диллетантства, которое так часто проявляют штатские писатели, когда они пишут по военным вопросам, Энгельс подавляет читателя своим исчерпывающим знанием конкретных фактов, основных материалов. Это относится не только к географическим условиям театра войны, но и к его экономике, составу населения, политической обстановке, военным силам воюющих государств, их точному составу до последнего батальона или роты, делению по родам оружия, качеству и количеству вооружения огнестрельного и холодного, его весу, удобству, калибрам пушек, малейшим особенностям одежды и нагрузки солдата, разнообразным деталям машины управления армией, точному соотношению между всеми частями ее механизма, организации снабжения, медицинской помощи, службе связи и коммуникационным линиям.

Чтение статей Энгельса может иметь прямо-таки воспитательное значение в наше время, когда от периода ломки старой армии осталась еще такая бездна верхоглядства, презрительного отношения к деталям и мелочам военного дела, психологии „шапками закидаем“...

Энгельс дает живой пример того, как надо изучать военное дело, как надо изучать его революционеру, который понимает роль войны в нынешнем обществе и отдает себе отчет в тех

условиях, при которых будет происходить смена капитализма социализмом. Ибо, это нужно хорошенько запомнить,—свои колоссальные знания по военным вопросам Энгельс приобрел не как любитель дилетант. Провозгласивши вместе с Марксом в „Коммунистическом Манифесте“ эру наступления социалистической революции, Энгельс так же хорошо, как Маркс, знал, что „сила является повивальной бабкой старого общества, беременного новым“, и что „оружие критики не может заменить критики оружия“... Вот почему была одна область военного дела, к которой Энгельс относился с особенным интересом,—мы имеем в виду вопрос об организации армии, в частности организации армии революционной страны. Те замечания, которые он по этому вопросу высказывал в разные моменты, имеют для нас ближайший практический интерес, ибо мы продолжаем находиться в периоде строительства нашей армии и идем навстречу новой эпохе империалистических войн.

Наш сборник не претендует на полноту. Едва ли даже треть того, что написал Энгельс по военным вопросам, вошла в него. Второй Интернационал проявил по-истине вандальское отношение к сочинениям основоположников научного социализма вообще. При таком общем отношении и при всем известном благочестивом пацифизме 2-го Интернационала, что могли ждать от него военные статьи Энгельса? Они лежали под спудом и ждали лучших времен. Только мировая война дала возможность некоторым, более счастливым из этих статей увидать свет. Но это относится только к тем из них, на которых при умелом искажении с.-д. могли нажить политический капитал. До всего остального им не было никакого дела... Недавно совершенно случайно увидели свет изданные Фридрихом Адлером статьи Энгельса о франко-прусской войне 1870—71 гг. В архиве его отца Виктора Адлера оказался соответствующий комплект газет. Статьи составили довольно объемистый сборник, недавно переведенный на русский язык и вышедший в издании Реввоенсовета Республики с предисловием тов. Троцкого. Этих статей мы, само собой разумеется, в свой сборник не включили. Не удалось нам разыскать статей и брошюры Энгельса о прусской военной реформе, написанной им за год перед смертью, брошюры „Может ли Европа разоружиться“, некоторых статей из „Нью-Иоркской Трибуны“ и т. д., и т. д.,

и т. д. В сборник, составленный нами, вошли следующие материалы:

1) Статьи, написанные в связи с революцией 1848-го года, о парижском июньском восстании, разбираемом Энгельсом с военной точки зрения, о революционном движении в рейнской Пруссии в 1849 году, происходившем накануне баденско-пфальцского восстания, в котором Энгельс получил боевое крещение, принявши в нем участие как адъютант Виллиха, о предпосылках и возможностях войны Священного союза против Франции; последняя статья написана уже в 1851 году, но она еще связана с революционной эпохой,—статья исходит из возможного торжества революции во Франции.

2) Статьи о „Восточной войне 1853—56 гг.“ между Россией с одной стороны, Францией, Англией и Турцией (потом к ним присоединилась Сардиния)—с другой. Эти статьи были помещены в „Нью-Иоркской Трибуне“, где сотрудничали Энгельс и Маркс. Мы взяли их из двухтомного сборника статей Маркса и Энгельса, написанных от 1852 до 1862 годов, выпущенного тов. Д. Б. Рязановым в Германии *). Мы выбрали оттуда статьи Энгельса о „Восточной войне“. К сожалению, не все статьи Энгельса об этой войне, помещенные в „Нью-Иоркской Трибуне“, вошли в сборник, изданный Д. Б. Рязановым. Среди них отсутствуют, например, статьи об альмском и инкерманском сражениях, т.-е. о двух самых больших и серьезных сражениях в открытом поле крымского периода Восточной войны.

3) Статьи „По и Рейн“, „Савойя, Ницца и Рейн“, переизданные в 1915 году Эдуардом Бернштейном. К ним приложена глава из „Анти-Дюринга“, трактующая о развитии военного дела в эпоху капитализма...

4) Некоторые письма Энгельса к Марксу по военным вопросам. Они касаются Восточной войны 1853—56 гг., восстания сипаев в Индии в 1857 году, американской гражданской войны между северными и южными штатами 1861—65 гг., польского восстания 1863 года в России, прусско-австрийской войны 1866 года и франко-прусской 1870—71 гг. В некоторых пись-

*) Этот двухтомный сборник сейчас печатается и скоро выйдет в издании Госиздата.

мах, написанных в промежутках между названными выше военными кампаниями, Энгельс дает Марксу различные справки по военным вопросам, по которым Маркс обращался к нему как к „генералу“ (так звали Энгельса в близком кругу): это касается в первую голову военных материалов для „Энциклопедии“, которую Маркс составлял, в частности биографических справок об отдельных генералах и т. д.

В полном сознании неполноты и несовершенства нашей работы мы все-таки решаемся отдать ее на суд читателей. Дальше ждать нельзя.

На седьмой год существования Советской власти и Красной армии, в момент самой горячей работы по ее укреплению и реорганизации, пора дать нашему читателю и, в частности, нашему красному командиру, питающемуся весьма неудобоваримой умственной пищей, хоть часть того колоссального наследства, которое Фридрих Энгельс, сражавшийся с оружием в руках за победу пролетариата, но не дождавшийся этой победы хотя бы в одной стране, оставил продолжателям своего дела.

II.

Изучать военные науки Энгельс начал очень рано, еще с того времени, когда 21-го года отроду, он отбывал воинскую повинность в Берлине, в качестве вольноопределяющегося артиллерии. Это было в 1841 году. Но, только начиная с революции 1848 года, изучение военных наук Энгельсом приобретает упорный и систематический характер. Вот почему помещенную в нашем сборнике статью „Июньский бой в Париже“ можно считать первой серьезной пробой пера Энгельса по военным вопросам.

Этот факт имеет глубоко символическое значение. С изучения условий и форм баррикадной борьбы на улицах начал Энгельс свою военную учебу. „Фельдмаршал баррикад“ Керкози, боевой руководитель восстания парижских пролетариев и составитель плана их борьбы, был его первым военным героем. Керкози был схвачен и расстрелян. Он погиб подобно бесчисленному множеству баррикадных бойцов 1848 года, сложивших свои головы на улицах Парижа, Берлина, Вены, Дрездена и т. д. И вопреки предсказанию Энгельса, имя его не вошло

в историю. Июньский бой 1848 года наглядно показал возможность успешной баррикадной борьбы восставших рабочих против войск, когда у восставших есть известная организация; но если не считать Парижской Коммуны, до самой смерти Энгельса Европа не видала больше баррикад. Традиции революционно-повстанческой борьбы не привились к партиям 2-го Интернационала, и имена таких героев баррикад, как Керкози, были бесследно забыты. Это дало основание Энгельсу почти накануне своей смерти придти к ошибочному взгляду, что баррикадная борьба уже отжила свой век в наше время усовершенствованной военной техники. Такой ошибочный взгляд Энгельс высказал в предисловии к известной книге Маркса „Классовая борьба во Франции в 1848—50 гг.“, написанном им осенью 1894 года. Энгельс исходил из того, что после того, как старые узкие и кривые улицы и переулки больших городов заменились широкими и прямыми, легко доступными артиллерийскому и ружейному огню, и после того, как самый огонь стал неизмеримо более сильным и губительным, восставшие рабочие уже не смогут тягаться с войсками...

История оправдала раннюю, а не позднейшую точку зрения Энгельса, ту самую, которую он высказал в печатаемой у нас статье о парижском июньском восстании. Уже в самом начале 1906 года Карл Каутский, тогда еще не стоявший на благочестивой буржуазной точке зрения отрицания гражданской войны со стороны рабочего класса, должен был констатировать, что опыт баррикадных боев в Москве заставляет пересмотреть взгляд, высказанный Энгельсом в 1894 году. Точку зрения Каутского в то время вполне разделяли большевики, с Лениным во главе.

В Москве в декабре 1905 года около десяти дней часть города была занята революционерами, несмотря на крайне ограниченное количество обученных и вооруженных людей, которыми они располагали, и крайнюю неудовлетворительность боевого руководства, если о нем вообще можно говорить. Это объяснялось тем, что правительство было вынуждено держать большинство воинских частей (и в частности всю пехоту) в казармах. Только прибытие из Петербурга по небастовавшей Николаевской дороге Семеновского полка под командой знаменитого полковника Мина дало решительный перевес царизму.

Не прибудь Семеновский полк, продлись борьба дружинников против казаков и драгун еще несколько дней, примкни к восстанию хотя бы часть запертых в казармах пехотных полков (некоторые из них, например, Ростовский гренадерский полк ходили по улицам с красными флагами почти накануне восстания), результат борьбы мог бы быть совершенно иной. Зато февральская революция 1917 года в Петербурге явилась примером успешного уличного боя. Правда, успех ее определился только с переходом войск на сторону восставшего народа, возместившим им почти полное отсутствие всякой организации восстания. Но этому переходу предшествовали уличные столкновения, борьба рабочих демонстраций против полиции и казаков, большие жертвы со стороны восставших. Правительство учло опыт московского восстания, оно имело целый военный план защиты города, но осуществить его не успело. Однако, пулеметная стрельба с крыш домов со стороны протопоповских фараонов заставила революцию дорого заплатить за свою победу. Во всяком случае, февральская борьба по количеству жертв в Петербурге ушла неизмеримо дальше октябрьской. Называя ее „бескровной“, буржуазия, по своему обыкновению, бесстыдно искажала исторические факты... В октябрьскую революцию мы имели уличные бои в Москве, Киеве, Саратове, позднее в Иркутске. В Москве рабочая красная гвардия сражалась в течение многих дней и победила юнкеров, казаков и буржуазную белую гвардию при довольно слабом участии в борьбе на стороне революции солдатской массы. В Берлине январские и мартовские бои 1919 года хотя и кончились победой „кровавой собаки“ Носке, но носили весьма упорный характер. Только жалкая дряблость вождей берлинского пролетариата из партии независимых, о которой с вполне заслуженным презрением говорит в своих записках тот же Носке, помешала им взять верх над правительством, не имевшим в своем распоряжении многочисленной и хорошо организованной военной силы. Наконец, совсем недавно мы были свидетелями захвата рабочими, на сторону которых перешли воинские части, Кракова в Польше.

Во всяком случае, успешность шансов уличных боев со стороны пролетарской революции, несмотря на весь прогресс военной техники, ныне не может подлежать никакому сомне-

нию. Под выводами, сделанными Энгельсом из опыта парижской баррикадной борьбы 1848 года, можно и теперь подписаться обоими руками.

Статья „Рейнская Пруссия“ представляет собой описание повстанческих вспышек в Рурской области, предшествовавших баденско-пфальцскому восстанию или так-называемой борьбе за имперскую конституцию, этому последнему вздоху германской революции 1848—1849 гг. Наспех сколоченной, плохо организованной революционной армии пришлось в этом восстании столкнуться с великолепно снабженным регулярным прусским войском, превышавшим ее по своей численности почти в шесть раз (революционеры имели 12—13 тысяч, пруссаки под начальством „картечного принца“ — будущего императора Вильгельма I, свыше 60-ти). В этой неравной борьбе Энгельс принимал личное участие в качестве адъютанта Виллиха, участника союза коммунистов и командира одного из революционных отрядов.

Восстание было ответом на разгон франкфуртского общегерманского парламента, учиненный прусским правительством и на аннулирование принятой этим парламентом конституции. Изолированное в политическом и военном отношении восстание было обречено на неудачу. У руководивших им буржуазно-демократических элементов нехватало никаких качеств для победы. Их единственный шанс заключался в подготовлявшемся захвате власти демократической партией в соседней Франции. Но попытка французских демократов, которые были людьми из того же самого теста, как рейнско-прусские и баденско-пфальцские или как наши эсеры, съезд которых в Екатеринбурге в 1918 году был разогнан начальницей женской гимназии, кончилась жалким крахом. Тем самым была решена участь и рейнско-прусского и баденско-пфальцского восстаний.

Свои личные впечатления от участия в баденско-пфальцском восстании Энгельс изложил в письме к жене Маркса, которое мы приводим целиком, в виду его большого интереса,

„Дорогая госпожа Маркс!

Вы так же, как и Маркс, будете удивлены, что я так долго не давал знать о себе. Вот причины. В тот же день, в который я написал Марксу (из Кайзерслауфена), пришло известие, что Гамбург занят пруссаками, и вместе с тем сообщение с

Парижем было прервано. Я не мог отослать письма и пошел к Виллиху. В Кайзерслауфене я держался вдалеке от всякого соприкосновения с так-называемой революцией; когда же пришли пруссаки, я не мог противиться желанию принять участие в войне. Виллих был единственным, годным на что-нибудь офицером; я пошел к нему и сделался его адъютантом. Я участвовал в четырех боях, из которых два были довольно значительны, именно при Раштатте, и пришел к выводу, что прославленное мужество рубак является самым обычным свойством. Свист пуль—очень ничтожная вещь, и в продолжение всего похода, несмотря на многие проявления трусости, вряд ли я видел и дюжину людей, которые проявляли бы трусость во время боя. Тем более, „безумную храбрость". В конце-концов, я благополучно вышел отовсюду, и в итоге всего хорошо, что там был представитель „Новой Рейнской Газеты", так как весь демократический сброд был в Пфальце и Бадене и теперь хвастается небывалыми подвигами. Стали бы опять говорить: господа из „Новой Рейнской Газеты" слишком трусливы, чтобы драться. Однако, из всех „демократов" никто не дрался, кроме меня и Кинкеля. Последний был при нашем корпусе в качестве рядового и держал себя вполне прилично. Он был ранен в голову и взят в плен.

Через 24 часа после того, как наш отряд прикрыл отступление баденской армии, мы, как и все остальные, ушли в Швейцарию и вчера прибыли в Вевей. В течение похода и марша по Швейцарии у меня не было никакой возможности написать хоть одну строчку. Теперь же я тороплюсь дать о себе весточку и написать вам тем поспешнее, что—как я слышал где-то в Бадене—Маркс арестован в Париже. Мы никогда не видим газет, а поэтому ничего не знаем. Я так и не узнал, правда это, или нет... Вы понимаете, в каком тревожном состоянии я нахожусь с тех пор; и я самым настойчивым образом прошу вас освободить меня от моего беспокойства и уведомить меня о судьбе Маркса. Так как я не слышал подтверждения этого слуха относительно ареста Маркса, я еще надеюсь, что он неверен. Однако, я вряд ли могу сомневаться, что Дронке и Шаппер сидят. Во всяком случае, если Маркс на свободе, перешлите ему это мое письмо, с просьбой тотчас же написать мне. Если он не может чувствовать себя в безопасно-

сти в Париже, то здесь, в Ваадтском кантоне, он был бы в полной безопасности. Само правительство называет себя красным и приверженцем „перманентной“ революции. В Женеве — также. Если я получу деньги из дому, то поеду в Лозанну или Женеву и что-нибудь предприму. Наша колонна, так храбро дравшаяся, наскучила мне, и здесь больше уже нечего делать. Виллих в бою храбр, хладнокровен, ловок и способен к быстрой и правильной ориентировке, вне обстановки боя он более или менее скучный теоретик и истинный „социалист“. Большинство людей, с которыми можно было разговаривать в корпусе, куда-нибудь командированы.

Если бы я был уверен, что Маркс свободен! Я часто думал, что посреди прусских пуль я нахожусь на гораздо менее опасном посту, чем другие в Германии, и особенно Маркс в Париже. Итак, освободите меня поскорее от этой неизвестности.

Весь ваш Энгельс“.

Из Швейцарии Энгельс выехал в Манчестер, где поступил служащим в фирму своего отца. Только теперь он „всерьез и надолго“ приступил к изучению военных наук, которыми раньше занимался урывками. Помещенная в нашем сборнике и написанная в конце 1851 года статья „Возможности и предпосылки войны Священного союза против Франции“ показывает нам Энгельса уже во всеоружии военных познаний своего времени, но прежде всего она обнаруживает его блестящее знакомство с историей французских революционных и наполеоновских войн. И это вполне понятно. В единственной стране, в которой революция 1848—49 гг. одержала хотя бы временную победу (в Венгрии), она была сломлена внешней вооруженной силой царской России. Огромная русская армия в полной боевой готовности стояла на своей выдвинутой вперед стратегической позиции в Польше, готовая ежеминутно выступить на Берлин, если бы только прусская монархия не выдержала революционного напора.

Во все время своей революционной работы в рейнской провинции, во всех номерах „Новой Рейнской Газеты“, которую они издавали, Маркс и Энгельс мобилизовывали общественное мнение революционной Германии к войне против царской Рос-

сии. Только решительная победа над огромной царской монархией, восстановление Польши и отступление русских войск вглубь России могли бы обеспечить прочную победу революции в центре Европы. Однако, Энгельс не мог не знать, что революция всегда одерживает победу при дезорганизации армии старого режима и не в состоянии сразу создать взамен собственную армию. В то же время французская революция конца XVIII столетия показала, что проблема создания армии в революционной стране не является совершенно неразрешимой. Вполне понятно, что основная мысль, которой был поглощен Энгельс, когда он в Манчестере приступил к основательному изучению военных наук, заключалась в том, как сорганизовать в революционной стране армию, которая могла потягаться с полчищами царской армии, в то время еще окруженными ореолом непобедимости. Очень скоро выяснилось, что Германия не сможет в скором времени стать такой революционной страной. Победа реакции в Австрии и в Пруссии с каждым днем становилась все очевидней. Поневоле все надежды сосредоточивались на Франции, где еще доживала свои последние дни республика, а бонапартовский переворот только подготовлялся. В такой обстановке один из немецких революционных эмигрантов, бывший офицер Техов опубликовал статью, в которой доказывал, что торжество революции во Франции неизбежно в самом близком будущем, и что победившая во Франции революция так же основательно разобьет реакционную коалицию в составе России, Пруссии и Австрии, как разбивала такие же коалиции Франция во времена наполеоновских и революционных войн. При этом Техов возлагал свои надежды не только на французскую революционную армию,—он надеялся также на революционное движение в Германии и Италии... Такой прогноз Техова показался Энгельсу, потратившему целые годы на изучение военных наук вообще, французских революционных войн и условий возрождения военной силы во Франции после революции—в частности, чрезвычайно легкомысленным и неосновательным. Это свое мнение Энгельс выразил в письме к Марксу от 26-го сентября 1851 г., откуда мы позволим себе привести соответствующую часть.

„Что касается „Военной истории“ Техова, то в военном отношении она чрезвычайно поверхностна, а местами и прямо

неверна. Кроме великих истин, что против силы помогает лишь сила, кроме нелепых открытий, что революция может победить лишь тогда, когда она всеобщая (дословно, когда она не встречает абсолютно никакого сопротивления, т.-е. является революцией буржуазной), кроме доброго намерения задушить фатальную „внутреннюю политику", т.-е. собственно революцию при помощи еще не изобретенного, несмотря на Кавеньяка и Виллиха, военного диктатора, кроме такой знаменательной политической формулировки воззрений этих господ на революцию, можно отметить в военном отношении следующее:

Положение о том, что железная дисциплина, одна лишь способна дать победу, является оборотной стороной военной диктатуры и „устранения внутренней политики". Откуда возникает эта дисциплина? Господа из Бадена и Пфальца должны были бы приобрести некоторый опыт. Представляется совершенно очевидным фактом, что дезорганизация армий и полное уничтожение дисциплины было до сих пор необходимым условием и результатом всякой победоносной революции. Чтобы создать армию в 60.000—80.000 человек—армию Дюмурье—Франции понадобилось время с 1789 до 1792 года; однако, и эта армия распалась снова, и во Франции не существовало настоящей организованной армии до конца 1793 года. Венгрии понадобилось время с марта 1848 года до средины 1849 года, чтобы создать более или менее организованную армию. А кто возродил дисциплину в армии во времена первой французской революции? Не генералы, получившие влияние и авторитет во вновь созданных армиях лишь после нескольких побед революции, но террор внутренней политики, гражданская власть.

Силы коалиции: 1. Россия. Предположение, что действующие войска достигают 300.000 человек, из которых под-ружьем на поле действий находятся 200.000, слишком преувеличено. Но допустим, что это так. В течение месяца они не могут достигнуть ни Рейна (в крайнем случае авангард появится на нижнем Рейне у Кельна), ни Верхней Италии. До начала военных действий, до соприкосновения с Пруссией, Австрией пройдут три месяца,—русская армия проходит в день не больше 2—2½ немецких миль и останавливается на отдых через каждые 2

дня). Прежде, чем она появится в Венгрии на месте военных действий, пройдет почти 2 месяца.

2. Пруссия. Мобилизация, самое меньшее—четыре, шесть недель. Спекуляции на „отложения", „восстания" и тому подобное—очень сомнительны. Может быть выставлено против Франции в лучшем случае 150.000 человек, а в худшем даже не наберется и 50.000. Высчитывать до трети или до четверти—полная нелепость. Все ставится в зависимость от чистой случайности.

3. Австрия. Также приблизительно и еще более обманчиво. Приблизительный расчет по примеру Техова совершенно невероятен. В лучшем для себя случае она сможет выставить против Франции, как предполагает Техов, быть-может, и 200.000 человек, в худшем же она сможет противопоставить французам у Триеста самое большее 100.000 человек.

2. Союзная армия—баварская, конечно, на две трети пойдет против революции, а местами, конечно, найдутся и еще кое-какие силы. В течение 3-х месяцев из них, во всяком случае, можно образовать отряд в 30.000—50.000 человек, который для начала будет достаточно хорош для борьбы с революционными солдатами.

5. Дания немедленно выставляет 40.000—50.000 хороших солдат, и так же, как и в 1812 году, вместе с ними выступят в большой крестовый поход шведы и норвежцы. Техов об этом не думает, так же, как и о Бельгии с Голландией...

Военные силы революции: 1. Франция. Имеет под-ружьем 430.000 человек. Из них 100.000 в Алжире. 90.000 человек—не в строю, т.-е. $^1/_4$ часть остатка. Остается 270.000, из которых в течение 4—6 недель сможет быть переброшено, несмотря на значительно улучшенные теперь железнодорожные пути, на бельгийско-немецкую границу не больше 100.000 человек и на савойско-пьемонтскую не более 80.000 человек. Сардиния попытается на этот раз, по примеру Бельгии 1848 г., сыграть роль подводного рифа; является ли сардинское войско, состоящее из крестьянских парней,—по крайней мере, при настоящей конструкции с аристократическими офицерами,—настолько верным революции, как это предполагает Техов,—стоит под большим вопросом. Виктор-Эммануэль взял себе за образец Леопольда. Это опасно.

2. Пруссия—(?!). 3. Австрия—(?!). Мы, конечно, имеем в виду регулярные, организованные войска. Что касается добровольческих войск, то их легион, естественно, окажется никуда не годным. Если из числа отложившихся войск и удастся в первые месяцы получить 50.000—60.000 годных солдат, то это много. Откуда взять за такой короткий срок офицеров?

Каждой революции (даже и во Франции) недостает как-раз того, что делало для Наполеона возможным быстрое формирование колоссальных армий, именно хороших кадров; наиболее вероятно поэтому, что революция, если она в ближайшие годы благополучно закончится, будет вынуждена ограничиться или самообороной, или же отвлеченными прокламациями из Парижа и неудовлетворительными, жалкими и вредными экспедициями на манер Risquons tout *), хотя и в несколько большем масштабе; так будет даже и в том случае, если рейнские крепости перейдут на сторону революции при первом же натиске, и пьемонтское войско последует призыву буржуа Техова; если дезорганизация прусских и австрийских войск изолирует Берлин и Вену и заставит Россию перейти к оборонительной тактике, или же произойдут какие-нибудь иные события, предугадать которые сейчас невозможно. Гадать и предсказывать относительно этого, по примеру Техова,—праздное и бессмысленное занятие, как я убедился в этом на своем собственном опыте. Можно сказать лишь, что от Рейнской провинции зависит чрезвычайно много".

Этими короткими, наскоро набросанными заметками в письме Энгельс, однако, не ограничился и написал против Техова целую статью: „Возможности и предпосылки войны Священного союза против Франции", к сожалению, оставшуюся неоконченной. Статья эта была опубликована в „Neue Zeit" только в конце 1914 года.

Энгельс камня на камне не оставляет от оптимистического прожектерства Техова. На основании огромного исторического материала, путем блестящего и тонкого анализа этого материала, Энгельс неоспоримо устанавливает ряд следующих основных положений...

1. Коалиция 1792—94 гг. не могла справиться с Францией

*) Risquons tout („рискуем всем")—название одного местечка в Бельгии.

только благодаря неспособности своих генералов и нерешительности их действий, в которых отразилась ленивая неподвижность феодального общества и его насквозь прогнившая бюрократическая система. Нынешние армии коалиции представляют гораздо более серьезную боевую величину. В сравнительно короткое время они могут выставить против революционной Франции превосходные силы.

2. Современная военная тактика представляет собой продукт великой французской революции. Она тесно связана с новым буржуазным обществом и данным состоянием производительных сил. Захватившему власть в той или другой стране пролетариату никогда не удастся создать сразу совершенно новой тактики. Она бы могла явиться только результатом мощного развития производительных сил в социалистическом обществе. Пока же революции придется с современными военными средствами и современным военным искусством бороться против современных военных средств и современного военного искусства. Шансы революционных восстаний в тылу коалиции можно приравнять к шансам реакционных восстаний в тылу Франции.

Дальше Энгельс приступает к географическому анализу театра военных действий в северной и восточной Франции и Бельгии, через которые должны итти пути наступления союзников на Францию. На этом статья обрывается.

2-го декабря 1851 года в Париже произошел государственный переворот. Буржуазная республика пала. На развалинах ее поднялась вторая империя Наполеона III. Революционные перспективы во Франции перестали быть реальными. Потеряло смысл рассматривать перспективы войны Священного союза против революционной Франции. И Энгельс не докончил своей блестящей статьи. Однако, та часть ее, которая дошла до нас в готовом виде, сохраняет огромную поучительность для нашей страны... Период гражданской войны породил у нас немало мечтателей и прожектеров типа блаженной памяти Техова, тешивших себя чудесами новой классовой пролетарской системы войны, ими самими изобретенной, которая должна была открыть дорогу нашей Красной армии ко всем столицам мира. Что следует для нас теперь из статьи Энгельса, написанной свыше 70-ти лет назад?

1. Рисуя перспективы возможной войны хотя бы с нашими ближайшими соседями, ни в коем случае нельзя упускать из вида отсталой экономики нашей страны, слабой промышленности и, в частности, промышленности военной, состояния путей сообщения, процента грамотности в деревне и прочих, не менее прозаических вещей.

2. Ни в коем случае не строить оперативных расчетов на восстаниях в тылу противника. Такие расчеты Энгельс считал авантюристским прожектерством. Не потому, чтобы восстания были вообще невозможны, а потому, что их никогда нельзя предсказать точно, а в военных расчетах необходима точность. Рассчитывать—только на свою армию, на ее военную подготовку, вооружение, снабжение боевыми и пр. припасами, на аппарат обслуживания и на аппарат руководства.

III.

Ровно через два года после того, как Энгельс написал свою статью о возможностях и предпосылках войны Священного союза против революционной Франции, началась Восточная война между Россией и Турцией, к которой затем присоединились Франция и Англия. Война была вызвана захватническими стремлениями русского царизма, натолкнувшимися на противодействие так-называемых „морских держав“, т.-е. Англии и Франции, с экономическими интересами которых они шли вразрез.

Еще в XVIII веке в результате двух успешных войн с Турцией по мирным договорам в Кучук-Кайнарджи (1774 г.) и Яссах (1791 г.) Россия твердой ногой стала на северном берегу Черного моря между рекой Днестром и Таманским полуостровом. Дальнейшей целью ее была Бессарабия и так-наз. дунайские княжества (Молдавия и Валахия), являющиеся (мы имеем в виду княжества, а не Бессарабию) ядром нынешней Румынии, а в то время находившиеся в вассальном подчинении Турции. В 1806 году царь Александр I начал новую войну с Турцией, добиваясь присоединения дунайских княжеств. Однако, отвлекаемый европейскими делами, а затем необходимостью отражать Наполеона, он должен был закончить эту войну в 1812 году, удовольствовавшись присоединением толькой одной Бессарабии.

Незадолго перед этим царская Россия добивается „добровольного“ присоединения Грузии, что вынуждает ее с целью установления тесной связи с своими новыми закавказскими владениями, начать систематическую борьбу за покорение племен, населяющих Кавказские горы.

В результате ряда войн, последняя из которых закончилась в 1827 году, Россия силой вырывает от Персии уступку целого ряда ханств на территории нынешнего Азербейджана, находившихся раньше в зависимости от Персии (Баку, Ганджа, Эривань, Нахичевань, Карабах и т. д.).

В следующем 1828 году Россия объявляет новую войну Турции. Разбитая Турция уступает своему победителю устье Дуная и в Азии весь восточный берег Черного моря от Анапы до Поти включительно и несколько пунктов на материке (Ахалцых, Ахалкалаки). Однако, эти скромные приобретения не удовлетворяют аппетитов царизма, тем более, что некоторые из них носят чисто-номинальный характер (например, значительная часть восточного берега Черного моря от Анапы примерно до Сухума принадлежала фактически не туркам, а независимым черкесским племенам, которых надо было еще завоевать). Царизм желал полного уничтожения Турции, стремился стать хозяином положения на всем Балканском полуострове и добивался получения Константинополя. Тогдашний русский император Николай I в тайных переговорах с европейскими державами не раз поднимал вопрос о разделе Турции, желая, разумеется, львиную долю ее взять себе.

Завоевательные тенденции царской России, направленные в сторону Балканского полуострова и Константинополя опирались на ту политическую и военную гегемонию в Европе, которая оставалась в руках царизма со времени наполеоновских войн. Однако, эта гегемония становилась чем дальше, тем все более невыносимой для развивавшихся буржуазных государств Западной Европы. И Франция, и Англия видели в продвижении царизма к берегам Средиземного моря величайшую угрозу своим экономическим и торговым интересам. Что касается до Пруссии и Австрии, то здесь не только рабочий класс, но и умеренные буржуазные элементы ненавидели Россию, ибо самые скромные реформы в их странах всегда наталкивались

на упорное сопротивление со стороны царя, позволявшего себе на каждом шагу бесцеремоннейшее вмешательство во внутренние дела Германии. Даже немецкие правительства, после того как революционная волна сошла, и потребность во внешней поддержке Россия отпала, чувствовали желание освободиться от чрезмерной опеки петербургского двора. К тому же австрийское правительство меньше всего устраивала перспектива установления фактической власти России на всем Балканском полуострове, за что Николай I считал возможным заплатить Австрии самыми жалкими подачками, находя, что она и так должна быть благодарна за „бескорыстную“ услугу в виде подавления силами русских войск венгерского восстания в 1849 году.

При таких условиях, когда царь Николай, под предлогом оскорбления православных монахов в Иерусалиме и отнятия у них ключей гроба господня, пожелал установить в 1853 году фактический протекторат над Турцией и предъявил ей соответствующие требования в самой ультимативной форме. Турция, „подстрекаемая происками западных держав“, ответила отказом. Тем самым создалась непосредственная угроза войны между Турцией и Россией.

Поскольку Турция отклонила требования русской дипломатии по прямому давлении Англии и Франции, постольку естественно было ожидать, что в случае объявления со стороны России войны Англия и Франция придут на помощь Турции. Такая перспектива заставляла Николая I, в свою очередь, искать союзников, которых он хотел иметь в лице Пруссии и Австрии. В них царь привык видеть послушные орудия русской политики. Царь не учел, однако, силы буржуазного общественного мнения в обеих странах, с которым волей-неволей должны были считаться самые реакционные правительства, не учел и прямых государственных интересов Австрии, толкавших ее на сторону союзных держав (Англии и Франции), а не на сторону России.

В результате, царь жестоко обманулся в своих надеждах... К концу 1853 года, перед ним стала дилемма: или позорное отступление от своих высокомерных требований, или война с Турцией; было совершенно ясно, что Россия должна будет

вести войну в полном одиночестве при враждебном нейтралитете Австрии*).

Какую позицию к этой войне должны были занять Маркс и Энгельс с точки зрения интересов международной пролетарской революции? Надо только представить себе роль царской России в политической жизни Европы того времени, в особенности в течение революции 1848 года, чтобы понять, что они всей душой должны были желать полного военного разгрома России, как самого заклятого врага революции. До тех пор, пока военная сила царизма не была разбита, над победоносной революцией в любой европейской стране все время висела перспектива военного вмешательства царизма. И если лицом к лицу с консервативным английским правительством стоял рабочий класс, за 10 лет перед этим переживший чартистское движение, если бонапартизм во Франции каждую минуту мог быть взорван движением внутри страны, то против царизма при отсутствии даже внешних признаков революционной борьбы в России, не было налицо никакой силы, кроме внешней военной силы, которая бы могла его если не уничтожить, то, во всяком случае, ослабить...

Отсюда—ясна политическая позиция Энгельса с первого же дня войны. Он всей душой—на стороне Турции. Не потому совсем, что Турция ведет оборонительную в стратегическом смысле войну, а Россия—наступательную. Такая точка зрения была бы достойна только героя второго Интернационала. Энгельс же был человеком совсем из другого теста. И не потому, что в политическом отношении Турция казалась ему страной более прогрессивной, чем Россия... Энгельс великолепно знал, что на этот счет они могли между собой с успехом поспорить. Нет, точка зрения Энгельса была точка зрения международной пролетарской революции. Для этой последней Турция не представляла ни малейшей опасности, несмотря на всю реакционность своего политического режима, несмотря на факт угнетения народов Балканского полуострова. Величайшую опасность для международной революции представляла именно

*) Подробности можно найти в прекрасной статье М. Н. Покровского о „Восточной войне“ в сборнике „Дипломатия и войны царской России в XIX в.“, изд. „Красная Новь“.

царская Россия. И ее военный разгром лежал в интересах революции.

Но лежал ли он в интересах Англии и Франции, точнее их тогдашних правительств? Ведь, эти правительства были также враждебны революции. Бонапарт только-что успел подавить революцию в своей стране. Могли ли они итти на полный военный разгром страны, которая являлась главным оплотом „порядка", собственности и религии в Европе? На этот вопрос Энгельс отвечал отрицательно. От буржуазного правительства Англии и от французского бонапартизма Энгельс не ждал таких решительных военных мероприятий, которые вели к окончательному уничтожению русского военного могущества. Энгельс считал, что для такого уничтожения было нужно прежде всего выбросить Россию из Финляндии, владея которой она чувствовала себя полным хозяином Балтийского моря, тем самым поставить под постоянную и прямую угрозу ее военный и политический центр — Петербург; кроме того, нужно было освободить Польшу. Вытесненная из Польши, Россия лишалась своей основной стратегической позиции, делавшей ее господином положения во всей Европе.

Вот почему через все статьи Энгельса о Восточной войне проглядывает некоторая двойственность. С одной стороны, он радуется каждому поражению царизма. С другой стороны, со всем ядовитым сарказмом он критикует медлительность, осторожность и неумелость англо-французских методов войны, с некоторой видимостью злорадства отмечая каждую неудачу союзников. Отсюда—даже известная склонность к недооценке военных успехов союзников. Но хотя Энгельс и недооценивал некоторые из этих успехов, в основном он был прав. Итти последовательно на уничтожение военного могущества России ни Англия, ни в особенности Франция не были способны. В лучшем случае, они могли бы добиться только некоторого ослабления царизма. Так и случилось в действительности. Уничтоживши после одиннадцатимесячной осады Севастопольскую крепость и порт, союзники удовлетворились этим результатом и не пошли дальше. По Парижскому миру Россия лишилась устьев Дуная и прилежащего к ним кусочка Бессарабии, обязалась не держать на Черном море военных кораблей и не укреплять его берегов, отказалась от монополии вмешательства

во внутренние дела Турции под предлогом защиты ее христианских подданных, но осталась одной из сильнейших сухопутных держав европейского материка, и, стало-быть, сильнейшей угрозой для всякого революционного движения на европейском континенте. Правда, несмотря на свои крайне ничтожные результаты, Восточная война имела положительное значение для европейской революции. Она уничтожила ореол военной непобедимости России и ослабила русское влияние на европейские дела, и, кроме того, она дала сильный толчок революционному движению внутри самой России. До сих пор европейской революции приходилось иметь дело только с царской Россией. После Крымской войны постепенно начинает вырастать Россия революционная, и удельный вес ее становится все более и более значительным в общем балансе европейской революции.

Нам остается теперь сказать несколько слов о ходе военных операций и внести некоторые коррективы и дополнения в то изображение, которое дает ему Энгельс.

Для этого нам придется рассмотреть военные действия 1853—56 гг. на трех самостоятельных театрах: дунайском, кавказском и крымском.

Легкомысленно рассчитывая на помощь Австрии и не ожидая, что Турция осмелится начать с Россией войну, Николай I не позаботился отправить в дунайские княжества достаточно сильной армии, способной успешно бороться с теми силами, которые на правом берегу Дуная—в Болгарии, а частью в Добрудже—сосредоточили турки. Русская армия, занявшая после царского манифеста от 14-го июня 1853 года дунайские княжества, по своей численности не превышала 55-ти тысяч человек, растянувшихся по всему Дунаю от Черного моря до австро-сербской границы (см. карту на стр. 55). Эта армия находилась под начальством неспособного и нерешительного князя Горчакова. Не располагая достаточными силами для перехода через Дунай и для решительных операций в сторону Адрианополя и Константинополя, ибо турки имели на своем берегу не менее 130 тысяч человек (правда, также растянутых и разбросанных, как и русские) и целый ряд крепостей, прежде всего знаменитый четырехугольник (Варна, Шумла, Рущук, Силистрия), князь Горчаков ухудшил свое положение еще тем, что значительную часть войск двинул в Малую Вала-

хию к австро-сербской границе. Движение это Энгельс совершенно правильно называет абсолютно неграмотным с военной точки зрения. Располагая превосходными силами, турецкий главнокомандующий, имевший свою главную квартиру в Шумле, мог перейти на левый берег Дуная, разбить стоявшие против него русские части и затем отрезать мало-валахский отряд от пути отступленяя в Россию, окружить его и уничтожить. Не выдерживавшее никакой стратегической критики движение русских в Малую Валахию имело, однако, свои политические причины. Рассчитывали на то, что появление русских войск, хотя бы и небольшой численности, в непосредственном соседстве Сербии, вызовет там восстание. Этот расчет, разумеется, оказался чистейшей авантюрой. Только нерешительность турецкого главнокомандующего Омера-паши и малая подготовленность турецких войск к операциям маневренного свойства помешали туркам использовать грубейшие ошибки и неосторожность русского командования. Правда, ободренный пассивностью русских и имея сведения об их недостаточных силах, турецкий главнокомандующий перешел сам в наступление на левую сторону Дуная. Один из его отрядов занял Калафат (в Малой Валахии, против Виддина), превращенный турками в сильный укрепленный лагерь. Другой отряд под непосредственным руководством самого Омера-паши перешел Дунай против Туртукая и укрепился на левом берегу. Этот отряд подвергся затем неудачному нападению значительных русских сил (так-называемый бой под Ольтеницей, явившийся первым значительным столкновением этой войны). Как обычно бывает в таких случаях, русский штаб в своем донесении пытался представить это нападение „усиленной рекогносцировкой". Полная тактическая неумелость русских операций в бою под Ольтеницей жестоко и заслуженно раскритикована Энгельсом. Совершенно прав Энгельс и в том своем утверждении, что лишь неповоротливость турок дала возможность русскому отряду сравнительно благополучно уйти с поля сражения. Через две недели, без всякого давления с русской стороны, турки ушли обратно на правый берег Дуная.

Более удачны были турецкие операции под Калафатом. Предприняв несколько успешных действий по внутренним операционным линиям (самое значительное из них дело под Четати),

они заставили русских стянуть туда значительные силы и пойти на тесное обложение укрепленного турецкого лагеря. Так или иначе, дунайская кампания 1853 года не доставила никакой славы и трофеев русскому оружию. Наоборот, действия русских военачальников были чрезвычайно неискусны и нерешительны. Благодаря неподготовленности к войне, состоянию путей сообщения и общей неудовлетворительности всей военной организации, русская армия показала себя неспособной одержать решительные успехи даже над турками. Это обстоятельство значительно укрепило уверенность Англии и Франции в своих силах и толкнуло их на решительные шаги. К последнему союзников побудила и активность, обнаруженная русским флотом на Черном море. 18-го ноября (по старому стилю) начальник русской эскадры адмирал Нахимов атаковал турецкий флот на Синопском рейде и после 4-часового боя совершенно его уничтожил (кроме одного парохода, успевшего бежать в Константинополь).

Статья Энгельса о Синопском бое содержит в себе ряд фактических неточностей. Во-первых, Энгельс совершенно неправильно расценивает личный состав русской черноморской эскадры, который, по его словам, был навербован из „сухопутных крыс, а главным образом, из польских евреев“... Как-раз по боевой подготовке личного состава русский черноморский флот стоял далеко выше сухопутной армии. Впоследствии это особенно выпукло обнаружилось при обороне Севастополя. Хорошо обученные и дисциплинированные флотские экипажи, насчитывавшие в своем составе много артиллеристов, стали костяком армии, упорно и настойчиво оборонявшей Севастополь в течение 11-ти месяцев. И тот же флот дал энергичных и храбрых руководителей обороны (адмиралы Нахимов, Корнилов, Истомин).

Вопреки утверждению Энгельса, личный состав турецкого черноморского флота был много ниже, чем у русских.

Затем, по словам Энгельса, русский флот под Синопом состоял из 6-ти линейных кораблей (из которых пять трехпалубных), шести фрегатов (т.-е. легких кораблей с меньшим тоннажем и меньшим количеством орудий), нескольких пароходов и шести или семи судов мелкого калибра. На самом деле, Нахимов имел под Синопом только 6 кораблей и 2 фрегата (по-

следние в бою не участвовали, прикрывая эскадру с тыла). Три парохода под командой адмирала Корнилова подошли к месту боя уже после его окончания. Во время боя русские имели на бортах своих кораблей 716 орудий против 476-ти турецких. Но последние поддерживались с берега еще несколькими батареями крепости. Поставив свои суда одним бортом к противнику, турки могли бы орудия другого борта также перетащить на берег, если бы они ждали нападения. С военной точки зрения Синопский бой был блестящей победой русских моряков, вопреки мнению Энгельса, но политическим его результатом было лишь ускорение вмешательства союзников. Англо-французский флот вошел в Черное море и заставил русские суда укрыться под защиту севастопольских батарей.

О кавказском театре войны, где боевые действия начались несколько раньше, чем на Дунае, взятием турецкими войсками русского форта св. Николая при впадении р. Чолока в Черное море (см. карту на стр. 45), Энгельс имел самые скудные сведения. Европейская пресса была очень мало осведомлена о Кавказе, русские же источники являлись для Энгельса недоступными, ибо в 1853—55 гг. он еще не знал русского языка, который изучил только впоследствии. Поэтому, характеризуя положение на кавказском театре войны, Энгельс также сделал ряд ошибочных заключений. Например, он слишком преувеличил влияние войны с горцами на связь между закавказской русской армией и центральной Россией. К 1853 году русские уже крепко держали в своих руках центральную часть Кавказского хребта: именно Осетию, Ингушетию и Кабарду. Через эту часть хребта уже тогда проходили две дороги, вполне доступные для движения военных транспортов и войск во всякое время года: Военно-Грузинская — между Владикавказом и Тифлисом через Крестовый перевал и Военно-Осетинская — между Алагиром и Кутаисом через Мамисонский перевал (оба перевала свыше 7.000 футов высоты). Упорная война русских с горцами происходила вовсе не на главных путях сообщения Тифлиса с центральной Россией, а в стороне от них по северо-западной части хребта, идущей берегом Черного моря, и на юго-востоке, в Чечне и Дагестане, т.-е. на прикаспийской части хребта. Приводимое Энгельсом сообщение (правда, на основании слухов), что при своем отступлении из черноморских

укреплений русские подверглись нападению черкесов в Дарьяльском ущелье (т.-е. по Военно-Грузинской дороге), результатом чего явился перерыв связи между Тифлисом и центром России, не отвечало действительности. В нем верно было только то, что русские после вступления в Черное море союзного флота и начала враждебных действий с его стороны очистили свои черноморские укрепления, находившиеся в стране, населенной непокоренными черкесскими племенами. Эти племена (шапсуги, убыхи и др.) жили на территории нынешних Сочинского и Туапсинского округов, а после кавказской войны выселились в Турцию. Стянутым из прибрежных черноморских укреплений гарнизонам вовсе не было надобности проходить через Дарьяльское ущелье. Они были взяты русскими военными судами и свезены в ближайшие порты. Что касается до Дарьяльского ущелья, т.-е. Военно-Грузинской дороги, то связь по ней между Тифлисом и Владикавказом за все время войны не была прервана. Главным центром борьбы горцев с русскими являлся Дагестан и Чечня, т.-е район, наиболее удаленный от театра военных действий. Оказать помощь Шамилю, который руководил чеченскими и дагестанскими горцами, со стороны турок поэтому было гораздо труднее, чем предполагал Энгельс. Они могли только снабжать оружием черноморских черкесов. Но это не имело значения, поскольку сами русские очистили черкесское побережье. Театр военных действий оставался в стороне. Приходится удивляться, однако, не тем ошибкам, которые делал Энгельс в своей оценке военных операций и сил враждующих сторон на отдаленном и совершенно неизвестном Европе Кавказе. Приходится удивляться тем столь же верным, как и метким выводам и суждениям, которые он высказывал на основании крайне ограниченного материала. Блестящее описание кавказского театра войны сохраняет значение и до настоящего времени, тем более, что наша нынешняя граница с Турцией почти совпадает с границей 1853 года (разница в том, что кусочек Аджарии с Батумом, тогда принадлежавший туркам, ныне входит в пределы СССР, а Сурмалинский район, расположенный к югу от реки Аракса против впадения в него Арпачая, принадлежавший тогда России, по Карскому договору 1921 года отдан туркам). Чрезвычайно правильно отмечено Энгельсом

большое стратегическое значение Батума. Равным образом не ошибался Энгельс в своей оценке численности русских войск на турецко-кавказской границе. Огромную линию от форта св. Николая до Эривани, проходящую по местности, населенной враждебными племенам, русским пришлось защищать с совершенно ничтожными силами, вдобавок разделенными на четыре отряда: эриванский, александропольский, ахалцыхский и гурийский. Перед турецкой армией Абди-паши действительно открывались широкие перспективы. Но турецкие войска, собранные здесь, в качественном отношении были много ниже дунайских. А русские имели на Кавказе свои лучшие войска, закаленные в непрерывных боях с горцами, и лучших офицеров. Поэтому попытки турок перейти в наступление в начале войны кончились неудачей. Результатом одной из таких попыток было Ахалцыхское сражение, разобранное Энгельсом в одной статье с Синопским боем. Как правильно замечает Энгельс, сражение это не имело больших последствий, закончившись простым отступлением турок. Для их преследования и уничтожения русские не обладали достаточными силами. Зато через короткое время другому отряду русских (александропольскому) удалось разбить главную турецкую армию под Баш-Кадык-Ларом... Хотя и здесь русские не располагали силами для решительного преследования турок и занятия их операционных баз Карса и Эрзерума и должны были вернуться в Александрополь, тем не менее, опасность турецкого нападения была предотвращена. Туркам понадобилось целых полгода на то, чтобы привести в порядок свои расстроенные силы.

С мая месяца следующего 1854 года, после прибытия подкреплений как к туркам, так и к русским, боевые действия возобновились. Но опять на всех пунктах турки были разбиты. Их западный отряд, наступавший на Гурию, потерпел поражение на р. Чолоке, а Баязетский отряд, оперировавший против Эривани на стыке русской и персидской границ, после неудачного для себя боя на Чонгильских высотах, очистил Баязет и отступил к югу. Главная же турецкая армия была разбита под Кюрюк-Дара 24-го июля и укрылась за грозными укреплениями Карса. Однако, все эти победы не имели больших последствий, поскольку силы русскмх оставались крайне ограниченными.

Чтобы не возвращаться больше к кавказскому театру войны,

скажем несколько слов о ходе дальнейших операций до конца войны.

Весной 1855 года русские приобрели некоторый перевес в силах, позволивший им перейти в наступление. Лучшая турецкая армия Омера-паши, дравшаяся раньше на Дунае, теперь была привлечена к участию в осаде Севастополя, а поэтому находилась в Крыму. К концу лета русские войска заперли в Карсе главные силы анатолийской турецкой армии. Однако, у них не было достаточных средств осады, а попытка штурмовать неприступные карские укрепления, защищавшиеся храбрым гарнизоном под руководством иностранных офицеров, была отбита с огромным уроном для нападавших. Однако, русский главнокомандующий Муравьев продолжал осаду крепости до тех пор, пока карский гарнизон, съевши все припасы, сдался на капитуляцию. Перед этим была предпринята в высшей степени неудачная попытка спасти крепость. Освободившаяся после взятия Севастополя армия Омера-паши высадилась в Сухуме, чтобы оттуда, несмотря на неблагоприятное время года, предпринять наступление на Кутаис и Тифлис в глубокий тыл русским. Но задержанная наступившей осенней распутицей, которая превращает Мингрелию и Гурию в сплошное болото, и сопротивлением русских, армия Омера застряла по дороге и, узнав о сдаче Карса, была вынуждена вернуться обратно.

Кавказский театр войны был единственным, где боевые действия в Восточную войну кончились успехом русской армии. Основная причина этого заключалась в том, что союзники не придавали этому театру большого значения, предоставив его исключительно силам турецкой армии, турки же имели здесь второстепенные войска. Горные хребты, отделявшие главный район боевых действий от моря, мешали подвозу припасов, колесные же дороги в Азиатской Турции находились и продолжают находиться до сих пор в самом жалком состоянии. Напротив, как мы уже отмечали, Россия имела на этом театре с самого начала и до конца свои лучшие войска.

На Дунае кампания 1854 года после прибытия подкреплений к русским началась переходом их через Дунай в нескольких пунктах. Однако, наступление русских носило крайне нерешительный характер, в Константинополе и Варне уже начали концентрироваться англо-французские войска, а в тылу у рус-

ской дунайской армии находились австрийцы, с которыми отношения обострялись все более и более. В конце-концов, по категорическому требованию Австрии, русские не только очистили занятые ими пункты на правом берегу Дуная, но и ушли совсем из дунайских княжеств. Этому предшествовала бесславная и бездарная осада турецкой крепости Силистрии главными силами русской армии, великолепно описанная Энгельсом. После бесплодного стояния под сравнительно слабыми укреплениями крепости и нескольких крайне неудачных и беспорядочных попыток овладеть некоторыми из них, русские сняли осаду. Этим закончилась война на дунайском театре и дальнейшие боевые действия продолжались уже в Крыму...

В начале сентября 1854 года после длительных приготовлений союзники в количестве 60-ти тысяч человек под охраной многочисленного флота, далеко превосходившего как в количественном, так и в качественном отношении русский черноморский флот *), высадились в Евпатории. Их ближайшей целью являлось взятие Севастополя—главного военного порта и морской крепости русских на Черном море. Несмотря на то, что нападение союзников именно на Севастополь можно было легко предвидеть, главнокомандующий русской крымской армией Меньшиков не принял самых необходимых мер обороны. Высадившись в Евпатории, союзники нашли там громадные запасы муки, обеспечившие их продовольствием на целых четыре месяца. Стоявшая вблизи Евпатории на реке Альме армия Меньшикова пальцем не пошевельнула, чтобы оказать хоть малейшее противодействие высадке, производившейся союзниками в очень трудных условиях. Союзники могли совершенно спокойно закончить высадку и приготовиться к атаке русской армии. В последовавшем сражении на Альме (8-го сентября по старому стилю) русские были разбиты и вынуждены спешно отступить на Севастополь. Специальная статья Энгельса об альминском сражении, к сожалению не могла быть включена в наш сборник. Единственным оправданием для русского командования,

---

*) Большинство союзных военных судов составляли винтовые пароходы, в то время как главные морские силы русских состояли из парусных кораблей.

наделавшего ряд грубейших ошибок в этом сражении было то обстоятельство, что союзники по своей численности вдвое превосходили русских. Кроме того, их пехота была вооружена нарезными штуцерными ружьями, в то время как у русских были старые кремневки *).

Так или иначе, но Севастополь после альминского сражения был совершенно беззащитен. Располагая береговыми батареями, способными бороться с неприятельским флотом **), он не имел никаких укреплений, прикрывавших город с суши.

Если бы союзники сразу после своей победы на Альме двинулись на город, то при той панике, которая господствовала в разбитой русской армии, им было бы совсем нетрудно его занять. К счастью для русских, английские и французские генералы, попавши в незнакомую страну, о которой их военная разведка не собрала достаточных сведений, совершенно растерялись и не знали, что предпринимать. После нескольких дней бесплодной потери времени они, наконец, решили совершить свой знаменитый фланговый марш мимо беззащитного Севастополя, чтобы подойти к нему с противоположного конца, т.-е. с юга. Этот „фланговый“ марш вполне заслуженно высмеян Энгельсом. Совершаясь с крайней медлительностью и с массой предосторожностей, он привел союзников к Севастополю только после того, как энергичными мероприятиями крепостной администрации и флота город был обнесен целым рядом серьезных укреплений, вооруженных снятыми с кораблей тяжелыми морскими орудиями.

Справедливость требует отметить, что по части смелости и распорядительности командующий русской полевой армией князь Меньшиков нисколько не уступал своим французским и английскам коллегам. Не будучи в состоянии придти в себя от поражения на Альме, он после короткого отдыха, данного

---

*) Правительство Николая имело уже до 700 тысяч новых ружей, но по халатности военной администрации эти ружья лежали на складах, а войска пошли на войну со старыми ружьями.

**) Атака береговых батарей с моря и в то время была чрезвычайно трудным предприятием; с тех пор, благодаря введению минных заграждений она стала еще трудней; это особенно наглядно доказывается неудачной попыткой англо - французского флота форсировать Дарданеллы в 1915 году.

войскам в Севастополе, покинул город на произвол судьбы и отступил к Бахчисараю, боясь быть отрезанным от России.

Быстрым приведением своим в боевую готовность Севастополь был обязан исключительно гарнизону, главным образом, морякам и их командирам, решившим отстаивать город до последней крайности...

Союзники оказались вынуждены теперь приступить к сооружению траншей и батарей вокруг крепости. Но у них нехватило сил блокировать ее со всех сторон. Через северную сторону (см. карту на стр. 120) гарнизон сносился с русской полевой армией, стоявшей лагерем на высотах по Черной речке в нескольких верстах от города, постоянно получая оттуда подкрепления и припасы.

18-го октября началось первое бомбардирование Севастополя с моря и суши. Одно из главных его укреплений, 3-й бастион, было совершенно разрушено огнем английской артиллерии (в статьях Энгельса это укрепление называется „Большим Реданом"). Но в других пунктах крепостные батареи оказались сильнее осадных. Поэтому подвергать крепость немедленному штурму союзники не решились.

Между тем русская армия Меньшикова, получив значительные подкрепления, решила перейти к активным действиям и ударить в тыл союзникам, чтобы заставить их снять осаду города. После небольшого дела под Балаклавой, последовал штурмом позиций английской армии (Инкерманское сражение). Общий план наступления русских был составлен великолепно и обещал все шансы на успех. Атаковать предполагалось английские войска, качественно худшие, чем французские, для атаки были сконцентрированы силы, больше чем вдвое превышавшие численность обороняющегося, помимо этих сил у русского главнокомандущего оставалось еще достаточно войск, чтобы путем энергичной демонстрации связать французов и не дать им оказать помощь англичанам. Однако, командный состав и войска проявили себя совершенно не на высоте положения, и сражение кончилось тяжелым поражением русских, понесших громадные потери.

Командиры частей получили самые спутанные и нелепые приказания, помешавшие им современно и организованно начать атаку. Войска проявили полную неумелость наступать

в рассыпном строю. Их пришлось вести в атаку глубокими сомкнутыми колоннами, в которых солдаты валились сотнями под смертоносным огнем английских штуцеров. И, наконец, демонстрация против французов велась так вяло и неискусно, что, когда положение англичан, благодаря массе введенных в бой русских батальонов, стало действительно критическим, французский генерал Боске пришел к ним на помощь и отразил русских *). Заставить союзников снять осаду города русским не удалось. Осада продолжалась... Она естественно приняла формы борьбы на истощение.

В статьях Энгельса весьма красноречиво изображаются те лишения, которым союзные армии подвергались в Крыму. При громадности расстояния Крыма от Англии и Франции подвоз боевых и съестных припасов, медикаментов и т. д. был крайне затруднен.

Русская армия, казалось, находилась в лучшем положении. Она сражалась у себя дома, при обеспеченном тыле. Как мы уже указывали, армия имела полную возможность снабжать осажденный город всем необходимым. Отсюда следовало, что, поскольку русским удалось привести крепость в оборонительное состояние и заставить союзников прибегнуть к правильной осаде, шансы их должны были постепенно расти, а шансы союзников падать.

Иногда такие предположения проскальзывали в статьях Энгельса. Кое-где он высказывал сомнения в возможности довести осаду до успешного конца...

Энгельс не учитывал в достаточной мере экономической отсталости царской России и полной негодности ее военной машины к обслуживанию потребностей современной войны.

Как ни плохо было положение союзников под Севастополем, положение русских было еще хуже. В союзной армии свирепствовали холера и тиф, но и русская армяя страдала от тех же болезней. Уход за больными и раненными и вся медицинская организация в русской армии стояла ниже всякой критики. Нехватало самых необходимых медикаментов. Войска не были снабжены в достаточной степени теплой одеждой. Около продовольственного снабжения армии творились невообразимые

*) См. Богданович. „Восточная война 1853—56 гг." Т. III, изд. 1877 г.

хищения. Подвоз подкреплений, за отсутствием железных дорог, производился на лошадях из центральной России, от которой Севастополь отстоит на многие сотни верст. Особенно трудно было вести по таким дорогам артиллерию и снаряды. Вот почему постепенно перевес в людях и технических средствах переходил на сторону осаждающего, и, как бы долго ни тянулась агония крепости, ее окончательная судьба была предрешена.

Экономически отсталая страна, какой являлась царская Россия, не была в состоянии в снабжении боевыми средствами отдаленного театра военных действий угнаться за самыми богатыми, экономически развитыми странами буржуазной Европы.

Сначала главная атака союзников велась против русского 4-го бастиона, примыкающего к краю Южной бухты и связывающего укрепления Городской и Корабельной сторон (Энгельс назывет его „фланговым бастионом"). Но затем они отказались от мысли направить главный удар на этот бастион. Такому решению в значительной мере способствовала успешная минная война, которую русские вели здесь под руководством генерала Тотлебена. С начала 1855 года после прибытия в главную французскую квартиру генерала Ниля, взявшего на себя руководство осадными работами, союзники ставят свои главные батареи против Малахова кургана, командующего над всеми укреплениями Корабельной стороны и над городом. Энгельс неправильно называет Малахов курган вторым бастионом. На самом деле он не носил такого имени. 2-й бастион находился левее Малахова кургана, ближе к Северной бухте, и назывался французами „Малым Реданом" в отличие от „Большого Редана", или 3-го бастиона, против которого вели все время атаку англичане. Первым же бастионом русские называли укрепление, помещавшееся у самой Северной бухты. Направление главной атаки французов на Малахов курган заставило русских занять и укрепить ряд возвышенностей впереди укреплений корабельной стороны. Две из этих возвышенностей, расположенные недалеко от Северной бухты, давали возможность обстреливать во фланг подступы ко второму бастиону (Малому Редану) и Малахову кургану. Там русские построили так-называемые Волынский и Селенгинский редуты, названные по именам полков их занимавших. Энгельс вполне правильно

оценил значение этих оборонительных мероприятий русских, посвятив им особую статью. Еще более важное значение имела постройка русскими впереди Малахова, правее Волынского и Селенгинского редутов так-называемого Камчатского люнета на холме, господствовавшем над самым Малаховым курганом (французы и вслед за ними Энгельс называли его „Mamelon vert“, т.-е. „зеленый холм“).

До весны 1853 года союзники не решались прибегнуть к открытому штурму Севастополя, ограничиваясь разрушением его укреплений и минной войной. Но разрушенные земляные укрепления легко восстановлялись защитниками, пока в крепости хватало рабочей и вообще человеческой силы. Однако, недостаток артиллерийских снарядов у защитников, постепенное приближение окопов осаждающих к бастионам и обстрел их смертоносных штуцерным огнем делал положение крепости все более и более тяжелым. Дождь снарядов и пуль, день и ночь сыпавшихся на укрепления, выводил из строя такую массу людей, пополнять которую при тогдашних путях сообщения было все трудней и трудней. В то же время, поскольку траншеи союзников приближались к укреплениям, можно было каждую минуту ждать штурма, в ожидании его надо было держать на бастионах пехоту, подвергая ее буквальному расстрелу, или же, отводя пехоту назад, делать укрепления беззащитными против штурма...

7-го июня французский главнокомандующий Пелисье двинул четыре дивизии под начальством лучшего из своих генералов Боске на штурм передовых укреплений Корабельной стороны, вынесенных русскими перед Малаховым курганом и вторым бастионом т.-е. Волынского и Селенгинского редутов и Камчатского люнета. Крайняя слабость гарнизона редутов, состоящего всего из 5-ти батальонов, помогла французам после продолжительной канонады сравнительно легко овладеть ими и отбить контр-атаки русских, когда те успели подвести свои резервы. Этот день был днем начала конца Севастопольской крепости. Ярко обнаружилось численное превосходство союзников и такая губительная сила их огня, которая не давала возможности держать на укреплениях большие силы и, таким образом, делала их легко доступными решительному штурму.

Ободренный удачей 7-го июня, французский главнокомандую-

щий решил предпринять общий штурм укреплений Корабельной стороны, т.-е. 1-го и 2-го бастионов и Малахова кургана с промежуточными укреплениями, из которых особенно большое значение имела „куртина“ между Малаховым курганом и 2-м бастионом. Одновременно англичане должны были штурмовать 3-й бастион, находившийся справа от Малахова.

К этому времени численность союзных войск под Севастополем уже достигала 170 тысяч, она приблизительно в полтора раза превышала численность севастопольского гарнизона и стоящей рядом с Севастополем русской армии. На каждое осадное орудие союзники имели от 400 до 500 снарядов для дневного расхода. У русских их было уже не более 150. Недостаток в порохе и снарядах с каждым днем чувствовался гарнизоном все сильней и сильней. Накануне штурма союзники подвергли укрепления страшной бомбадировке, продолжавшейся около суток и причинившей большие повреждения, как укреплениям, так и городу. Слабый ответный огонь русских батарей был истолкован осаждавшими, как доказательство их полного разрушения. Между тем, главной причиной молчания русских батарей являлся недостаток пороха.

Приготовления к штурму велись союзниками настольно неосторожно, что русские заблаговременно об нем знали, и в ночь на 18-е июня все укрепления Корабельной стороны были заняты сильными частями пехоты. Союзниками не было предпринято предварительной артиллерийской подготовки перед самым штурмом, и русские успели за ночь починить значительную часть повреждений, нанесенных укреплениям днем. К довершению всего некоторые французские части начали штурм до общего сигнала.

Когда штурмовые колонны вышли из своих траншей, находившихся в 200 - 300 саженях от русских укреплений, страшный ружейный и картечный огонь, открытый защитниками, совершенно расстроил их ряды. Только в одном месте между Малаховым курганом и 3-м бастионом французам удалось прорваться через оборонительную линию и проникнуть в город, но и оттуда они были выбиты подоспевшими русскими резервами.

Штурм оказался отбитым на всех пунктах с огромными потерями для нападающих. Но энергия их этим не была ослаблена.

Обстрел русских укреплений продолжался с неослабевающей силой, кольцо траншей все сильней и сильней сжималось вокруг крепости.

Русские стали подготовлять ее эвакуацию и начали строить мост через Большую Бухту для перевода войск с Южной стороны на Северную. 16-го августа со стороны русской армии была предпринята последняя попытка помочь Севастополю извне путем атаки союзных позиций на Черной речке. Если за 9 месяцев до того, начиная инкерманское наступление, русские имели все шансы на успех, то теперь их атака была совершенно безнадежной. Безалаберная организация нападения на этот раз являлась причиной не его поражения (предрешенного заранее), а только огромных кровавых потерь, понесенных наступавшими войсками.

8-го сентября союзниками был предпринят последний штурм Севастополя. На этот раз они великолепно учли весь опыт предыдущего неудачного штурма. Укрепления были подвергнуты трехдневному страшному обстрелу, превосходившему по силе все предыдущие, и к концу бомбардировки подверглись полному разрушению. Из строя за три дня бомбардировки у русских выбыло 7.500 человек. Ожидая штурма, русские несколько раз усиливали гарнизон укреплений, таявший под страшным огнем и были вынуждены уводить оттуда остатки своих подкреплений, не дождавшись штурма. Имея это в виду, союзники приняли все меры, чтобы сделать штурм внезапным и напасть на бастионы врасплох при минимальном количестве защитников. Это им блестяще удалось. Русские ждали штурма 7-го сентября, в день Бородинской годовщины (предыдущий штурм происходил в день битвы при Ватерлоо), приняли все необходимые меры, но поплатились только лишними потерями.

Траншеи союзников теперь находились только в 40—50 шагах от русских бастионов и потому приготовления к штурму не могли укрыться от обороняющегося. Но когда русские с утра 8-го сентября опять увеличили гарнизон укреплений, а бомбардировка продолжалась без перерыва, и повидимому, штурма в этот день не предполагалось, они к полудню отвели пехоту из укреплений назад, чтобы не подвергать ее напрасному расстрелу.

Между тем как-раз в 12 часов дня все союзные орудия замол-

чали, и начался штурм. На Малаховом кургане, на который бросилась вся дивизия Мак-Магона, находилось всего несколько сот защитников, не считая артиллерийской прислуги. Даже ближайший резерв не успел подоспеть, когда курган—главный ключ русских позиций на Корабельной стороне—был уже прочно занят французами. Так же легко французы овладели соседним вторым бастионом, но подоспевшие русские подкрепления после ожесточенного кровавого боя выбили их из бастиона. Неудачей кончился штурм и на всех прочих пунктах оборонительной линии, где он начался уже после падения Малахова для того в значительной степени, чтобы отвлечь русские резервы от этого главного пункта. На другой день союзники готовились продолжать штурм, но русские ночью очистили город, перейдя через бухту по мосту на Северную сторону. Предварительно они взорвали и сожгли свои запасы и склады. Той же участи подверглись портовые сооружения и остатки черноморского флота. За взятием Севастополя последовал фактический перерыв военных действий в Крыму. Обе армии расположились в своих лагерях по соседству и продолжали в них находиться до заключения мира. Союзники удовольствовались разрушением базы черноморского флота и самого флота. Наступление вглубь России из Крыма было для них совершенно ненужным предприятием. Вести с царской Россией войну не на жизнь, а на смерть ни Англия, ни Франция серьезно не думали.

Крымский фронт был главным фронтом Восточной войны. На других фронтах попытки союзников, направленные против русских крепостей и оборонительных пунктов, не носили серьезного характера. Еще летом 1854 года союзники уничтожили русские укрепления на Аландских островах между внутренней частью Балтийского моря и Ботническим заливом. Летом 1855 года они бомбардировали одну из сильнейших русских крепостей на Балтийском море—Свеаборг, но, разрушив город, причинили очень мало вреда укреплениям. Осенью 1855 года союзники также с моря взяли русское укрепление Кинбурн (против Очакова у входа в Днепровско-Бугский лиман). Нигде союзники не производили попыток к высадкам больших отрядов.

Севастополь был могилой военного могущества царской России, как первой в мире сухопутной державы. После взятия

Севастополя она уступает это место Франции, которая в результате войны 1870—71 гг., в свою очередь, уступает его Германии...

Колоссальные потери людьми, испытанные Россией в севастопольскую кампанию, имели в своем основании следующие причины: 1) недостатки вооружения войск и снабжения их огнеприпасами, 2) слабые качества офицерского и в особенности генеральского состава, далеко уступавшего союзным армиям, 3) неудовлетворительную организацию медицинской помощи и всего санитарного дела, 4) состояние транспорта.

Это были те же самые причины, благодаря которым царская Россия была разбита в мировой войне, от которых мы страдали в последнюю гражданскую войну, и над устранением которых Красная армия работает по настоящее время. Нужно иметь в виду, что Красная армия унаследовала аппарат царской армии и кое в чем очень мало его изменила. По части организации снабжения и медицинской помощи, например, у царской армии были очень прочные традиции, которые жили еще десятилетия после падения Севастополя.

Недочеты союзных армий, так красноречиво описываемые Энгельсом в его статьях, не помешали, однако, союзникам в конце-концов взять Севастополь, потому что недочеты русской армии оказались еще сильней.

Семьдесят лет, прошедших со времени севастопольской кампании, не лишили ее до сих пор некоторого интереса современности.

Роль, которую в Восточную войну играли штуцера и винтовые пароходы, теперь перешла к аэропланам, танкам и средствам химической войны. Вопрос о командном составе продолжает сохранять свою актуальность. Бюрократические извращения нашего снабженческого аппарата еще недавно заставляли о себе очень много говорить. Роль же путей сообщения и транспорта на наших глазах наглядно показала мировая война и подтвердила гражданская...

Оборона Севастополя показала, несмотря на могущество артиллерийской техники, какую огромную силу могут представлять большие укрепленные лагери, даже если они обнесены наскоро насыпанными земляными укреплениями, но при условии активного характера оборонительных операций. На этот

опыт Севастополя Энгельс неоднократно ссылается в своих последующих военных статьях, в особенности при анализе кампании 1870—71 гг., в которой немцам пришлось иметь дело с целым рядом французских укрепленных лагерей типа Севастополя (в частности Париж и Мец), правда, при несравненно более высоком качестве укреплений, подготовлявшихся целыми десятилетиями. Однако, в силу целого ряда обстоятельств французские крепости, хотя и заблаговременно подготовленные, не оказали такого упорного сопротивления, какое оказал Севастополь. Но это зависело не от систем крепостей, а от их защитников. Что „система" Севастополя была правильно оценена Энгельсом,—показывает пример Плевны в русско-турецкую войну 1877—78 гг. Этот маленький болгарский городок совершенно не укрепленный, занятый турецким корпусом Османа-паши, был превращен им в такую твердыню, которая отбила три кровопролитнейших штурма, на четыре месяца приковала к себе главные силы русской армий и была вынуждена к сдаче только голодом...

IV.

Статьи Энгельса „По и Рейн", „Савойя, Ницца и Рейн" были вынуты из-под спуда Эдуардом Берштейном в самый разгар мировой войны с определенной политической целью.

Незадолго перед этим совершившим свое политическое грехопадение 4-го августа вождям германской социал-демократии очень важно было „замазать" свою измену в глазах рабочих масс ссылкой на авторитет Энгельса...

Эту измену вожди германской социал-демократии пытались оправдать интересами германского народа. На протяжении обеих брошюр Энгельс, со своей стороны, многократно ссылается на германские национальные интересы, на единство Германии. Этим интересам в 1859—1860 гг. и позже грозили французский империализм и русский царизм. Так утверждал Энгельс. И, основываясь на его утверждении, германские социал-демократы приглашали свой рабочий класс в 1914—18 гг. поддерживать войну против России и Франции.

Для оправдания своей политики германская социал-демократия в 1915 году опубликовала брошюру Фридриха Энгельса.

Она хотела из великого революционера сделать пророка идей военного социализма, национального единения, немецкого патриота à la Шейдеман, Носке...

Нынешнему читателю должна быть объяснена позиция Энгельса 60 слишком лет тому назад, и вместе с тем должна быть разоблачена та грубая подделка, которую позволила себе германская социал-демократия наших дней, пытавшаяся превратить Энгельса в прислужника немецкого империализма. На самом деле в статьях Энгельса: „По и Рейн", „Савойя, Ницца и Рейн" есть, несомненно, апелляция к национальным интересам широких масс немецкого населения с целью использовать эти национальные интересы для дела революции... Период 1848 — 1871 гг. во всей Средней Европе был периодом великих национальных движений. Германия и Италия являлись главной ареной этих движений. Стремление к единству Германии диктовалось глубокими потребностями экономического развития и охватывало широкие народные массы. Но на пути к этому единству стояли пережитки феодализма, воплощаемые прежде всего в нескольких десятках полуабсолютистских монархий. Интересы феодальной реакции и династического партикуляризма направлялись в сторону сохранения политической раздробленности Германии... Но они одновременно встречали могучую поддержку в лице царской России и бонапартистской Франции, которые всеми силами старались поддержать политическую раздробленность и связанное с ней полное внутреннее и внешнее бессилие Германии (так точно, как это делает современная Франция Пуанкаре, против которой мы и сейчас на каждом шагу апеллируем к национальным интересам Германии). Маркс и Энгельс исходили из того твердого убеждения, что пролетарская революция в Германии может восторжествовать только на базисе осуществленного национального единства. Пролетарскую коммунистическую революцию они мыслили себе, как непосредственное продолжение буржуазно-демократической... А последнюю они связывали неразрывно с освобождением Германии от ига внутренней и внешней реакции, главным источником которой являлась царская Россия... Борьба за национальное единство Германии против пережитков феодализма, с одной стороны, против русского царизма и французского бонапартизма—с другой, была для них одним

из основных элементов революции. И поэтому национальный инстинкт широких масс германского народа представлялся Марксу и Энгельсу могучим союзником рабочего класса.

В статьях „По и Рейн“, „Савойя, Ницца и Рейн“ Энгельс (анонимно) обращался к этому самому национальному инстинкту. Он ставил себе целью совершить определенную психологическую подготовку сознания широких масс немецкого народа к неизбежно, по его мнению, предстоявшей войне революционно-демократической Германии против царской России и бонапартистской Франции.

На точке зрения этой революционно-демократической Германии, находящейся на грани перехода к социализму, стоит Энгельс в своих статьях, когда он говорит о перспективах войны против России и Франции и разбирает стратегическую обстановку такой войны, а не на точке зрения феодально-юнкерской Германии, на которую стали германские социал-демократы в 1914 году.

Что Энгельс не был немецким патриотом и националистом в эберто-шейдемановском смысле этого слова лучше всего показывает его статья, помещенная в настоящем сборнике „Возможности и предпосылки войны Священного союза против Франции“. В этой статье, написанной в момент, когда политическая ситуация во Франции казалась ему революционной, Энгельс, как мы уже видим, рассматривает обстановку, в которой революционной Франции придется вести борьбу против союза феодально-монархических держав—России, Пруссии и Австрии. Само собой разумеется, что все симпатии Энгельса на стороне революционной Франции. Всюду и везде он стоял на точке зрения пролетарской революции, и с этим критерием он подходил к каждой войне. Энгельс так же не был в 1859—60 гг. немецким патриотом в буржуазном смысле, как не был он французским патриотом в 1851 г., как не был он и турецким патриотом в 1853 году.

С 1851 года до 1859 обстановка радикально изменилась. Во Франции на долгие годы утвердился бонапартизм; зато Германия оказалась охваченной новой волной революционного движения, шедшей под знаком национального единства. Кто осуществит это национальное единство? Феодально-монархическое прусское юнкерство в союзе с крупной буржуазией или рабо-

чий класс в союзе с крестьянством и широкими слоями мелкой буржуазии? Революция сверху или революция снизу? Так стал вопрос перед Германией в конце 50-х годов. В течение следующего десятилетия жизнь разрешила этот вопрос в пользу революции сверху. Но Маркс вместе с Энгельсом ставили свою ставку на торжество революции снизу. Великую миссию революционной Германии они видели в разгроме русского царизма и французского бонапартизма. Эта руководящая идея лежала в основе статей Энгельса „По и Рейн", „Савойя, Ницца и Рейн"...

Национальные стремления того времени Энгельс вслед за Марксом подчинял освободительному движению пролетариата. Разумеется, он был всегда далек от того, чтобы недооценивать значение национального вопроса, как в обстановке развивающегося капитализма, так и на грани его перехода в социализм. В статье „По и Рейн" Энгельс рекомендует Германии не допускать разгрома Австрии Наполеоном III Бонапартом. И в то же время он доказывает вредность австрийского владычества в северной Италии с точки зрения национальных интересов Германии, ибо это владычество давало возможность Наполеону III выступать в роли освободителя и объединителя Италии, создавало основу для союза Италии с бонапартовской Францией против революционной Германии. Энгельс рекомендует Германии, т.-е. широким массам немецкого народа, ибо Германии, как государственного целого в то время еще не существовало, поддержать национальное движение в Италии и этим вырвать из рук Бонапарта его главный козырь... Само собой разумеется, широкие массы немецкого народа могли последовать совету Энгельса, только объединившись в одно государственное целое и опрокинувши десятки тронов крупных и мелких пауков, высасывавших все жизненные соки Германии. Крупные и мелкие князья с королем прусским этим петербургским вассалом во главе, не были способны к борьбе с Бонапартом—союзником русского царя. Таково было глубокое убеждение Энгельса в 1859 году.

Борьбу с русским царизмом и французским бонапартизмом в 1859—1860 гг. Энгельс органически связывал с борьбой против прусского юнкерства и монархии.

Для германских социал-демократов в 1914 году, наоборот,

борьба с русским царизмом и буржуазной Францией мыслилась только в теснейшем союзе с прусским юнкерством и крупной буржуазией.

Есть еще и другое существенное отличие. Энгельс в 1859—60 гг. имел в виду национальную войну, могущую стать в то время мощным рычагом как экономического, так и политического прогресса и неразрывно связанной с ними победоносной пролетарской революции... В 1914 году германская социал-демократия повела народные массы на поддержку империалистической войны, не имевшей ничего общего ни с каким прогрессом, не открывавшей никаких перспектив, кроме истребления миллионов людей и уничтожения самых основ их существования. И в настоящее время коммунисты могут поддерживать национальные войны, в частности освободительные войны угнетенных народов Востока против порабощающих их империалистических государств. Но коммунисты ни в коем случае не станут поддерживать империалистической войны, направленной к порабощению чужих народов и государств, какой была война 1914—18 гг. для обоих участвовавших в ней коалиций, в том числе для австро-германской.

Мы хотели бы теперь сказать несколько слов о статьях Энгельса „По и Рейн", „Савойя, Ницца и Рейн" с чисто-военной точки зрения. Как и все другие военные статьи Энгельса, они обнаруживают у автора огромную, прямо-таки подавляющую эрудицию в области военной истории и топографии и прекрасное знакомство с тогдашними условиями ведения войны. На-ряду с этим они показывают ясное предвидение Энгельсом обстановки, места и характера тех грандиозных военных столкновений, от которых его отделяли многие десятилетия впереди...

Начнем с анализа северо-итальянского театра военных действий (см. карту на стр. 227), который дает Энгельс. Подробно рассматривая конфигурацию рек и горных проходов через Тирольские Альпы, Энгельс устанавливает, какими колоссальными преимуществами будет обладать армия, наступающая со стороны Тироля в обход позиции по реке Изонцо на северную Италию, и, наоборот, с какими стратегическими трудностями связано наступление итальянской армии через Изонцо на Вену. Опыт мировой войны целиком и полностью подтвердил все рассуждения Энгельса. Небольшим силам австрийской армии в

течение 2—2½ лет удавалось сдерживать всю массу итальянских войск, несмотря на то, что на этом фронте Австрия имела свои худшие войска (лучшие бились на русском театре). А осенью 1917 года достаточно было появиться на Изонцо паре германских дивизий, чтобы австрийская армия нанесла противнику тяжелый удар. Этот удар не стал уничтожающим и не повел к полному крушению Италии только потому, что австрийцы не сумели использовать всех выгод своего охватывающего стратегического положения. Вместо большого охвата со стороны Тироля, который в случае успеха неизбежно повлек бы за собой полное уничтожение итальянской армии, австрийцы (при германской помощи) произвели малый охват— с прорывом на линии среднего Изонцо. Некоторые тактические ошибки, допущенные при прорыве, в частности неправильное распределение сил, имели своим результатом то, что только часть береговой итальянской армии (около 60-ти тысяч) была отрезана и сдалась в плен, а остальная масса успела отступить к Венеции и укрылась за позицией по реке Пиаве... Австрийцы одержали тактический успех, занявши довольно значительную территорию, но вместе с тем они потеряли стратегическое преимущество охватывающего положения. Итальянский фронт сократился, приобретая при этом ту плотность и упругость, которая у него раньше отсутствовала. Австрийцы не сумели развить успеха, не имея для этого достаточно сил. Но они принудили к пассивности итальянскую армию на все время дальнейшей кампании. Из этой пассивности итальянская армия вышла только после внутреннего крушения Австрии в конце 1918 года.

Опыт мировой войны на северо-итальянском театре военных действий блестяще подтвердил анализ этого театра войны, данный Энгельсом за 55 лет до ее начала.

Но еще более блестяще тот же опыт подтвердил все соображения Энгельса относительно перспектив германского наступления на Францию (см. карту на стр. 235). Энгельс утверждал в 1859 году, что это наступление пойдет через Бельгию, ибо „трудно представить себе более слабую государственную границу, чем граница Франции со стороны Бельгии“.

Еще при Людовике XIV знаменитый французский инженер Вобан создал целый пояс крепостей, чтобы искусственными

средствами защиты компенсировать естественную беззащитность этой границы. Однако, как справедливо отмечает Энгельс, опыт наступлений союзников на Францию в 1814—15 гг. показал, насколько иллюзорна такая защита... Незначительным силам пруссаков ничего не стоило шутя брать крепость за крепостью. Иначе и быть не могло, ибо, по справедливому замечанию того же Энгельса, воздействие этих крепостей, расположенных на совершенно открытой местности, не простиралось дальше пушечного выстрела их орудий.

Отсюда Энгельс делал вывод, что чем скорее французы уничтожат эти крепости, тем будет лучше для них.

Понадобилось много лет, чтобы французы последовали мудрому совету Энгельса.

Защищая свои границы со стороны Бельгии, в 1914 году французской армии не приходилось рассчитывать на поддержку пограничных крепостей, Она вынуждена была отступить до самого Парижа и занять по отношению к нему фланговую позицию на реке Марне, на которой разыгрался решительный бой... Французы применили здесь ту самую систему обороны, о которой писал Энгельс в статье „По и Рейн". Констатируя факт полной беззащитности северной французской границы от армии, вторгающейся со стороны Бельгии и обладающей вдобавок превосходными силами, Энгельс считал, что только на реке Эн у Компьена и Суассона французская армия сумела бы дать серьезный отпор наступающему противнику, при чем Энгельс учитывал возможность дальнейшего отступления этой армии на юг, к реке Марне. В последнем случае он отводил крупную роль на долю парижского укрепленного лагеря, в который должен был упираться левый фланг обороняющейся армии.

В полном согласии с оперативным расчетом Энгельса главная французская армия действительно остановилась на реке Марне, уперши свой крайний левый фланг в парижский укрепленный лагерь (где находилась, помимо гарнизона, армия генерала Монури), а правым флангом — вплотную примыкая к Верденской крепости.

Прорыв расположения наступающей немецкой армии на Марне и удачные действия вышедшей из парижской укрепительной системы армии генерала Монури против немецкого генерала

Клука, задача которого заключалась в глубоком охвате левого фланга французов, привели к остановке молниеносного германского наступления и предотвращению гибели французской армии в самом начале войны. Тем самым Германия лишалась главного шанса победы. Германская армия откатилась немного назад, зацепившись за ту самую линию Уазы — Эн, которой Энгельс придавал такое большое значение при рассмотрении перспектив операций против Парижа со стороны Бельгии. Так блестяще предвидел Энгельс ход событий мировой войны почти за 60 лет до нее.

Такое блестящее предвидение характерно для самого Энгельса и чрезвычайно интересно для всех интересующихся историей мировой войны. Но стратегические соображения Энгельса по поводу франко-германских границ имеют еще и живой интерес современности для нынешнего читателя. Они дают прекрасное объяснение сегодняшней политике французского империализма, направленной к тому, чтобы отделить левый берег Рейна от Германии и создать из него вассальное государство, всецело подчиненное французскому влиянию.

> „Если бы Франция получила Рейн, то Париж по отношению к Германии действительно стал бы центральным пунктом страны. Все радиусы, проведенные из Парижа по любой доступной для нападения границы, будь то Рейн или Юра, по длине равны друг-другу. Куда бы ни двинулся неприятель, он повсюду должен двигаться по кривой, маневрируя по окружным дорогам, между тем как французские армии могут передвигаться по более короткой хорде, опережая, таким образом, врага. Равная длина линий отступления и операционных линий различных армий в весьма различной степени облегчает им концентрическое отступление, давая возможность двум из этих армий соединиться в определенном пункте для решительного удара по разрозненным силам противника.
>
> С переходом рейнской границы к Франции, оборонительную систему последней по ее естественным данным можно было бы отнести к числу „идеальных“, то-есть не оставляющих желать ничего лучшего... (Стр. 22).

В этих рассуждениях Энгельса находится ключ к объяснению постоянных попыток французского империализма к овладению левым берегом Рейна,—попыток, ныне увенчавшихся временным успехом .. Конечно, на-ряду со стратегическими, имеют значение и экономические причины, которых мы здесь не можем касаться ..

Статья „Савойя, Ницца и Рейн“, составляя непосредственное продолжение „По и Рейн“, содержит в себе объяснение тех стратегических приращений, которые Наполеон III получил в награду за свое содействие „освобождению“ и объединению“ Италии, в виде Савойи и Ниццы. Когда Энгельс писал свою статью, вопрос о присоединении Ниццы и Савойи к Франции был только поставлен, но еще не решен. Он решился несколько позднее, после комедии плебисцита, устроенной Наполеоном III и, конечно, давшей благоприятный для Франции результат. Огромные стратегические преимущества, полученные Францией с присоединением Ниццы и Савойи на случай войны с Италией, с обычным мастерством и яркостью изображены Энгельсом... Они, несомненно, сыграли некоторую роль в том, что Италия в решительный момент отказалась примкнуть к среднеевропейской коалиции против Антанты. Конечно, на это были и другие причины — экономические и политические. Небезынтересна даваемая Энгельсом характеристика швейцарской милиционной армии, „в которой, в лучшем случае, дисциплина подрывается обывательскими мирными настроениями“. Швейцарскую милицию Энгельс ставил ниже постоянных армий соседних с Швейцарией государств. В одном из своих писем к Марксу Энгельс писал: „Только коммунистически организованное и воспитанное общество может дать основу для милиции, да и то не сразу“... Если бы Энгельс дожил до того перехода к милиционной системе, который совершаем ныне мы, он бы порекомендовал нам проводить его с крайней осторожностью.

Энгельс 1850—60 гг., так же, как Энгельс 1853—56 гг., видел основное препя ствие к торжеству революции в Европе в существовании русского царизма. Тогда он мало надеялся, что сокрушить военную силу царизма смогут буржуазные, насквозь консервативные правительства Англии и Франции... Явно заметный с конца 50-х годов рост революционных настроений в Германии, пробуждение германского рабочего класса

заставили Энгельса вернуться к своей старой точке зрения, которой он придерживался во время революции 1848 года. Эта старая точка зрения заключалась в том, что военная сила царизма будет разгромлена победоносной германской революцией. Такую точку зрения снова защищает Энгельс в брошюрах: „По и Рейн“, „Савойя, Ницца и Рейн“. Но обстановка сильно изменилась от 1848 года до 1860. И от такого проницательного наблюдателя, как Энгельс, не могло укрыться ее изменение. В чем оно выразилось? В том, что на историческую арену вышла новая сила—„российская революция“. В конце брошюры „Савойя, Ницца и Рейн“ мы читаем следующие знаменательные строки:

> „У нас вырастает союзник в лице русских крепостных. Вспыхнувшая теперь в России борьба между господствующим классом и угнетенным сельским населением уже сейчас подрывает всю систему русской иностранной политики. Эта система была мыслима лишь до тех пор, пока в России не замечалось никаких процессов внутреннего развития. Но то время миновало. В результате усилий правительства и дворянства промышленность и сельское хозяйство России достигли такой ступени развития, на которой существующие ныне социальные отношения становятся уже нетерпимыми; с одной стороны их необходимо уничтожить; с другой, чтобы осуществить это, нужны насильственные меры. А вместе с тем строем, который существовал в России от Петра Великого до Николая Первого, рушится и внешняя политика этой России“.

Так писал Энгельс еще в 1860 году за 57 лет до того, когда русская революция уничтожила царизм, а вслед за ним и царскую армию вместе с царской внешней политикой.

Статья „Развитие военного искусства в эпоху капитализма“ представляет собой главу из очень хорошо известной книги Энгельса „Анти-Дюринг“... В этой главе недоумение может вызвать одно место, в котором Энгельс говорит, что развитие военной техники можно считать законченным. Это писалось в 1877—78 гг. Как Энгельс мог бы допустить такую чудовищную ошибку? С тех пор появились магазинные винтовки

современной пехоты, стреляющие пачками; неуклюжие митральезы войны 1870—71 гг., не принесшие французской армии тогда почти никакой пользы, превратились в смертоносные пулеметы наших дней; в употребление вошли автоматические ружья, не говоря уже о мелком ручном огнестрельном оружии, появились скорострельные полевые орудия и тяжелые орудия новых систем с огромной разрушительной силой... А броневые автомобили, танки, аэропланы, удушливые газы? А дредноуты и супер-дредноуты, по одному своему тоннажу в 4—5 раз превышающие размеры самых крупных броненосцев конца 70-х годов? А подводные лодки, с которыми еще не умели как следует обращаться даже в русско-японскую войну?

Энгельс был бы наивен действительно, если бы только он считал невозможным развитие техники человеческого истребления при капиталистическом строе. Но в том-то и дело, что Энгельс был уверен в близком крушении капитализма и в том, что социализму не понадобится после своей окончательной победы развивать военную технику. В последнем Энгельс был, конечно, прав, в определении же срока падения капитализма он ошибался...

V.

Письма Энгельса к Марксу по военным вопросам даются нами далеко не полностью. Во-первых, не вся их переписка опубликована. Во-вторых, из тех материалов, которые имеются в печатном виде, мы выбрали такие письма, которые целиком или в большей части посвящены той или другой военной теме. Выдергивать отдельные замечания и фразы, имеющие отношение к вопросам войны, из других писем мы не считали возможным. Давать их без комментарий не имело смысла, а комментарии заняли бы слишком много места...

Два первых письма, помещенных нами, датированы 1854 годом и относятся к Восточной войне. В одном из них Энгельс намечает перспективы вмешательства Австрии в войну на стороне России. Такую возможность Энгельс не считал невероятной. Как мы знаем, Николай I и русское правительство были даже уверены в поддержке Австрии и строили на ней все свои расчеты.

Ряд дальнейших писем, написанных в 1857 году, представляет собой фактический материал для военного отдела

„Энциклопедии“, над которой работал Маркс. Большинство справок Энгельса относится к наполеоновским войнам и еще раз показывает до каких мельчайших деталей ему была знакома история этих войн. Вообще, судя по тому исчерпывающему материалу, который он дает Марксу по каждому мельчайшему вопросу, можно думать, что Энгельс был сам настоящей живой военной энциклопедией.

В одном письме от 24-го сентября 1857 года Энгельс подробно рассматривает картину военных операций англичан в Индии. В этом году там разыгралось огромное восстание, самое большое из восстаний пережитых Индией при английском владычестве. Но это восстание носило характер военного мятежа, мало затронувшего широкие народные массы. Инициативу его взяли на себя феодальные элементы, которым народ не доверял. Даже часть армии не примкнула к движению и осталась на стороне британского правительства. Вот почему англичане в конце-концов подавили восстание, несмотря на грубые военные ошибки, которые они допускали, и о которых подробно говорит Энгельс в письме к Марксу.

Начиная с лета 1861 года, военные письма Энгельса к Марксу вращаются вокруг американской гражданской войны северных и южных штатов, тянувшейся целых 4 года. Война эта сохраняет до настоящего времени колоссальный интерес, почему мы и позволим себе на ней несколько более подробно остановиться.

Война явилась результатом крайнего обострения борьбы двух партий, одна из которых отстаивала интересы промышленных капиталистов северных штатов другая — землевладельцев-плантаторов Юга. Экономическое могущество южных плантаторов, снабжавших хлопком всю Европу, имело своим источником самую варварскую эксплоатацию рабского негрского труда. Чтобы ослабить это могущество и укрепить власть над всем государством в своих руках, „се еряне“ выкинули лозунг освобождения негров. Тогда рабовладельцы южных штатов повели агитацию за отложение от Севера и за образование отдельного государства. Когда президентские выборы поставили у власти кандидата северной промышленной партии Авраама Линкольна, несколько южных штатов объявили себя независимыми. Северяне, с своей стороны, объявили восставших мятежниками. Так началась война.

Все преимущества были на стороне Севера. Энгельс подробно перечисляет их в своем письме от 14-го июня 1861 года. Северные „свободные“ штаты насчитывали 17,5 мил населения. У восставших южных (невольничьих) штатов (Виргиния, Тенесси, Арканзас, Северная и Южная Каролина, Флорида, Георгия, Луизиана, Техас, Миссисипи, Алабама) было всего $7^1/_2$ мил., из которых свыше 3-х миллионов рабов негров. Почти вся промышленность, в том числе промышленность военная, была сосредоточена на Севере. И, наконец, в руках северян находился почти весь военный флот, который дал им возможность блокировать южные штаты с моря.

Между тем, для этих штатов морская торговля давала основные жизненные ресурсы. Теперь она была отрезана. Результатом явился сильный кризис английской текстильной промышленности, лишившейся хлопка. Однако, до открытой поддержки южных штатов Англией дело все-таки не дошло.

Положение северян облегчалось еще и тем, что в самом начале войны им удалось занять целый ряд невольничьих штатов (Кентукки, Мериленд, Делавар) и помешать им примкнуть к мятежу.

Поэтому Энгельс имел все основания рисовать перспективы войны для северян в самом благоприятном свете. Он писал свое первое письмо Марксу об американской гражданской войне 14-го июня. А 21-го июля главные силы северян, попытавшиеся произвести наступление на столицу восставших штатов Ричмонд были на-голову разбиты при Буль-Рене, несмотря на почти двойное превосходство в силах (30 тыс. южан сражалось против 55 тыс. северян)... Чем объяснялся этот успех Юга?

В самом начале войны ни та, ни другая сторона не имела постоянных регулярных армий и должна была формировать их заново. Момент напоминал наш 1918 год, год формирования нашей Красной армии — с одной стороны, армия Деникина и Колчака — с другой, главные столкновения между которыми разыгрались и решились только в следующем, 1919 году. Однако, в отличие от нашей гражданской войны, происходившей по горячим следам империалистической, ни Юг, ни Север в Америке не имели больших обученных кадров.

Но самый состав населения южных штатов, — земледельцы, плантаторы, скотоводы, охотники, ближе связанные с природой,

привыкшие голой физической силой держать в подчинении целые миллионы рабов, — оказался лучшим материалом для войны, чем городское и фермерное население промышленного Севера, хотя бы в смысле уменья обращаться с оружием.

О составе организующейся южной армии и о том настроении, которое ее окружало, пишет А. Свечин в одной из своих статей, помещенных в журнале „Военное Дело“ за 1919 год:

„На стороне юга руководящие классы общества стали и во главе импровизируемой армии; помещики и офицеры старой регулярной армии, привыкшие распоряжаться авторитетно, приняли на себя начальство в войсках и быстро создали достаточную дисциплину... Удалось создать такое сплоченное общественное мнение в пользу необходимости каждому взрослому защищать Юг, что еще много лет после окончания войны вопрос „и вы принимали участие в войне?“ считался чуть ли не кровной обидой, оскорбительным сомнением в порядочности спрашиваемого... В других областях Америки народные массы поддерживали Север, а высшая буржуазия и интеллигенция были увлечены примером аристократии Соединенных Штатов— первоначальных переселенцев, семейств, предки коих добыли оружием независимость штатов, занимали долгое время руководящие посты в республике, аристократия повсемерно оказалась в числе наиболее горячих сторонников Юга. На железных дорогах стрелочники и грузчики стояли за Север, а инженеры за юг и прерывали движение в самое критическое время. Каждая хорошо одетая дама питала симпатии к Югу и бескорыстно готова была вести для него тайную разведку. Офицеры и генералы частей, оставшихся верными Северу, перебегали к Югу, где сразу оказалась плеяда выдающихся военных талантов: Джэкстон, Ли, Стюарт. Из небольшого флота северян за первые месяцы войны дезертировало на Юг 259 морских офицеров“.

Короче говоря, среди офицерства и дипломированной интеллигенции С.-А. Соединенных Штатов было такое же тяготение к южной армии, как у нас к Деникину или Колчаку.

Напротив, у северян, на первых порах дело организации армии и даже руководства ей было в руках людей совершенно неопытных. Доходило до того, что сражение при Буль-Рене было дано вопреки мнению главнокомандующего, так как доб-

ровольцы армии договорились служить три месяца, срок им подходил к концу, а продлить его не хотели, не желая тратить деньги.

Однако, после поражения при Буль-Рене северяне убедились в том, что им предстоит серьезная борьба и приступили к формированию массовой армии. К весне следующего года у них под ружьем стояло уже 600—700 тысяч человек, в свою очередь южане призвали всех, кого могли, и получили 300 тысяч войск лучшего качества, чем у северян и при огромном перевесе в командном составе. Ранней весной генерал Грант, командующий западной армией федералистов (так еще назывались северяне в отличие от конфедералистов-южан) перешел в наступление вниз по течению реки Миссисипи с целью отрезать от центров восставших их западные штаты, откуда получался хлеб, и при содействии флотилии овладел рядом укрепленных пунктов на территории штата Тенесси. Грант одержал ряд успехов. Но дальнейшее его движение было остановлено в результате упорного боя у Коринфа, в котором южане остались тактическими победителями, хотя и они не могли воспользоваться своей победой. Тем временем флот северян, под начальством адмирала Фарагута, смелым налетом захватил порт Новый Орлеан в устьях Миссисипи. В результате дальнейших операций армии Гранта и речной флотилии северян на Миссисипи, несмотря на свою победу при Коринфе южанам пришлось отойти к востоку. Северяне закрепили за собой большую часть течения реки Миссисипи на территории восставших штатов; Юг был почти разрезан на две части, и для его центра, Ричмонда, крайне затруднено снабжение его хлебом со стороны западных штатов.

Но на главном театре войны по побережью Атлантического океана на путях между Ричмондом и Вашингтоном—столицами обеих воюющих сторон, „отстоявшими одна от другой на очень близком расстоянии (см. карту на стр. 311) дела северян не клеились. Их армия, высадившаяся на Виргинском полуострове под начальством бездарного генерала Мак-Клеллана, оказалась неспособной развить активные операции в сторону Ричмонда, несмотря на свою огромную численность (свыше 150 тысяч человек), после бесплодных топтаний на одном месте, она должна была сесть на суда и отплыть обратно в Вашингтон.

Принявший после Мак-Клеллана командование генерал Бурнсайд попытался по примеру прошлого года, возобновить прямое наступление на Ричмонд, но, несмотря на тройное превосходство в силах, был опять разбит южанами под предводительством талантливого генерала Ли. На западе южанам к концу лета удалось достигнуть некоторого равновесия, закрепивши за собой порты Виксбург и Гудзон на Миссиссипи. А в центре южане начали развивать довольно успешную партизанскую войну в сторону Огио и Миссури.

Умелое и талантливое ведение военных операций со стороны южан, несмотря на огромное превосходство сил их противников, заставляет Энгельса в письмах, написанных Марксу, летом и осенью 1862 года, высказать некоторые сомнения в способности северян их победить.

Но в кампанию 1863 года перевес на стороне северян начал обозначаться уже явственно. На западном театре войны Грант занял Виксбург с тридцати тысячным гарнизоном и порт Гудзон, окончательно отрезав южан от Миссисипи. На востоке после ряда кровопролитных сражений южане должны были отказаться от намерений овладеть Вашингтоном. Силы и средства северян росли. Юг мобилизовал уже все, что мог, на второй год войны.

Осенью 1864 года западная армия северян предприняла глубокое продвижение внутрь вражеской страны к юго-востоку. Эта смелая операция привела к порту Саванна на Атлантическом океане, куда флот доставил для войск припасы. Ричмонд и Виргиния были теперь отрезаны от Флориды, Алабамы и Георгии. Петля на шее Юга все туже и туже затягивалась, несмотря на отчаянное сопротивление, оказываемое им.

Ставши твердой ногой на берегу Атлантического океана и поддерживаемый флотом, новый предводитель западной армии северян, генерал Шерман, предпринял теперь движение к северу в сторону Ричмонда, на который, с другой стороны, наступал со стороны Вашингтона Грант. Правда, операции Гранта в летнюю кампанию 1864 года были не особенно удачны. Только к весне 1865 года окружение армии Ли под Ричмондом было завершено.

Армия Ли, через несколько дней после взятия этого города, сдалась на капитуляцию; через две недели сдалась и другая

армия конфедератов под предводительством Джэкстона. Этим и закончилась 4-летняя война.

Характерным для этой войны является сравнительно быстрое создание импровизированных массовых армий при полном почти отсутствии обученных кадров, необычайно ожесточенный характер, свойственный, впрочем, всякой гражданской войне, широкое применение кавалерийских операций, в особенности рейдов в тыл противника, удачные действия речных флотилий. Впервые в эту войну стали широко использоваться железные дороги, а на морях появились броненосные суда *).

Юг, безусловно, имел на своей стороне преимущества лучшего руководства и был сломлен только огромным превосходством сил противника... Четырехлетняя война в конец разорила южные штаты. Но и Север потерял одними убитыми 300 тысяч и до 900 тысяч ранеными. Между тем даже потери русских в крымскую войну не достигали этих цифр (оборона Севастополя стоила русским около 90 тыс. человек убитыми). Такие огромные потери в сильной степени зависели от неумелого ведения войны...

В письме от 17-го февраля 1863 года Энгельс говорит о польском восстании против России и высказывает некоторые надежды на его успех... Это был один из немногих случаев, когда при оценке фактов с военной точки зрения Энгельс давал некоторую дань своим симпатиям. На самом деле, конечно, польское восстание не имело никаких шансов на успех (хотя оно и растянулось на 18 месяцев, приняв форму мелкой партизанской войны), даже если бы его руководители меньше боялись крестьян и не дали русскому правительству демагогически окрутить себя вокруг пальца. Даже в 1830—31 гг., пока Польша имела свою армию с хорошим командным составом, она не могла устоять перед подавляющим превосходством русских. А в 1863—64 гг. повстанцы не имели никакой армии. Партизанские же отряды их могли держаться только до тех пор, пока не были все переловлены поодиночке. На отношение крестьянства к восстанию—весьма сдержанное—повлияло

*) Пловучие бронированные батареи были и в англо-французском флоте к концу Восточной войны 1853—55 гг., но они носили слишком примитивный характер.

то обстоятельство, что русское правительство провело в Польше освобождение крестьян от крепостной зависимости на условиях, гораздо более выгодных для крестьян, чем в России. Особых причин щадить польских помещиков оно не имело...

Австро-прусской войне посвящено несколько писем Энгельса. Перед войной, как видно из этих писем, Энгельс расценивал приблизительно одинаково обе армии и считал командный состав австрийцев лучше прусского, допуская возможность победы Австрии. Пожалуй, это самая большая военная ошибка, сделанная Энгельсом за всю его жизнь. Характерно, что Маркс — профан в военных вопросах по сравнению с Энгельсом—на этот раз был более прав в своих суждениях, выразив безусловную уверенность в победе Прусс и над Австрией *). Энгельс был слишком загипнотизирован блестящей кампанией, проделанной австрийским генералом Радецким в Ломбардии в 1848 году. Но престарелого фельдмаршала уже давно не было в живых. Да и разбирая его победы еще в 1851 году сам Энгельс отмечал, что Радецкий действовал в самой плодородной стране мира, имел против себя слабую армию и мог на каждом шагу широко использовать измену попов и аристократов в лагере своих противников... Сыграло свою роль в оценке Энгельса также и упорное сопротивление, оказанное австрийцами Бонапарту при Мадженте и Сальферино в 1859 году, принимая во внимание, что французская армия считалась лучшей в Европе после падения Севастополя.

Недооценке же прусской армии способствовало то, что эта армия с 1815 года не вела никакой серьезной войны, в особенности же—провал пробной прусской мобилизации 1850 года.

Впрочем, в письме к Марксу от 2-го апреля 1866 года Энгельс ставит отчасти решение вопроса о поражении или победе прусской армии в предстоящей войне в зависимость от того, найдутся ли у нее хорошие штабные руководители. Как известно, такие руководители у прусской армии нашлись в лице Мольтке и его ближайших помощников. И хотя план кампании, выработанный Мольтке, отличался чрезмерной осторожностью, Австрия оказалась побежденной в итоге шестинедель-

*) Точно так же в течение всей американской войны Маркс ни на одну минуту не терял уверенности в победе северян.

ной кампании. Правда, австрийцы не были разбиты на-голову и не лишились своей армии, но огромное превосходство прусской армии во всяком случае обнаружилось. И Энгельс их оценил, как следует быть.

> „После недавних успехов и после несомненно блестящих операций,—писал он Марксу,—чувство собственного достоинства армии и вместе с тем ее боевой опыт настолько возросли, что она могла бы хоть завтра выступить против французов“.

Остальные письма Энгельса, напечатанные в нашем сборнике относятся уже к франко-прусской войне 1870—71 гг., последней крупной войне, современником которой он являлся. Об этой войне Энгельс систематически писал статьи в лондонской „Pall Mall“, как в свое время он писал о Восточной войне в „Нью-Иоркской Трибуне“, и все его статьи в „Pall Mall“ вышли ныне в русском переводе с исчерпывающими примечаниями, картами и предисловием тов. Троцкого.

К этой книге мы можем отослать читателя, если он хочет более подробно ознакомиться с характером и ходом войны 1870—71 гг., а также со взглядом на нее Энгельса.

Здесь же ограничимся только двумя замечаниями...

Никогда не проявилось так ярко со стороны Энгельса такое глубокое понимание военных проблем вообще, условий данной войны в частности, как именно в 1870—71 годах. Насколько неожиданны для огромного большинства современников были блестящие успехи немецкой армии, молниеносный разгром бонапартизма в течение буквально одного месяца (4-го августа немцы начали наступление, а 1-го сентября одна половина французской армии капитулировала при Седане, а другая была заперта в Меце, дорога на Париж оставалась совершенно открыта), настолько естественными и неизбежными они представлялись Энгельсу, сумевшему учесть и оценить шансы победы и поражения обеих сторон. С первого же момента войны Энгельс говорит о победе Германии, как о чем-то само-собой разумеющемся. И его предвидение охватывают не только ход войны в целом, но и отдельные военные операции. Когда Мак-Магон 23 августа со всей своей армией двинулся из Реймса на выручку Базену, позволившему себя запереть в Меце,

Энгельс безошибочно предсказал, что одним из наиболее вероятных результатов этого движения будет капитуляция армии Мак-Магона, если только ей не удастся интернироваться на бельгийской территории. 1 сентября, ровно через неделю после начала своего движения, с которым гибнущая вторая империя связала последние надежды, Мак-Магон, окруженный со всех сторон немецкими войсками, действительно положил оружие с армией в составе 104 тысяч человек при 54 д. и орудиях.

Бонапартизм, так гордо бряцавший своим оружием на всю Европу, был сметен в течение буквально одного месяца. Заступившая его место республика могла еще около шести месяцев оказывать отчаянное сопротивление германским войскам, пока сдача Парижа и отступление Бурбона на швейцарскую территорию не сделали ее борьбу совершенно безнадежной. Будучи в течение второго периода войны после свержения бонапартизма всецело на стороне французской республики, Энгельс ни на один момент не давал своим политическим симпатиям затемнить тот ясный и трезвый взгляд на соотношение военных сил, который не покидал его во все время этой войны. Как небо от земли он был далек от всех столь многочисленных тогда во Франции революционеров фразы, которые считали, что одного провозглашения республики и перехода к милиционной системе достаточно для преодоления врага.

Свои колоссальные военные познания Энгельсу не пришлось непосредственно применить на службе пролетарской революции... Но его огромная работа, проделанная в этой области, не должна пропасть, по крайней мере, для нас. Ибо истории угодно было, чтобы в той стране, где армия столько лет была опорой международной реакции, она стала теперь оплотом международной революции.

Н. Попов.

27-го апреля 1924 года.

РЕВОЛЮЦИЯ 1848 ГОДА И ЕЕ ПОРАЖЕНИЕ

ИЮНЬСКИЙ БОЙ В ПАРИЖЕ.

Июньская революция начинает постепенно входить в сферу рассмотрения. Показания пополняются, появляется возможность отделить факты от слухов и от измышлений, характер восстания вырисовывается все яснее. И чем более удается кому-либо охватить события четырех июньских дней в их связи, тем более удивляются колоссальным размерам восстания, героической отваге, быстроте организации, единодушию инсургентов. План боя рабочих, принадлежавший Керкози, другу Распайля [1]) и бывшему офицеру, был следующий: инсургенты наступали на ратушу четырьмя колоннами, концентрическим движением. Первая колонна, операционной базой которой были предместья Монмартр, Ла-Шапель и Ла-Вилет, шла от застав Пуасоньер, Рошхуар, Сен-Дени и Ла-Вилет к югу, заняла бульвары и приблизилась к ратуше по улицам Монторгейль, Сен-Дени и Сен-Мартен. Вторая колонна, базой которой были почти сплошь заселенные рабочими и защищенные каналом Сен-Мартен предместья Дю-Тампль и Сент-Антуан, двигалась по улицам Дю-Тампль и Сент-Антуан и по набережным северного берега Сены, а также по всем параллельным улицам этого квартала, к тому же самому центру. Третья колонна, имея базой предместья Сен-Марсо, двигалась по улице Сен-Виктор и набережным Южного бассейна Сены к острову, где расположен „Старый город“ (Cité). Четвертая колонна, опираясь на предместье Сен-Жак и на окрестность медицинской школы, двигалась по улице Сен-Жак к „Старому городу“. Отсюда обе колонны, соединившись, прошли по правому берегу Сены и направились к ратуше с тыла и фланга.

Этот план вполне правильно опирался на рабочие кварталы, которые охватывают всю восточную половину Парижа полу-

кругом и все более расширяются к востоку. Восточная часть Парижа должна была быть очищена от врагов в первую очередь, а затем предполагалось двинуться по обоим берегам Сены на западную часть и ее центры—Тюльери и Национальное Собрание.

Эти колонны должны были поддерживаться многочисленными летучими отрядами, которые самостоятельно оперировали около и между колонн, выстраивали баррикады, занимали маленькие улицы и поддерживали связь. На случай отступления операционные базы были сильно укреплены и превращены по всем правилам в грозные крепости. Так были укреплены поле Сен-Лазар, предместье и квартал Сент-Антуан и предместье Сен-Жак.

Если в этом плане и была ошибка, то она заключалась в том, что к началу операций западная половина Парижа была оставлена без внимания. А там, по обеим сторонам улицы Сент-Онорэ, примыкая к галлереям и к Национальному Дворцу, раскинулось несколько весьма удобных для восстания кварталов, с очень узкими и кривыми улицами, населенных преимущественно рабочими. Было важно заложить здесь пятый очаг восстания и тем самым не только отрезать ратушу, но и отвлечь большую часть войск к этому передовому бастиону. Победа восстания зависела от возможности скорее пробиться в центр Парижа, чтобы обеспечить захват ратуши. Мы не можем знать, насколько невозможно было для Керкози организовать здесь восстание, но факты показывают, что не удалось еще ни одно восстание, которое не сумело прежде всего овладеть этим центром Парижа, примыкающим к Тюльери. Мы напомним лишь о восстании при похоронах генерала Ламарка, которое также продвинулось до улицы Монторгейль, но затем было вновь отбито.

Инсургенты двинулись по своему плану. Двумя главными укреплениями они начали сейчас же отделять свою территорию, Париж рабочих, от Парижа буржуазии баррикадами у ворот Сен-Дени и баррикадами „Старого города“. Из первых их выбили, в последних они утвердились. Первый день, 23-го числа, был только прологом. План инсургентов выявился уже после первых утренних стычек передовых отрядов. Бульвар Сен-Мартен, прорезывающий операционную линию первой колонны,

стал ареной сильных боев, окончившихся здесь, частью из-за условий местности, победой „порядка“.

Подступы к „Старому городу“ были отрезаны справа летучим отрядом, который укрепился в улице Планш-Мибрэй, слева—третьей и четвертой колоннами, которые заняли и укрепили три южных моста. Также и здесь разразился очень сильный бой. Защитникам „порядка“ удалось овладеть мостом Сен-Мишель и пробиться до улицы Сен-Жак. Они льстили себя надеждой подавить восстание еще до вечера.

Если план инсургентов выявился уже вполне отчетливо, то план „порядка“ был еще яснее. Его намерение состояло прежде всего в том, чтобы какими угодно средствами подавить восстание. Это намерение он возвестил мятежникам пушечными ядрами и картечью. Но правительство думало иметь дело с грубой бандой обыкновенных, неорганизованных бунтовщиков. Когда к вечеру главные улицы были очищены, оно объявило, что мятеж ликвидирован, после чего очень беспечно заняло захваченные кварталы войсками.

Инсургенты сумели превосходно использовать эту беспечность, чтобы повести большой бой после передовых стычек 23-го числа. Вообще достойно удивления, как быстро рабочие освоились с операционным планом, как дружно работали они рука-об-руку, как ловко сумели они использовать запутанную территорию. Это было бы совершенно необъяснимым, если не припомнить, что рабочие были организованы по-военному и разделены по ротам уже в национальных мастерских, так что им пришлось лишь применить свою промышленнную организацию к военной деятельности, чтобы образовать сейчас же вполне расчлененную армию.

Утром 24-го числа была занята вновь вся потерянная территория и захвачена новая. Линия бульвара, вплоть до бульвара Дю-Тампль, оставалась, правда, в руках войска, и тем самым первая колонна была отрезана от центра, зато вторая колонна проникла из квартала Сент-Антуан так далеко, что почти окружила ратушу. Она расположила свой штаб в церкви Сен-Жервэ, завладела монастырем Сен-Мери и окрестными улицами; она проникла далеко за ратушу и почти целиком отрезала ее, совместно с колоннами „Старого города“. Лишь один путь оставался открытым: набережная правого берега.

На юге было вновь занято все предместье Сен-Жак, восстановлена связь со „Старым городом“; „Старый город“ был подкреплен новыми силами, и был подготовлен переход на правый берег.

Теперь „порядку“ во всяком случае нельзя было терять времени: ратуша, революционный центр Парижа, была осаждена и должна была пасть, если не будут приняты самые решительные меры.

Испуганное Национальное Собрание назначило Кавеньяка диктатором, и этот последний, привыкший еще с Алжира к „энергичным“ действиям, знал, что нужно делать. Десять батальонов немедленно двинулись вдоль широкой набережной (Кэй д'Эколь) к ратуше. Они разорвали связь инсургентов „Старого города“ с правым берегом, оградили ратушу от опасности и даже атаковали баррикады, окружавшие ее. Улица Планш-Мебрэй и ее продолжение, улица Сен-Мартен, были очищены и впредь охранялись кавалерией. Противолежащий мост Нотр-Дам, ведущий в „Старый город“, был очищен тяжелой артиллерией, и Кавеньяк двинулся прямо на „Старый город“, чтобы продолжать там „энергичные“ действия. Главный опорный пункт инсургентов Белль-Жардиньер был сначала расстрелян ядрами, затем подожжен брандкугелями; улица Де-Ла-Ситэ была также захвачена при помощи пушек: три моста по левому берегу были взяты штурмом, и инсургенты на левом берегу были решительно отброшены. Между тем, 14 батальонов, стоявших на Гревской площади и на набережных, освободили уже осажденную ратушу, и церковь Сен-Жервэ из главной квартиры обратилась в отрезанный форпост инсургентов.

Улица Сен-Жак была не только обстреляна артиллерией со стороны „Старого города“, но и атакована с фланга, со стороны левого берега. Генерал Дамем проник вдоль Люксембурга к Сорбонне, захватил Латинский квартал и послал свои колонны на Пантеон. Площадь Пантеона была превращена в грозную крепость. Улица Сен-Жак была уже давно взята, но здесь „порядок“ все еще разбивался о неприступный бастион. Пушечные и штыковые атаки не привели ни к чему. Наконец, изнеможение, недостаток патронов и угроза поджогов со стороны буржуа заставили сдаться окруженных со всех сторон полторы тысячи рабочих. К этому времени площадь

Мобер, после долгой, стойкой обороны, очутилась в руках „порядка“, и инсургенты, выбитые из своих сильнейших позиций, были принуждены отдать весь левый берег Сены.

Между тем, позиция войск и национальной гвардии на бульварах правого берега Сены была также использована, чтобы действовать с обеих сторон. Ламорисьер, командовавший здесь, приказал очистить улицы предместья Сен-Дени и Сен-Мартен, бульвар Дю-Тампль и половину улицы Тампль огнем тяжелой артиллерии и стремительными атаками. Он мог гордиться, добившись к вечеру блестящих успехов: он отрезал первую колонну в Сен-Лазаре и наполовину окружил ее, оттеснил вторую и вбил в нее клин своим продвижением по бульварам.

Благодаря чему Кавеньяк добился успеха? Во-первых, благодаря необычайному перевесу в силах, которые он мог развернуть против инсургентов. 24-го числа в его распоряжении было не только 20.000 человек парижского гарнизона, 20.000—25.000 мобильной гвардии [2]) и 60.000—80.000 национальной гвардии, но и вся национальная гвардия окрестностей Парижа и некоторых отдаленных городов (20.000—30000 человек), а также 20.000—30.000 солдат, спешно мобилизованных из окружных гарнизонов. Утром 24-го числа в его распоряжении находилось значительно более 100.000 человек, к вечеру увеличенных еще наполовину. У инсургентов же было самое большее 40.000—50.000 человек.

Во вторых, при помощи беспощадных мер, которые он применил. До сих пор пушечная стрельба применялась на улицах Парижа лишь один раз, в вандемьере 1795 г., когда Наполеон разогнал картечью инсургентов на улице Сент-Онорэ. Но никогда еще артиллерия, тем более гранаты и зажигательные ядра не направлялись на баррикады и дома. Народ не был подготовлен к этому; против этого он был беззащитен, а поджоги, единственное противодействующее средство, которым он располагал, противоречили его благородству. До сих пор народ не имел никакого представления об этом алжирском способе войны посреди Парижа. Поэтому он отступил, и первое отступление решило его поражение.

25-го числа Кавеньяк выступил еще с большими силами. Инсургенты были стиснуты в один квартал—в предместья Сент-Антуан и Дю-Тампль; помимо этого, они занимали еще

два выдвинутых пункта—Сен-Лазар и часть квартала Сент-Антуан до моста Дамьет.

Кавеньяк, получивший еще 20—30 тысяч человек подкрепления со значительной артиллерией, велел атаковать в первую очередь отрезанный форпост инсургентов—Сен-Лазар. Здесь инсургенты укрепились, как в цитадели. После двенадцатичасовой бомбардировки ядрами и гранатами Ламорисьеру удалось, наконец, выбить инсургентов из их позиций и занять Сен-Лазар; ему удалось достигнуть этого, лишь обеспечив возможность фланговой атаки со стороны улиц Рошхуар и Пуасоньер, которую он подготовил, разгромив баррикады в первый день сорока орудиями, во второй — еще большим количеством.

Другая часть его колонн пробилась через предместье Сен-Мартен в предместье Дю-Тампль, но не имела значительного успеха; третья часть двинулась вниз по бульварам к Бастилии. Но также немного выиграла, ибо целый ряд грозных баррикад пал лишь после упорного сопротивления, не устояв против сильной бомбардировки. Бомбардировка произвела здесь ужасное разрушение домов.

Колонна Дювивьера, атаковавшая со стороны ратуши, с боем оттесняла инсургентов все дальше и дальше. Была взята церковь Сен-Жервэ; улица Сент-Антуан была очищена на далекое расстояние от ратуши, и нескольким колоннам, двигавшимся вдоль набережной и параллельных ей улиц, удалось взять мост Дамьет, посредством которого инсургенты квартала Сент-Антуан общались с товарищами на островах Сен-Луи и „Старого города“. Квартал Сент-Антуан был отрезан с фланга, и инсургентам оставалось лишь отступление в предместье, которое они и произвели, сражаясь с колонной, двигавшейся по набережной до устья канала Сен-Мартен и оттуда, вдоль канала, по бульвару Бурдон. Немногие отрезанные инсургенты были изрублены, и лишь несколько человек взято в плен. Благодаря этой операции был захвачен квартал Сент-Антуан и площадь Бастилии. К вечеру колонне Ламорисьера удалось окончательно захватить бульвар Бомарше и соединиться на площади Бастилии с отрядом Дювивьера. Захват моста Дамьет дал возможность Дювивьеру прогнать инсургентов с острова Сен-Луи и с острова Лувиер. Он совершил

это с достойной особого внимания алжирской свирепостью. В немногих кварталах города тяжелая артиллерия применялась с таким опустошающим успехом, как на острове Сен-Луи. Но кто об этом беспокоился? Инсургенты были отброшены и перебиты, и „порядок“ торжествовал среди обрызганных кровью развалин.

Оставалось овладеть еще одной позицией на левом берегу Сены. Аустерлицкий мост, соединяющий, к востоку от канала Сен-Мартен, предместье Сент-Антуан с левым берегом Сены, был сильно забаррикадирован, и на левом берегу, там, где этот мост выходит на площадь Д'Аламбер, перед Ботаническим садом, находилось сильное предмостное укрепление. Это укрепление, последняя опора инсургентов на левом берегу после падения Пантеона и площади Мобер, было взято после жестокого сопротивления.

Таким образом, к 26-му числу у инсургентов остается лишь последняя крепость, предместье Сент-Антуан и части предместья Дю-Тампль; оба предместья не очень удобны для уличных боев; в них довольно широкие и совсем прямые улицы, представляющие прекрасную арену для артиллерии. С западной стороны они хорошо прикрыты каналом Сен-Мартен, но с северной—совсем открыты. Здесь пролегают пять или шесть совершенно прямых и широких улиц, спускаясь в самое сердце предместья Сент-Антуан.

Главные укрепления были возведены на площади Бастилии и на важнейшей улице квартала — улице „Предместья Сент-Антуан“. Здесь были сооружены баррикады чрезвычайной мощи, частью сложенные из огромных плит мостовой, частью сколоченные из балок. Они были построены углом отчасти для того, чтобы ослабить действие пушечных ядер, отчасти в целях создания большей оборонительной линии для перекрестного огня. В домах были пробиты брандмауеры, и таким образом целый ряд их был приведен в связь между собой, и инсургенты могли, смотря по обстоятельствам, либо открыть огонь по войскам, либо отступить за баррикады. Мосты и набережные канала и параллельные каналу улицы были также сильно укреплены. Короче, оба еще занятых предместья походили на настоящую крепость, в которой войска должны были отвоевывать кровью каждый дюйм земли.

Утром 26-го июня бой должен был начаться снова. Но у Кавеньяка не было ни малейшего желания посылать своих солдат в эту сеть баррикад. Он угрожал бомбардировкой. Выехали мортиры и гаубицы. Велись переговоры. В то же время Кавеньяк приказал минировать ближайшие дома, что, конечно, могло быть сделано лишь в ограниченной мере, из-за краткости времени и благодаря прикрытию одной из атакуемых линий каналом. Он приказал также соединить уже занятые дома с прилегающими к ним, пробив брандмауеры.

Переговоры потерпели неудачу; вновь начался бой. Кавеньяк приказал генералу Перро вести атаку со стороны предместья Дю-Тампль, а генералу Ламорисьеру — со стороны площади Бастилии. В обоих пунктах баррикады подверглись сильной бомбардировке. Перро пробился довольно скоро, взял остаток предместья Дю-Тампль и в некоторых местах проник даже до предместья Сент-Антуан. Ламорисьер двигался медленнее. Первые баррикады продолжали держаться против его пушек, хотя крайние дома предместья и были зажжены уже гранатами. Он снова вступил в переговоры. С часами в руках он ждал той счастливой минуты, когда сумеет расстрелять в пух и прах наиболее населенный квартал Парижа. Наконец, одна часть инсургентов капитулирует, в то время как другая, атакованная с флангов, отступает после короткого боя из города.

Это было концом июньской борьбы на баррикадах. Вне города происходили еще перестрелки, но они не имели никакого значения. Бежавшие инсургенты были рассеяны по окрестностям и переловлены поодиночке кавалерией.

Мы дали это чисто-военное описание боя, чтобы доказать нашим читателям, с какой геройской смелостью, с какой дисциплиной и с каким военным искусством дрались парижские рабочие. 40.000 их дрались четыре дня против вчетверо сильнейшего врага и лишь на волосок не достигли победы. Еще немного, и они бы укрепились в центре Парижа, взяв ратушу; они бы избрали временное правительство и удвоили бы число своих сторонников из захваченных кварталов и из мобильной гвардии, которая ждала тогда лишь толчка, чтобы присоединиться к ним.

Немецкие газеты утверждают, что это был решительный бой между красной и трехцветной республикой, между рабочими

и буржуазией. Мы убеждены, что этот бой предрешает прежде всего поражение самих победителей. В остальном весь ход дела доказывает, что рабочие должны победить не в очень отдаленном будущем; чисто-военное рассмотрение дела дает уже это убеждение. Если 40.000 парижских рабочих могли создать такую угрозу четырежды сильнейшему противнику, то что же сумеет сделать вся масса парижских рабочих, если она начнет действовать единодушно и организованно?..

Керкози схвачен и в данный момент, вероятно, уже расстрелян. Буржуазия может его расстрелять, но отнять у него славу первого организатора уличного боя она не в силах. Они могут его расстрелять, но никакая власть в мире не может помешать, чтобы его замысел был использован в будущем при всех уличных боях. Они могут его расстрелять, но не в силах помешать, чтобы его имя вошло в историю, как имя первого фельдмаршала баррикад.

РЕЙНСКАЯ ПРУССИЯ*).

Когда 11-го мая я прибыл в Эльберфельд, там находилось, по меньшей мере, от 2.500 до 3.000 вооруженных людей. Из этого числа надежными были только приезжие волонтеры да немногие вооруженные эльберфельдские рабочие. Ландвер колебался; большинство было охвачено неопреодолимым страхом перед кандалами. Вначале таких было немного, но затем к ним присоединились все нерешительные и боязливые из других отрядов. Наконец, национальная гвардия, — реакционная здесь с самого начала и созванная специально для подавления рабочих, — объявила себя нейтральной и решила защищать только свои владения. Все это, однако, выяснилось лишь в течение ближайших дней; но между тем, часть приезжих волонтеров и рабочих разбежалась, количество действительной боевой силы уменьшилось вследствие неорганизованности и безалаберщины, в то время как национальная гвардия все больше сплачивалась и с каждым днем все откровеннее высказывала свои реакционные стремления. В последние ночи она снесла уже некоторые баррикады. Вооруженные добровольческие отряды, насчитывавшие вначале, наверное, свыше тысячи человек, сократились 12-го и 13-го числа уже наполовину, но когда, наконец, дело дошло до генерального сбора, выяснилось, что вся вооруженная сила, на которую можно было рассчитывать, составляла самое большее семьсот — восемьсот человек. Ландвер и национальная гвардия отказались явиться на этот сбор.

Но это еще не все! Восставший Эльберфельд был окружен исключительно „нейтральными“ местностями. Бармен, Кронен-

---

*) Из „Новой Рейнской Газеты“. Политико-экономическое обозрение, под редакцией Карла Маркса. 1850 г.

берг, Леннеп, Лютринггаузен и т. д. не примкнули к движению. Революционные рабочие этих мест, поскольку они были вооружены, отправились в Эльберфельд. Национальная гвардия во всех этих местах была только орудием в руках фабрикантов для сдерживания рабочих; набранная из самих же фабрикантов, фабричных надсмотрщиков и всецело зависящих от фабрикантов мелких торговцев, она управляла этими городами в интересах „порядка“ и фабрикантов. Даже самих рабочих, которые были довольно далеки от политических интересов благодаря тому, что были рассеяны преимущественно в сельских округах, удалось частично привлечь на сторону фабрикантов при помощи запугивания и клеветы о характере эльберфельдского движения; впечатление этой клеветы на крестьян было рассчитано безошибочно. К тому же движение возникло в то время, когда, после пятнадцатимесячного торгового кризиса, фабриканты были вновь завалены заказами, а, как известно, трудно произвести революцию, когда рабочие обеспечены работой,—обстоятельство, имевшее большое значение и в Эльберфельде. Ясно, что при таких обстоятельствах все „нейтральные“ соседи были, конечно, лишь скрытыми врагами.

Более того! Связь с остальными восставшими областями вовсе не была организована. Время-от-времени появлялись отдельные люди из Гагена; об Инзерлоне не знали ничего. Несколько человек являлись к комиссарам, но никому нельзя было довериться. Некоторые гонцы между Эльберфельдом и Гагеном были, видимо, арестованы в Бармене и его окрестности национальной гвардией. Единственное место, с которым поддерживалась связь, был Золинген, и там происходило совершенно то же самое, что и в Эльберфельде. Что там дело обстояло не хуже,—этому мы всецело обязаны прекрасной организации и решимости золингенских рабочих, которые прислали в Эльберфельд от четырех до пятисот вооруженных людей, но все еще оставались достаточно сильны, чтобы поддерживать у себя противодействие буржуазии и национальной гвардии. Будь эльберфельдские рабочие так же развиты и так же организованы, как золингенские,—шансы сильно бы изменились.

При таких обстоятельствах необходимы были быстрые, энергичные меры, которые вдохнули бы новую жизнь в движение,

влили в него свежие боевые силы, ослабили его внутреннего врага и создали бы возможно более мощную организацию движения по всей промышленной области Бергиш-Марк. Первым шагом должно было явиться разоружение эльберфельдской национальной гвардии и раздача ее оружия рабочим, затем введение принудительного налога для содержания вооруженных таким образом рабочих. Этот шаг решительно покончил бы с предшествующей вялостью Комитета общественной безопасности, вдохнул бы новую жизнь в пролетариат и ослабил бы силу сопротивления „нейтральных“ округов.

Дальнейшее, как доставка оружия из этих округов, распространение восстания и планомерная организация защиты всей области, зависело от успеха этого первого шага. Впрочем, при наличии такого решения со стороны Комитета общественной безопасности и при помощи четырехсот золингенцев, национальная гвардия была бы разоружена в мгновенье ока. О ее геройской храбрости не приходится напоминать.

Забота о безопасности обвиняемых по делу о майском восстании в Эльберфельде, содержавшихся еще в заключении, вызвала мое заявление, что все эти предложения исходили лишь от меня одного. Мысль о разоружении национальной гвардии я поддерживал с того самого момента, когда начали иссякать денежные средства Комитета общественной безопасности.

Но досточтимый Комитет общественной безопасности не считал себя ни в малейшей степени вынужденным к подобного рода „террористическим мероприятиям“. Единственное, чего я добился, или, вернее, самовластно провел с несколькими начальниками отрядов,—которые все благополучно спаслись, и иные из них уже в Америке,—это изъятие около восьмидесяти ружей кроненбергской национальной гвардии, сохранявшихся в тамошней ратуше. Но и эти ружья, распределенные в высшей степени легкомысленно, попали в большинстве в руки подвыпивших люмпеипролетариев, которые в тот же вечер продали их буржуа. Господа буржуа вообще посылали своих агентов в народ для закупки возможно большего количества ружей, за которые они давали довольно высокую плату. Таким способом эльберфельдский люмпенпролетариат доставил буржуазии несколько сотен ружей, попавших к нему в руки, благодаря небрежности

и беспорядку на-спех созданных импровизированных учреждений. Этими ружьями была вооружена фабричная охрана, наиболее надежные красильщики и т. д., и т. д., и ряды „благономеренной“ национальной гвардии пополнялись день ото дня.

Господа из Комитета общественной безопасности отвечали на каждое предложение о лучшей защите города, что все это бесполезно, пруссаки остерегутся прийти, они не осмелятся забраться в горы и т. д. Эти господа сами очень хорошо знали, что распространяют лишь грубые сказки, что город мог быть обстрелян полевой артиллерией со всех высот, что ничто не было подготовлено хотя бы для мало-мальски серьезной обороны, и что при затишье движения и при колоссальном превосходстве прусских сил эльберфельдское восстание могло быть спасено лишь совершенно исключительными событиями.

Впрочем, прусский генералитет, казалось, тоже не имел ни малейшей охоты отправиться на почти незнакомую территорию, не собрав предварительно, во всяком случае, подавляющей боевой силы. Четыре незащищенных города — Эльберфельд, Гаген, Изерлон и Золинген—импонировали этим осторожным военным героям настолько, что они подвели из Везеля, Вестфалии и восточных провинций настоящую армию в двадцать тысяч человек, с многочисленной кавалерией и артиллерией, и расположили ее по всем правилам искусства на стратегической позиции за Руром. Высшее командование и генеральный штаб, правый фланг, центр, — все было в прекраснейшем порядке, как-будто против них действовала колоссальная вражеская армия, как-будто бы предстояло сражение с каким-нибудь Бемом [3]) или Дембинским [4]), а не неравный бой с несколькими сотнями неорганизованных рабочих, плохо вооруженных, почти без вождей и преданных за спиной теми, кто дал им оружие в руки.

Известно, как окончилось восстание. Известно, как рабочие, наскучившие вечными проволочками, нерешительностью, малодушием и изменническими убаюкиваниями мелкой буржуазии, отступили, наконец, из Эльберфельда, чтобы пробиться в какую-либо лучшую область, где конституция дала бы им хоть какую-нибудь защиту. Известно, какая охотничья травля была устроена на них при посредстве улан и подстрекаемых крестьян. Известно, как сейчас же после их отступления, крупная бур-

жуазия выползла вновь, приказала снести баррикады и построила в честь приближающихся прусских героев триумфальную арку. Известно, как Гаген и Золинген были отданы в руки пруссаков прямой изменой буржуазии, и лишь Изерлон выдержал неравный двухчасовой бой против нагруженных уже добычей из Дрездена победителей—24-го полка.

Часть эльберфельдских, золингенских и мюльгеймерских рабочих благополучно пробралась в Пфальц. Здесь они встретились со своими земляками, бежавшими после разгрома прюмского цейхгауза. Вместе с ними они образовали состоящую почти исключительно из рейнских уроженцев роту в волонтерском отряде Виллиха. Все их товарищи должны признать, что всюду, где им пришлось быть в огне, а также в последнем решительном бою, они дрались очень храбро.

Эльберфельдское восстание заслуживает подробного изложения уже по одному тому, что как-раз здесь наиболее резко выяснились и развились позиции различных классов в конституционном движении. В остальных городах горного округа движение всецело походило на эльберфельдское, за исключением того, что там участие или неучастие различных классов в движении было менее последовательным, ибо сами классы там не так резко разграничены, как в промышленном центре области. В Пфальце и в Бадене, где почти не существует концентрированной крупной промышленности, а следовательно, и развившейся крупной буржуазии, где классовые отношения складываются более патриархально, смешение классов, явившихся носителями революционного движения, было еще более хаотичное. Мы отметим это позднее и в то же время увидим, что все эти вспышки восстания группируются вокруг мелкой буржуазии, являющейся кристаллизационным центром конституционных благоглупостей.

Попытки восстания в Рейнской Пруссии в мае прошлого года ясно показывают, какую позицию может занять эта часть Германии в революционном движении. Окруженная семью крепостями, из которых три являются для Германии первоклассными, занятая непрерывно почти третьей частью всей прусской армии, прорезанная по всем направлениям железными дорогами, снабженная целым флотом для военного транспорта, Рейнская область может лишь при совершенно исключительных условиях

получить шансы для успешного восстания. Лишь захватив крепости, жители рейнской области могут добиться какого-нибудь успеха с оружием в руках. А этот случай может представиться либо тогда, когда военная власть будет терроризована и потеряет голову от грозных внешних событий, либо если вся армия или часть ее присоединится к движению. Во всяком другом случае восстание в Рейнской провинции заранее обречено на неудачу. Быстрый поход баденцев на Франкфурт и пфальцев на Трир мог бы, повидимому, немедленно поднять восстание на Мозеле, Эйфеле, в Нассау и в обоих Гессенах и заставить войска средне-рейнских государств, тогда еще благожелательно настроенные, примкнуть к движению. Не подлежит никакому сомнению, что все рейнские войска, и в особенности вся 7-я и 8-я артиллерийские бригады, последовали бы их примеру или, по крайней мере, достаточно громко выразили бы свое намерение, чтобы заставить прусский генералитет потерять голову. Вероятно, многие крепости попали бы в руки народа, и если не Эльберфельд, то большая часть левого берега Рейна была бы, во всяком случае, спасена. Все это, а может-быть, и еще больше, было потеряно, благодаря мерзкой, торгашески-мещанско-трусливой политике высокомудрого баденского „комитета“.

С поражением рейнских рабочих погибла и единственная газета, в которой они находили открытую и решительную защиту своих интересов — „Новая Рейнская Газета“. Ее главный редактор, хотя и уроженец Рейнской области, был выслан из Пруссии. Другим редакторам предстоял прямой арест, остальным — немедленная высылка. Кельнская полиция объяснила это с величайшей наивностью и детально доказала, что знает за каждым достаточное количество поступков, чтобы действовать тем или иным образом. Итак, газета должна была прекратиться в тот момент, когда ее неслыханно быстро разросшееся распространение более чем обеспечило ее существование. Редакторы рассеялись по различным немецким странам, где восстание уже кончилось или еще продолжалось; некоторые отправились в Париж, где предстоял новый поворотный пункт. Никто из них не избежал ареста или высылки во время или после движений этого лета и, таким образом, никто не избежал судьбы, которую кельнская полиция уготовила им от

доброго сердца. Часть наборщиков отправилась в Пфальц и вступила в армию.

И рейнское восстание должно было закончиться трагически. Три четверти Рейнской области было объявлено на осадном положении, сотни людей были брошены в тюрьму, и заключительным аккордом восстания явился расстрел трех участников штурма прюмского цейхгауза — вечером, накануне дня рождения Фридриха-Вильгельма IV Гогенцоллерна.

Vae victis! *).

---

*) Горе побежденным!

ВОЗМОЖНОСТЬ И ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЙНЫ СВЯЩЕННОГО СОЮЗА ПРОТИВ ФРАНЦИИ В 1852 г.

Я считаю, что всякая победоносная революция в Париже в 1852 г. немедленно поведет к войне Священного союза против Франции. Война эта будет сильно отличаться от войны 1792—94 гг., и ход последней ни в коем случае не может служить основанием для параллелей насчет первой.

I.

Чудо, совершонное конвентом и выразившееся в военном преодолении коалиции, серьезно уменьшается в своих размерах при внимательном рассмотрении. Можно понять и оправдать презрение, которое питал Наполеон к четырнадцати армиям конвента. Наполеон имел обыкновение говорить, что недотепы коалиции могли бы действовать гораздо лучше, и на острове св. Елены отзывался о Карно, как о человеке очень посредственном.

Девяносто тысяч пруссаков и австрийцев вторглись во Францию в августе 1792 г. Прусский король был намерен итти прямо на Париж но герцог Брауншвейгский и австрийские генералы воспротивились этому. Единство командования отсутствовало. Быстрые движения следовали за беспричинным стоянием на месте. Планы менялись. Когда союзники прошли, наконец, через Аргонские проходы, Дюмурье преградил им дорогу у Вальми и Сен-Менегульда. Союзники могли обойти его и оставить в стороне. Он должен был следовать за ними к Парижу и при известных мерах предосторожности не мог быть опасным. Но союзники имели возможность также итти прямо на врага и разбить его, ибо,— по признанию самих французов,—на стороне союзников было численное и качественное превосходство. Но вместо этого они устроили смехотворную канонаду у Вальми, где во время боя, и даже в момент атаки колонн, генералы не один раз проявляли

недопустимую трусость. При обеих атаках недоставало массы, силы и энергии. В этом была вина не солдат, а командного состава. Скорее это были демонстрации, чем настоящие атаки. Решительное наступление по всей линии опрокинуло бы французских волонтеров и деморализованные полки. После боя союзники стояли на месте, пока солдаты не начали болеть. При Жемаппе Дюмурье [8]) победил тем, что он сначала полуинстинктивно австрийской системе кордонов и бесконечно длинных фронтов (от Остенде до Мааса) противопоставил массовую концентрацию своих сил. Но в следующую весну, желая завоевать Голландию, он впал в аналогичную ошибку, в то время как австрийцы наступали концентрированно. В результате — битва при Неервиндене и потеря Бельгии. Как при Неервиндене, так и в более мелких стычках этой кампании обнаружилось совершенно ясно, что французские волонтеры — прославленные герои, когда они не сражались на глазах у Дюмурье, — были нисколько не лучше южно-немецкого народного ополчения 1849 г. Затем Дюмурье изменил, восстала Вандея, армия была рассеяна и деморализована, и если бы сто тридцать тысяч австрийцев и англичан решительно двинулись на Париж, революция была бы раздавлена. Вместо этого почтенные господа стояли перед крепостями, лезли из кожи вон, чтобы добиться самых ничтожных успехов при огромной трате стратегической педантичности. И так они потеряли шесть месяцев. Французская армия, после измены Лафайета, насчитывала 120 тысяч. 1792 год дал 60 тысяч волонтеров. К марту 1793 г. имели 300 тысяч. В августе, когда был объявлен массовый набор, французская армия насчитывала 300 — 350 тыс. человек. Массовый набор дал 700 тыс. Принимая во внимание все потери, к весенней кампании 1794 г. французы имели на фронте около 750 тыс., т.-е. значительно больше, чем коалиция против Франции.

С апреля по октябрь 1793 г. французы зашли в тупик на всех направлениях. Но удары на них не имели решающих результатов, благодаря дрянной системе коалиции. После октября боевое счастье колебалось, зимой кампания остановилась. Весной 1794 г. масса мобилизованных приняла участие в боях. В результате — победы на всех фронтах в мае, пока, наконец, битва при Флери не решила судьбы революции.

Конвент и министерство 10-го августа имели таким образом достаточное время для вооружения. С 10-го августа по март 1793 года не делалось ничего, волонтерам едва платили. В марте 1793 года взяли под ружье 300 тысяч человек; с марта по следующий март в течение целого года Конвент имел время и свободу вооружаться, при чем 10 месяцев относятся ко времени, когда после падения жирондистов революционная партия имела руки совершенно развязанными. А в стране, насчитывающей 25 миллионов жителей и располагающей нормальным контингентом граждан, способных носить оружие, собрать миллион солдат, из них 750 тысяч на фронте, имея в своем распоряжении год,—для этого не нужно быть чародеем.

За исключением Вандеи роль остальных внутренних восстаний нужно приравнять к нулю. Вместе с Тулоном и Лионом они были подавлены в 6 недель. Лион был взят рекрутами, а Тулон пал под сокрушительным ударом Наполеона благодаря энергии нападающих и недостатку защитников.

Среди 750 тысяч человек, которых в 1794 году французы выдвинули против коалиции, по крайней мере 100 тысяч были солдатами еще при монархии, а 150 тысяч других состояли частью из волонтеров, частью из 300-тысячного набора и в течение 18 — 12 месяцев успели приобрести некоторую опытность в военном деле. Из остальных 500 тысяч, по крайней мере половина принимала участие в столкновениях сентября, октября и ноября, и самые молодые находились под ружьем около 3-х месяцев, прежде чем они пошли против врага. Наполеон в испанском походе считал 3—4 недели достаточным сроком предварительного военного обучения. Штабные и боевые офицеры в среднем у союзников стояли на более высоком уровне. Но в общем французская армия 1794 года была благодаря времени, оставленному ей на организацию, благодаря вечно безрезультатной системе действий у союзников, которая опытную и в особенности наступающую армию деморализует, а армию противника, если она молодая и ведет оборонительную борьбу, дисциплинирует и приучает к войне,—французская армия 1794 года была отнюдь не грубая, шумная, воодушевленная толпа с лозунгом умереть за республику, но самая настоящая и вполне приличная армия, равная своему противнику. Французские же генералы 1794 года сильно подтянулись,

хотя делали достаточно ошибок, но гильотина обеспечивала единство командования и согласованность операций там, где представители Конвента, что бывало в виде исключений, на собственный риск, не делали глупостей. Много их осталось на совести у блаженного Сан-Жюста.

Несколько замечаний о массовой тактике:

1. Первая грубая идея ее родилась из счастливого маневра при Жемаппе, скорее инстинктивного, чем планомерно рассчитанного. Она родилась из тяжелого положения французской армии, нуждавшейся в численном превосходстве, чтобы иметь доверие к своим силам. Масса должна была заменить дисциплину.

2. Эта массовая тактика осталась в зачаточном состоянии, и, например, в 1794 году она не применялась французами при Туркуэне и Флери (французы вместе с самим Карно делали грубейшие ошибки), пока Наполеон во время шестинедельного пьемонтского похода в 1796 году уничтожением превосходных сил неприятеля по частям не показал людям, к чему они приходят, сами того не сознавая.

3. Что касается до Карно, то молодец представляется мне все более подозрительным. Определенно судить я, конечно, не могу, у меня нет его депеш к генералам. Но из того, что есть, вытекает, что главная заслуга его заключается в безграничном невежестве и неспособности предшественников Паша и Бушотта и в полном незнакомстве всего остального комитета общественного спасения с военными вопросами. В царстве слепых на троне восседает кривой. Карно—старый инженерный офицер—уже в качестве комиссара при северной армии, знал, какая армия и крепость нуждались в каком материале, и чего французам вообще недоставало. В то же время он имел известное представление о том, каким образом можно привести в движение военные ресурсы такого государства, как Франция. И так как при наличности необученных масс рекрут известное расточение военных ресурсов может произойти лишь бы только была достигнута главная цель — быстрая мобилизация этих ресурсов, то Карно и не нуждается в том, чтобы быть большим гением, если нужно понять достигнутые им результаты. Что меня заставляет сомневаться в приписываемом ему изобретении массовой тактики, так это то, что его

широкие планы 1793—1794 годов опирались как-раз на противоположную систему войны: он разделял французские армии вместо того, чтобы их концентрировать, и оперировал против флангов неприятеля таким образом, что тот сам собой сосредоточивался. А затем его позднейшая карьера—добродетельное рыцарство при консулате, храбрая защита Антверпена,—защита крепости в среднем лучший пост для посредственного методичного, но наделенного известной настойчивостью офицера, чтобы отличиться,— и притом осада Антверпена продолжалась всего около 3-х месяцев; наконец, его попытка навязать Наполеону в 1814 году против сосредоточенных в количестве 1.200.000 войск коалиции и при совершенно изменившихся обстоятельствах средства борьбы 1793 года и его филистерство,—вообще все это не говорит в пользу гения Карно. Если он и был в чем-нибудь гениален, так только в том, что обыкновенный человек навряд ли сумел бы проскользнуть через термидор, фрюктидор, брюмер.

Подведем итог. Конвент обязан своим спасением единственно и исключительно неорганизованности коалиции, благодаря которой он получил годичную передышку. Он спасся таким же точно образом, как старый Фриц в Семилетней войне или как Веллингтон в Испании в 1809 году, когда французы превосходили его и в количественном, и в качественном отношении по крайней мере втрое и только тем парализовали свою колоссальную силу, что после отъезда Наполеона маршалы всеми возможными способами подставляли друг-другу ножку.

II.

Нынешняя коалиция, конечно, далеко ушла от глупостей 1793 года. Она прекрасно организована. Так было уже в 1813 году. Русская кампания 1812 года сделала Россию основной силой всего Священного союза в деле континентальной войны. Ее войска составили главную массу, вокруг которой группировались Пруссия, Австрия и остальные, русская армия представляла остов коалиционной армии до самого Парижа. Александр I фактически являлся главнокомандующим всей армией (речь идет о русском генеральном штабе, стоявшем позади Александра). Но после 1848 года Священный союз конструиро-

вался на еще более солидном основании. Развитие контр-революции от 1849 до 1851 годов поставило континент, за исключением Франции, по отношению к России в такое положение чистого рабства, в котором в свое время находились Италия и Рейнский союз по отношению к Наполеону. Николай I, вернее Паскевич[6]),— неизбежный диктатор над Священным союзом в случае войны, как Нессельроде[7]) является диктатором во время мира.

Далее, что касается нынешнего военного искусства, то оно всецело сложилось при Наполеоне. До наступления известных обстоятельств, о которых речь ниже, не остается ничего другого, как подражать Наполеону, поскольку позволяют условия.

Это современное военное искусство широко известно. В Пруссии оно вбивается в голову каждого лейтенанта еще перед тем, как он держит экзамен на портупей-юнкера, поскольку, конечно, этот лейтенант в состоянии что-либо усвоить.

Что касается до австрийцев, то в течение венгерской кампании они имели случай узнать и устранить своих плохих специфически австрийских генералов — Виндишгреца, Вельдена, Геца и других старых баб. Напротив, так как мы не пишем больше в „Новой Рейнской Газете“, то мы можем не иметь иллюзии: обе кампании Радецкого в Италии — проведены мастерски. Кто ему помогал,—безразлично, но старик обнаружил достаточно здравого уменья усвоивать хорошие мысли. Оборонительная позиция 1848 года между четырьмя крепостями Пескиерой, Мантуей, Леньяго и Вероной (все четыре стороны этого четырехугольника достаточно хорошо прикрыты), и защита Радецким этой позиции, пока он не получил подкреплений посреди восставшей страны, были бы образчиком мастерства, если бы австрийцы не получали могущественной поддержки от жалкого руководства, бессмыслицы и вечных колебаний итальянского командования, интриг Карла-Альберта и содействия аристократов и попов во враждебном лагере. Нельзя при том забывать, что Радецкий был в плодороднейшей стране света и мог не заботиться о снабжении своей армии. Напротив, кампания 1849 года для австрийцев неслыханна. Пьемонтцы вместо того, чтобы сосредоточенными массами загородить дорогу на Турин у Наварры и Мортары (линия в 3 мили длины),

что было самое лучшее, или оттуда, свернувшись в две или три колонны, итти на Милан, растянулись от Сесты до Пиаченцы с 70-ю тысячами на протяжении 20 миль, так что на каждую милю приходилось 3.500 человек, и нужно было пройти от трех до четырех больших дневных маршей, чтобы перейти с одного крыла на другое. Жалкая концентрическая операция против Милана, на которую они были вообще слабы! Радецкий, видя, что итальянцы применяют старую австрийскую систему 1792 года, поступил с ними точь в точь так, как делал Наполеон. Пьемонтская линия рекой По была разделена на две части — грубейшая ошибка. Радецкий прорвал эту линию около По, отделил таким образом две южных от трех северных дивизий, бросив массу своих войск в 60 тысяч между ними, обрушился затем всеми силами на северные дивизии (35 тысяч), отбросил их в Альпы и в результате отрезал обе части пьемонтской армии друг от друга и от Турина. Этот маневр, кончивший всю кампанию в три дня и почти буквально скопированный с наполеоновского маневра 1809 года у Абенсберга и Зекмюля, гениальнейшего из всех наполеоновских маневров, показывает во всяком случае, что австрийцы далеки от того, чтобы по своему старому обычаю парадировать „медленно вперед". Здесь как-раз все решила быстрота. Измена аристократов облегчила дело, благодаря точным сведениям, которые они давали о планах и расположении итальянцев; также поведение савойской бригады, которая не сражалась, а грабила. Но с военной точки зрения одно несчастное расположение пьемонтцев и маневр Радецкого вполне объясняют успех австрийцев. Эти два факта при всех обстоятельствах должны были дать результат.

Русские по самой природе их армии приспособлены к военной системе, которая близко подходит к современной. Их армия состоит главным образом из массивной полуварварской, тяжелой на подъем пехоты и многочисленной легкой, также полуварварской, нерегулярной кавалерии (казаки). Русские в решительных случаях в больших сражениях никогда не применяли другой тактики, кроме массовой. Суворов понимал это еще при штурме Измаила и Очакова. Подвижность не является характерным признаком русской армии, но отсутствие ее возмещается обилием нерегулярной кавалерии, которая окружает

армию со всех сторон и маскирует ее движение. Именно эта тяжелая массивность русской армии делает ее великолепно приспособленной к тому, чтобы быть ядром и спинным хребтом коалиционной армии, которая всегда отличается большей неповоротливостью, чем национальные армии. Эту роль русские великолепно выполняли в 1813—14 гг., и в кампании указанных лет не было ни одного плана сражения, в котором бы на долю глубоких и густых русских колонн не отводилось решающего значения.

Французов с 1812 года уже нельзя считать преимущественно перед другими носителями наполеоновской традиции. Эта традиция более или менее усвоена всеми европейскими армиями; в каждой она произвела по большей части уже в последние годы империи целую революцию; для каждой наполеоновская тактика, поскольку ее удалось применить к национальному характеру армий, стала составным элементом стратегии и тактики вообще. Нивеллирующее влияние буржуазной эпохи здесь чувствуется сильнее всего. Старые национальные особенности армий—накануне своего исчезновения; французская, австрийская, прусская армии, отчасти и английская, для наполеоновского маневра представляют одинаково более или менее приспособленную машину. Это не мешает тому, что в сражениях они могут обнаруживать совершенно различные качества. Но из всех больших европейских армий только полуварварская русская способна к самостоятельной тактике и стратегии, так как она недостаточно созрела для современной вполне развитой военной системы.

Что касается французов, то они прервали нить наполеоновской традиции большой войны, благодаря алжирским операциям. Нужно еще доказать, уравновешивает ли эта разбойничья война свои вредные для дисциплины стороны преимуществами создания военной привычки, приучает ли она людей к боевой работе, или же только изматывает их перенапряжением сил, и не портит ли она вдобавок глаз генералам для большой войны. Во всяком случае, французская кавалерия в Алжире испортилась, она потеряла силу, способность к сомкнутому удару и приучилась к рассыпным действиям, в которых все равно она останется далеко позади венгерцев, казаков и поляков. Из генералов Кудино скомпрометировал себя перед Римом, а Ка-

веньяк отличился в июне кровавым усмирением парижских рабочих, но это уже не такие большие заслуги.

Шансы превосходящей стратегии и тактики, таким образом, в одинаковой степени на стороне коалиции, как и на стороне революции.

III.

Но если новая революция вызовет к господству новый класс, то не даст ли она ему в руки новые военные средства, и не создаст ли новую военную тактику, перед которой наполеоновская будет такой же устарелой и бессильной, как перед наполеоновской тактика Семилетней войны? Новая военная тактика—необходимый продукт французской революции. Ее предпосылка—социальная и политическая эмансипация буржуазии и мелкого крестьянства. Буржуазия дает деньги, мелкое крестьянство поставляет солдат. Эмансипация обоих классов от феодальных и цеховых оков необходима, чтобы поставить на ноги нынешние колоссальные армии. И связанная с нынешней ступенью общественного развития степень богатства и образования равным образом необходима, чтобы дать для современной армии необходимое количество оружия, амуниции, жизненных припасов, а также нужное число образованных офицеров, и чтобы дать солдату необходимую интеллигентность.

Я беру нынешнюю военную систему в том виде, в каком ее создал Наполеон. Две ее отличительных особенности: массовый характер наступательных средств в виде людей, лошадей и пушек и подвижность этих средств. Подвижность—неизбежное следствие массового характера армии. Современные войска не могут, как маленькие армии Семилетней войны, в течение месяцев маршировать на пространстве 20-ти миль туда и сюда. Они не могут удовлетворять всю свою потребность в жизненных средствах из магазинов. Подобно рою саранчи, наводняют они тот или другой район страны, реквизируют все, что только можно в пределах досягаемости их кавалерии, и должны итти дальше, так как уже все съедено. Магазины служат для того, чтобы покрывать непредвиденные потребности, они каждый момент опустошаются и должны снова наполняться. Они быстро следуют за армией в ее посту-

пательном движении и едва ли способны самостоятельно ее продовольствовать в течение одного месяца.

Современная кампания, таким образом, невозможна в бедной, полуварварской, слабо населенной стране в течение продолжительного времени. Французы в такой обстановке потерпели в Испании медленное, а в России быстрое крушение. Зато Испания, благодаря французам, подверглась основательному разорению, страна была совершенно высосана, а русские свою собственную тяжеловесную военную систему не могут применять долгое время в Польше, а в России тем более, так как она совсем не имеет железных дорог. Защита Днепра и Двины совершенно бы разорила страну.

К подвижности нужно прибавить известную степень умственного развития солдата, который в некоторых случаях должен уметь помогать себе сам. Большие размеры области патрулирования и фуражировки, постовая служба, значительная активность, требующаяся от каждого солдата, частое повторение случаев, в которых солдат действует самостоятельно и полагается на свои собственные материальные ресурсы, наконец, большое значение огневого боя, результат которого зависит от интеллигентности, глазомера и энергии отдельного стрелка,—все это подразумевает бо́льшую степень развития унтер-офицера и солдата, чем было при старом Фрице. Варварская или полуварварская нация не может проявить таких способностей в массе так, чтобы первые лучшие 500—600 тысяч, которые попадают в набор, были дисциплинированы, вымуштрованы и в то же время обладали глазомером для малой войны. Этот глазомер разбойника варвары могут получить только от природы, например, казаки. Но казаки так же неспособны к регулярной военной службе, как, наоборот, русские пехотинцы из крепостных крестьян неспособны к рассыпному стрелковому бою.

Эта необходимая ступень умственного развития, которую современная военная система предполагает в каждом солдате, имеется в наличности только в промышленных странах: в Англии, где солдат, каким бы грубым крестьянином он ни был, проходит цивилизующую школу городов; во Франции, где эмансипированные мелкие крестьяне и тертый люмпен-пролетариат городов составляют армию; в северной

Германии, где феодализм, если не уничтожен, то, по крайней мере, принял буржуазные формы, и где города дают значительный процент контингента армии; наконец, отчасти такая степень умственного развития существует и в австрийской армии, по крайней мере, в той ее части, которая рекрутируется в наименее феодальных областях. Всюду, за исключением Англии, мелкая крестьянская парцеллярная культура составляет базис армии, и армия тем приспособленнее к современному ведению войны, чем ближе положение мелкого крестьянина к положению свободного собственника.

Но не только подвижность каждого в отдельности солдата, но также и целых масс предполагается высотой цивилизации буржуазной эпохи. Сонная неповоротливость дореволюционных армий находилась в тесной связи с феодальной системой. Одна только масса офицерских экипажей затрудняла всякое движение. Армии так же медленно ползли, как в общем происходило движение по тогдашним путям сообщения. Расцветшая бюрократия абсолютных монархий вносила известный порядок в управление человеческим материалом, но ее близость к финансовым сферам являлась источником огромных злоупотреблений. Если вообще бюрократия в чем-нибудь приносила армиям пользу, то она им вредила вдвойне своим духом схематизма и педантичности. Хорошим свидетелем этого является сам старый Фриц. Россия страдает до сих пор под гнетом всех этих зол. Русская армия, обдираемая и ограбляемая, хронически голодает, и в походах люди падают, как мухи. Только буржуазное государство вносит известную упорядоченность в снабжение своей армии и вследствие этого может некоторым образом рассчитывать на ее подвижность.

Что касается до подвижности, то она во всех отношениях является свойством буржуазных армий. Но подвижность не всегда является необходимым дополнением массового характера армий: часто она заменяет его (например, Наполеон в Пьемонте в 1796 году).

Но сам по себе массовый характер—такая же необходимая особенность современных армий, как и подвижность.

Как бы различны ни были методы мобилизации—конскрипция, система прусского ландвера, швейцарская милиция, массовый набор, опыт последних 60 лет показывает, что при бур-

жуазном порядке и системе мелкого крестьянского хозяйства ни в одной народной войне не было привлечено под ружье больше 7% населения и активно использовано больше 5%.

Франция осенью 1793 года с 25-ю миллионами населения оказалась способной выставить 1.750.000 солдат из которых 1.250.000 находились на фронте. Эти 1.250.000 сражались всюду—на границах, в Вандее, перед Тулоном. В Пруссии, населяемой теперь 16-ю миллионами, 7% и 5% составили бы 1.200.000 и 800.000. Вся прусская армия—перволинейные войска и ландвер насчитывают всего 600.000. Этот пример показывает, что такое значит для нации 5%. Но если Франция и Пруссия в состоянии призвать 5% своего населения и даже 7% под знамена, то Австрия, в крайнем случае, в состоянии дать 5%, а Россия—только 3%. 5% для Австрии означают 1.750.000, считая размер ее населения в 35 миллионов. В 1849 году Австрия напрягла все свои силы и имела всего 550.000. Венгерцы, силы которых были удвоены кошутовскими нотами, собрали около 350.000. Я принимаю в расчет еще 50 тысяч ломбардцев, уклонившихся от набора или же сражавшихся в рядах пьемонтцев. В сумме оказывается 950.000, что не составляет даже $2^2/_3$% населения, при чем кроатская военная граница, живущая в исключительных условиях, поставила, по крайней мере, 15% своего населения. Россия имеет по минимальной оценке 72 миллиона жителей и, таким образом, при 5% могла бы выставить 3.600.000. Но на самом деле она, считая регулярные и нерегулярные войска, никогда не имела больше 1.500.000, из которых против неприятеля даже в собственной стране можно было вести 1.000.000. Это значит, что вся ее сила определяется в $2^1/_2$%, а активная сила—в $1^7/_{18}$% или 1,39%. Редкое население на огромном пространстве, недостаток сообщений и ничтожное национальное производство объясняют это достаточно.

Так же, как и подвижность, масса наступательных средств составляет необходимый результат высшей ступени цивилизации, и специально нынешняя пропорция вооруженной массы и общей численности населения неотделима от общественного порядка, стоящего под знаком господства эмансипированной буржуазии. Современная военная тактика, таким образом, предполагает эмансипацию буржуазии и крестьянства и составляет военное выражение этой эмансипации.

Эмансипация пролетариата также будет иметь свое военное выражение и создаст новый метод ведения войны. Это ясно. Можно даже определить, какие материальные основы будут лежать в основе новой системы ведения войны.

Но столь же далеко, как голое завоевание политического господства современным пестрым, частью составляющим хвост других классов, пролетариатом отстоит от действительной эмансипации пролетариата, состоящей в уничтожении всяких классовых различий, так же далеко будут отстоять начальные попытки нового ведения войны ожидающейся революции от военной тактики эмансипировавшегося пролетариата.

Действительное освобождение пролетариата, полное устранение всех классовых отличий, полное обобществление всех средств производства в Германии и Франции предполагают содействие Англии и, по крайней мере, удвоение имеющихся в наличности во Франции и Германии средств производства. Как-раз это последнее предполагает, в свою очередь, новый способ ведения войны. Величайшей важности открытия Наполеона в науке военного дела не могут быть устранены путем чуда. Новая военная наука должна быть в такой же степени необходимым продуктом новых общественных отношений, как созданная революцией и Наполеоном представляла результат данных революцией новых условий. Но как и в пролетарской революции по отношению к индустрии речь идет не о том, чтобы уничтожить паровые машины, а о том, чтобы увеличить их количество, так и в системе ведения войны: задача заключается не в уменьшении подвижности и массового характера армии, а в их усложнении.

Предпосылкой наполеоновского ведения войны были выросшие производительные силы. Предпосылкой каждого нового усовершенствования в ведении войны должны быть также новые производительные силы. Железные дороги и электрический телеграф уже теперь дали бы повод талантливому генералу или военному министру к совершенно новым комбинациям. Постепенное возрастание производительных сил вместе с количеством народонаселения создали возможность для образования более многочисленных армий,

чем до сих пор. Во Франции 36 миллионов вместо 25 дают в виде 5% не 1.250.000, а 1.800.000. В обоих случаях сила цивилизованных стран против варварских относительно возрастает. Они одни имеют большие железнодорожные сети, и население таких стран растет более сильным темпом, чем, например, России. Все эти расчеты доказывают, между прочим, что длительное угнетение Западной Европы Россией невозможно и с каждым днем делается еще более невозможным.

Сила нового способа войны, нарождающегося с уничтожением классовых различий, состоит, однако, не в том только, что ставящиеся под ружье 5% с ростом населения превращаются в более значительную массу. Она заключается еще в том, что создается возможность призывать под оружие не 5—7, а 12—16% населения, т.-е. две трети взрослых мужчин от 18-ти до 30 или 40 лет. Но так же, как и Россия не может увеличить свою боеспособную силу с 2—3 до 5% без полного переворота во всей своей внутренней социальной и политической организации и, прежде всего, производства, так же не в состоянии Германия довести процент призываемого населения с 5 до 12, не революционизируя производства и не увеличивая, по крайней мере, вдвое его результатов. Если только средняя работа каждого производителя увеличивается благодаря машине вдвое,—вдвое больше, чем теперь, число людей может быть отвлечено от работы хотя бы на короткое время, потому что долго страна не может держать на ногах даже 5%.

Если эти условия выполнены, если национальное производство поднялось и достаточно организовано, если в обществе нет больше деления на классы, что совершенно необходимо,—тогда только вся наличность способного носить оружие населения может быть призвана на службу. Это означает 15—20%, из которых 12—15% может быть направлено против неприятеля. Но эти огромные массы будут иметь совсем не такую подвижность, как нынешние армии. Без широко развитой железнодорожной сети они ни смогут ни сосредоточиваться, ни прокармливать себя, ни снабжаться амуницией, ни передвигаться. Без электрического телеграфа ими нельзя управлять. И так как по отношению к таким огромным массам невозможно, чтобы стратегом и тактиком (т.-е. командующим непосредственно на поле сражения) было одно и то же лицо, то в

данной области становится необходимым разделение труда. Стратегические операции, взаимодействие различных корпусов должны направляться из центрального пункта по телеграфным линиям, тактические — командирами отдельных частей. Что при таких обстоятельствах войны будут решаться в гораздо более короткий срок, чем при Наполеоне,—ясно само собой. Издержки войны делают это нужным, а решающее значение каждого удара с такими массами — неизбежным. По своей численности и стратегической подвижности армии должны действовать ужасающе. Тактическая подвижность (при патрулировании и огневом бое на поле сражения) с такими солдатами также значительно возрастет; они крепче, интеллигентней и гибче, чем все то, что может дать нынешнее общество.

К сожалению, все это может осуществиться только долго спустя, к тому времени, когда подобные массовые войны станут невозможными из-за отсутствия врагов. В первое время пролетарской революции таких условий еще не будет и меньше всего они могут быть в 1852 году.

Пролетариат во Франции представляет едва вдвое большую величину, чем в 1789 году. Тогда, по крайней мере, с 1792 по 1794 год, пролетариат был вооружен и постоянно находился в боевой готовности. И тогда же выяснилось с очевидностью, что в революционных войнах при наличности сильных внутренних опасностей масса пролетариата необходима для внутреннего употребления. То же самое будет иметь место и теперь, ибо шансы контр-революции внутри страны возрастут с приближением союзников. Пролетариат сможет послать только незначительный контингент в активную армию. Главный источник армии составит люмпен-пролетариат и крестьянство. Это значит, что революции придется вести войну средствами и методами современной военной тактики. Только доктринер будет надеяться, что такими средствами, имея 4—5% населения в активной армии, можно творить новые комбинации и изобретать никому не известные сокрушительные методы. Достигнуть старыми средствами новых результатов в военном искусстве так же трудно, как увеличить продуктивность ткацкого станка без движущей силы, заменить ручную работу паром, не изобретая новых средств производства, имеющих чрезвычайно мало общего с ручным

ткацким станком. Только появление новых сильнейших средств делает возможным достижение новых могучих результатов. Каждый великий полководец, который посредством новых комбинаций создает эпоху в военной истории, или же находит сам новые материальные средства, или дает новое применение материальным средствам, имевшимся до него. Между Тюренном и старым Фрицем лежит революция в пехоте, вытеснение пики и фитильного ружья штыком и кремневым ружьем. То, что сделало эпоху в военной тактике старого Фрица, состоит в переработке всех основ стратегии и тактики сообразно ранее вошедшим в употребление орудиям войны. Точно так же делающая эпоху в военном деле заслуга Наполеона состоит в том, что для созданных уже колоссальных армий он нашел единственно правильное стратегическое и тактическое применение и сделал это настолько хорошо, что даже лучшие современные генералы в своих самых ловких и талантливых операциях стремятся только копировать его.

Подведем итоги. Революции придется с современными военными средствами и современным военным искусством бороться против современных военных средств и современного военного искусства. Шансы военного таланта в такой же степени на стороне Франции, как и на стороне коалиции. Победу таким образом принесут более сильные батальоны.

IV.

Теперь посмотрим, насколько сильны будут эти батальоны с обеих сторон.

Россия. Русская армия по спискам мирного времени номинально достигает 1.100.000, фактически же 750.000. Начиная с 1848 года правительство настойчиво стремится довести свою армию до размеров 1.500.000. Николай I вместе с Паскевичем энергично работают в этом направлении. Минимальное количество войск, находящихся в распоряжении России, сейчас достигает 1.100.000. Из них нужно вычесть расположенные:

на Кавказе	100.000
в самой России	150.000
в польских провинциях	150.000
больных и пр.	150.000
Итого	550.000

Остается для наступательных операций 550.000. Это едва ли больше, чем Россия действительно послала за границу в 1815 году.

Пруссия. Действующая армия с призывом ландвера и еще 1—2 возрастов достигает, по крайней мере, 650.000. Правительство сразу могло бы мобилизовать 550.000, но я считаю 500.000. Они должны для гарнизонной службы выделить самое большее 150.000, так как постепенный призыв следующих возрастов, досрочный набор новобранцев будущего года и огромные силы русских, которые будут проходить через страну, составят совершенно достаточный резерв против внутренних восстаний. Также можно надеяться на меньшее число больных, ибо концентрация войск будет происходить в собственной стране, и марш им предстоит до Рейна далеко не такой длинный, как для русских. Но, как и в отношении русских, я отсчитываю целую половину и все-таки остается 250.000.

Австрия. Имеет под ружьем и может призвать сразу, так же, как и Пруссия, свой ландвер, по крайней мере, 600.000. Но и здесь я отсчитываю половину, хотя, по крайней мере, на двух третях территории монархии русские смогут до образования новых резервов играть сами роль резервов и держать под угрозой все очаги восстания. Против неприятеля для наступления остается 300.000.

Германский союз. Так как эти господа живут на самом Рейне или недалеко от него, они не нуждаются в гарнизонах для несения охранной службы, тем менее, что при первых же успехах коалиции против Франции резервные армии будут прежде всего формироваться в Германии. Германский союз выставит, по крайней мере, 120.000. Численность войск итальянских правительств, Дании, Бельгии, Голландии я принимаю за 80.000.

Итак, вся масса войск коалиции достигает 1.300.000, которые или уже находятся в полной боевой готовности, или же мобилизуются в самое короткое время. Эти общие итоги нельзя не считать преуменьшенными. Убыль от болезней мы принимаем настолько громадной, что из одних выздоровевших через два месяца на французской границе образуется вторая армия, примерно в 350.000. А так как ни одно правительство теперь, начиная войну, не окажется настолько неразумным, чтобы одно-

временно с выступлением в поход перволинейных войск не приступить к новым формированиям и не отправлять их постепенно на фронт, численность тыловой армии таким образом достигает еще более внушительных размеров.

Войска первой линии (1.300.000) будут сосредоточены в промежуток времени около 2-х месяцев. Что Австрия и Пруссия в состоянии в течение 2-х месяцев привести свои контингенты в боевую готовность,—за это порукой прошлогодние вооружения. Что касается русских, то концентрационными пунктами для них явятся примерно (смотри ниже) Берлин, Бреславль и Краков. От Петербурга до Берлина приблизительно 45 дневных маршей, от Берлина до Рейна 16, всего 61 по 5-ти немецких миль. От Москвы до Бреславля 48 маршей, от Бреславля до Майнца 20, итого 68. От Киева до Вены 40, от Вены до Базеля 22, всего 62. Если принять во внимание постои, которые необходимы для русских войск при маршах на такие длительные расстояния, все-таки ясно, что даже части русской армии, стоящие в Петербурге, Москве и Киеве, через три месяца окажутся на Рейне, и это при том условии, что все марши совершаются пешком, а не по железным дорогам или на лошадях. Но эти средства передвижения имеются в наличности повсюду в Германии и отчасти в России и Польше, и они, по крайней мере, укоротят время дороги на 15—20 дней. Но главная масса русских войск уже теперь стоит сосредоточенной в Польше, и при первых признаках кризиса туда, несомненно, будут двинуты новые войска, так что исходными пунктами движения русской армии нужно считать не Петербург, Москву и Киев, а примерно Ригу — Вильну — Минск — Дубно — Каменец. Это укорачивает протяжение марша на 60 миль, что равняется 12 походным и 4 постойным дням. При этом большая часть пехоты, в особенности та, которая следует из более отдаленных станций, сможет вестись, по крайней мере, каждый третий или постойный день, так что для этой части постойные дни будут являться маршевыми. Артиллерийский материал, снабжение и запасы займут железные дороги; запряжка и прислуга артиллерии будут частью ехать, частью итти и, таким образом, придут раньше, чем при обыкновенном грунтовом движении.

После всего сказанного я могу считать отнюдь не смелым и бездоказательным утверждение, что через два месяца после

взрыва революции во Франции с сосредоточением коалиционных армий на Рейне дело будет обстоять следующим образом:

Первая армия.

Первая линия в Пьемонте и на Рейне (пруссаки, австрийцы, русские)	750.000
Русские	300.000
Итого	1.050.000
Вторая линия (резервы 10 маршей позади), русские	250.000
Итого	1.300.000

Вторая армия.

Резервы маленьких народов, пруссаки, австрийцы новых наборов	200 000
Русские резервы в пути двадцать маршей назад	150.000
Итого	350.000
Обе армии вместе	1.650.000

В действительности же при настоящих условиях достаточно 5—6 недель для сосредоточения на Рейне 300.000 русских и для стягивания туда всех вышеперечисленных контингентов Пруссии, Австрии и других союзников. Но чтобы заранее учесть все непредвиденные трудности и затяжки, неизбежные во всех коалиционных войнах, я определяю необходимое время в два месяца. Расположение союзных войск в момент, когда Наполеон шел с острова Эльбы, было еще менее благоприятным для похода на Францию и, однако, когда Наполеон бился с англичанами и пруссаками у Ватерлоо, русские уже были на Рейне.

Какие же ресурсы сможет противопоставить союзникам Франция?

Первая линия состоит из 450.000, из которых 50 тысяч нельзя взять из Алжира. Из остальных 400.000 нужно вычесть больных, необходимый минимум для занятия крепостей, небольшие отряды для охраны сомнительных пунктов внутри страны, — остается самое большое 250.000.

Излюбленное средство современных красных — призвать под знамена отслуживших срок солдат—может быть успешно при-

менено к 6-ти возрастам, скажем от 27-ми до 32-х лет. Каждый возраст по набору будем считать за 80.000.

Опустошение алжирской войны и климата, обыкновенная смертность в течение последних 12 лет, убыль ставших негодными, выехавших из страны, а также всех тех, кто воспользовавшись беспорядками, сумеет ускользнуть от военной службы, сводят 480.000 призванных раньше солдат перечисленных возрастов на 300.000, которые явятся по новому призыву. 150.000 отчисляем на крепостные гарнизоны; последние будут комплектоваться, главным образом, из пожилых, большей частью женатых людей. Остается всего-навсего 150.000, которые при наличности достаточно умелого руководства в два месяца будут мобилизованы.

Народное ополчение, добровольцы, волонтеры или, как их там еще иначе называют,—это пушечное мясо. За исключением тысяч 10 gardes mobiles (подвижная гвардия), ни один из них не умеет обращаться с ружьем лучше, чем любой немецкий бюргер. Французы учат ремесло быстрей, но два месяца слишком короткий срок. И если Наполеон своих рекрутов через 4 недели батальонной школы посылал в бой, то, ведь, у него в распоряжении имелись, кроме того, отличные боевые кадры в то время, как первым результатом предстоящей революции будет дезорганизация армии. В этом отношении наши французские революционеры имеют хорошую традицию. Их первый клич будет: массовый набор! Два миллиона войск к границам. Два миллиона людей будут очень хороши, если только коалиция совершит такие же глупости, как в 1792—93 гг. и даст время эти два миллиона как следует обучить. Но о такой глупости с ее стороны, конечно, не будет и речи. Французам нужно будет через месяц быть готовыми встретить миллион неприятельских солдат на своих границах и оказать ему с шансами на успех надлежащее сопротивление.

Если французы ограничатся простым повторением 1793 года, они предпримут историю с двумя миллионами, и действительный результат через очень короткий срок окажется равным нулю. Обучение и организация полутора миллионов людей в 8 недель без кадра на практике сведется к самому бессмысленному расточению ресурсов и не даст увеличения действительной силы армии ни на один батальон.

Если же, напротив, они будут иметь обыкновенного военного министра с некоторыми сведениями по истории революционных войн и знанием методов быстрой организации армии, если ему не будут ставить препятствий, основанных на глупости или жажде популярности, он сможет держаться в границах осуществимого и сделать много. При этом проводить придется приблизительно следующий план.

Вооруженная сила складывается из двух составных частей.

1. Рабочая гвардия в городах, крестьянская в деревне, поскольку войска покидают страну, несет службу внутри.

2. Регулярная армия против вторжения. Крепостная служба выполняется опять-таки рабочей и крестьянской гвардией. Армия дает только самые необходимые отряды. Париж, Страсбург, Лион, Мец, Лиль, Валансьен—важнейшие крепости, которые в то же время являются большими городами, кроме их собственной гвардии и небольшого количества крестьянской милиции из окрестностей, нуждаются для своей защиты только в небольшом количестве войск. Несущие службу внутри страны гвардейцы из рабочих, поскольку их отряды наполняются безработными, соединяются в учебных лагерях и приготовляются к полевой службе под руководством старых офицеров и унтер-офицеров, негодных для войны, чтобы по мере возможности пополнять убыль в рядах действующей армии. Такой лагерь может быть устроен хотя бы в Орлеане. Он будет служить угрозой для легитимистски настроенных областей.

Линейные войска, которыми располагает Франция, утраиваются с 400.000 до 1.100.000 следующим образом. Каждый батальон развертывается в полк. Неизбежное повышение по службе внушит офицерам и унтер-офицерам не меньше почтения перед революцией, чем гильотина и военный суд. Неизбежное расширение кадров будет происходить постепенно, и, что нужно офицерам, они получат. При невозможности создать новых офицеров в два месяца это обстоятельство играет большую роль. И без того у средних и низших чинов французской армии так много национального чувства, что эти люди при шансах на карьеру, энергичном ведении военного министерства и некоторых видах на успех будут вести себя очень хорошо, в особенности, если с парой мятежников и дезертиров будет поступленно надлежащим образом. Ученики военных школ, чи-

новники управления дорог и шоссе дадут прекрасных артиллерийских и инженерных офицеров и после одного-двух сражений начнут развиваться столь часто встречающиеся у французов военные таланты, которые приучаются вести кампанию, как только попадают в огонь.

Что касается до солдат, то общее их количество составляет:

Первая линия	400.000
Призванные из запаса	300.000
Остается призвать и обучить	500.000

Всего 1.200.000; исключая 100.000 больных, получаем 1.100.000. Из них могут быть употреблены для активных операций:

Первая линия	250.000
Запасные	150.000
Рекруты	400.000
Итого	800.000

Что можно сделать с ними,—мы покажем. Обучение 400—500 тысяч рекрутов в качестве кадров линейной армии, при размещении их по ее полкам и батальонам в течение двух месяцев, не так трудно, если к делу будет приступлено на другой день после революции. Все получаемые таким путем подкрепления можно направлять в пехоту и артиллерию. В два месяца мыслимо обучить пехотинца и пригодного к самой простой и обыкновенной стрельбе из орудий канонира, но ни в коем случае не кавалериста. Прирост кавалерии, таким образом, будет чрезвычайно слаб. При всем этом плане вооружения подразумевается, что во главе стоит обыкновенный военный министр, который понимает и правильно оценивает политические условия, который обладает знаниями стратегическими, тактическими и техническими относительно войск всех родов оружия, который имеет надлежащую дозу энергии, быстроты и решительности и совершенно свободные руки от ослов, которым судьба пошлет счастье управлять вместе с ним. Но имеет ли „красная“ партия во Франции в своих рядах такого человека? Больше шансов за то, что, как обыкновенно, невежественный молодец, пользующийся репутацией хорошого демократа и считающий сам себя таковым в полном сознании

своей пригодности для любого поста, станет разыгрывать из себя Карно, объявит всеобщий призыв, совершенно дезорганизует все, очень скоро исчерпает до конца свое остроумие и в конце-концов окажется вынужденным передать дело рутине старых чиновников, а тем временем неприятельские армии подступят к воротам Парижа. Чтобы сопротивляться европейской коалиции теперь, нужно быть не Пашем, не Бушоттом и даже не Карно. Нужно быть Наполеоном или иметь чертовски глупых врагов и чертовски много счастья.

Не нужно упускать из вида, что при всех вычислениях мы брали максимум вооруженных сил на стороне французов и минимум на стороне коалиции, у которой при мало-мальски сносном оперативном руководстве количество войск окажется больше, а время их сосредоточения короче. По отношению к Франции, наоборот, время подготовки взято наибольшим, общая масса войск наивысшей по количеству, всевозможные вычеты доведены до крайнего минимума, таким образом, размеры действующей армии показаны максимально большими. Поэтому, если не считать непредвиденные глупости со стороны союзников, для революции взят самый благоприятный случай.

При этом мы предвидели еще, что революция и нашествие не сразу вызовут внутри страны гражданскую войну. Теперь после 60-ти лет со времени последней гражданской войны во Франции невозможно определить, насколько легитимистский фанатизм способен вызвать более или менее эфемерное восстание. Однако, ясно во всяком случае, что в такой же степени, в которой будет происходить продвижение союзников, будет одновременно возрастать возможность союза всех политически свергнутых классов и партий. Но примем и здесь благоприятнейший для революции случай, что пролетарская и крестьянская гвардия окажется в состоянии во-время и благополучно обезоружить мятежные департаменты и классы.

О шансах, которые окажутся в распоряжении революции при наличности восстаний в Германии и Италии, скажем то же самое.

V.

Мы теперь подходим к ведению самой войны. Если поставить на карте ножку циркуля на Париж и описать круг ра-

диусом, равным расстоянию от Парижа до Страсбурга, то периферия этого круга на юге коснется французской границы между Греноблем и Шамбери у Понт-де-Вуазена, затем последует за ней в северном направлении на Женеву, Юру, Базель, Страсбург и Гагенау, а после пойдет по Рейну до его устья. Если в отдельных пунктах она отходит от Рейна, то нигде расстояние между ними не достигает двух дневных маршей. Если бы Рейн являлся границей Франции, то с того пункта, где Альпы перестают прикрывать эту границу, до самого Северного моря Париж был бы одинаково удален от границы. Военная система Франции, в центре которой находится Париж, была бы верхом географического совершенства. Получается простая круговая дуга от Шамбери до Роттердама, которая все пункты единственной открытой границы Франции отводит на 70 немецких миль и в то же время прикрывает широкой рекой,—здесь лежит реальный военный базис утверждения, что Рейн является естественной границей Франции.

Но та же своеобразная конфигурация течения делает Рейн также исходным пунктом концентрических операций против Парижа, так как различные армии, чтобы одновременно прибыть к Парижу и быть в состоянии одновременно угрожать ему со всех сторон, должны одновременно выступить из пунктов, расположенных на равном расстоянии от города. Операции контр-революционной коалиции против Франции необходимо будут концентрическими, как бы ни были вообще опасными концентрические операции, когда центральный пункт их направления находится в руках неприятеля и даже составляет его операционный базис, ибо: 1) вместе с Парижем завоевывается Франция; 2) ни одна часть лежащей в пределах операций французской армии границы не может быть обнажена, так как иначе французы, послав свои войска в тыл коалиционным армиям, могут зажечь там восстание; 3) массы, которые каждая коалиция должна будет двинуть против Франции, нуждаются для своего прокормления во многих операционных линиях.

Долженствующая быть прикрытой для обеих армий граница идет от Шамбери до Роттердама. Испанскую границу мы совсем не берем в расчет. Итальянская от Бара до Изера защищается Альпами и отходит все дальше от Парижа, соста-

вляя тангенс упомянутого выше круга. Она может приниматься в соображение только в том случае, если: 1) укрепленные ущелья в Савойских Альпах, в частности проход Мон-Сенис, находятся в руках французов, 2) если на берегу желают сделать диверсию, для которой налицо должны быть реальные основания, 3) если французская армия после того, как уже все границы обеспечены, желает действовать наступательно подобно Наполеону в 1796 году. Для всех остальных случаев итальянскую границу можно сбросить со счета. Активные операции таким образом и для коалиции, и для Франции ограничиваются линией от Шамбери или Изера до Северного моря и областью, лежащей между этой линией и Парижем. И как-раз указанная часть Франции представляет территорию, как нарочно созданную для защиты, система ее рек и горных цепей расположена необычайно удачно в смысле защиты.

От Роны до Мозеля граница прикрыта длинной горной цепью, проходимой лишь в немногих местах: сначала Юрой, к которой примыкают Вогезы, затем Гохвальдом и Идарвальдом. Обе линии идут параллельно границе, и Вогезы еще вдобавок защищены Рейном. Между Мозелем и Маасом дорогу на Париж прикрывают Арденны, а по ту сторону Мааса Аргонны. Только область между Самброй и морем открыта, но здесь положение всякой наступающей армии опаснее с каждым шагом вперед, который она делает: при удачной операции со стороны французской армии она рискует быть отрезанной от Бельгии и сброшенной в море. К тому же вся область от Роны до Северного моря усеяна крепостями, из которых некоторые, как Страсбург, управляют целыми провинциями.

От границы Юры и Вогез в юго-восточном направлении к Оферну идет горный хребет, образующий водораздел между Северным морем и океаном, с одной стороны, и Средиземным морем—с другой. От него на юг течет Саона, а на север параллельно—Мозель, Маас, Марна, Сена, Ионна. Между этими реками, как, например, между Ионной и Луарой, идут длинные горные цепи, которые, пересекаясь несколькими дорогами, отделяют одна от другой речные долины.

Хотя вся эта горная область проходима для войск всех родов оружия, но она весьма неплодородна, и никакая большая армия не может на ней долго держаться.

Если эта область, равно как и неплодородная возвышенность Шампани, отделяющая Маас от Сены, пройдены, неприятельская армия вступает в бассейн Сены. И здесь-то во всем блеске проявляются стратегические выгоды положения Парижа.

Речная область Сены вглубь до устьев Уазы образуется многими реками, текущими почти параллельно в северо-западном направлении—Ионной, Сеной, Марной, Уазой и Эном, из которых каждая имеет еще притоки, текущие в том же направлении. Все их дугообразные долины постепенно приближаются друг к другу, и в центре расположен Париж. Главные дороги на Париж со всей границы страны между Средиземным морем и Шельдой идут по этим речным долинам и сходятся вместе с ними в Париже. Армия, защищающая Париж, может, таким образом, всегда в более краткий срок сосредоточиваться и направляться от одного угрожаемаго пункта к другому, чем нападающая армия, так как из двух концентрических кругов внутренний имеет наименьшее протяжение. Удивительно умелое использование этих преимуществ, неутомимое движение по периферии внутреннего круга дало Наполеону возможность во время блестящей кампании 1814 года с горстью солдат два месяца в бассейне Сены держать под угрозой всю коалицию.

(Статья не кончена).

ВОСТОЧНАЯ ВОЙНА
1853—1856 гг.

СВЯЩЕННАЯ ВОЙНА.

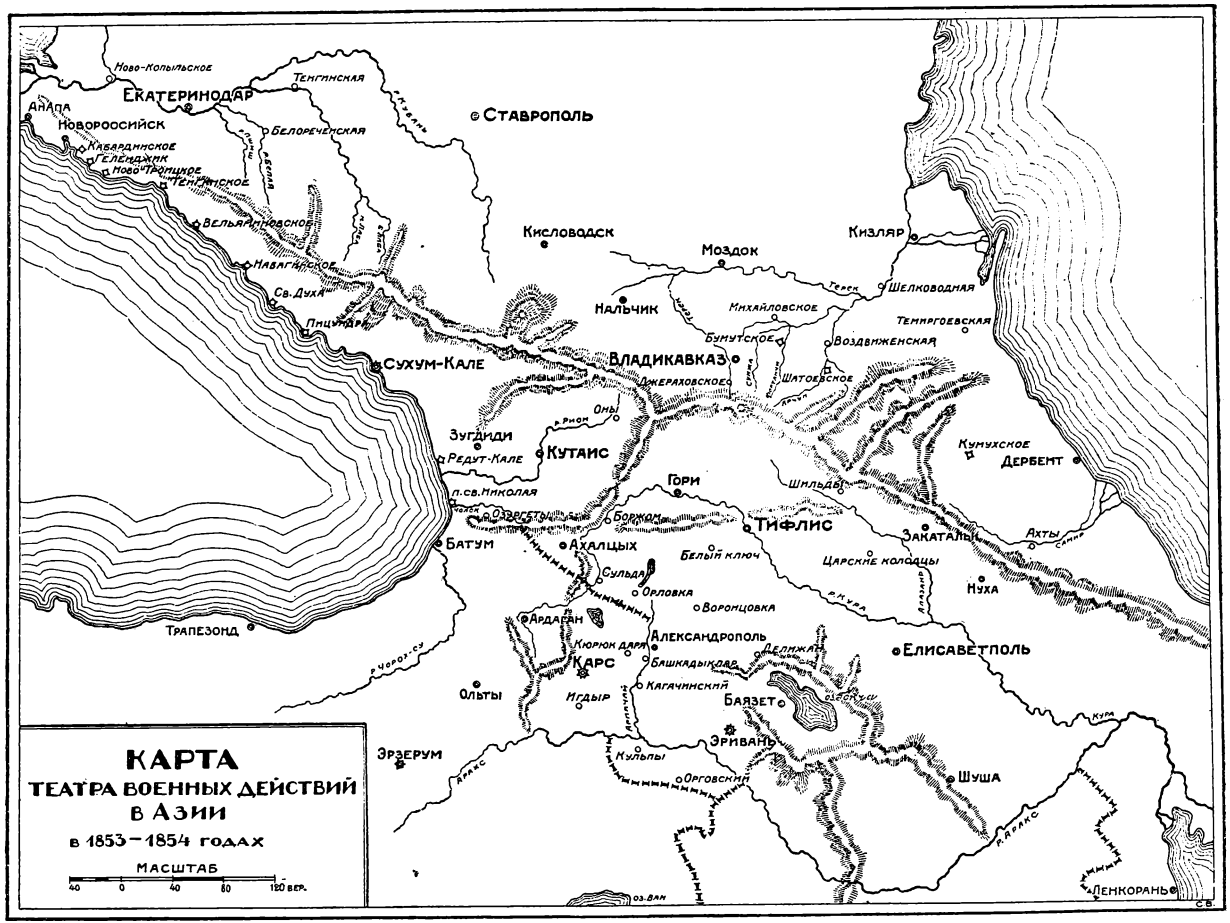
Наконец, началась война на Дунае. Война религиозного фанатизма с обеих сторон. Война традиционной жадности к завоеваниям со стороны России, война на жизнь и смерть со стороны Турции. Как и ожидали, Омер-паша первый открыл военные действия. Он должен был, по крайней мере, сделать вид, что силой оружия отражает вторгающихся в Оттоманскую империю. Во всяком случае, как сообщают из Вены, он перебросил через Дунай приблизительно от 30.000 до 50.000 человек. И если он это сделал, то можно серьезно опасаться, что он сделал ошибку, чреватую последствиями. Берег, оставляемый им, представляет собой хорошую позицию и богатые средства защиты; берег, на который он стремится, дает лишь весьма ничтожные возможности нападения, и в случае неудачи лишает возможности отступления. Поэтому приходится сомневаться в правильности известий о его переходе, пока не будут получены положительные сведения.

Если война в Европе начинается при неблагоприятных для Турции условиях, то в Азии наоборот. Пограничные области между Россией и Турцией, если их рассматривать с военной точки зрения, образуют там два резко отличные друг от друга театра военных действий. Горный хребет, или, вернее, горная цепь, связывающая Кавказ с плоскогорием центральной Армении, служит водоразделом между реками Черного моря и водами, которые Аракс несет в Каспийское море, а Евфрат в Персидский залив. Этот хребет, отделявший прежде Армению от Черного моря, образует связующую линию между двумя областями, в которых должна вестись война. Через эту цепь крутых и почти голых утесов проложено очень мало дорог, и важнейшие из них ведут из Трапезунда и Батума в Эрзерум.

Для военных действий эти горы совершенно недоступны, и обе воюющие армии вынуждены иметь на каждой стороне самостоятельные части, действующие более или менее независимо друг от друга.

Местность по берегу Черного моря прорезана бесчисленным количеством рек и горных потоков, которые представляют собой хорошую защиту для военных позиций. Как русские, так и турки имеют укрепленные посты в важнейших пунктах. На этой неровной почве (только долина реки Риона образует нечто в роде равнины) может с большим успехом вестись оборонительная война даже и против превосходных сил (лишь немногие позиции благодаря горам можно обойти со стороны материка), если не будут введены в действие стоящие под вопросом флоты. При введении их в дело, а если нужно и при десанте отрядов, которые действовали бы против флангов противника, имеющего на фронте сухопутную армию, флот мог бы обезвредить одну за другой все эти сильные позиции и привести крепости к бездействию, если не к полному разрушению. Таким образом, обладание берегами Черного моря принадлежит тому, кто сделается господином этого моря. Другими словами, если союзный флот не выступит активно в пользу турок, Россия, по всей вероятности, будет там хозяином. Внутренняя область по ту сторону гор расположена по местности, где протекают Евфрат, Аракс и Кура. На одной стороне границы лежит турецкая провинция Армения, а по другой русская—Грузия. Эта страна также в высшей степени гориста и в общем для войск непроходима. Эрзерум на турецкой и Тифлис на русской стороне являются непосредственными операционными базами, с потерей которых связана потеря и всей прилегающей местности. Так в свое время взятие русскими Эрзерума в 1829 году решило участь азиатского похода.

То, что для одной стороны является операционной базой, для другой является операционной целью. Дороги, соединяющие Тифлис с Эрзерумом, являются для обеих сторон операционной линией. Существуют три дороги. Одна идет по верхней Куре через Ахалцых, другая по верхнему Араксу через Эривань, третья ведет на Карс прямо через горы. Все эти дороги с обеих сторон защищены крепкими позициями и форпостами, и трудно


КАРТА
ТЕАТРА ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ
В АЗИИ
в 1853—1854 годах
МАСШТАБ
40 0 40 80 120 в.вер.
Ново-Копыльское
Тенгинская
Екатеринодар
Анапа
Новороссийск
Белореченская
Кабардинское
Геленджик
Ново-Троицкое
Тенгинское
Вельяминовское
Навагинское
Св. Духа
Пицунда
Ставрополь
Кисловодск
Моздок
Кизляр
Шелководная
Нальчик
Михайловское
Темиргоевская
Бумутское
Воздвиженская
Сухум-Кале
Владикавказ
Джераховское
Шатоевское
Оны
Зугдиди
Редут-Кале
Кутаис
Кумухское
Дербент
Гори
Шильда
п. св. Николая
Озургеты
Боржом
Тифлис
Закаталы
Ахты
Батум
Ахалцых
Белый ключ
Царские колодцы
Сульда
Орловка
Нуха
Воронцовка
Трапезонд
Ардаган
Александрополь
Елисаветполь
Кюрюк дара
Карс
Башкадыклар
Делижан
Ольты
Игдыр
Кагачинский
Баязет
Эривань
Эрзерум
Кульпы
Орловский
Шуша
Ленкорань
Черное море
Каспийское море
оз. Ван
Кура
Аракс
Терек
Кубань
Кума

решить, какие из них выгоднее для русских и какие для турок. Надо еще добавить, что по ахалцыхской дороге турецкая армия может проникнуть прямо в наиболее уязвимые местности Кавказа, а если бы русская армия пошла из Батума через Чорохскую долину и от Ольт на Эрзерум, она ударила бы в фланг продвинувшимся вперед туркам. Батумская дорога соединяется с тифлисской приблизительно за пятнадцать верст до Эрзерума, так что русская армия, которая будет продвинута в этом направлении, сможет прервать связь турок, а если она достаточна сильна, то может взять Эрзерум, укрепления которого построены по азиатскому способу, т.-е. неспособны к серьезному сопротивлению. Ключом к театру военных действий и к обеим сторонам возвышенности является, следовательно, Батум, и если принять это во внимание, а также значение его в торговом отношении, то становится понятным, почему царь так старается его завоевать. Батум является ключом ко всему театру военных действий, вернее, ко всей Азиатской Турции, потому что он господствует над единственной дорогой, ведущей от берега в глубь страны, откуда можно атаковать все эрзерумские позиции турок. И тот флот, который сумеет отбить другой и стать господином положения на Черном море, будет владеть Батумом.

Русские хорошо знают значение этой позиции. Морским и сухопутным путем они послали подкрепления в Закавказье. Можно, однако, констатировать, что в ближайшем времени турки, оказавшиеся более слабыми в Европе, могут еще радоваться своему решительному превосходству в Азии. Абди-паша, командующий азиатской армией, собрал 60 или 80 тысяч, если не все 120.000 человек, и ежедневно под его знамена стекаются толпы бедуинов, курдов и других воинственных племен, из которых формируются нерегулярные части. Если бы с самого начала войны у кавказских инсургентов было достаточно оружия и аммуниции, первый удар был бы нанесен в сердце той страны, которая оказывает России такое упорное сопротивление (Кавказ). К этому надо только прибавить, что Абди-паша вряд ли может иметь более, чем 30.000 регулярного войска, и что, прежде чем он достигнет с ними Кавказа, он встретит упорное сопротивление русских батальонов. Наездники—бедуины и курды—могут великолепно нести службу

в горах, вынуждая русских держать для охраны сообщений большие отряды и ослабляя этим их силы; они могут принести также много вреда Грузии и деревням колонистов на русской территории и даже установить связь с кавказскими горцами. Но успехи инсургентов будут ничтожны, пока регулярное войско Абди-паши не будет в состоянии крепко занять дорогу из Эрзерума в Батум и разбить ядро действующей армии, выставленной русскими. Подкрепление регулярной армией в настоящее время совершенно необходимо для ведения нерегулярной или повстанческой войны против мощной регулярной армии. Позиция турок на этом театре напоминает позицию Веллингтона в Испании, и мы увидим, сумеет ли Абди-паша с своими вспомогательными силами вести дело так, как вел британский генерал, боровшийся против врага, превосходившего его в ведении регулярной войны и во всех необходимых для этого средствах. В 1829 году численность русских под Эрзерумом достигала 18.000 человек; если принять во внимание улучшения, происшедшие с тех пор в турецкой армии (хотя бы даже азиатская часть выиграла от них в наименьшей степени), то теперь русские должны иметь там не менее 30.000 человек, если они хотят рассчитывать на какой-нибудь успех.

Кто может решить сейчас, удастся ли это им? Ведь, в Европе неизвестно ничего определенного о русской армии, а слухи об ее численности в Азии еще более неопределенны. Кавказская армия в полном своем комплекте официально насчитывает 200.000 человек. 21.000 черноморских казаков будут направлены к турецкой границе, несколько дивизий должно быть отправлено из Одессы в Редут-Кале, на южный берег Кавказа. Но всякий знает, что кавказская армия и наполовину не так велика, как показывают официальные сообщения, что подкрепления, которые берутся с северной стороны Кавказа из близлежащих местностей не могут иметь той численности, какую указывают русские газеты. Из противоречивых сведений, доходящих до нас, совершенно невозможно вывести хоть какую-нибудь определенную оценку военных сил России на азиатской границе. Мы можем только сказать, что, по всей вероятности, силы обеих сторон (если не рассчитывать на поголовное восстание Кавказа) находятся в приблизительном равновесии; даже возможно, что Турция несколько сильнее

России и на этом театре военных действий имеет полную возможность взять инициативу в свои руки.

Перспективы турок в Азии, действительно, гораздо лучше, чем в Европе. Им нужно охранять здесь только одну важную позицию—Батум. И один удачный поход на Кавказ из Батума или Эрзерума открывает им прямую связь с их союзниками—горцами и может одним ударом отрезать южно-кавказскую русскую армию от материка, по крайней мере, от России. А это может повести к полному уничтожению этой армии. С другой стороны, если турки будут разбиты, им угрожает опасность потерять Батум, Трапезунд и Эрзерум; но даже и в этом случае русские все же не будут иметь достаточно сил, чтобы продвинуться дальше. Таким образом, преимущества победы значительно превышают возможные потери в случае поражения, и поэтому, кажется, турки твердо решили вести здесь наступательную войну.

ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ НА ДУНАЕ.

Отход турок от Ольтеницы, кажется, означает окончание первого периода русско-турецкой войны. По крайней мере, первые операции, начавшиеся с перехода Дуная под Калафатом, закончены и должны смениться или затишьем на зимних квартирах, или же уступить место проведению новых, еще неизвестных планов. Наступил момент для обзора настоящего военного положения, тем более благоприятный, что как-раз сейчас нами получены официальные и неофициальные сообщения о единственно-крупном событии, происшедшем на Дунае,— о нападении русских на турецкое мостовое укрепление при Ольтенице.

28-го октября турки направились из Виддина на Калафат. Никто, кроме рекогносцировочных отрядов, не помешал им занять город. Но, когда русские собрали под Крайовой свои силы для нападения на Калафат, они были обеспокоены сведением о втором, еще более опасном движении турок, которые 2 го ноября перешли Дунай при Ольтенице, откуда они могли серьезно угрожать русским позициям. Одновременно турки сделали ряд незначительных выступлений по всему Дунаю от Виддина до Ольтеницы, и русские не только не были подготовлены к ним, но даже не были достаточно сильны, чтобы вовлечь противника в какую-нибудь серьезную ошибку.

Таким образом, калафатский отряд не был обеспокоен русскими и даже получил постепенно подкрепления. И так как этот отряд в настоящее время не двигается вперед и не отступает назад, то мы можем не останавливать на нем своего внимания.

Переход под Ольтеницей объясняется в донесении Омер-паши следующим образом. Ольтеница лежит близко к месту

слияния Арджеша и Дуная. Как-раз против устья Арджеша на Дунае лежит остров. Деревня и крепость Туртукай находятся на южном берегу реки, поднимающемся на высоту 600 или 700 футов. Крепость расположена на вершине этого возвышения. Орудия Туртукая могут защищать всякое войско, переходящее здесь через реку. Турки переправились 1-го ноября на остров и возвели там в течение ночи сильные укрепления; 2-го ноября они переправились с острова на валашский берег к востоку от Арджеша. Два батальона с сотней всадников и двумя орудиями перешли на валашскую сторону; несколькими пушечными выстрелами со стороны Туртукая были прогнаны русские форпосты, занимавшие вблизи от реки здание лазарета, и это здание, которым турки тотчас же завладели, принесло им большие удобства. Хорошо построенное, со сводчатыми комнатами, оно представляло из себя, не требуя больших исправлений, прекрасный редут,—это лучшее из полевых укреплений. Турки тотчас же принялись возводить укрепления между Арджешем и Дунаем. 400 человек непрерывно были заняты этой работой, материалы для укреплений, туры и фашины, были заготовлены ранее. Из всех сообщений видно, что эти укрепления идут на большом протяжении и вполне защищают места десанта от русских позиций. Укрепления посредством непрерывных окопных линий уже давно были признаны негодными и всеми оставлены. Однако, особое назначение этого окопа, как предмостного укрепления, факт существования уже безукоризненного редута, недостаток в инженерах и другие особенности турецкой армии могли заставить признать выгодным использование этой старой системы. На Арджеше турки нашли много лодок и тотчас же использовали их вместе с уже имевшимся у них для постройки моста через Дунай. Все эти работы к утру 4-го ноября были почти закончены.

В Ольтенице турки имели только одно предмостное укрепление на левом берегу Дуная. Турецкая армия реку не переходила, она не сделала этого и до сего времени. Но она имеет надежную опору на левом берегу, которая тотчас же может быть использована, как только в Туртукае соберутся достаточные силы. Кроме этого, турки имели возможность занять правую или левую сторону Арджеша, и все их операции вблизи реки проходили под защитой 10 тяжелых орудий крепости на

высотах Туртукая, обстрел которых вследствие высоты позиций и узости реки, по крайней мере, на полмили перекидывался через предмостное укрепление.

Предмостное укрепление было занято тремя батальонами пехоты (2.400 человек), двумя гвардейскими ротами (100 человек), двумя ротами стрелков (200 человек), ста кавалеристами и артиллеристами, которые обслуживали поставленные в лазарете 12 тяжелых орудий. Правое крыло окопа обстреливалось и было, таким образом, прикрыто орудиями Туртукая, которые могли также обстреливать остальную равнину перед центральным пунктом предмостных укреплений; левое крыло, которое примыкало к реке Арджешу фланкировалось батареей с острова. Но одна часть этого пространства была покрыта частым кустарником, который давал приближающимся русским хорошую защиту.

Когда русские 4-го ноября напали на турок, они имели, по донесению Омера-паши, 20 батальонов, 4 полка кавалерии, 32 орудия, в общем около 24.000 человек. Они были распределены, как видно, следующим образом: 12 батальонов и 14 орудий против середины предмостного укрепления, 2 батальона и 2 орудия в лесу с левого (для русских правого) берега реки Арджеша, 6 батальонов с 4 орудиями на плоскости против турецкого правого фланга. К Дунаю их линия была прикрыта казаками. После непродолжительного обстрела со стороны русских первым пошел в атаку центр. Фланги следовали. Артиллерия, стрелявшая до тех пор с холмов на расстоянии около 1.200 футов, продвинулась на расстояние картечного выстрела (600—700 футов), и атакующие колонны пошли вперед. Как и можно было предвидеть, левое крыло русских (ближайшее к Дунаю) было рассеяно орудиями Туртукая; центр постигла вскоре та же участь, правая колонна (по Арджешу) была уничтожена огнем с острова и вообще была, кажется, очень слаба для энергичного наступления. Атака была еще раз или два повторена, но уже не с такой энергией, и на этом русские кончили. Они хотели добраться вплотную до укреплений, но турецкий огонь оказался слишком сильным, и дело не дошло до рукопашной.

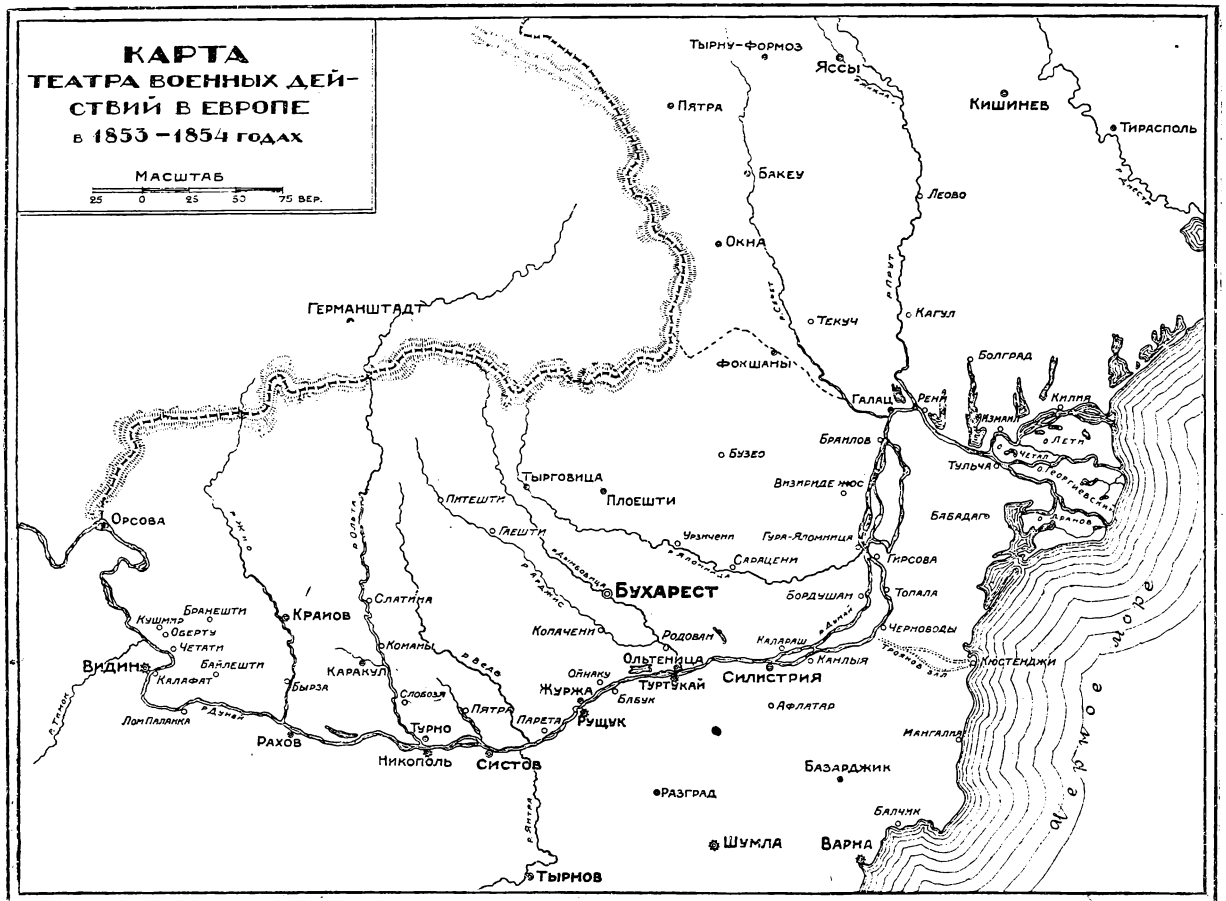
Во время сражения Омер-паша послал батальон регулярных войск на ту сторону реки, в качестве резерва. Таким образом,

силы турок, участвовавшие в сражении, можно определить в 3.600 пехотинцев и 44 тяжелых орудия.

Труднее определить численность русских. В то время как Омер-паша говорит о 20 батальонах, два британских офицера, находящихся в его лагере, единодушно определяют силы, принимавшие участие в деле лишь в 8.000 человек. Оба эти утверждения не противоречат, однако, друг-другу целиком. Русские могли иметь 20 батальонов в боевой готовности, и все же истинная численность атакующих колонн могла быть сразу не более восьми батальонов, или по свойствам почвы, или же потому, что они недооценили противника. Одно обстоятельство, о котором не упоминают британские офицеры, и о котором говорит, однако, Омер-паша, доказывает, что русские имели большие резервы. Именно во главе каждого нового наступления был свежий батальон, который для этой цели брался из резерва. Кроме того, следует отметить, что донесения обоих „офицеров гвардии ее величества" в каждой своей строке носят отпечаток той невежественной и неосведомленной самоуверенности, которая так свойственна младшим офицерам этого привилегированного корпуса во всех армиях.

Мы считаем поэтому донесения Омера-паши в целом достовернее; 18 или 20 русских батальонов могли быть во время действия, тогда как лишь 10 или 12 выступали активно. И число 6.000 или 8.000 может соответствовать количеству тех, которые одновременно и безуспешно атаковали турецкие укрепления. Потери русских, достигающие не менее 1.500—2 000 человек, также показывают, какую массу ввели они в бой. Они были в конце-концов отражены, оставили 500 ружей, массу снаряжения и багажа и 800 убитых и раненых в руках у турок, отступив частично в беспорядке.

Если мы рассмотрим тактику этого сражения, то мы найдем к своему изумлению, что русские начали с грубой ошибки, и что их поражение является заслуженным наказанием за это. Они недооценили своего противника совершенно неслыханным образом. Они предприняли атаку очень сильной линии с прекрасным редутом, защищавшимся 10 тяжелыми орудиями на острове и 22 орудиями в Туртукае, которые располагали хорошим обстрелом; всего 44, по меньшей мере, 38 орудий, в большинстве своем крупного калибра. Всякий офицер знает, что при


КАРТА
ТЕАТРА ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В ЕВРОПЕ
в 1853 – 1854 годах
МАСШТАБ
25 0 25 50 75 ВЕР.
Тырну-Формоз
Яссы
Пятра
Кишинев
Тирасполь
Бакеу
Леово
Окна
Германштадт
Текуч
Кагул
Фокшаны
Болгрид
Галац
Рени
Килия
Измаил
Браилов
Бузео
Тульча
Визиридемюс
Тырговица
Плоешти
Питешти
Орсова
Бабадаг
Урзичени
Гура-Яломица
Сарацени
Тирсова
Бухарест
Бордушани
Топала
Кранов
Кушмир
Бранешти
Оберту
Четати
Видин
Байлешти
Калафат
Каракул
Команы
Колаченти
Родовани
Ольтеница
Калараш
Канлыя
Черноводы
Кюстенджи
Силистрия
Ойнаку
Журжа
Туртукай
Бабук
Афлатар
Слобозия
Пятра
Паретар
Рущук
Бырза
Лом Паланка
Рахов
Никополь
Систов
Мангалия
Базарджик
Разград
Балчик
Шумла
Варна
Тырнов
Черное море

наступлении на полевые укрепления следует своей артиллерией привести к молчанию орудия защищающих батарей, что следует разрушить, насколько возможно, валы, палисады и другие средства защиты; затем, приблизившись своими батареями к атакуемому месту, надо обстрелять окопы градом картечи, прежде чем броситься с колонной на полуразрушенные укрепления и на их ошеломленных защитников. Естественно, для того, чтобы это все сделать, надо обладать артиллерией, которая превышала бы артиллерию противника количеством и калибром. Что же мы видим у русских? Они штурмуют предмостные укрепления, защищаемые артиллерией, которая превышает их артиллерию и числом, и калибром, и искусством стрелять, и делают это после небольшой канонады из 12-ти 12-фунтовых и 20-ти 6-фунтовых пушек. Эта русская канонада является пустой формальностью, своего рода долгом вежливости по отношению к туркам, так как никакой серьезной цели она не могла достигнуть. И если русские батареи, как говорят все донесения, действительно подъехали на 650 метров, то странно, почему не говорят об их разбитых орудиях. Но мы должны отметить храбрость русских войск, которые, несмотря на то, что находились, вероятно, в первый раз в огне, и к тому же при таких неблагоприятных условиях, все же приблизились к турецким линиям на 50 метров прежде, чем были рассеяны сильным огнем. Однако, и о тактике турок мы не можем сказать ничего одобрительного. То, что во время атаки Омер-паша не посылал подкреплений больше, чем нужно было для защиты укреплений,—это хорошо. Но почему он не оставил резервов, особенно кавалерийских, у конца моста, у Туртукая или на острове, чтобы после поражения русских быть в состоянии выпустить свою кавалерию на разбитого врага? И почему после всего он удовольствовался моральными последствиями победы и не воспользовался всеми ее плодами, в результате чего он мог бы победоносно закончить кампанию? Мы можем найти к этому лишь два оправдания. Первое—система непрерывных линий укреплений плохо соответствует решительному наступлению на отбитого врага, так как непрерывная линия не дает свободного пространства для внезапного и энергичного натиска больших отрядов, и второе,—что Омер-паша, не надеялся на способность своих войск к выступлению в от-

крытом поле, или же что он не имел под рукой достаточных сил для продолжения своей победы.

Это обстоятельство приводит нас к стратегическому вопросу, связанному с этим делом: не смог ли бы Омер-паша выступить более решительно, если бы у него были те отряды, которые бездействовали в это время под Калафатом? Каким образом произошло, что отряд в 12.000 человек и резерв такой же силы были направлены в Калафат, чтобы угрожать русским в том пункте их позиции, где они скорее всего хотели быть атакованными? Каким образом произошло, что в пункте, где турки могли достигнуть решительного успеха, не было этих 24.000 человек?

Это одно. Как выяснено теперь с несомненностью, русские в конце октября не могли иметь в Валахии более 50.000—55.000 тысяч человек. Если же принять во внимание недостаток путей сообщения, неровность почвы, что неизбежно влекло за собой отрывы частей друг от друга, если к тому же подумать о естественных потерях каждой действующей армии, то станет ясно, что русские вряд ли могли собрать в одном месте более 30.000 человек; 40.000 турок, собранные в какомнибудь пункте Валахии их наверняка бы разбили. И если бы турки этого хотели и предприняли бы в определенный момент определенные меры, они могли бы с относительной легкостью собрать это количество или даже в два раза большее. Вмешательство европейской дипломатии, нерешительность турецкого совета министров, колеблющаяся турецкая политика по отношению к Сербии и другие подобные соображения вызвали ряд полумер, которые поставили Омера-пашу с начала войны в очень затруднительное положение. Он знал слабость русских, у него была армия, значительно превосходящая противника, горевшая желанием драться; но его армия была рассеяна по пространству, имевшему 350 миль в длину и от 50 до 100 миль в ширину. Естественным следствием этого была вялость его операций в начале ноября. Переход от Калафата, который при других обстоятельствах был бы ошибкой, теперь стал необходимым, так как Виддин был естественным концентрационным пунктом почти для 20.000 человек, которые без этого перехода остались бы неактивными вдали от театра военных действий. Этот переход давал возможность парализо-

вать часть русских сил и вызвать благоприятный для турок моральный эффект.

Переход у Ольтеницы, рассматривавшийся открыто как главное наступление, которое должно было повести к занятию Бухареста и отрезать отступление русских, увлеченных к востоку калафатской операцией, не имел никакого результата, так как необходимые для похода на Бухарест силы, видимо, не оказались под рукой. Моральный эффект битвы под Ольтеницей был действительно большим выигрышем; но бездеятельность после победы продолжалась 9 дней и закончилась, вследствие наступления распутицы, добровольным возвращением турок за Дунай. Правда, эта бездеятельность и это возвращение не помрачили радость победы на лицах турецких солдат, но все же они помрачили славу турецкого генерала, и, весьма возможно, более, чем он этого заслуживает. Если даже вина этой ошибки лежит, главным образом, на совете турецких министров, все же кое в чем погрешил Омер-паша. Продержаться 12 дней на левом берегу Дуная, владеть мостом и предмостным укреплением, достаточно сильным, чтобы отразить объединенные силы русских, иметь за собой сильную, жаждущую боя армию и не найти средства переправить 30 – 40 тысяч человек,—право, все это немыслимо без какой-либо оплошности со стороны генерала. Русские могут себя поздравить с тем, что им удалось так ускользнуть. Никогда еще не выходила русская армия даже из вдвое менее тяжелого положения с такими незначительными потерями. Она могла быть совершенно истреблена, и вместо этого она осталась в полной безопасности. И можно серьезно сомневаться, представится ли еще когда-нибудь по отношению к русским снова такая возможность.

СИНОП И АХАЛЦЫХ.

После долгого промедления мы получили, наконец, официальные документы относительно обеих побед, которыми Россия так хвасталась, и за которые она так дорого заплатила. Мы подразумеваем, конечно, уничтожение турецкой эскадры у Синопа и сражение при Ахалцыхе в Азии. Документы эти — русские бюллетени; тот факт, что турецкий официальный орган хранит гробовое молчание по этому поводу, хотя его сообщение дошло бы до нас гораздо скорее с.-петербургского, ясно показывает, что Порта ни о чем приятном нам сообщить не может. Мы можем следовательно говорить о событии на основании имеющихся у нас под рукой сведений, предоставляя читателям судить о действительном положении вещей.

Битва при Синопе последовала в результате такого ряда ошибок турок, что уяснить себе характер происходящего можно лишь в том случае, если предположить, что русские имеют сношения с отдельными лицами в Константинополе, стоящими в связи с французским или английским посольством. Весь турецкий и египетский флот находился с ноября в Черном море, чтобы отвлечь внимание русских адмиралов от экспедиции, направлявшейся на Кавказ с оружием и снаряжением для горцев. Флот в продолжение 18 дней находился в море, не встречая русских военных кораблей. По одной версии, русская эскадра не покидала за все это время Севастополя, по другой—русские, хорошо осведомленные о планах турок, направились на восток, откуда они выслеживали транспортные суда, никогда поэтому не доходившие до кавказского берега и возвращавшиеся обратно в Синоп, тогда как главный флот продолжал плавать в Босфоре. Большой запас пороха на бортах синопской эскадры, вызвавший сравнительно скоро после

столкновения взрывы нескольких кораблей, дает основание предположить, что вторая версия более правильна.

Семь турецких фрегатов, два парохода, три корвета и два судна меньшего калибра с несколькими транспортами стояли в синопской гавани, предоставленные самим себе. Эта гавань представляет собой просто открытый рейд, образующийся из бухты, открытой к морю и защищенной лишь несколькими запущенными и слабо укрепленными батареями. Лучшая из них находилась в замке, построенном еще во времена греческих императоров, во всяком случае в те времена, когда Европа и не ведала об артиллерии. Как могло случиться, что эскадра, имеющая триста далеко не первоклассных орудий была предоставлена на милость эскадры в три раза более сильной и многочисленной, да и, кроме того, находилась в пункте турецкой территории, наиболее доступном для русского нападения, в виду близости его к Севастополю, в то время как главный флот предусмотрительно качался на водах Босфора,—это мы, может-быть, когда-нибудь узнаем.

Мы знаем, что об опасном положении эскадры в главной квартире знали и рассуждали, мы знаем, что турецкие, английские и французские адмиралы громко высказывали в военном совете различные соображения, что всегда деятельные посланники также высказывались по этому делу, и что ничего все же не было сделано.

Между тем, как сообщают, один австрийский пароход в Севастополе дал сведения о положении эскадры. Наоборот, русское официальное сообщение указывает, что во время своего крейсирования у азиатского побережья, адмирал Нахимов открыл присутствие этой эскадры и составил план нападения. Но если бы русские действительно увидели турок в Синопе, то и турки со своих минаретов и башен, наверное еще ранее увидели бы русских. Как могло случиться, что турецкие батареи находились в таком скверном состоянии, если в течение двух дней их можно было привести в порядок? Как произошло, что турецкие суда стояли таким образом, что мешали огню своих батарей, и почему они не были отведены в более удобное место, где они были бы лучше защищены от угрожающей опасности? Было достаточно времени, чтобы все это сделать, так как Нахимов рассказывает, что,

прежде чем решиться на нападение, он послал в Севастополь за тремя трехпалубными судами. В течение 6 дней с 24-го по 30-е ноября, турки не позаботились хоть что-нибудь предпринять. Донесение турецкого парохода „Таиф“, прорвавшагося в Константинополь, говорит, что турки были захвачены врасплох, но русское сообщение этого не подтверждает.

Под командой адмирала Нахимова находилось три линейных корабля, — из них 1 трехпалубный, — шесть фрегатов, несколько пароходов и шесть или семь судов малого калибра, т.-е. сила, почти вдвое большая турецкой эскадры, и все-таки он приступил к нападению лишь после того, как получил еще три трехпалубных корабля, которые одни могли выполнить всю операцию. И только имея такое подавляющее превосходство, он решился на наступление. Туман или, как утверждают другие, поднятый английский флаг, дал русским возможность приблизиться на 500 ярдов. И начался бой. Русские боялись, что их снесет ветром к берегу и бросили якоря. Взаимный обстрел этих стоящих на якоре флотов начался, таким образом, без предварительных маневрирований; он имел скорее характер канонады на суше и продолжался 4 часа. Возможность совершенно отказаться от морской тактики и приемов была для русских в высшей степени благоприятна, так как черноморский флот был набран буквально из „сухопутных крыс“, главным образом, из польских евреев, и в открытом море против великолепных турецких команд вряд ли бы имел успех. Все же русским понадобились целых четыре часа, чтобы заставить замолчать слабые корабли своих противников. Но они имели то преимущество, что каждый их неудачный выстрел по эскадре наносил вред или укреплениям, или городу. О том, что попаданий в суда было мало, свидетельствует факт почти полного разрушения местности, задолго до того, когда вражеский флот был принужден, наконец, к молчанию. Русские сообщают, что разрушена только турецкая часть города, греческая же, каким-то чудом уцелела. Но это опровергают достоверные свидетели, утверждающие, что весь город лежит в развалинах.

Во время сражения три турецких фрегата сгорели, четыре были выкинуты на берег и позднее тоже сожжены вместе с одним пароходом и судами малого калибра. Пароход „Таиф“, перерубив свои якоря, смело направился через русскую линию

и прибыл в Константинополь, несмотря на преследование трех русских пароходов, под командой адмирала Корнилова. Принимая во внимание неповоротливость русских на море, неблагоприятную позицию турецкого флота перед собственными батареями внутри их поля обстрела, и, прежде всего, предвидя абсолютную неизбежность поражения, было бы гораздо лучше, если бы вся турецкая эскадра обрубила якоря и направилась навстречу врагу, особенно еще и потому, что был благоприятный ветер. Ценой потери нескольких судов могла быть спасена хоть часть эскадры. Конечно, для этого маневра был необходим сильный попутный ветер. Но вообще сомнительно, чтобы Осман-паша подумал о таком выходе.

Победа у Синопа не увеличила славы России. Турки дрались с неслыханной стойкостью. Ни один корабль не спустил во время боя своего флага. Потерей значительной части своего флота, очевидной потерей Черного моря и тяжелым моральным ударом этого события для турецкого народа, армии и флота Турция обязана исключительно „добрым услугам“ западных дипломатов, которые помешали действиям главного турецкого флота и тем не дали ему возможности защитить синопскую эскадру и увести ее из Синопа. И также обязана она этим тем тайным сообщениям, которые помогли России выступить с такой уверенностью и безопасностью.

Вторая победа, которой гордится Россия, была одержана ею под Ахалцыхом, в Армении. Уже в течение некоторого времени турки замедлили свое наступление у границ Грузии. Со времени взятия Шевкатиля или форта святого Николая не было взято ни одного сколько-нибудь значительного пункта и не одержано ни одной хотя бы временной победы. И это в стране, где русским приходится бороться со всевозможными опасностями; где их средства сообщения с Россией ограничиваются лишь двумя путями, опасными вследствие восставших черкесов, где их связь с морем может быть в высшей степени легко отрезана и испорчена, и где созданная ими Закавказская область, с центром в Тифлисе, может считаться скорее самостоятельным государством, чем составной частью могучей державы. Чем можно объяснить этот перерыв в турецком наступлении? Турки обвинили Абди-пашу в предательстве и отозвали его; и действительно, в высшей степени странно, что

Абди-паша — единственный турецкий генерал в Азии, которому русские позволяли одерживать местные и частичные победы. Но туркам можно указать на две их ошибки, которые сразу же предопределили их недостаточный успех вначале и несомненное поражение впоследствии. Они рассеяли свою армию по всей линии от Батума до Баязета, так что она не была нигде достаточно сильной для концентрированного движения на Тифлис. Страна гориста, неплодородна, и содержать там большую армию очень трудно; но лучшее средство против голода в войске — это быстрое движение и энергичная концентрация всех вспомогательных источников. Двух корпусов было бы вполне достаточно: одного для прикрытия Батума и береговой линии, и другого для похода через долину Куры к Тифлису. Но без всякой необходимости турецкие силы все расщеплялись и расщеплялись до тех пор, пока отдельные отряды стали почти не боеспособны.

С другой стороны, вызванная дипломатией бездеятельность флота позволила русским выгрузить в Мингрелии две дивизии пехоты из пятого корпуса и увеличить таким образом армию графа Воронцова почти на 20.000 человек.

С таким подкреплением он не только мог удерживать турок у берега, но имел даже удовольствие видеть, как корпус генерала Андронникова освободил крепость Ахалцых и разбил врага в открытом поле, недалеко от этого города. Русские предполагают, что они с числом в 10.000 человек обратили в бегство 18.000 турок. Мы, конечно, не можем допустить таких предположений, но мы должны признать, что большое число нерегулярных войск в анатолийско-турецкой армии и почти полное отсутствие европейских офицеров, особенно на высших должностях и в генеральном штабе давали русским большое преимущество над турками, даже и при одинаковой численности.

Русские говорят, что они взяли 10 или 12 орудий. Это весьма вероятно, так как в этих непроходимых местах побежденная сторона должна неизбежно бросать свои орудия на поле битвы. Одновременно они сознаются, что взяли лишь 120 пленных. Это равнозначаще признанию, что они добивали раненых на поле сражения, оставленных им волей или неволей. В общем видно из всего, что их мероприятия к преследованию или задержанию хотя бы части отступающих вражеских войск

были очень неудачны. У них было много кавалерии. Смелая атака на бегущих могла бы отрезать целые батальоны. Их тактика, как это видно из имеющихся сообщений не представляет собой ни военного, ни политического интереса.

На Дунае русские не проявили себя ничем, кроме повторения операции, которой они начали поход, — наступление у Матчина на позицию, находящуюся на утесе против Браилова,— но, кажется, с малым успехом. Мы можем сейчас по полученным из хороших источников сведениям, сделать детальную оценку турецких сил, принимавших участие в деле под Виддином. Они состояли из 34.000 чел. пехоты, 4.000 кавалеристов и 2.000 артиллеристов с 66 полевыми орудиями, исключая тяжелую артиллерию, находящуюся на валах Виддина и в калафатском редуте. Таким образом, 40.000 турок охраняли дорогу от Бухареста в Сербию. 40.000 человек на укреплениях большого протяжения, которые они должны охранять,—слишком малое количество, чтобы оказать сопротивление большой армии и уж чересчур большое, чтобы отбивать нападения мелких отрядов. Соединенные с турецкими силами под Шумлой, эти 40.000 человек имели бы двойную ценность. Их отсутствие вместе с дипломатическим вмешательством парализовало операцию под Ольтеницей.

Невозможно предположить, чтобы Омер-паша не знал, что русские не решатся с достаточно большим количеством войска, способного нанести вред, броситься мимо него в горы Сербии, если он со стотысячной армией стоит между Силистрией и Рущуком. Такое мнение о его войсках вряд ли может совпасть с его собственным, и, наверное, он будет крайне возмущен, что ему навязывают такие злостные предположения.

ЕВРОПЕЙСКАЯ ВОЙНА.

Турецкий вопрос, так долго висевший в воздухе, кажется, переходит наконец в такое состояние, когда дипломатия не будет уже иметь возможности постоянно о нем заботиться и своими вечно боязливыми и вечно безрезультатными действиями господствовать над полем военных действий. Французский и английский флоты вошли в Черное море, чтобы помешать нападениям русского флота на турецкий флот и турецкое побережье. Царь Николай уже давно объявил, что этот шаг будет рассматриваться им как объявление войны. Как отнесется он к этому теперь?

Нельзя, конечно, ожидать, что соединенный флот тотчас же нападет на русскую эскадру или на корабельные верфи Севастополя и их разобьет. Наоборот, мы можем быть совершенно уверены, что инструкции дипломатов обоим адмиралам изложены в духе самого старательного уклонения от возможных столкновений. Но военные действия, будь то на суше или на море, раз они начались, подчиняются уже не желаниям и планам дипломатов, а своим собственным законам, которые нельзя нарушать без опасения погубить все дело. В намерения дипломатов никогда не входило поражение русских при Ольтенице; но как только Омеру-паше была предоставлена относительная свобода передвижения и начались военные операции, действия обоих враждебных полководцев были поставлены в такие рамки, которые уже очень мало зависели от влияния посланников в Константинополе.

Следовательно, как только суда флота удалились от места их стоянки на рейде Бейкос, ежеминутно можно ожидать, что они попадут в такое положение, из которого их не смогут вывести ни мольбы о мире лорда Абердина [8]), ни тайное едино-

душие с Россией лорда Пальмерстона [9]), и из которого они смогут выйти или путем позорного отступления, или же путем энергичного боя. Узкое, замкнутое материком Черное море, где вражеский флот едва-едва теряется из виду, является как-раз таким местом, где при существующих обстоятельствах неизбежны почти ежедневные столкновения. И едва ли возможно, что царь позволит без сопротивления запереть свой флот в Севастополе.

Если за этим может последовать европейская война, то весьма вероятно, что на одной стороне будет Россия, а на другой—Англия, Франция и Турция. Вероятность этого события настолько велика, что мы считаем своевременным сделать оценку шансов на успех и военных сил обеих сторон.

Останется ли Россия одна? Чью сторону будет держать Австрия, Пруссия и зависящие от них немецкие и итальянские государства? По слухам, Луи Бонапарт дал понять австрийскому правительству, что если в надвигающемся конфликте Австрия примет сторону России, то Франция использует в своих целях повстанческие элементы в Венгрии и Италии, где одна искра может зажечь опустошительный пожар, и будет стремиться к восстановлению итальянского и венгерского национальных государств. Такая угроза вряд ли не подействует на Австрию, она должна будет удерживаться от вмешательства, пока это будет возможно, но все же трудно думать, что Австрия надолго останется в стороне, в случае возникновения европейского конфликта. Простой факт подобной угрозы может привести к частичным восстаниям в Италии, что превратит Австрию в еще более зависимого и подчиненного вассала России. Не сыграна ли уже эта наполеоновская игра? Можно ли ожидать, что человек, собирающийся снова сажать папу на его мировой престол и уже готовящий кандидата для неаполитанской монархии, даст итальянцам то, чего они желают так же страстно, как и освобождения от Австрии,—„единство"? Можно ли думать, что итальянский народ, очертя голову бросится в эту ловушку? Несомненно, он очень угнетен австрийским господством, но вряд ли, все же, он очень жадно станет помогать укреплению престижа империи, у которой колеблется под ногами почва в самой Франции, и славы человека, который первым выступил на подавление итальянской революции. Все

это известно австрийскому правительству, и мы можем думать, что оно будет руководиться скорее собственными своими финансовыми затруднениями, чем бонапартистскими угрозами. Мы можем быть также уверены, что в решительный момент влияние царя будет решающим для Вены, и Австрия объединится с Россией.

Пруссия пытается повторить ту же игру, что и в 1780, 1800 и 1805 годах. Ее планом является создание лиги нейтральных балтийских и северо-немецких государств, во главе которых она играла бы немаловажную роль и могла бы присоединиться к той стороне, которая ей даст наибольшие преимущества. С какой-то исторической неизбежностью, носящей почти комический характер, все эти попытки кончаются тем, что скупое, малодушное и трусливое правительство Пруссии попадает в руки России. И на этот раз Пруссии трудно будет избежать своей обычной участи. Она будет простирать щупальцы во все стороны, будет продаваться тому, кто больше даст, будет интриговать в обоих лагерях, не моргнув глазом, будет проглатывать оскорбления, потеряет и ту долю характера, которая у нее еще осталась, будет получать удары и, наконец, предоставит свои услуги тому, кто даст меньше, и которым во всяком случае будет Россия. Для России это будет не союзник, а обуза, так как Пруссия сразу же постарается, чтобы ее армия ради собственного ее блага и пользы оказалась разбитой.

Во всяком случае, пока ни одна немецкая страна еще не вмешалась, война может вестись лишь в Турции, на Черном море и в Балтийском море. В течение этого периода наиболее серьезной будет война на море. Нет никакого сомнения, что соединенный флот сможет взять Севастополь, разгромить русский черноморский флот, взять и удержать Крым, занять Одессу, запереть Азовское море и освободить кавказских горцев. Нет ничего легче этого, если взяться за дело быстро и энергично. Предположим, на это понадобится первый месяц активных операций и в следующем месяце паровые суда соединенного флота будут уже снова в Британском канале, (парусные суда последуют с некоторым замедлением). То, что останется еще сделать в Черном море, может взять на себя турецкий флот. Если прибавить еще 14 дней, необходимых

в канале для погрузки угля и для других приготовлений, то в конце мая флот может соединиться с атлантическим флотом, с английскими и французскими эскадрами, плавающими в канале, и если он в таком размере появится на кронштадтском рейде, то успех наступления обеспечен. С Балтийским морем произойдет то же, что и с Черным. Какой бы то ни было ценой должен быть заключен союз со Швецией; Данию можно, если это понадобится, запугать, в Финляндии, несомненно, поднимется восстание, как только там высадится достаточное количество войск, и до тех пор, пока эта провинция не будет вновь соединена со Швецией, не может быть заключен мир. Высаженные в Финляндии войска создадут угрозу для Петербурга, в то время как соединенные флоты откроют бомбардировку Кронштадта. Этот город, по своему положению, обладает очень сильной позицией. Глубоководный канал, ведущий к рейду, едва дает проход двум судам, которые должны будут сразу подставить свои борта под обстрел батарей, расположенных не только на главном острове, но и на меньших островах, на берегу и на островах в окружности. Конечно, жертвы не только людьми, но и судами необходимы. И если планом наступления будет твердо предусмотрено, что тот или другой корабль должен быть пожертвован, и план будет проведен энергично и непреклонно, Кронштадт должен пасть. Каменные стены его старых фортов не смогут устоять против сконцентрированного огня пушечных бомб, самого разрушительного орудия, когда-либо употреблявшегося против каменных стен. Большие винтовые пароходы, которые прекрасно могли бы быть вооружены этими пушками, быстро произведут свое гибельное действие, при чем, конечно, и свою судьбу они поставят на карту. Но что значит два или три винтовых парохода в сравнении с Кронштадтом, ключом Русской империи, с занятием которого Петербург становится беззащитным?

Одесса, Кронштадт, Рига, Севастополь взяты, Финляндия освобождена, вражеская армия у ворот столицы, все реки и гавани заперты,—что, собственно, останется от России?

Великан без рук, без глаз, которому не останется ничего другого, как раздавить врага под своим недобитым туловищем, которое он слепо будет бросать туда или сюда, где только он услышит шум битвы. Если морские державы Европы выступят

с такой энергией и стремительностью, то Пруссия и Австрия не только освободятся от гнета России, но даже смогут присоединиться к союзникам, так как обе немецкие державы, если бы только они были спокойны за свою собственную территорию, охотно бы выиграли что-нибудь на русских затруднениях. Но нельзя, конечно, допустить, что лорд Абердин и Мр. Дроун де-Луис предпримут такие энергичные меры. Сомнительные силы не годятся для энергичного выступления, и если разразится всеобщая война, то на вождей ее будут наложены такие оковы, что они будут почти парализованы. Если, несмотря на это, будут одержаны серьезные победы, то будут приложены все старания, чтобы сделать следствия этих побед не особенно чувствительными для врага. Война на берегу Черного моря может быть благодаря вмешательству флота, закончена быстро; на европейском материке она будет продолжаться непрерывно. Если Россия будет изгнана из Черного моря и потеряет Одессу и Севастополь, то переход на ту сторону Дуная будет для нее далеко не безопасным (исключая направления на Сербию, где можно поднять восстание), но княжества она может удержать очень хорошо, пока превосходящие силы и боязнь появления сзади и на флангах еще больших сил не выгонят ее из Валахии; Молдавию, если не будет произведено общего наступления, ей не придется очищать, так как там фланговые и тыловые операции могут иметь лишь крайне небольшое значение, пока Хотин и Кишенев представляют возможность прочной связи с Россией.

Пока война ведется западными державами и Турцией, с одной стороны, и Россией—с другой, она не является европейской войной, как мы видели это на примере 1792 г. Но раз только она начнется, бездеятельность западных держав и давление России быстро принудят Австрию и Пруссию присоединиться к самодержцу. Помощь Пруссии не приходится переоценивать, так как ее армия, если она только может быть сформирована, благодаря своей самонадеянности наверняка получит новую Иену. Между тем, Австрия, несмотря на свое близкое банкротство и возможность восстания в Италии и Венгрии, не пустяшный соперник. Россия, принужденная держать свои войска в княжествах и на Кавказе, оккупировать Польшу, иметь войска для защиты Балтийского моря, Петербурга и

Финляндии, может выставить лишь очень незначительную часть своих войск для оборонительных операций. Если Россия, Австрия и Пруссия (в случае, конечно, если последняя не будет разбита на-голову) выставят на Рейне и Альпах пятьсот или шестьсот тысяч человек, то это больше, чем следует ожидать, и эти пятьсот тысяч человек равняются одним французам, конечно, если союзники будут иметь генералов, достойных своего противника; среди них лишь одни австрийцы имеют командиров, сколько-нибудь заслуживающих внимания. Русских генералов бояться не приходится; а Пруссия вообще не имеет никаких генералов, ее офицеры — наследственные унтер-офицеры.

Мы не должны, однако, забывать, что в Европе существует еще одна шестая держава, которая в известные моменты обнаруживает свое господство над всеми пятью так-называемыми „великими державами“ и заставляет дрожать каждую из них. Эта держава—революция. Незаметная, подавленная в течение многих лет, она снова появляется теперь на арене военных действий благодаря голоду и кризису. От Манчестера до Рима, от Парижа до Варшавы и Будапешта она становится в порядке дня, поднимает голову и пробуждается от сна. Многочисленны признаки возвращающейся жизни. Они заметны во всех беспорядках и волнениях, охватывающих пролетарский класс.

Недостает лишь сигнала, чтобы шестая и величайшая держава выступила в блестящих доспехах, с мечом в руках, как Минерва из головы Юпитера. Этот сигнал даст грозящая разразиться европейская война, и тогда все великодержавные расчеты на равновесие будут сброшены в одну кучу новой силой, которая со свойственной ей стремительностью и юностью разобьет все планы старых европейских генералов так же, как сделала она это в 1792—1800 годы.

РУССКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ.

Русские отступили от Калафата и, кажется, переменили весь свой операционный план. Вот славный конец усилий и опасностей трехмесячной кампании, исчерпавшей последние ресурсы Валахии. Вот плоды непонятного вторжения в Малую Валахию, которое, как видно, было предпринято с полным пренебрежением к элементарным правилам стратегии. Чтоб взять под Калафатом простое предмостное укрепление, возведенное турками на левом берегу Дуная, главная масса русской армии была сконцентрирована на своем крайнем правом фланге, и при этом таким образом, что оставляла свой ослабленный центр и левый фланг открытыми для любого случайного нападения врага; было обнаружено такое исключительное равнодушие к своим соединительным и тыловым линиям, подобного которому не было еще за всю историю ведения войны. Каким образом произошло, что Омер-паша не извлек из этой ошибки никаких выгод,—мы уже показали. Каким образом русские были вынуждены, не достигнув своей цели, позорно ретироваться,—об этом я хочу говорить сейчас. Мы называем это отступление позорным. Торжественно объявленный поход, увенчанный лишь угрожающей демонстрацией, закончившийся спокойным и скромным отступлением и не доведенный даже до попытки серьезного сражения, — операция, состоящая из непрерывного ряда заблуждений и ошибок, ясно показывающая, что руководитель ее, очевидно, сам считал себя круглым дураком, — действительно в высшей степени позорен. Теперь перейдем к делу.

В 1853 году русские имели в Валахии, Молдавии и Бессарабии следующие войска: 1. Четвертый армейский корпус (под командой Данненберга) — три дивизии пехоты, одна дивизия

кавалерии, четыре артиллерийские бригады, — общей численностью, за вычетом потерь, 45.000 чел. 2. Части пятого армейского корпуса (Людерс) — одна дивизия пехоты, одна дивизия кавалерии, две артиллерийские бригады, — скажем 15.000 чел. 3. Третий корпус (Остен-Сакен) — три дивизии пехоты, дивизия кавалерии, четыре артиллерийские бригады, — скажем 55.000 человек. В общей сумме около 115.000 человек, не считая небоеспособных и одну дивизию из корпуса Людерса, расположенную в районе Одессы, где она несет гарнизонную службу.

В княжествах до начала декабря единственными активными силами были войска Данненберга и Людерса. Приближение корпуса Остен-Сакена должно было дать сигнал к большей концентрации и к нападению на Калафат. Его позиции на Буге и Пруте должны были быть заняты находившимся уже по дороге из Москвы шестым корпусом (Чаадаев). После соединения с этим последним корпусом дунайская армия состояла бы приблизительно из 170.000 человек и могла бы еще усилиться, если бы на поле военных действий были направлены вновь набранные рекруты из юго-западных губерний. Но русскому командующему количество в 120—115 тысяч показалось достаточным для защиты всей линии от Браилова до Никополя, при чем еще значительная часть была сконцентрирована на правом фланге для нападения на Калафат. Когда в конце декабря началась эта операция, Калафат мог насчитать едва 10—12 тысяч защитников, поблизости под Виддином находилось 8.000, в поддержке которых можно было сомневаться, так как они должны были для этого в самое тяжелое время года перейти через большую реку. Медленность русского продвижения, нерешительность князя Горчакова, прежде же всего смелость и активность Измаила-паши, коменданта Калафата, помогли туркам собрать 40.000 человек в угрожаемом пункте и превратить Калафат из простого предмостного укрепления, которое могло быть взято с количеством солдат, в два раза превышающим число его защитников, в крепость, которая могла вместить до 30.000 чел. и пасть лишь после правильной осады. Можно с полным правом считать чудом конструкции полевых укреплений то, что противник вынужден начать против них траншейные работы. И так как русские не попытались этого сделать, то ясно, что они сами видели невозможность,

даже путем применения этого крайнего средства, провести операцию в предполагаемое ими время. Калафат будет отныне стоять в одном ряду с лагерями Фридриха II под Бунцельвицем, с линиями Торрес-Ведрас и эрцгерцога Карла за Вероной и будет цитироваться военной историей, как классический образчик искусства полевого укрепления.

Рассмотрим средства русских к нападению. Серьезность их намерения взять Калафат показывает то, что они привезли в Крайову артиллерийский парк. Кстати сказать, одной из многочисленных военных несообразностей, которые можно объяснить только дипломатическим вмешательством, является то, что Омер-паша спокойно пропустил эти пушки. Единственное, чего нехватало русским, это достаточной живой силы, чтобы прогнать турок внутрь позиции, прикрыть свои батареи и траншеи и, как только будет пробита брешь, приступить к штурму. И здесь Измаил-паша действовал как энергичный и опытный предводитель. Его вылазка на Четати 6-го января, его сильный натиск, кончившийся поражением превосходящего его силами русского отряда, дальнейшие повторные нападения, производившиеся им в течение всей русской концентрации, пока, наконец, он не оказался запертым на своем маленьком дунайском полуострове, — одним словом, вся его система — концентрированными короткими ударами разрывать русскую линию в отдельных пунктах и таким образом, поскольку возможно, распылять силы врага — соответствовала как-раз тому, что должен был делать командующий в его положении, и представляла собой приятную противоположность с так-называемой активной обороной Омера-паши под Ольтеницей или с его ленивой бездеятельностью в течение всего остального времени на нижнем Дунае. Если последний и делал иногда также мелкие выпады, которые, кажется, никогда не прерывались своевременно, продолжаясь в течение многих дней на том же месте с жестокой настойчивостью, даже когда они и не обещали успеха, то все же эти мелкие нападения не могут итти в расчет, — требовалась серьезная операция силами в 40—60.000 человек по ту сторону Дуная.

Во второй половине января русские, закончили, наконец, свою концентрацию вокруг Калафата. Кажется, что в открытом поле они имели преимущество, располагая там си-

лами около 30—40 тысяч человек. Если это количество вычесть из 115.000 и затем еще 20 или 30 тысяч для защиты линии от Браилова до моря, то для всей Большой Валахии останется, включая и гарнизоны, количество от 50—65 тысяч человек, т.-е. армия, которой далеко нехватает для защиты такой длинной, находящейся под ударом линии, а также коммуникационной линии, лежащей параллельно в некотором отдалении. Энергичное нападение, в каком-нибудь пункте, даже с количеством войск, меньшим, чем эти 65.000, могло бы кончиться полным уничтожением всех этих рассеянных русских корпусов и захватом русских магазинов. Омер-паша когда-нибудь должен будет дать объяснения, почему он упустил эту возможность.

Несмотря на все свои усилия, русские не могли сконцентрировать под Калафатом достаточного количества войск, чтобы атаковать самую крепость; им удалось лишь потеснить турецкие аванпосты. Им понадобилось почти пять недель, чтобы достигнуть этого призрачного успеха. Саперный генерал Шильдер был послан к Калафату с определенными поручениями. Он пришел, посмотрел и решил ничего не предпринимать до прибытия Чаадаева со свежими войсками из центра и с левого крыла. В течение пяти недель русские стояли на этой опасной позиции с открытыми флангами и тылом, как-будто провоцируя нападение, которому они ни на одну минуту не оказали бы серьезного сопротивления. И пять недель стоял Омер-паша, угрожая их флангам и тылу, на позиции, с которой он мог видеть без очков или бинокля их слабость, и ничего не делал.

Уж это современное ведение войны под покровительством союзных держав. Действительно, — понимай кто может!

Неожиданно мы получили известие, что русские готовы к полному отступлению от Калафата. По этому поводу английские газеты подняли громкий крик, что это успех союзников — австрийцев, сконцентрировавших армию за спиной России, в Трансильвании. Это является, будто бы, результатом славного австрийского союза, в свою очередь, являющегося новым успехом славной политики лорда Абердина. Однако, австрийский манифест свидетельствует, что никакого австрийского союза не существует и что Австрия не только ничего по этому поводу не говорила, но даже, кажется, сама

не знает, для какой цели она послала армию туда, где она сейчас находится. Следовательно, наши британские современники находятся в полном неведении о причинах русского отступления. Какая все же причина? Ясно, следующая: английские и французские войска должны итти на Константинополь. Нет ничего легче, как направить их оттуда на Бессарабию или Одессу и отрезать связь русских.

Как бы ни были безвредны намерения коалиции, давление извне может принудить ее к решительным действиям; Горчаков открыто не верит чисто-дипломатической миссии западных армий. Если бы еще он верил Англии, он не мог бы верить Франции. Если бы он был уверен во всех кабинетах, он не мог бы быть уверенным в генералах. Он мог рискнуть на фланговые движения, лишь пока имел дело с одними турками; когда же появились французские и английские войска и стали угрожать его флангам, тогда положение показалось ему серьезнее. В результате движение Чаадаева было приостановлено, чтобы создать за Одессой лагерь, с количеством в 30—40 тысяч солдат. Следовательно, он не мог доставить войск на Прут и Серет. Следовательно, войска не могли притти на помощь Горчакову под Калафатом. Следовательно, нападение здесь стало невозможным; следовательно, князь Горчаков может отправиться восвояси в том же прекрасном порядке, в каком он появился. Так закончилась большая трагикомедия русского наступления на Калафат.

ВОЕННЫЕ СОБЫТИЯ В БАЛТИЙСКОМ И ЧЕРНОМ МОРЕ.

Англо-французская система военных операций.

Наконец, мы можем сообщить о геройском деле британских моряков. Флот адмирала Нэпира после 8-часовой бомбардировки разрушил крепость Густавсферн (по-шведски это название означает „оружие Густава") и взял в плен гарнизон численностью в 1.500 ч.

Это первое серьезное нападение на царские владения показывает, по крайней мере, что в противовес сонному, медленному ведению одесской операции, Чарльз Нэпир не согласен жертвовать своим добрым именем и славным именем своих предков, если это находится в его власти. Форт Густавсферн лежит на внешнем окончании полуострова, образующего юго-западный угол Финляндии, около Хангудского маяка, хорошо известного всем морякам, плававшим вверх по Финскому проливу. Военное значение его невелико, он защищает совсем небольшое пространство материка и водной поверхности, и нападающий флот может без всякого риска действовать в его тылу. Сам форт, как это видно по численности его гарнизона, также невелик. Мы просим, однако, извинения за то, что оценку тактического значения этого дела мы отложим до тех пор, пока не получим новых известий; ведь, даже в британском адмиралтействе и военной канцелярии господствует божественное незнание истинной силы и значения береговых укреплений России на Балтийском море.

Мимоходом, мы можем отметить, что восьмичасовой обстрел свидетельствует о храбром, если не умелом сопротивлении рус-

ских, и что при защите первоклассной крепости на том же море следует ожидать еще более упорного сопротивления. С другой стороны, эти 1.500 военнопленных не являются для России большой потерей (они составляют лишь двухдневную среднюю потерю от заболеваний армии на Дунае), в то время как для Нэпира они представляют большую обузу. Что в самом деле он будет с ними делать? Он может их или отпустить на честное слово (или без честного слова), или же отправить в Англию; чтобы перевезти эти тысячу пятьсот человек, ему необходимо три линейных корабля или в два раза больше пароходов. Таким образом, результат его победы парализует его самого на две или на три недели. Каким образом, наконец, он сумеет закрепить за собой занятую территорию, не имея сухопутных войск? Он может это сделать, если ослабит еще более свой и без того малочисленный флот и переведет с каждого корабля определенное количество матросов на сушу. Это обстоятельство вызвало в настоящее время большую дискуссию в британской прессе, естественно, как всегда, чересчур поздно.

Неожиданно британская пресса открыла, что флот, как бы он ни был силен, совершенно малоценен, если на его борту нет достаточно войска, чтобы занять материк и завершить победу, которая, даже в самом лучшем случае, не может быть закончена канонадой с судов. Как-будто до конца этого месяца такая мысль не приходила в голову ни одному человеку, имеющему официальное отношение к военным действиям или имеющему официальное влияние на общественное мнение. Все перевозочные средства и все имевшиеся в распоряжении войска направлены в Черное море, а вся сухопутная сила, предназначенная для Балтийского моря, состоит из бригады в две тысячи пятьсот человек, из которых ни один солдат еще не отправлен, так как не организован штаб.

Французы, с своей стороны, очень опечалены. Их балтийский флот, — интересно припомнить многообещающие слова секретаря Дукаса: „Ваше величество приказали сформировать третью эскадру, приказание вашего величества будет исполнено“, — эта великолепная армада, которая к половине марта должна была состоять из десяти готовых к отходу линейных кораблей, — никогда не насчитывал более пяти линейных судов, ползавших

в компании с несколькими маленькими кораблями и одним фрегатом по большому Бельту; чтобы дойти туда из Бреста, ему понадобилось три недели, несмотря на то, что все время дул западный ветер. Большие военные лагери Сант-Омера, которые должны были приготовить для балтийской экспедиции сто пятьдесят тысяч, а в случае необходимости даже двести тысяч человек, организованы на бумаге уже в течение трех или четырех недель, однако, они не выставили до сих пор ни одной бригады. И к тому же разве могли бы французы отправить десять или пятнадцать тысяч человек пехоты из своих береговых гарнизонов, не сделав из этого предварительно больших театральных военных демонстраций? И откуда они возьмут перевозочные средства? Придется нанимать британские торговые суда, которые, двигаясь со скоростью французского флота, потребуют пять или шесть недель, чтобы доставить войска на место военных действий. И где высадятся войска? Где соберутся бригады и дивизии? Где будет организован генеральный штаб и интендантство? В этом порочном кругу вертятся союзники. Чтобы высадиться на Балтийском море, им необходимо завоевать сначала остров или полуостров, где бы они могли сконцентрироваться и организоваться для нападения, а чтобы выполнить это необходимое условие, надо иметь на месте сухопутное войско. Если у них есть адмирал, хорошо понимающий сухопутную войну, который может командовать сухопутными войсками, они легко выйдут из этого затруднения; в Чарльзе Нэпире они имеют как-раз такого адмирала, так как он долгое время сражался на суше; но едва ли можно ожидать, что будет достигнуто единство действия там, где власть находится в руках Абердина и Пальмерстона, где четыре различных министерства вмешиваются в дела армии; где войско и флот живут в постоянной вражде, и где совместно должны выступать французы и англичане, вечно завидующие друг-другу в военной славе. До конца июня в Балтийское море не может быть доставлено необходимое количество войска; а если в течение четырех месяцев не будет закончена война или не будет заключен мир, то все достижения потеряют свою ценность: войска, орудия, корабли, провиант или придется бросить, или придется увезти обратно, и в течение семи зимних месяцев русские будут иметь все Балтийское море в своем распоря-

жении. Отсюда явствует, что в течение текущего года не может быть и вопроса о серьезном и решительном нападении на прибалтийскую Россию. Слишком поздно. Лишь в случае объединения западных держав со Швецией они будут иметь операционную базу на Балтийском море, чтобы начать зимний поход в Финляндию. Но здесь мы имеем новый „порочный круг“, такой же порочный, как и прежний, но только для малодушных. Как можно ожидать от Швеции, чтобы она объединилась с державами, не имея уверенности в наличности у них серьезных намерений высадить там войско и завладеть частью Финляндии? А как можно послать туда войска, не обеспечив за собой Швецию, как операционную базу?

Действительно, Наполеон Великий, „убийца стольких миллионов людей“, с его смелыми, решительными и разящими приемами войны является чудом человечности в сравнении с медлительными и нерешительными государственными руководителями этой русской войны, которым, если они и впредь будут продолжать действовать так же, придется понести гораздо большие жертвы людьми и деньгами.

Если мы обратимся к Черному морю, то мы увидим, что объединенный флот удовлетворился лишь демонстрацией под Севастополем и безвредным обстрелом на далеком расстоянии жалких внешних укреплений. Эта невинная игра, как нам сообщают, велась с большим количеством кораблей в течение четырех дней, русские же, имевшие в своем распоряжении лишь двенадцать линейных морских кораблей, за все это время ни разу не показывались из гавани, к величайшему изумлению генерала Гамелина (смотри его донесение от 1/V). Этот мужественный моряк достаточно стар, чтобы помнить, как английская эскадра не только блокировала значительно более сильную французскую эскадру, но и атаковала ее в гавани. Действительно, было бы наивно ожидать, что более слабый русский флот покинет Севастополь, чтобы быть разбитым и потопленным вдвое большим флотом и таким образом искупить свое „отвратительное“ преступление под Синопом.

Между тем, два линейных корабля (винтовых парохода) и семь паровых фрегатов направились к черкесскому берегу; они имели своим назначением обследование берегов Крыма и разрушение крепостей на черкесском берегу; в этом нападении

должны были принять непосредственное участие лишь три паровых фрегата. Остальные четыре, после основательного обследования берегов Крыма, должны вернуться к своему флоту.

На черкесском берегу, как нам известно, русские имеют три крепости—Анапу, Сухум-Кале и Редут-Кале—довольно значительной силы, построенные на высотах, господствующих над открытым морем (исключая Редут-Кале), и можно сомневаться, будет ли в состоянии посланная эскадра выполнить свои намерения, тем более, что она не имеет при себе сухопутных войск. Эскадра, которой командует контр-адмирал Лион, должна одновременно войти в сношение с черкесами, в особенности с их предводителем Шамилем. О чем будет разговаривать Лион с Шамилем, — неизвестно, но ясно, что Лион не даст Шамилю того, в чем он особенно нуждается, то-есть оружия и снаряжения, так как военные корабли, находящиеся в боевой готовности, не имеют места для транспортировки подобных вещей; два оборванных торговых брига или шхуны, нагруженные этими драгоценными вещами, сослужили бы Шамилю гораздо большую службу, чем моральная, но, к сожалению, бесплодная поддержка пяти военных кораблей. Мы в свое время узнали, что турецкий флот преследует те же цели и возит с собой необходимое для черкесов вооружение. Таким образом, два союзных флота ставят себе одну и ту же задачу, не зная об этом. Чорт возьми! Это называется единством плана и действий! В конце-концов они еще примут друг друга за русских и доставят черкесам прекрасное зрелище взаимного обстрела!

Союзные сухопутные армии братаются тем временем в Галлиполи и Скутари, выпивая невообразимое количество тамошнего крепкого и сладкого вина. Оставшиеся случайно трезвыми занимаются возведением полевых укреплений, которые располагаются и возводятся там, где вряд ли кто-нибудь будет их когда-нибудь атаковывать и защищать. Если бы нужны были доказательства, что ни французское, ни английское правительства не имеют никакого намерения доставить другу Николаю ни малейшего огорчения, то времяпрепровождение этих войск могло бы убедить в этом самого неверующего. Чтобы иметь предлог держать свои войска вдали от театра военных действий, союзные полководцы заставляют их строить

непрерывную линию окопов через Фракийский перешеек. Всякий знает, особенно же это должно быть известно французским инженерам, что длинные линии полевых укреплений при всех обстоятельствах должны быть отвергнуты. Однако, французско-английской армии в Галлиполи приказано возводить эти укрепления на местности, две трети которой находятся под угрозой возвышенностей, расположенных по ту сторону укреплений, откуда ожидают врага. Все же при всем желании продвигаться вперед как можно медленнее, темпом улитки, приходится допускать необходимый прогресс. Согласно приказу, 15.000 французов отправляются в Варну. Для чего? Чтобы умереть там от лихорадки и чумы?

Если бы война велась с каким-нибудь смыслом, то командующие должны бы были знать, что турки не умеют маневрировать в открытом поле, и что, наоборот, французы являются мастерами этого дела; что, с другой стороны, ни англичане, ни французы не могут сравняться с турками в умении защищать валы, шанцы и даже бреши от штурмующих колонн. Поэтому-то Варна с турецким гарнизоном могла сделать то, что не удалось до сих пор ни одной крепости — продержаться 29 дней с тремя брешами в укреплениях, которые постоянно штурмовались противником. И вот полудисциплинированных турок забирают из Варны и посылают в открытое поле против русских, а великолепно вымуштрованных французов, способных на блестящие операции в маневренной войне и совершенно неспособных выдерживать продолжительную осаду, посылают в Варну для охраны крепости.

По другим сведениям, эти сообщения преследуют цель напустить побольше туману. Это означает, что подготовляются крупные события; что оперирование союзных войск в Балтийском море совсем не предполагается, а, наоборот, должны быть произведены при помощи флота великие подвиги в тылу русских. Предполагают высадиться в Одессе, отрезать отступление русским и соединиться с австрийцами в Трансильвании, послав, кроме того, отряд к черкесам. Наконец, будут выставлены 15.000—20.000 человек для нападения на Севастополь со стороны суши, в то время как флот овладеет гаванью. Если мы бросим взгляд на более ранний период войны и предшествующие ей выступления дипломатов, то нам будет ясно,

откуда идут эти слухи. Они исходят из Константинополя и относятся ко времени прибытия туда маршала Леруа, так-называемого Сент-Арно. Кто знает прошлое этого „милостивого государя“, тот снова узнает в этих таинственных известиях человека, который сумел достигнуть высокого звания, несмотря на то, что, будучи армейским офицером, был трижды разжалован.

Резюмируем вкратце, каково сейчас военное положение: Англия и особенно Франция будут стремиться „неуклонно, хотя и против желания“, расположить свои силы на востоке и на Балтийском море, то-есть на двух выдвинутых флангах военной позиции, которая может иметь свою базу не ближе Франции. Россия ценой своего флота, своих береговых областей и части своих войск постарается всячески вовлечь западные державы в это движение, противоречащее всяким законам стратегии. Как только это случится, и как только необходимая часть французских войск будет отослана в далеко лежащие местности, Австрия и Пруссия соединятся с Россией и с превосходными силами пойдут на Париж. Если этот план осуществится, то Луи-Наполеон не будет иметь сил отразить удара. Но существует сила, которая при каждом внезапном событии приходит в движение, и которая приведет также в движение и Луи Бонапарта с его продажными слугами, как она делала это и раньше со многими властителями. Эта сила может сопротивляться всем вторжениям, как она уже доказала это однажды объединенной Европе. И эта сила — революция,— будьте уверены, выступит в тот самый день, когда это будет необходимо.

ПОЛОЖЕНИЕ АНГЛИЙСКОЙ АРМИИ.

Если восточная война ни к чему не приведет, то она по крайней мере, рассеет значительную часть военной славы умершего герцога Веллингтона [10]). Кто знал Англию при жизни этого высокочтимого полководца, тот помнит, что для британской нации было оскорблением, когда самого Наполеона считали хоть наполовину равным железному герцогу. Славный герцог теперь погребен, тот герцог, который или, по крайней мере, дух которого царил в британской армии в продолжение последних сорока лет. Еще ни один человек не пользовался с такой независимостью и безответственностью своим положением полководца, как он. „Герцог“ был авторитетом из авторитетов. Ни король, ни королева не осмеливались противоречить ему в его области. Насладившись в течение многих лет всеми почестями и удобствами, как это подобает скромной посредственности, стоящими в полном контрасте с трагическими превратностями судьбы гения, в роде Наполеона, железный герцог умер, и командование британской армией перешло в другие руки. Через восемнадцать месяцев после его смерти британская армия была вынуждена начать поход против русских, и, прежде чем был посажен на корабль первый полк, выяснилось, что железный герцог оставил армию в совершенно негодном для активных действий состоянии. С большим здравым чисто-английским смыслом он соединял во многих отношениях узость и крайнюю ограниченность ума. Всем известно, с какой пристрастностью он отзывался всегда об участии своих прусских союзников в битве под Ватерлоо, приписывая всю победу себе, несмотря на то, что без своевременной поддержки Блюхера, он потерпел бы поражение. Он упорно цеплялся за все недостатки и бессмыслицы, существовавшие в английской

армии, и отвечал на всякую критику утверждением, „что эти недостатки и бессмыслицы сделали нас победителями в Испании и Португалии“. С этим вполне совпадало его консервативное убеждение в том, что определенная степень старых бессмыслиц и развращенности необходима, если даже будет функционировать лучшая из всех конституций. Если в политических вопросах, когда дело касалось важных пунктов, он мог еще проявить критическое отношение, то в военных делах он целиком находился во власти старых предрассудков. За время его жизни в британской армии не было произведено ни одного серьезного улучшения, хотя бы даже в технических вопросах артиллерии, тогда как было совершенно немыслимо игнорировать быстрый прогресс машинной индустрии и технического знания. Вследствие всего этого английская армия, несмотря на то, что она располагает лучшим артиллерийским материалом, имеет в высшей степени неповоротливую структуру как своего аппарата, так и снаряжения, и нет ни одного пункта, касающегося аммуниции, вооружения и общей организации, в котором бы она не уступала другим цивилизованным армиям Европы.

Я снова должен обратить внимание читателей, что у нас ведение военных дел не подчинено, как в других странах, какому-нибудь единому органу управления. Существуют четыре инстанции, которые независимо друг от друга ведут эту работу. Имеется военный министр, являющийся казначеем и бухгалтером. Существует генеральное командование, которому подчинена пехота и кавалерия. Имеется генерал-фельдцейгмейстер, который командует артиллерией, и который, держит в своих руках все военные средства. Кроме того, имеется еще министр колоний, который доставляет из различных внешних владений войска и распределяет между ними военные материалы. Вместе с этим имется интендантство или департамент продовольствия и, наконец, для индийских войск — главнокомандующий индийской армией. Только по смерти Веллингтона бессмыслица такого положения вещей стала достоянием гласности, так как в 1837 году донесению парламентской комиссии по этому поводу не было дано хода благодаря авторитету герцога. И только в начале войны было признано невозможным терпеть далее такое положение; но все

изменения пока откладываются, так как прежде всего они могут нарушить всякий порядок и планомерность в развитии операций.

Как на пример путаницы, которую создает эта система, и на которую я уже указывал раньше, следует указать, что нет двух вещей, за которыми военной части не приходилось бы обращаться в различные, не зависящие друг от друга инстанции. Форму выдает полковник, плащи фельдцейгмейстер, портупеи и ранцы—главное командование, огнестрельное оружие опять фельдцейгмейстер. Военные чиновники, заведующие складами и интендантствами каждого пункта в колониях, более или менее независимы друг от друга и подведомственны высшим чиновникам метрополии, также друг с другом ни чем не связанным. Кроме того, существует еще одно безобразие, в виде „полковника по одежде". Каждый полк имеет специального полковника-офицера, обязанности которого заключаются в том, чтобы получать от правительства специальную сумму и на эти деньги одевать свой полк, при чем он на это употребляет лишь небольшую часть денег, остальные же идут ему в вознаграждение за труды.

Затем, продажа офицерских мест, благодаря которой высшие посты в армии исключительно заняты аристократами. После недолгой службы в звании лейтенанта, капитана или майора офицер имеет право купить имеющуюся вакансию на ближайшее освобожденное место, хотя бы при этом имелся офицер такого же ранга, но с более продолжительной службой, который хотел бы занять это место. Отсюда следует, что человек, имеющий состояние, может очень быстро продвинуться, тогда как многие прослужившие больше него не имеют средств купить себе открывающиеся места. Ясно, что при такой системе круг дельных офицеров очень невелик, и так как продвижение в высшие офицеры на действительной службе зависит исключительно от прослуженных лет и от аристократических связей, то, благодаря этому порядку, неизбежно многие талантливые и опытные офицеры не могли попасть на высшие командные должности. Несомненно, этой системе можно приписать то, что большая часть британских офицеров так плачевно несведуща в общих и теоретических областях военного знания.

Количество офицеров несоизмеримо велико по отношению к солдатам. Нигде нет такого изобилия золотых кантов и

эполетов, как в британском полку. Офицерам совершенно нечего делать, и так как духу их корпорации совершенно не соответствует какое-нибудь серьезное обучение, то они проводят все свое время во всевозможных глупых развлечениях, рассчитывая, очевидно, что их личной храбрости и регламента ее величества будет достаточно для преодоления всех трудностей войны. Когда формировался лагерь в Кобгане, то все, кто мог судить о маневрах лучше, чем бедные репортеры, изумлявшиеся, как истинные дети Лондона, каждому моменту чуждой им игры, виденной ими впервые, были подавлены сознанием негодности многих офицеров.

Система обучения и военный артикул войсковых частей в высшей степени устарели, система маневров в высшей степени громоздка, так как все движения спутаны, медленны и педантичны; старая система линейного движения, которая в британской армии при всех военных маневрах является более обычной, чем в австрийской, имеет при благоприятных почвенных условиях, некоторые преимущества, но эти преимущества уравновешиваются многими недостатками, и, в конце-концов, надо признать, что эта система применима лишь при исключительных обстоятельствах; система расположения в колонны, особенно в ротные колонны, как это принято в хорошо поставленных армиях континента, гарантирует гораздо большую подвижность, а если понадобится также и быстрое формирование в линию.

Вооружение английских солдат доброкачественно, великолепно сделано, но в большинстве случаев страдает некоторой старомодностью. Старые ружья—гладкого сверления, большого калибра—хорошо сделаны, но более тяжелы, чем нужно. Старая брауншвейгская винтовка тоже хороша в своем роде, но в настоящее время превзойдена лучшим оружием. Вновь введенная винтовка Причарда, представляющая из себя улучшенную французскую винтовку Меннье, является прекрасным оружием, она была навязана влиятельным руководящим кругам после ожесточенного сопротивления с их стороны. В настоящее время господствует такая бессистемность и беспорядочность в вооружении, что часто одна половина полка имеет оружие новой системы, другая—старой и, таким образом, однотипность вооружения нарушается. Кавалерийские сабли хороши, имеют

более острый клинок, приспособленный бить и колоть лучше, чем сабли континентальных войск; лошади первоклассные, но наездники и вооружение слишком тяжелы; материалы полевой артиллерии, лучшие в мире, во многих отношениях удивительно упрощены, но пушки по калибру настолько различны, что это обусловливает также и громадную разницу в артиллерийских снарядах.

Но наибольшим недостатком является форма: слишком большая разряженность британского солдата; высокий, узкий твердый воротник, короткая тесная куртка с фалдами, неудобные, узкие штаны, жалко выглядывающие плащи, скверные шапки или „чако“ и такая путаница ремней и поясов для ношения оружия и ранца, какой нет даже в прусской армии. Обо всем этом в последнее время так много говорилось в газетах, что одного упоминания об этом будет совершенно достаточно. Кроме того, не надо забывать, что вместе с этим почти преднамеренным неудобством формы британский солдат должен носить гораздо большую ношу, чем солдаты других армий. Как-будто бы главным принципом армии захотели сделать чрезмерное обременение ее; ее нагружают таким грузом, какого не имеет ни одна армия; много значит здесь нецелесообразная организация интендантства, но, кроме того, по количеству полковых обозов, особенно же офицерского багажа, она может найти что-либо подобное себе лишь в Индии и Турции.

Посмотрим, как функционировала эта армия, когда войска достигли Турции. Французские солдаты, в военную систему которых вводились все улучшения, достигнутые во время алжирской кампании, сразу же почувствовали себя хорошо, как только были высажены. У них было с собой все, что им было нужно, а то, чего у них было мало, или чего у них нехватало, они быстро достали со свойственной французам изобретательностью. Даже при легкомысленном управлении Луи Бонапарта и Сент-Арно система работала довольно хорошо. Но англичане! Они пришли в Галлиполи прежде, чем прибыли туда их запасы продовольствия. Они пришли в количестве вчетверо большем, чем могли вместить их лагери; не было сделано никаких приготовлений для высадки, не было перевозных печей, не было никакой ответственной администрации. Приказы и отмена этих приказов следовали друг за другом и противоречили друг-другу ужасающим и даже комическим образом.

Фельдфебели и капралы, прекрасно чувствовавшие себя в кафрских кустарниках или в знойных низменностях Индии, оказались здесь совершенно беспомощными. Лучшие порядки, которые каждое командование принуждено вводить во время похода, имели силу лишь в продолжение похода. Как только части доходили до места и отделялись друг от друга, так сейчас же вступал в силу старомодный регламент „ее величества", и улучшения, добытые тяжелым опытом, забывались.

Вот та славная система, которую железный герцог проводил с железным упрямством, так как он, имея эту систему, побил на Пиренеях наполеоновских генералов. Британский солдат, зашнурованный в свою кожаную кирасу, влекущий за собой шестьдесят или семьдесят фунтов ноши, медленно продвигается, между двумя припадками малярии по степям Болгарии, плохо обслуживаемый своими нерадивыми, необученными интендантскими офицерами, и может действительно гордиться своим славным железным герцогом, который так хорошо о нем позаботился. Плачевные результаты, вытекавшие с необходимостью из окостеневшей системы герцога, еще более ухудшаются благодаря олигархическому характеру английской администрации; важнейшие должности доверены людям, получившим их за деньги, на поддержку которых в парламенте всегда готова клика стоящих у власти „охотников за местами", и которые совершенно лишены элементарных знаний и деловитости. Возьмем для примера м-ра Берналь Осборна, союзного секретаря военного совета.

Назначение м-ра Берналь Осборна было уступкой радикалам, представленным в министерстве сэром Мольсвортом, весьма почтенным редактором „Гоббса". М-р Берналь Осборн „вбирает в себя остроумие, как голубь горошины, и снова порождает его, когда это понадобится Юпитеру. Он торгует своим остроумием и сбывает свои товары на похоронах, на пирушках, на собраниях, площадях и обедах. Вместе с тем, ведя мелкую торговлю своим остроумием, он не в состоянии отличить старый мушкет от винтовки Меннье, и, тем не менее, он остается секретарем военного совета ее величества".

Наши читатели наверное помнят, что не так давно он обратился с предложением к парламенту ассигновать деньги военному министру для фабрикации необходимого армии и флоту

ручного огнестрельного оружия. Он утверждал, что в С. Ш. Америки правительственные мастерские дают более дешовое оружие, чем частная индустрия, и что невыполнение в срок контрактов о поставке оружия влечет за собой большие затруднения.

Решение палаты, по предложению м-ра Мюнца, было отложено, а избранной по этому поводу комиссии было предложено:

> „Изыскать наиболее дешовый, быстрый и удовлетворительный способ к обеспечению армии ее величества необходимым огнестрельным оружием“.

Заключение комиссии уже опубликовано, и к чему же оно сводится? Частные предприятия не смогут сдать оружие в установленные контрактами сроки,

> „так как способ, которым военное министерство исследует их работу, является чистой придиркой; оно имеет привычку передавать специальным контрагентам каждую отдельную часть многочисленных составных частей винтовки“.

Заключение говорит далее:

> „Военное министерство не имеет понятия о цене оружия, изготовляемого в Америке, не знает, какова должна быть установка механизмов, а также оно никогда не видало огнестрельного оружия, которое приготовляется на государственных фабриках этой страны“.

Наконец, мы узнаем оттуда же, что

> „мастерские, которые правительство предполагало организовать, не дали бы ни одной винтовки раньше восемнадцати месяцев“.

Эти выдержки из парламентского отчета достаточно характеризуют деловые способности м-ра Осборна, высокочтимого секретаря, поставленного коалицией во главе снабжения армии.

НА ТЕАТРЕ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ.

Не только факт очищения Россией Валахии и одновременно занятия ее Австрией, но и самый способ, которым осада Силистрии была предпринята, проведена и прекращена, показывают, что действовавшие здесь силы были далеки от чисто-военных побуждений. Из официального русского сообщения от 28-го мая, отличающегося от турецких сообщений лишь данными о количестве убитых и раненых, явствует, что операции носили в высшей степени стремительный характер, что напряженные усилия разрушить форты были сделаны лишь тогда, когда выяснилась на практике невозможность взять крепость штурмом, и что самое наступление было наиболее бесцельным и невежественным из всех наступлений, занесенных в анналы истории, считая и русские.

Донесения об операциях с 28-го мая по 15-е июня слишком скупы для того, чтобы можно было составить себе точное представление о происходивших событиях, однако, тот факт, что почти все высшее офицерство ранено и выведено из строя,—Пашкевич, Шильдер, у которого ампутирована нога, Горчаков, Людерс и Орлов, потерявший глаз,—указывает с несомненностью, на то, что русские имели приказ не только занять крепость, но и сделать это в определенный срок. Их образ действия более напоминал приемы осады городов в Курдистане во времена Тимура (Тамерлана), чем современную правильную войну. С другой стороны, очевидно, что мужественная и умелая защита Силистрии вызвала изумление как у союзных государств, так и у оттоманского совета министров.

Наши читатели, конечно, знают, что приблизительно шесть недель назад союзные полководцы собрались в Варне и признали Балканы естественной оборонительной линией Тур-

ции, а в настоящее время многие британские газеты не только утверждают, но и ликуют по поводу того, что не потребовалось ни одного английского или французского солдата для освобождения Силистрии. Конечно, нельзя отрицать, что Силистрия является пунктом большого военного значения, что судьба этой крепости решит участь всего театра военных действий, и что русские, сдав позиции и отступив к Серету, теряют все области, завоеванные ими в прошлом и настоящем году.

Но все же многие английские листки значительно преувеличивают русскую неудачу. Требуется большая доля легкомыслия, чтобы думать, что вылазка, произведенная гарнизоном Силистрии 13-го июня и подкрепление в 2.000 ч., которое он получил от Омера-паши, поведет к полному поражению России, и что 90.000 человек обратятся в бегство от 15.000 человек. Неожиданное отступление русских, поскольку можно судить, так же загадочно, как и их внезапное наступление. Оно может быть объяснено только предварительным соглашением с Австрией, по которому занятие Валахии предоставлено австрийским отрядам. При таких обстоятельствах приобретает большой интерес место из письма константинопольского корреспондента „Морнинг Хроникль", который развивает этот план еще 10-го июня, то-есть за 4 дня до заключения австрийско-турецкого соглашения.

> „Турки думают, что дипломатия играет с ними, и что они (союзники) имеют намерение отдать Силистрию в руки русских. Это подозрение подтверждается полученными здесь известиями, что в Вене заготовляется новый протокол, в котором о падении Силистрии, насколько я слышал, говорится как о совершившемся факте. Если военное честолюбие России будет удовлетворено, то Австрия, в свою очередь, сочтет своевременным начать интервенцию и произвести перемены своим вмешательством,— она займет дунайские княжества, освобождаемые русской армией".

Таким образом, если бы русские во-время взяли Силистрию, все было бы в порядке. Но так как им не удалось удовлетворить военное честолюбие царя, то теперь им приходится, на основании соглашения с Австрией, отступать в несколько худших условиях. Когда русские отошли за Серет, австрийцы

продвинулись к Серету и Дунаю и встали между русскими и турками с их союзниками. В таком положении они являются решающими в деле и мешают продвижению вперед обеих сторон. Русские остались в Молдавии, в то время как венская конференция более, чем когда-либо, занята составлением протоколов, и, таким образом, зима выиграна. Если конференция не приведет ни к чему, — что может произойти скорее всего, так как русский император получил от Хоп'а и К° в Амстердаме 7.400.000 фунтов стерлингов в виде нового займа,—то позиция русских за Дунаем и Серетом будет вдвое сильнее, чем была их линия между Бухарестом и Кюстенджи. Если же сравнить силы русских перед Силистрией в Болгарии и при их последнем отступлении за Серет с силами союзных армий,—поскольку последние вообще при своем гениальном расположении могут быть приняты во внимание,—то мы ясно увидим, что даже при самых благоприятных обстоятельствах последние не будут в состоянии расстроить русско-австрийскую комбинацию. Военные силы, собранные русскими на европейском берегу Черного моря против Турции и союзников, состоят из 13 дивизий пехоты, а именно 3-х из третьяго, 3-х из четвертого, 1-й из пятого, 3-х из шестого армейских корпусов и 3-х резервных дивизий. Кроме того, 3-й, 4-й, 5-й и 6-й дивизий легкой кавалерии и 3-й, 4-й и 5-й артиллерийских бригад. Эти войска, составляющие почти половину действующей армии, по официальному подсчету, имеют по 16.000 человек в каждой пехотной дивизии, 5.000 в каждой кавалерийской дивизии и 160 орудий в каждой артиллерийской; в общем от 250.000 до 260.000 человек, исключая обоза и маркитантов. Но если мы оценим русскую армию соответственно тому, как она показала себя в венгерскую войну, то мы должны считать русскую пехотную дивизию не более, чем в 13—14 тысяч человек, а кавалерийскую и артиллерийскую дивизии также в значительно меньшем размере, по сравнению со списочным составом. Настоящая численность войск, которые русские постепенно ввели в княжества, достигает приблизительно 210.000 человек; из этого числа следует сбросить 20—25 тысяч человек, выбывших из строя вследствие потерь и болезней. Если мы вспомним опустошения, произведенные в русской армии в 1828—29 гг. малярией, а также письма одного русского врача в венском

медицинском журнале, мы можем отнести на потери 8% общего количества русского войска. И, таким образом, у русских остается действующая армия численностью в 180.000 человек.

Интересно знать, какая часть этой армии принимала участие в операциях под Силистрией. Значительный отряд был необходим, чтобы защищать магазины и службы, находившиеся в тылу. Бухарест и линия Добруджи должны были быть заняты. Различные отряды были совершенно необходимы, чтобы прикрывать фланги и частично фронт армии. Если мы сбросим 60.000 человек на эти различные задания, то для осады Силистрии и прикрытия этой операции оставалось чистых 130.000 человек. Это рассчитано скорее слишком высоко, чем низко. Благодаря положению Силистрии на большой реке, было неизбежно разделение осаждающей армии, если она имела намерение отрезать город со всех сторон. Поэтому было необходимо для нее иметь на правом берегу сильные резервы, чтобы притти на помощь войскам в случае поражения их на южном берегу. Наконец, войска, находившиеся на южной, или на правой стороне, должны были разделиться в свою очередь, при чем одна часть должна была производить операцию и отражать возможность вылазки осажденных, а другая—прикрывать операцию и встать против армии, идущей на освобождение города. Около 35—40 тысяч человек были употреблены на то, чтобы занять правый берег и продолжать осаду на левом. Таким образом, против освобождающей армии русские могли выставить лишь 80.000 человек, и это было все, что Россия могла держать на болгарском берегу в окружности Силистрии на протяжении 10—20 миль. Посмотрим теперь, какие силы могли выставить союзники против 180.000 русских. Численность турецкой армии под Шумлой определялась некоторое время назад в 80.000 человек, однако, в ее распоряжении нет ничего, что необходимо для действия в открытом поле; по последним сообщениям лорда Раглана и французских штабофицеров, она имела дурных командиров и была совершенно не в состоянии предпринять наступление. Мы не можем, да и не имеем намерения оценивать сейчас правильность этих сообщений. Следует лишь констатировать, что это есть официальное мнение союзников о состоянии турецкой армии. С тех пор были отправлены из Калафата в Рущук отряды, ставшие там

лагерем в 40.000 человек. Трудно понять политику, оставляющую в бездеятельности корпус, достаточно сильный для того, чтобы отклонить русских от намерения взять Силистрию, если бы он был направлен вместо Рущука в Бухарест. Но, ведь, известно, что ведение войны находится целиком в руках дипломатов. Если же не принимать во внимание теперешнего гарнизона в Рущуке, а также гарнизона и резервов в Шумле, то очень сомнительно, может ли Турция вывести в поле более 50.000 человек, которые были бы в состоянии выполнить стоящие перед ними задачи. По вычислениям западных военных авторитетов, один французский или английский солдат считается за 2-х русских, следовательно, чтобы удержать равновесие с русскими, союзникам надо иметь 65.000 человек. Пока союзники в Варне не имеют этого количества, они вряд ли выйдут в открытое поле, и только величайшая необходимость принудит их к этому. Союзники были уже достаточно благоразумны и не выступали с такими силами, так что в дальнейшем у них вряд ли останется предлог воздерживаться от активных операций. Все находящиеся в настоящее время в Турции франко-английские силы достигают не более 80.000 человек, не считая 15—20 тысяч, находящихся сейчас в дороге и включая почти всю артиллерию и кавалерию. Количество транспортов, находящихся в Босфоре под рукой, с намерением или без намерения, сильно ограничено, так что понадобилось бы много рейсов, если бы перевозить войска к Варне только морем. Но по последним достовернейшим сообщениям,—говорит цитированный уже нами здесь корреспондент,—морским путем до сих пор направлено только 12 тысяч английских и иностранных солдат, масса же французской армии медленно продвигается от Галлиполи к Константинополю и Адрианополю. Так как дороги, всем известно, плохи, а трудности снабжения в высшей степени велики, то это путешествие, которым руководит известный генерал Сант-Арно, будет долго тянуться между Варной и Константинополем, и мы можем к тому же надеяться, что Сант-Арно не пропустит ни одной возможности придать любой интриге в турецком совете министров такой оборот, чтобы извлечь из нее пользу для своего бездонного кошелька. О двух английских дивизиях, стоящих в Скутари, мы знаем от того же корреспондента: „Кажется, что они еще не готовы к выступлению, хотя

целый флот транспортов и пароходов, готовых к отплытию, стоит на якоре, чтобы их погрузить".

Из приведенных фактов ясно всякому, что союзные державы заботливо стараются не нарушить существующего контакта между Россией и Австрией. Так как если бы такое желание существовало, то осуществить его было бы очень легко одним из двух способов: или путем английско-шведского союза, который создал бы операционную базу на Балтийском море, облегчив таким образом нападение на Финляндию и обход Свеаборга и Кронштадта, или же путем комбинированного морского и сухопутного нападения на Крым и Севастополь. В отношении первого предположении забавно видеть, как лондонский „Таймс", три недели назад громогласно заявлявший о необходимости послать в Балтийское море черноморскую эскадру, теперь предлагает простое блокирование бухт Балтийского моря и моментальное возвращение флота в Черное море для осады Крыма. Это та же самая газета, которая выражала сожаления, что Нэпир не может ничего предпринять, пока не соединится с ним французский флот. Теперь же, когда это соединение произошло, полагают, что, в конце-концов, ничего нельзя сделать, и что лучше было бы и английскому, и французскому флоту сделать прогулку по Каттегату, Каналу и Гибралтарскому проливу до Черного моря. Если подумать только, сколько времени потребовалось на соединение двух этих флотов, и, с другой стороны, сколько времени потребует еще их соединение под командой адмирала Дундаса, то станет ясно, что главной целью этого предприятия было—ничего не делать ни в Балтийском, ни в Черном море.

Единственным местом, где русские, кроме своего непредвиденного и неожиданного поражения под Силистрией, понесли серьезные потери и окружены опасностями, является Кавказ, хотя ничего определенного об этом еще не известно. Они оставили там почти все свои крепости, расположенные на восточном берегу Черного моря, не из страха перед союзным флотом, но для того, чтобы подкрепить свою армию в Грузии. Сообщают, что при своем отступлении в Дарьяльском ущелье [11]) они подверглись с авангарда и арьергарда внезапному нападению сильного отряда горцев. В результате авангард был уничтожен, а

арьергард и центр принуждены были отступить с большими потерями. Одновременно армия Зелима-паши продвинулась из форта св. Николая к Озургетам, откуда русские сильно беспокоили и угрожали туркам, и принудила русских очистить эту крепость, в результате чего обеспечена связь Зелима-паши с главными турецкими силами в Карсе. Если вспомнить, что эта армия в течение зимы и весны находилась в очень печальном состоянии, то маневр русских указывает, по крайней мере, на то, что свои позиции в Грузии они считают недостаточно надежными, и что они сильно нуждаются в подкреплениях с берега. Если указанное сообщение о поражении в Дарьяльском ущелье верно хотя бы отчасти, то из него следует, что армия Воронцова отрезана и должна или создать себе прочный базис в Тифлисе, чтобы — нелегкая задача — продержаться там до зимы, или же должна попытаться пробиться во что бы то ни стало. Этот исход, во всяком случае, должен быть предпочтен отступлению к Каспийскому морю, так как ущелье, которое там надо пройти, гораздо опаснее Дарьяльского. Об этом вопросе мы сможем, однако, говорить с уверенностью лишь тогда, когда мы получим более полные и точные сведения. Сейчас мы можем установить только то, что за все время последних операций Россия бесспорно одержала две победы: одну с займом у Хоп'а и К°, другую—при договоре Австрии с Портой, и понесла одно поражение—при Силистрии. Будут ли результаты одержанных побед достаточны, чтобы искупить стыд поражения,—может решить только будущее.

ОСАДА СИЛИСТРИИ.

Приблизительно 80 лет назад, когда победоносные армии Екатерины II вырывали у Турции одну за другой провинции, входящие теперь в состав южной России, поэт Державин, в порыве лирического энтузиазма воспевая если не добродетели, то славу своей императрицы, сложил стихотворение, которое включает в себя замечательнейшие строфы, и сейчас еще характеризующие упорство, смелость и самоуверенность царской политики.

„Какие союзники нужны тебе, о Россия?
Иди вперед, и ты завоюешь весь мир!“

Это было бы верно и теперь, если бы „россы“ могли двигаться вперед. Однако, этому движению оказано довольно энергическое сопротивление. В результате, в настоящий момент они принуждены отложить свое завоевание всего мира и, что особенно уязвляет их гордость, должны сознаться, что они не только не уносят с собой залога мирового господства, но даже и ключи простой крепости Силистрии, которую они поклялись занять, они оставляют на Дунае. Что еще печальней, они оставили там останки почти пятидесяти тысяч своих братьев, павших на поле сражения или умерших от болезней.

Несомненно, осада Силистрии с начала войны является наиболее значительной операцией. Поход русских следует признать неудавшимся, после того, как они потерпели поражение при атаке крепости, и отступление за Серет, производимое ими сейчас, прибавляет к позору еще и немилость царя. Прежние перипетии осады мы уже излагали нашим читателям, как нам кажется, с достаточной ясностью. Теперь, когда перед нами лежат, наконец, официальные русские донесения, мы можем проследить все события с начала до конца с возможной

точностью и справедливостью по отношению к обеим сторонам. Кроме русских донесений, излагающих дело ясно и последовательно, но оставляющих много пробелов, у нас имеется также отчет лейтенанта Насмита (бенгальского артиллериста) для „Таймса". Это—настоящий дневник осады, дающий массу интересных подробностей, но составленный несколько небрежно, не всегда дающий верные даты. Мы можем подтвердить, что высказанные нами ранее заключения относительно осады вполне подтверждаются этими позднейшими и более подробными сведениями, вплоть до той подробности, что турки не отказались от защиты форта Араб-Табия, как мы это предполагали в то время. Русские в своих операциях действовали, кажется, еще более неосмотрительно, чем мы думали. Они прежде всего напали на крепость с западной стороны, с Нижнедунайской низменности, надеясь обойти форты и пробить бреши в главных укреплениях крепости. Если эта попытка и имела какое-нибудь преимущество, то в высшей степени оригинальное. Эта попытка представляет из себя первый опыт возведения шанцев и траншей, которые не только не были защищены с флангов, но сзади находились под угрозой высот, занятых врагом; была предпринята также другая беспорядочная операция против этих высот. Она велась так искусно, что после четырнадцатидневных бесплодных штурмов и рекогносцировок, при которых тысячи русских были убиты и искалечены, пришлось все-таки перейти к правильной осаде. Таково военное уменье русских. Теперь мы перейдем к подробностям осады.

Первого июня русские получили свежий транспорт осадных орудий с левого берега Дуная, которые они установили против Араб-Табия. Турки вырыли шахты и заложили мины под внешним откосом и под гласисом этого форта. 2-го июня Мусса-паша, командующий Силистрией, был убит бомбой. К вечеру русские взорвали мину под одним из бастионов Араб-Табия, и так как они в это время не достигли еще вершины откоса, то мина, очевидно, была плохо заложена. Расстояние, а также линия кратчайшего сопротивления были рассчитаны неверно, и мина, вместо того, чтобы повредить турецким укреплениям, разорвалась назад и осыпала русские окопы градом камней и земли. В это время были уже готовы для наступления штурмующие колонны, и можно себе представить

действие, которое оказал на них этот град камней. С каким успехом удалось русским блокировать крепость, показывает тот факт, что в этот же день нерегулярному пятитысячному турецкому отряду из Разграда, расположенного юго-западнее Силистрии, удалось проложить себе дорогу в крепость.

С 4-го по 8-е июня траншейная работа против Араб-Табия продолжалась. Русские дошли до гласиса и, при слабой поддержке своей артиллерии, смело пробили сапу до самой его вершины. Им удалось достигнуть откоса крепости и заложить там мину. В то время, как это происходило, генерал Паскевич приказал произвести одну из своих непонятных вооруженных демонстраций, в виде большого рекогносцировочного движения против крепости, в котором приняли участие тридцать один батальон, сорок эскадронов и 144 полевых орудия. Чего, собственно, хотел он достигнуть этой экспедицией,—трудно сказать. Русские делали вид, будто бы имели надежду найти какую-нибудь возможность продвинуться вперед или же, по крайней мере, доказать врагу свою непреклонность. Однако, это не оказало на турок никакого действия. Они даже выслали кавалерию в четыре тысячи человек, которая, по русскому донесению, была жестоко разбита. Наоборот, Насмит утверждает, что она захватила шестьдесят русских лошадей, отбитых во время рукопашного боя. Вместо того, чтобы извлечь что-нибудь из своей рекогносцировки, Паскевич был сам извлечен турецким ядром, лишившим его ноги, и был отправлен в Яссы.

День десятого июня был разгаром осады. Взорвалась большая мина, – последняя надежда Шильдера; она в самом деле пробила годную для штурма брешь в переднем бастионе Араб-Табия. Русские колонны бросились на штурм, но, как и следовало ожидать, турки уже давно сзади главного бруствера выстроили второй со рвом, и когда русские достигли его, они увидели себя в тупике, под убийственным огнем противника. Если штурмующая колонна принуждена остановиться,—это значит, что она уже потерпела поражение, так как вражеский огонь, прикрытый бруствером и защищенный артиллерией, бьет на таком расстоянии, где попадает каждый выстрел. Русские принуждены были отступить от бреши как можно скорей и были преследуемы турками до своих окопов, часть ко-

торых туркам даже удалось разрушить. Эта атака была последним выступлением русских против Силистрии. Несмотря на то, что осада кое-как еще продолжалась, пока не пришел приказ об ее прекращении, это делалось лишь для простой видимости. Двенадцатого июня блокада была так слаба, что европейские офицеры могли из Шумлы пройти без всяких затруднений в крепость.

Девятнадцатого мая русские начали свои траншейные работы на низменности. Двадцать второго начали свою работу против Араб-Табия их семь батарей. Другие пятнадцать орудий были привезены к форту лишь на следующий день. Однако, по русскому донесению, правильные действия против Араб-Табия начались только с 31-го мая. Это показывает, что батареи, привезенные 21-го и 22-го, производили свою работу с первой параллели и имели только тяжелые орудия для обстрела форта в длину. С 31-го мая до 10-го июня русские батареи продвинулись на сто ярдов к форту до третьей параллели от подошвы гласиса. Вершина гласиса не была достигнута, а также не были поставлены батареи на шанцах, но, как уже упомянуто, был сделан подкоп под его край и заложена мина. Из всех донесений видно, что Араб-Табия представляет из себя лишь полевое укрепление, хотя относительно большого размера, но незначительной силы, а поэтому его защитники, численностью до четырех батальонов и пятисот нерегулярных солдат под командой Гуссейна-паши, заслуживают высшей похвалы. Девять дней обстрела издалека [12]), дней напряженных осадных действий, две мины и четыре или пять штурмов и, в конце-концов, поражение врага. Действительно, мы не знаем другого примера в истории войны, когда бы простое внешнее укрепление конструкции Араб-Табия могло сопротивляться таким образом. Скорее всего с ним можно сравнить оборону Кольберга пруссаками 1807 г. и Данцига французами в 1813 году.

Может показаться удивительным, что в течение всего времени осады Омер-паша ничего не сделал, чтобы поддержать и освободить эту важную позицию. Однако, из его письма к Селиму-паше, губернатору Виддина, видно, что он на самом деле был готов притти на помощь Силистрии, когда русские начали отступление на левую сторону Дуная. Последние в течение сорокадневной осады Силистрии потеряли 25.000 убитыми.

Что будут теперь делать русские,—трудно сказать. Некоторые венские листки предполагают, что они хотят занять позицию за Бузео, но эти листки допускают, что русские делают это из страха пред австрийцами, который гонит назад, и что, якобы, австрийцы уже окружили город Бузео с двух флангов. Если русские попытаются удержать Молдавию, то австрийцы обойдут их из Галиции и Буковины. Но если русские войска, находящиеся в Польше, своевременно соединятся в Подолии и Волыни с бывшей дунайской армией, то австрийцы будут обойдены и оттеснены за Днестр и Сан.

Если мы независимо от политических соображений допустим на минуту, что Австрия готова соединиться с союзными державами для нападения на Россию, то положение будет следующее: Австрия может выставить в поле от 200.000 до 250.000 человек для соединения с союзниками, которые с своей стороны имеют 160.000 человек: 100.000—120.000 турок и около 60.000 англо-французских войск. Против этих сил Россия может выставить четыре корпуса дунайской армии с ее резервами, которая, если принять во внимание потери, достигает 200.000 человек. Второй корпус, под командой Панютина, и три кавалерийские резервные корпуса с дальнейшими резервами пехоты и подкреплениями из новых наборов дают в общем около 180.000 человек. Так что вся военная сила России достигает 350.000 тысяч, откуда следует вычесть гарнизоны, охраняющие Крым и некоторую часть Южной России. Кроме этого, имеются еще: гвардия, гренадеры и первый армейский корпус, предназначенный для защиты Польши и Балтийских провинций, не считая финского корпуса, приблизительно 15.000 человек. Принимая все это во внимание, можно признать, что разница в силах между обеими воюющими сторонами не настолько велика, чтобы Россия не могла рассчитывать на известный успех, если она будет вынуждена ограничиться только самозащитой.

Если же Австрия, как мы можем это заключить из новейших дипломатических известий и затишья на молдавской границе, не имеет серьезных намерений, кроме посредничества между воюющими державами, то мы можем быть уверены, что в течение этого года ни в Молдавии, ни в Бессарабии ничего серьезного не произойдет.

СКУЧНАЯ ВОЙНА.

Уже почти 12 месяцев прошло с тех пор, как небольшой турецкий отряд в два батальона перешел Дунай под Туртукаем против Ольтеницы. Там он построил укрепления и в короткой и горячей схватке разбил напавших на него русских; это первое с начала войны столкновение получило громкое имя „Битвы под Ольтеницей“. Здесь турки стояли против русских совершенно одни. Они не имели за собой резервов французских и английских войск, не могли надеяться на поддержку союзного флота. Однако, они продержались на валашском берегу реки при Ольтенице в течение 14-ти дней и под Калафатом в течение всей зимы.

С того времени Англия и Франция объявили войну России,— произошло много великих событий, хотя несколько и сомнительного характера. Черноморский флот, балтийский флот и стотысячная английская и французская армия поспешили на помощь туркам, стараясь отвлечь от них противника. Последовавшие отсюда результаты являются повторением дела под Ольтеницей, только в большем размере и с меньшим успехом, чем в прошлом году.

Русские осаждали Силистрию. Они шли бессмысленно, но смело вперед. День за днем, ночь за ночью они терпели поражения и не вследствие превосходящего знания и умения противника, не от капитана Бутлера и не от лейтенанта Насмита, британских офицеров, которые, по мнению „Таймса“, спасли Силистрию,—нет, они были разбиты невежественными турками, невежественность которых доходила до того, что они не всегда могли определить, до какого момента следует защищать тот или другой форт, но которые упорно цеплялись за каждый дюйм земли, за каждую мышиную нору, угрожаемую противником.

Они были далее побиты, благодаря глупости своих собственных генералов, благодаря холере, лихорадке и, наконец, благодаря моральному угнетению, которое было вызвано присутствием армий союзников на левом фланге и австрийской армии на правом. В начале войны, мы уже указывали, что русские никогда не были в состоянии вести правильную осаду, а дурно проведенные операции под Силистрией показывают, что они с тех пор еще ничему не научились. Они были разбиты, должны были самым позорным образом отступить, прервав посередине лучшего времени года осаду незаконченного укрепления, при чем гарнизон, защищавший это укрепление ниоткуда не получал поддержки. Такие вещи происходят раз в сто лет. И, что бы теперь осенью ни предпринимали русские, кампания для них безнадежно потеряна.

Посмотрим оборотную сторону медали. Силистрия освобождена. Русские отступили на левую сторону Дуная. Они готовятся очистить даже Добруджу и понемногу отходят назад. Гирсова и Матчин оставлены. Серет, повидимому, будет линией защиты русских, но уже не завоеванных, а их собственных областей. Старый лукавый кроат Омер-паша, который так же прекрасно, как и всякий другой, умеет умалчивать или лгать „во исполнение своего долга“, посылает одновременно два корпуса против обоих русских флангов: один в Добруджу, а другой в Рущук. Конечно, за это время можно было сделать значительно лучшие операции, но добрый, старый Омер знает своих турок и своих союзников лучше, чем мы. Было бы правильнее действовать на коммуникационную линию врага через Добруджу и Калараш, но после того, что мы видели, мы не можем упрекнуть Омера за то, что он упустил благоприятную возможность. Мы знаем, что его войско обставлено очень плохо, почти совсем не снабжается и к тому же должно производить быстрые передвижения, которые все более и более отдаляют его от своего базиса, создавая все новые и новые операционные линии. Такие передвижения оказывают решающее действие тогда, когда они предпринимаются сильной армией. Армия, которая вынуждена сама находить себе средства к существованию и проходит через неплодородную страну, должна воздержаться от них Мы знаем, когда Омер-паша шел на Варну, он умолял о помощи союзных генералов, стоявших тогда с армией в семьде-

сят пять тысяч великолепных солдат на расстоянии четырех дневных переходов от Дуная. Ни Сант-Арно, ни Раглан не подумали пойти туда, где бы они могли встретиться с врагом. Таким образом Омер не мог сделать ничего другого, кроме того, что он сделал. Он послал 25.000 человек в Добруджу, а сам с остальной частью отправился в Рущук. Его войска шли от острова к острову, пока не перешли Дунай. Тогда они неожиданным маршем взяли Журжево с тыла и заставили русских его оставить. На другой день русские отступили на позиции к северу от Журжева, где они и были атакованы турками. Произошла кровавая битва, замечательная большим количеством английских офицеров, которые поразительным образом оказались убитыми раньше всех; каждый получил свою пулю, но никто не оказался от этого в выигрыше; было бы, конечно, странным предполагать, что турецкий солдат воодушевится до непобедимости при виде убитых английских офицеров. Как бы там ни было, русские, имевшие на позиции один авангард в составе бригады из двух полков (Колыванского и Томского), были разбиты, и турки закрепили свои позиции на валашском берегу Дуная. Они тотчас же принялись за укрепление позиций, и так как у них имеются английские саперы, да и сами они так же, как под Калафатом, работали великолепно, то они, несомненно, сделали бы прекрасные укрепления. Но теперь говорят: „До сих пор и не дальше". Тот самый австрийский император, который в течение восьми месяцев так старался показать свое беспристрастие, немедленно вмешивается в дело. Ведь, ему были обещаны княжества для содержания войск, и он предъявляет свою расписку. Что собственно нужно там туркам? Они должны опять отправиться в Болгарию. Из Константинополя имеется уже приказ отозвать турецкие войска с левого берега и всю „эту часть местности" передать на милость и немилость австрийских солдат. Дипломатия—выше стратегии. Что бы дальше ни произошло, Австрия будет во что бы то ни стало защищать свои границы и, кроме того, попытается занять еще несколько ярдов земли за ними. Ради этой важной цели она жертвует интересами войны. И, кроме того, разве Омер-паша не является австрийским дезертиром? [13]) Австрия никогда не забывает. В Черногории она раз помешала его победоносному походу, и теперь она повторяет то же самое,

чтобы дать понять ренегату, что он еще имеет некоторые обязанности подданного по отношению к своему господину.

Настоящее состояние военных действий не представляет из себя в своих деталях ничего, на чем можно было бы остановиться. Отдельные операции не имеют тактического интереса, а являются простыми фронтовыми стычками. Движение войск с обеих сторон диктуется скорее дипломатическими, чем стратегическими мотивами. Возможно, что кампания закончится без каких-либо крупных событий, так как на Дунае совсем незаметно приготовлений к большому наступлению; что же касается осады Севастополя, о которой мы так много слышали, то она, очевидно, будет затягиваться до такой степени, что начало ее придется отложить до начала нового года.

Последователи консервативных убеждений в Европе, кажется, должны были бы от них отказаться, наблюдая разрешение этого вечного восточного вопроса. Целая Европа неспособна,— по крайней мере, в течение последних шести лет была неспособна—разрешить этот крохотный спор. В войну втянуты Франция, Англия, Россия. Они ведут войну в течение шести месяцев, и за это время не было ни одной битвы, приведшей хотя к сколько-нибудь серьезным результатам. Под Варной от 80 до 90 тысяч английских и французских солдат под командой секретаря старого Веллингтона и маршала Франции (величайшие подвиги которого были, несомненно, произведены в лондонских ломбардах)—французы ничего не делают, а англичане им в этом помогают, как только могут; и так как они еще недостаточно хорошо выполняют это дело, то им на помощь в рейд Бальчик присланы флоты, чтобы понаблюдать за ними и решить, которая из обеих армий с большим успехом наслаждается этим dolce far nienti (ничего-неделанием).

И хотя эти армии до сих пор ничего не делали, кроме того, что поедали припасы, на которые рассчитывали турецкие войска и в течение двух месяцев бродили вокруг Варны, они все еще неготовы. Они могли бы освободить Силистрию в случае нужды лишь в мае ближайшего года. Те самые войска, которые завоевали Алжир, изучили теорию и практику войны на самом трудном из когда-либо существовавших театров военных действий; те самые солдаты, которые сражались против сикхов на берегах Инда, в тернистых кустарниках Южной Аф-

рики против кафров, в странах гораздо более диких, чем Болгария, стоят теперь жалкие и беспомощные и никуда не годные в стране, вывозящей хлеб.

Русские не лучше союзников. Они имели много времени, чтобы подготовиться, и они делали все, что могли, так как знали, какое сопротивление их встретит. И что же они сделали? Ничего. Они не взяли у турок ни фута оспариваемой области. Они не могли взять Калафата и не выиграли у турок ни одной битвы. Это те самые русские, которые под командою Миниха и Суворова завоевали берега Черного моря от Дона до Днестра, но Шильдер—не Миних, Паскевич—не Суворов, и если русские солдаты лучше переносят палочные удары, чем другие, то они тоже теряют свою выносливость, если терпят постоянные поражения.

Факт налицо, что консервативная Европа,—Европа порядка, собственности, семьи и религии, Европа монархов, полководцев и капиталистов, как бы ни противостояли они друг-другу в различных странах,—доказала свое полное бессилие. Даже в гнилой Европе война должна была разбудить много свежих сил. Двести пятьдесят миллионов человек могли бы иметь достаточно энергии, чтобы, вступив в борьбу, проявить мужество и силу и добиться некоторой славы для обеих сторон. Нет! не только Англия средних классов и Франция Бонапарта не способны вести правильную, энергичную, напряженную войну, но даже и Россия, менее всех других европейских стран затронутая расслабленной вероломной цивилизацией, также показала себя на нее неспособной. Одни турки проявили способность к быстрому наступлению и твердому сопротивлению при защите, но они показали себя неприспособленными к большим комбинированным операциям с сильной армией. Все в значительной степени осуждены на бессилие, все ограничиваются признанием в собственной слабости, и все они уже, кажется, не ждут друг от друга ничего лучшего. При существующих правительствах эта восточная война может тянуться тридцать лет и все же не притти ни к какому концу.

В то время как официальная Европа показала свое бессилие, на юго-западной части континента началось движение, которое показывает, что имеются другие силы, гораздо более влиятельные, чем официальные. Какой бы характер ни приняло в даль-

нейшем испанское восстание, и чем бы оно ни кончилось, можно с уверенностью признать, что оно стоит в таком же отношении к будущей революции, в каком стояли швейцарское и итальянское движения сорок седьмого года к революции сорок восьмого года.

В испанском восстании ясно выступают два факта. Прежде всего военщина, которая с 1849 года господствовала на континенте, раскололась и оставила свое призвание к восстановлению порядка, чтобы проводить свои цели даже и в оппозиции правительству. Свою дисциплину она признала за силу, и эта сила расшатала ее дисциплину. Во-вторых, мы переживаем момент баррикадной войны, богатой своими последствиями. Баррикады, возникавшие с июня 1848 года до сих пор терпели поражения. Как форма восстания в большом городе против военщины, баррикады как-будто потеряли значение. Но это заключение теперь опровергается. Мы снова увидели победоносные неприступные баррикады. Цепи разбиты. Возможна новая революционная эра, и весьма характерно, что войска официальной Европы, показавшие свою негодность к войне, одновременно терпят поражение от восставших граждан.

ОЧИЩЕНИЕ ДУНАЙСКИХ КНЯЖЕСТВ.

Вчерашний „Монитор“ сообщает, что

> „Австрия, Франция и Англия требуют от России гарантий в том, что происшедшие за последнее время события более не повторятся. Австрия не вступит с Россией ни в какие сношения, пока не будет восстановлен общий мир или не будут даны эти гарантии“.

Каковы эти гарантии, можно узнать из сегодняшнего „Таймса“.

Во-первых,—очищение княжеств, во-вторых,—замена русского протектората общеевропейским протекторатом, в-третьих,—пересмотр конвенции о морских проливах (и сокращение русского флота).

Объяснения лорда Кларендона на вчерашнем заседании верхней палаты в общем подтверждают утверждения „Монитора“. Мы знаем также из других источников, что главная квартира русских переводится в Бузео, что четыре русских полка перешли Прут и что австрийское правительство со своей стороны отменило приказы об усилении корпусов, расположенных на галицийской и трансильванской границах.

В истории войн известно немного таких операций, как это очищение княжеств русской армией. Ясно, что его следует понимать только с дипломатической, а не со стратегической точки зрения. Как мы установили уже в „Трибуне“, между Россией и Австрией согласован план, по которому Австрия должна занять княжества, как только честолюбие царя будет удовлетворено занятием Силистрии; особым пунктом было предусмотрено, что в случае возможности русского поражения австрийская оккупация должна все же состояться. Между Австрией и Турцией за день до снятия осады Силистрии было заключено подобное же соглашение, по которому Австрия имела право

занять Валахию. Это соглашение преследовало троякие цели: во-первых, турки должны быть удержаны от занятия княжеств, во-вторых, должен быть „установлен кордон вокруг Австрии для ограждения ее от революционной чумы“, в-третьих, русским должно быть облегчено спокойное возвращение. Из сообщения лорда Кларендона для нас ясно, что Порте навязал это соглашение английский посланник в Константинополе, лорд Страдфорд де-Редклифф. Одновременно Диван отдал приказ не беспокоить преследованием возвращающихся назад русских. Быстрый отход русских от Дуная нельзя объяснить иначе, как заключенным ранее соглашением Австрии с Россией.

Австрийцы твердо установили, что 3-го июля их войска войдут в Валахию. Почему же они медлят? Они хотят вытянуть у Порты одну уступку за другой. Прежде всего, в отношении формы правления, которое будет установлено в Валахии, и, во-вторых, в отношении вытеснения турок из их собственных провинций. В добавление ко всему они объявили, что занятие ими Валахии не является объявлением войны. Лорд Кларендон говорит:

> „Когда русские готовились очистить Валахию, Австрия уведомила союзников, что она займет часть Валахии для Турции и для восстановления там турецкой власти, но ни в коем случае не как воюющая сторона, так как Австрия не состоит в войне с Россией“.

Эта скудоумная откровенность Австрии вызвала замешательство, и понадобилась новая отсрочка. Пришел протест со стороны Пруссии, которой стало завидно от расширения сферы австрийского влияния на Дунае; хотя обе эти державы являются игрушками в руках России, они все же сохраняют постоянную вражду друг к другу, как это с достаточной ясностью показала „картофельная война“ 1850 г. Если бы господин Уркварт [14]) проштудировал варшавский протокол того года, ему никогда бы не пришла в голову дон-кихотская идея сделать Пруссию буфером Европы против России.

Когда русские, начавшие уже отступление, увидели, что Австрия пропустила благоприятный момент для занятия Валахии, они повернули и снова приблизились к Дунаю, так как, если бы очищение Валахии произошло прежде, чем двинулась Австрия, то последняя не имела бы никакого повода к своему вступле-

нию в это княжество. Турецкий генерал в Рущуке, который, по терминологии „Таймса“, „подозревал“ русских в возвращении, направился в Журжево и разбил их так основательно, что всякая попытка завладеть дунайской линией стала для них невозможной. Вследствие этого поражения русским приходится уже серьезно думать об отступлении. К этому решению они пришли также и благодаря открытию, что уступчивые союзники Турции уже не останутся более в бездействии, и что английское правительство, считаясь с армией и общественным мнением, будет принуждено предпринять активные действия против них. Отступив из княжеств, русские увеличили свои оборонительные силы в Бессарабии и Крыму. Только-что полученное телеграфное сообщение говорит, что русские полки, стоявшие в Бессарабии и Херсоне, с возможной поспешностью переводятся в Крым, в то время как их позиции занимаются прибывшими из Молдавии. Как можно было предвидеть, турки не замедлили воспользоваться своими преимуществами: 6-го сего месяца их авангард вступил в Бухарест, и их генерал принял делегацию от валашской столицы в самый день годовщины вступления в город врага в 1853 году.

Таким образом, австрийцы снова упустили благоприятную возможность; у них были отняты их мнимые предлоги для вступления в Валахию. Всякая оккупация в этот момент вызвала бы неизбежное столкновение с турками. И в то время как австрийские листки возмущаются против вступления турок в Бухарест, считая ег онарушением договора, английская министерская печать жалуется на медлительность и неповоротливость австрийцев, благодаря чему тонко рассчитанный план разбился вдребезги.

В „Таймсе“ от четверга мы читаем, например, следующее:

> „Благодаря своей медлительности Австрия потеряла позицию, которую она могла бы занять в княжествах. В настоящее время большая часть Валахии, а также Дунай от Орсовы до Галаца находится в руках турок. Вряд ли согласятся теперь турки отступить оттуда ради удобств другой державы“.

Все, что теперь остается сделать австрийцам,—это занять Молдавию.

Телеграммы из Константинополя от 30-го июля почти определенно говорят о предполагаемой экспедиции против Крыма. 27-го июля прибыли 20 кораблей под командой адмирала Брюата, покинувшие Балтику 21-го июля и сопровождаемые генералом Броуном и Канробертом, чтобы обследовать берега от Анапы до Севастополя. Канроберт и Броун тотчас же по прибытии направились в Варну, чтобы сделать доклад Сант-Арно и лорду Раглану о результатах своей миссии. Франко-английские войска расположены в мелких гаванях от Варны до Кюстенджи, откуда они могут быть легко транспортированы. Посадка должна была последовать 29—30-го июля. Турецкий флот вошел в Черное море, а все англо-французские морские силы собраны на высоте Варны, где 1-го августа были сосредоточены многочисленные военные транспорты.

О том, куда предназначаются войска, газета „Дю Миди“ говорит следующее:

> „Возможно в Анапу,—в этом случае черкесы будут поддерживать нападение на Крым; может-быть, в Одессу,—в этом случае союзники будут угрожать Бессарабии и Крыму, или же в Николаев, где находятся русские арсеналы“.

Добруджа целиком очищена русскими и занята 36 тысячами турок и французов. Турки находятся в Бабадаге и это означает, что, очевидно, у них есть приказ напасть на Тульчу, тогда как французы нападут на Галац.

16-го июля английские пароходы „Спитфайр“ и „Везувий“ разрушили до основания небольшой город, построенный русскими у устья Сулинского рукава, который был уже частично разрушен раньше. Кроме маяка и церкви, не пощажено ни одно строение.

На Белом море, на одном из пунктов онежского берега, высадились англичане и разрушили одну деревню.

Действия русского парохода „Владимир“ на Черном море побудили „Таймс“ к горячим нападкам на адмирала Дундаса. „Геральд“ отвечает на это следующим:

> „Нэпир допустил, что свеаборгский флот прошел мимо без всякого ущерба, что Хангудд был подкреплен, и что суда удалились от Боена и, благодаря этому, сели на мель.

И на все это „Таймс“ не говорил ни слова. Когда же дело касается Дундаса,—то дело иное“.

Письма из Парижа от 9-го сего месяца сообщают, что восточная армия должна быть подкреплена 50.000 человек. Если война в общем не приведет ни к чему хорошему, то она будет иметь, по крайней мере, ту заслугу, что освободит Францию от армии, совершившей декабрьский переворот.

ЗАНЯТИЕ БОМАРЗУНДА [15]).

В английской прессе вы прочитаете о первых подвигах британской армии при Бомарзунде. Эти бедные листки, которым не приходилось сообщать ни о чем выдающемся, с энтузиазмом сообщают об успехе, одержанном 10.000 или 20.000 французов над 2.000 русских. Я перейду мимо этих ликующих криков прямо к порядку дня, чтобы выяснить, какие результаты даст занятие этого острова, являющегося скорее предместьем Стокгольма, чем С.-Петербурга. Французский листок „Сьекль", а за ним и остальные сообщили, что Швеция неизбежно присоединится к западным державам в их действиях против России. О правдивости этого сообщения можно судить уже потому, что как-раз в то время, когда Швеции было удобнее всего бороться в болотах и лесах Финляндии,—она объявила вооруженный нейтралитет. Изменит ли она свою политику теперь, когда благоприятное для военных операций время уже прошло? Англия и Франция отказали королю Оскару дать формальные денежные и территориальные компенсации за его выступление. Как можно, далее, объяснить приказ шведского правительства о разоружении всей эскадры, если думать, что Швеция, действительно, намерена вступить в бой? Это разоружение распространяется и на линейные корабли— „Карл XII" и „Принц Оскар", фрегат „Дезире" и корветы: „Гефле" и „Тор".

Завоевание Бомарзунда теперь, когда воды этих широт скоро покроются льдом, не может иметь никакого значения. В Гамбурге существует мнение, что за ним последует занятие Риги. Это мнение опирается на письмо капитана Хиткота, командира „Архара", к английскому консулу М. Хертелет в Мемеле, где он говорит, что все иностранные корабли покинули Ригу с 10-го числа сего месяца.

Пруссия очень поддерживает контрабанду военных контрабандистов на своей русской границе и одновременно подготовляет разрыв с союзниками. Коменданты гаваней Кенигсберг, Данциг, Кольберг и Свинемюнде получили приказы привести эти крепости в боевую готовность.

Влиятельнейшие шведские газеты пишут:

> „Было бы более, чем безумием соединиться с союзниками и нести чудовищные жертвы, когда с самого начала не установлено без всяких сомнений, что Россия будет разбита в куски, а Польша восстановлена. Если это не произойдет, то передача Финляндии Швеции — это просто глупость и ловушка“.

При этом следует помнить, что все северные правительства находятся в конфликте со своими народами. Так, например, в Копенгагене происходит следующее: шлезвиг-голштинцы решили воздержаться от всяких выборов в ригсдаг, а выборщики города Копенгагена послали д-ру Мадриду, члену ландстинга, адрес, в котором требовали, чтобы он не брал мандата в ригсдаг, так как королевский указ является оскорблением датской конституции и прав датского народа.

КРЫМСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ.

Нападение на Севастополь.

Наконец, кажется, представляется возможность Франции и Англии нанести серьезный удар русскому могуществу и влиянию, и понятно, что вся Англия следит за действиями против Севастополя с усиленным интересом.

Понятно, что французские и английские листки очень носятся с этим предприятием, и если им поверить, то за всю историю военного искусства никогда не совершалось ничего более великого. Если же смотреть в глаза фактам, то все эти непонятные промедления, бессмысленные разговоры, характеризующие начало экспедиции, так же, как и все предшествовавшие и сопровождавшие обстоятельства, далеко не внушают доверия. И пусть исход этого предприятия будет победоносен, начало его во всяком случае было довольно плачевно.

Обратим внимание на предшествующую тактику союзных войск в Турции. Прежде всего эти, в высшей степени храбрые, но вместе с тем и весьма осторожные войска пожелали высадиться в Еносе и уже приблизились к полуострову, но вдруг открыли, что это будет очень опасно. Чтобы выполнить свой подвиг, они с неслыханным мужеством перебрасывались для высадки в Галлиполи на Фракийский Херсонес. Но они сделали это лишь для того, чтобы в кратчайший срок начать на полуострове защитные работы и создать себе важнейшее из всех вспомогательных средств — операционную базу. Между тем, турки на Дунае должны были непрерывно подставлять лбы своему страшному противнику, присутствие которого в Валахии давало повод к ученым маневрам союзников; и

турки выполнили эту задачу с весьма заметным успехом. Но чем больше прибывало войск и судов, тем яснее становилось, что Дарданеллы и полуостров не могут вместить всех прибывающих войск. Тогда появился ученый проект, согласованный между Парижем и Лондоном. Часть войск, действительно, могла подвергнуться некоторому риску и опасности и выгрузиться в Константинополе, в этом очень удаленном пункте. В вознаграждение за это все укрепления этого города были немедленно забраны в руки союзников.

К счастью, на это ушло много времени, и таким образом, была достигнута главная цель: не выигрывать время, но проигрывать. Затем убедили себя, что можно без большого риска отправить одну дивизию в Варну, чтобы занять эту позицию; так как турки, прославившиеся своей защитой Варны в 1828 году, очевидно, сделали с тех пор такие успехи в европейской дисциплине, что им нельзя было доверить защиту такой важной позиции. Одна дивизия была отправлена, за ней последовали вторая и третья. И когда, наконец, были исчерпаны все предлоги, чтобы удержать войска на Босфоре, вся большая союзная армия была мирно сконцентрирована в Варне. Это происходило как-раз в то время, когда грозная туча австрийской армии появилась на флангах и в тылу у русских, когда, следовательно, вследствие политических комбинаций, база союзных операций неожиданно перебросилась из Константинополя в Трансильванию и Галицию. Если бы этого не случилось, то можно сказать, положив руку на сердце, что в Болгарию никогда бы не была введена союзная армия. Доказательством этого является поведение союзников во время осады Силистрии. Как всем известно, это был поворотный пункт всей кампании; в момент, когда обе стороны напрягают свои силы до последних границ, в девяти случаях из десяти самый незначительный перевес на одной стороне может изменить равновесие в ее пользу. И в этот решительный момент 20.000 английских и 30.000 французских солдат, „цвет обеих армий“, находясь на расстоянии лишь нескольких дневных переходов от крепости, спокойно курили свои трубки, приготовляясь к принятию холеры. И если бы эта болезнь не произвела ужасающих опустошений в рядах русских, и если бы горсть арнаутов за своими засыпанными снарядами шанцами не проявила чудес

храбрости,—Силистрия попала бы в руки врагов. Нет другого примера в истории войн, чтобы армия, так удобно расположенная, так трусливо бросила на произвол судьбы своих союзников. Никакой поход и никакая победа в Крыму не смоют этого пятна с чести французских и английских полководцев. Что было бы с бриттами под Ватерлоо, если бы старый Блюхер после поражения, понесенного им за два дня перед тем под Линьи, оказался таким же совестливым, как Раглан и Сант-Арно?

Кучка арнаутов, бившихся на окопах Араб-Табия, показала свое превосходство над русскими в ловкости, умении и военном воодушевлении. Русские ушли с Дуная не только из-за враждебной им армии. Их собственная неумелость, мужество защитников, малярия, пассивное давление австрийцев на Днестре заставили, наконец, русских прервать осаду и потерять свой поход вместе с Добруджей и княжествами. Союзные генералы пожелали, конечно, использовать этот большой успех по всем правилам той стратегической системы, которую они до сих пор так успешно применяли. Вследствие этого лорд Кордиган повел на Дунай британскую кавалерию для рекогносцировки, при которой он не только не встретил русских, но потерял много лошадей и не стяжал ничего, кроме болезней и смешного положения. А известный своим предательством в национальном собрании 2-го декабря 1851 г. генерал Эспинас повел свою дивизию в Добруджу с таким успехом, что пара великолепных полков была почти уничтожена холерой, и зараза этой эпидемии была занесена в лагерь союзников. Таким образом, если эта эпидемия так свирепствует в лагерях союзников, то они этим обязаны исключительно своей стратегической распорядительности. Жертвой ее пали тысячи солдат, не видевших еще в лицо противника; они умирали, как мухи в своих лагерях, где проводили свои дни мирно и безопасно. Угнетение, недоверие к вождям и дезорганизация явились вследствие всего этого; правда, у англичан, которые меньше страдали, да и вообще имеют больше силы сопротивления, в меньшей степени, чем у французов, национальный характер которых более поддается таким влияниям, особенно, когда по вине полководцев они вынуждены бездействовать. В мятежах, разразившихся сейчас

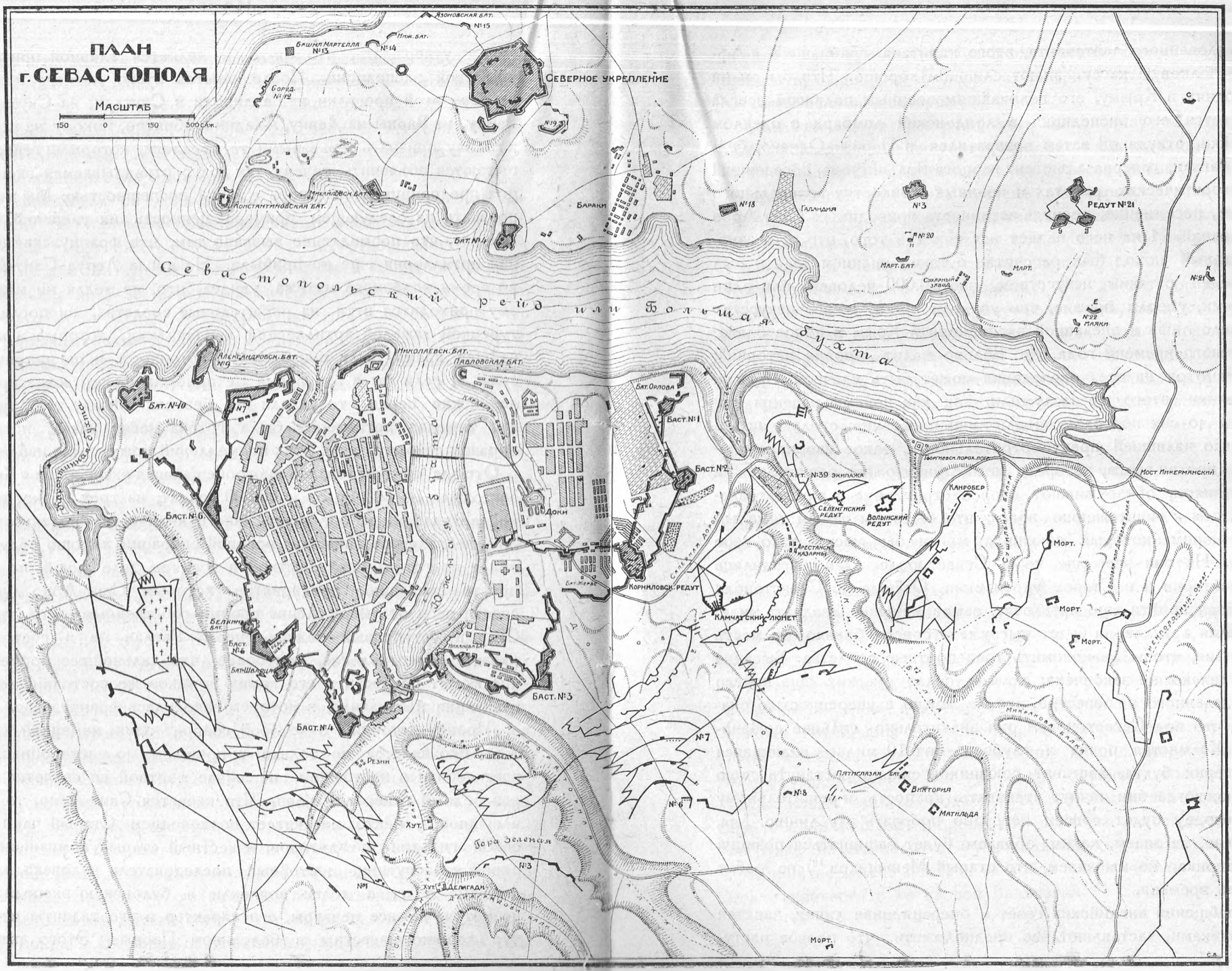
среди французских солдат, замечается отпечаток того ненормального состояния, в котором французский солдат жил с 1849 года. Буржуазия, освобожденная французским солдатом от ужасов революции, научила его смотреть на себя, как на спасителя нации. Луи Наполеон ласкал его, видя в нем орудие восстановления империи. С ним обращались таким образом, как-будто он должен был не повиноваться, а приказывать. Ему привили представление о себе, как о существе, стоящем выше простых граждан, а по отношению к своим начальникам он считает себя, по крайней мере, равным; не останавливались ни перед какими средствами, чтобы сделать из него преторианца, а история уже давно научила нас, что преторианцы бывают плохими солдатами. Они начинают с того, что командуют гражданами, затем начинают диктовать своим командирам, а кончают тем, что получают изрядное количество тумаков.

Что, собственно, произошло в Варне? Целые батальоны гибли там на знойном песке во власти холеры. Старые солдаты начали сравнивать теперешних авантюристов со старыми командирами, которые так прекрасно командовали ими во время африканского похода, и на которых с таким презрением смотрят герои современной пресловутой „империи". Африка— более жаркая страна, чем Болгария, и Сахара еще менее приятна, чем Добруджа. И никогда не было во время всего периода африканских завоеваний такой смертности в войсках, которая свирепствует сейчас за время спокойного пребывания на Девне и в легких рекогносцировочных маршах вокруг Кюстенджи. Кавеньяк, Бедо, Шангарнье, Ламорсиер водили их в гораздо бо́льшие опасности с меньшими потерями; это было, во всяком случае, тогда, когда Эспинас и Леруа Сант-Арно скрывались в неизвестности, откуда их вызвало политическое бесславие. Зуавы, главные герои этой африканской армии, люди, которые сражались лучше всех и больше всех нюхали пороху, поднялись, как один человек и сказали: „Долой обезьян. Дайте нам Ламорсиера". Его императорское величество Наполеон III, глава и душа теперешнего официального обезьянства с великого прошлого, должен был почувствовать, получив известие об этом мятеже, что этот крик зуавов есть „начало его конца". В Варне он произвел волшебное действие. Мы

смеем утверждать, что он-то и является главной причиной крымской экспедиции. После опытов этого летнего похода, вернее—этой прогулки, из Галлиполи в Скутари, из Скутари в Варну, из Варны на Девну, Аладин и обратно, никому не придет в голову признать серьезными те предлоги, которыми генералы пытаются объяснить, почему так долго откладываемая экспедиция предпринимается теперь с такой поспешностью. Мы можем показать на следующем примере ценность их уверений. Они говорят, что промедление вызвано тем, что французская осадная артиллерия еще не прибыла. Но когда Леруа Сант-Арно во время холерного мятежа, увидел, что, не медля ни минуты ему приходится итти на решительные средства, он послал за турецкой тяжелой артиллерией и снарядами, которые в кратчайшее время были приведены в готовность и погружены на суда. И если бы в это время не прибыли французские артиллерийские парки, то уехали бы без них. Между тем, турецкая тяжелая артиллерия была готова месяц назад, и таким образом ясно, что всех этих промедлений можно было избежать.

Отсюда следует, что эта многообещающая экспедиция в Крым, состоящая из 600 судов и 60.000 солдат, из трех парков осадной артиллерии и, бог знает, какого количества полевых орудий, не является эпизодом военной операции, хорошо обдуманной и подготовленной опытной в военном деле рукой, но есть просто поспешное предприятие, которым Сант-Арно думает спасти себя от умерщвления своими собственными солдатами. Старый уступчивый бедняк-генерал Раглан не в состоянии оказать сопротивление, тем более, что дальнейшее промедление может привести и его армию в такое же состояние дезорганизации и отчаяния, в котором находилась французская.

„Ирония истории“, о которой говорит один немецкий писатель, проявляется не только в прошлом, но часто обнаруживает себя и в настоящем, и сейчас жертвой ее является как-раз бедный генерал Раглан. Что касается Сант-Арно, то его, в сущности, никто не считает полководцем. Старый член высокой гильдии апелляторов, известный старый компаньон воровок и распутниц, достойный последователь человека, которого не долг, а долги вовлекли в булонскую экспедицию, несмотря на все цензуры, его характер и его таланты чересчур хорошо известны в болтливом Париже. Этого дважды


ПЛАН
г. СЕВАСТОПОЛЯ
МАСШТАБ
150 0 150 300 саж.
Азоновская бат.
№15
Ниж. бат.
№14
Башня Мартелла
№13
Сорвд.
№12
Северное укрепление
№19
Константиновская бат.
Николаевск. бат.
Бараки
Бат. №4
№18
Галландия
№3
№20
Март. бат
Сухарный завод
Март.
Редут №21
№22
Гляки
№21
Севастопольский рейд или Большая бухта
Александровск. бат.
№16
Бат. №10
Николаевск. бат.
Павловская бат.
Бат. Орлова
Баст. №1
Баст. №2
Баст. №6
Доки
Бат. Жервэ
Корниловск. редут
Камчатский люнет
Баст. №5
Баст. №3
Баст. №4
Белкин бат.
Бат. Шварца
Резервуары
Хутшевская
Хут.
Гора Зеленая
№1
№3
Хут. Делигади
№7
№6
№8
Плятиславля бат.
Виктория
Матильда
Хут. № 39 экипажа
Селенгинский редут
Волынский редут
Крестанск. казармы
Канробер
Мост Инкерманский
Март.
Март.
Март.
Март.

разжалованного лейтенанта, этого капитана, грабившего в Африке полковую кассу, знают слишком хорошо. Что бы он ни выполнял в Крыму, его величайшим военным подвигом всегда останется его экспедиция в лондонский ломбард с одеялом хозяйки, откуда он затем возвратился в Париж. Однако, бедный Раглан, генерал-адъютант герцога Веллингтона, поседевший на теоретических работах и военных тонкостях генерального штаба, несомненно, верит в истинность приводимых Сант-Арно оснований. И на него падает вся тяжесть того, что этот замечательный поход был рассчитан с таким знанием дела и был проведен с таким искусством, что 10.000 человек, или один из семи, умерли прежде, чем увидели врага, и все искусство привело лишь к внезапной экспедиции в Крым в конце благоприятного времени года. Да. Больно жалит „ирония истории".

Несмотря на все, экспедиция может быть удачной. Правда, союзники этого не заслужили, так как приемы ведения ими войны до сих пор заслуживали лишь презрения: столько шума, столько излишней предусмотрительности, такое изобилие учености против врага, которого можно уничтожить решительными действиями, обнаруживают скорее стремление к самосохранению, чем к уничтожению врага; это было бы самым тяжелым приговором, который союзники могли бы высказать о себе сами. Но они все еще не в Севастополе. Они высадились в Евпатории и в Старом укреплении. Отсюда до Севастополя остается пройти еще пятьдесят, самое меньшее двадцать миль. Тяжелая артиллерия будет выгружена совсем близко от места действия, чтобы съэкономить транспортные средства. Высадка еще далеко не закончена; хотя о силах русских еще ничего определенного не известно, все же можно с уверенностью сказать, что под Севастополем они значительно сильнее союзников. Холмистая почва и глубоко — на 10 миль — вдающаяся в материк бухта, заставят союзников сильно растянуть свою линию, когда они начнут атаковать крепость, и решительному полководцу будет совсем нетрудно прорвать эту линию. Мы, конечно, не знаем, каким образом будет защищаться позиция с материка, но мы знаем, что старый Меньшиков [16]) не любит терять времени.

Сообщения английских газет и операционная линия, занятая союзниками, заставляют нас предположить, что первое насту-

пление будет произведено на форт, расположенный на возвышенности, защищающей город с северной стороны. Он называется русскими—Северная крепость.

Если этот форт выстроен хоть наполовину солидно,— он может оказать сильное сопротивление. Он представляет из себя большой четырехугольный редут, построенный по системе Монталемберта или т. н. системе капониров, фланги редута защищаются укреплениями, снабженными низкими казематами. Эти укрепления лежат на концах рвов, с каждой стороны четырехугольника, и обстреливают рвы справа и слева. Укрепления этого рода имеют то преимущество, что до тех пор не могут подвергнуться прямому обстрелу неприятеля, пока он со своими работами не подойдет прямо к краю рва. Расположение этого форта в непосредственной близости от главной крепости показывает, что ее предназначали именно как поддержку и базу для сильных вылазок, и уже ее простое существование может заставить союзников ограничить свои действия лишь северным берегом бухты.

Однако, опыт Бомарзунда нам показал, что о русских крепостях ничего нельзя сказать, пока их не испытают на деле. Шансы крымской экспедиции, следовательно, ни в коем случае нельзя установить с какой-либо вероятностью. Одно только более или менее обеспечено: если операции будут производиться неправильно, если с наступлением зимы начнутся новые эпидемии, если войска будут посылаться в неподготовленные атаки, как это было у русских при Силистрии, то французская, а по всей вероятности, и турецкая армии придут в такое же печальное состояние, в котором первая находилась в бытность свою под Варной, а вторая не раз пребывала в Азии. Англичане, наверняка, продержатся дольше; но наступают моменты, когда и великолепно дисциплинированные армии не выдерживают. Вот где лежит истинная опасность для союзников, и если, благодаря русскому сопротивлению, положение примет такой оборот, то, возможно, последует новая погрузка на корабли от торжествующего противника. Это предприятие может повлечь за собой очень важные успехи, но может привести и ко второй Вальхерии.

ВОЕННАЯ СИЛА РОССИИ.

Оставим на-время Джона Буля и Жака Бонома спокойно наслаждаться своей „славной победой“ под Альмой и предвкушаемым ими падением Севастополя. Война на Дунае и в Крыму, какую бы ценность ни имела она в глазах союзников и объединенного буржуазного либерализма Европы, не представляет большого значения для России. На судьбу этой страны очень мало повлияет тот или иной исход войны, в то время как поражение в Крыму и вынужденное возвращение союзников парализует надолго их операции на суше и нанесет им моральный удар, от которого они смогут оправиться лишь с большим трудом.

За последнее время нами получено несколько тождественных известий о разделении и последних передвижениях русских войск; их сопоставление показывает, какая сила вообще может быть ими выставлена[17]) и что по сравнению с общим количеством русских лишь самая незначительная часть их приняла участие в военных действиях.

Нет никакого сомнения, что Николай довольно мало беспокоится о том, что совершается на юге его государства, поскольку он еще может собрать в Польше на великолепных стратегических позициях более 300.000 человек. Это—действительно великолепная позиция; вклиниваясь между Пруссией и Австрией, она занимает господствующее положение по отношению к обеим и укреплена самыми лучшими средствами защиты, какие только могут быть созданы союзом искусства и природы. Наполеон знал военное значение страны, орошаемой Вислой и ее притоками. Поэтому он сделал ее своей операционной базой в походе 1807 года, пока не взял Данцига. Но он пренебрег ее укреплением, и за это он дорого заплатил в

1812 году при своем отступлении. Русские, особенно с 1831 г. сделали то, что упустили их предшественники по обладанию Польшей. Модлин (Ново-Георгиевск), Варшава, Иваньгород, Брест-Литовск образуют по своей силе и стратегической комбинации единственную в мире фортификационную систему. Эта система дает возможность обороняющейся армии сопротивляться вдвое более сильному противнику, пока у нее есть припасы. А отрезать местность от всяких путей сообщения—задача, которую до сих пор еще не удавалось разрешить. Эта переплетающаяся система крепостей, как говорит один немецкий военный писатель, знающий страну, обнаруживает скорее наступательные, чем оборонительные цели. Она не столько приспособлена для охраны местности, на которой она расположена, сколько для того, чтобы служить базой активных наступлений на запад.

И есть люди, которые думают, что Николай будет просить мира после потери Севастополя! О! Россия до сих пор не использовала еще и одной трети своих козырей—внезапная потеря Севастополя и флота будут едва чувствительны для русского великана, для которого Севастополь и флот являются простой игрушкой. Россия очень хорошо знает, что ее решительные действия будут происходить не на морском берегу и не на месте высадки десанта, но, наоборот, в глубинах континента, где можно пустить в ход массивные армии, сконцентрированные в одном месте, а не в береговой защите, где приходится расщеплять силы против врага, уклоняющегося от каждого удара. Россия может потерять Крым, Кавказ, Финляндию, С.-Петербург и все свои окраины; но пока остается целым ее тело, сердце которого—Москва, а правая рука—укрепленная Польша,—она не уступит ни иоты.

Большие события 1854 года являются, как мы смеем это утверждать, лишь бледной прелюдией битвы народов, которая будет вписана в анналы 1855 года. Только тогда, когда на сцену выступят большие армии: русская, западная и австрийская, только тогда мы увидим истинно великую войну,—нечто в роде больших наполеоновских войн, и возможно, что эти битвы явятся лишь прелюдией других, еще более жарких и решительных битв,—битв европейских народов против победоносных сейчас и уверенных в себе европейских деспотов.

ОСАДА СЕВАСТОПОЛЯ.

Самым крупным делом союзников в Крыму, рядом с битвой под Альмой, является прославленный фланговый марш лорда Раглана из Альмы[18]) в Балаклаву, которым он открытую цель похода—занятие и укрепление за собой Севастополя—превратил в маневр против одной части, и притом слабейшей части крепости, который во всяком случае имеет в виду разгром русского флота, верфей и арсенала, и с другой стороны, обусловливает отступление союзников по окончании этого дела. Что это именно так, ясно видно из всего этого движения. Стояла задача атаковать северный форт крепости, который является самым сильным фортом, где только одна атака и может иметь решающее значение; экспедиция открыто констатировала свою неспособность выполнить то, что ставил перед ней ее план,—полное занятие и закрепление за собой района, и тем не менее, как мы уже сказали, как-раз этот поход прославляется как особенно блестящее дело генерала на всех столбцах газет, полных высокопарных фраз и риторической болтовни; даже большие лондонские газеты, имеющие корреспондентов на месте, открыли правду только через месяц, и то, кажется, лишь после указания правительства. Так, у лондонского „Таймса“ открылись глаза на истинное положение вещей лишь 28-го октября, и он боязливо отметил, что до сих пор разрешена лишь небольшая часть задачи, и что форты на северной стороне бухты, если они только не сдадутся, вряд ли могут быть взяты. Но „Таймс“ надеется, что они поступят прилично и сдадутся, так как все укрепления, связанные с позицией, должны будут сдаться, когда будет занято головное укрепление. В действительности же не Северный форт зависит от города Севастополя, наоборот, город Севастополь зависит от Север-

ного форта; и мы очень боимся, что аргументы этой газеты не будут достаточны для того, чтобы взять такую сильную крепость.

Собственно говоря, со времени этого „славного похода", о котором мы говорили, союзниками не было сделано ничего, чем можно было бы хоть немного похвастаться, и поэтому мы не можем порицать наших заатлантических друзей, что они подняли из-за этого похода такой шум. Настоящее течение осады они вряд ли могут особенно одобрить, так как оно принадлежит к таким вещам, о которых чем меньше говорить, тем лучше. Наоборот, мы, обязанные к строжайшему беспристрастию, не будем так щепетильны; действительно, в этой замечательной войне осада является особо замечательной. Характерным для этой войны является обнаруженная в ней неприступность крепостей. При Ольтенице в течение часов сначала применяли старомодную систему обстрела из пушек, а затем сделали бесплодную попытку штурмовать укрепление. Под Калафатом русские даже не осмелились пойти в атаку. В битве при Силистрии простое земляное укрепление выдержало штурмовую атаку и устояло против бешеного натиска врага, несмотря на то, что было уже почти сравнено с землей. Теперь под Севастополем против простой линии полевых укреплений выставляются осадные батареи большого калибра и осадные орудия в таком количестве, в каком еще не выставлялись ни против одной крепости в мире. Эта осада является прекрасным доказательством того факта, что во время продолжительного мира искусство войны настолько же ослабело, насколько улучшился, благодаря прогрессирующей индустрии, военный материал. Если бы Наполеон увидел батареи под Севастополем, глядящие своими 8 и 10-дюймовыми орудиями, то он разразился бы неудержимым смехом. Но это еще не все.

Приблизительно 1-го октября союзники прибыли на позицию; 8-го или 9-го начались осадные работы, и до 17-го не было сделано ни одного выстрела. Причина этого промедления та, что орудия не были доставлены своевременно на позиции. Нужно было преодолеть расстояние в 4 или 5 миль; почва была твердая и удобная, с незначительными волнистыми возвышенностями, отчасти даже с вполне приличными дорогами.

Но не было обозных животных. Нет животных для обоза в Крыму, самой богатой скотом стране на свете! В Баядерской долине и на высотах Черной, поскольку только может видеть глаз, виднеется столько быков, что их хватило бы перетащить через горы весь союзный флот. Но Баядерская долина открыта для казаков, и союзная кавалерия, исполняя обязанности пастухов, легко могла бы встретиться с этими страшными противниками; кроме того, союзники должны держаться на хорошей ноге с туземцами и не желают посягать на их собственность. Такими уловками пытается окопаться английская пресса, чтобы не видеть правды, что Раглан и Канроберт, блокируя Севастополь с юга, сами были блокированы постами Меньшикова на Черной. Что это так, мы видим из того простого факта, что, согласно последнему донесению, английские войска принуждены питаться соленым мясом за неимением свежего.

3-го октября 5 русских батальонов переправились у Инкермана через Черную, и им было позволено пройти с юга в крепость, „так как это является благоприятным для союзников". Оригинальное ведение войны! Враг, который нам рисуется разбитым, деморализованным и уничтоженным, посылает три тысячи человек под Севастополь под самый нос союзников. Он, конечно, имеет на это свои основания. Но если он имел основания их посылать, то Раглан имел свои основания их соответствующим образом приветствовать. Он думает, что крепость переполнена; чем он это обосновывает—совершенно неясно. Во всяком случае, кроме 4-х квадратных миль внутри русских линий имеется еще в распоряжении русских целый северный берег и весь лежащий сзади материк, куда в течение десяти минут можно отправить любой излишек войск. Считать переполненной крепость, блокированную только с одной стороны, во всяком случае,—верх глупости.

Когда было объявлено о десанте, мы предсказывали, что худшим врагом союзников при затяжной операции явятся эпидемии, и вот эпидемии свирепствуют в ужасающей форме; рука-об-руку с ними идет плохо поставленное обслуживание, по крайней мере, постольку, поскольку это касается англичан. Обращение с больными настолько небрежное, что Раглан был вынужден послать энергичную ревизию в медицинский штаб. Но этого мало. Доктора находятся в Константинополе, запас

лекарств—в Варне, а больные—в Балаклаве. Не является ли это весьма удачной иллюстрацией одного из принципов нового военного искусства, который развил Бонапарт в Булони, и по которому каждая армия должна устанавливаться в виде треугольника, чтобы иметь хорошую позицию. С приближением зимы болезни увеличиваются. Полки тают. Британский полк, посланный в количестве 1.000 человек, едва может выставить теперь 600 боеспособных, а операции идут своим темпом. Рутина высшего командования, плод сорокалетнего мирного обучения, не смущается такими мелочами. Пусть гибнет армия, но Севастополь должен быть взят по регламенту ее императорского величества.

При обыкновенных осадах осаждающие ставят свои батареи возможно ближе к шанцам противника, так что 600—700 ярдов уже считаются большой дистанцией. Но при этой большой осаде, которая со значительными силами направлена против простого полевого укрепления, по мнению Раглана, нужно делать как-раз обратное. Враг соглашается подпустить нас на 700 ярдов, но мы никогда не делаем того, чего хочет от нас враг, говорит Раглан, и ставит свои батареи на расстоянии 2.500—3.000 ярдов; факт, который мы никогда не считали бы возможным, если бы донесения оставляли хотя бы тень сомнения. Затем он спускается на 1.500—1.200 ярдов, и когда его спрашивают, почему он не открывает огня, объясняет, что осадные батареи, когда они действуют, должны быть удалены от штурмуемого шанца на 300 — 200 ярдов. Дальнобойные 10-ти дюймовые пушки и пушки Ланкастера должны находиться в отдаленных батареях, так как, очевидно, по мнению британских артиллеристов, эти орудия, как телескопы, действуют только на большом расстоянии. Действительно, этот вопрос дальнего прицела, вполне уместный при морских пушках, при своем применении к сухопутным орудиям приносит больше замешательства и вреда, чем пользы. Мы видим пример на этом забавном обстреле.

Укрепления Севастополя, обращенные к материку, вызвавшие все эти гениальные, остроумные маневры, состоят из следующих частей: на западной стороне, которую осаждают французы, расположены одна или две стены Карантинного форта. Сзади проходит каменная стена с амбразурами, кото-

рая доходит до конца Карантинной бухты и заканчивается на одном из холмов круглой башней, которая является редутом для шанца, проведенного вокруг нее. Оттуда проходит еще одна стена приблизительно 3 футов толщины к верхнему концу гавани, ограждая Севастополь с юго-запада. Эта стена не годна ни для какой защиты, хотя ее легко сделать годной, если перед ней сделать небольшие земляные укрепления. От конца гавани к востоку до бухты, где расположены верфи (британская линия нападения), не имеется, собственно говоря, никаких настоящих укреплений, исключая двух башен с люнеттами, подобных описанной выше. Кроме того, еще имеются наспех сделанные земляные укрепления, и все это вместе составляет обнесенный окопами лагерь, который, если судить по эскизу, опубликованному капитаном Биддульфи, сделанному им на месте, не является особенно сильным. Во всяком случае, они имеют только одну оборонительную линию, состоящую из открытых к тылу окопов. Мы не видим закрытых редутов, которые русские в общем так любят, но мы не можем поверить, что это именно так и есть. Если была бы действительно лишь одна эта линия, то британцы давно бы ее взяли штыковым боем; несомненно, что имеется еще вторая линия редутов.

Все русские шанцы защищаются орудиями с флота, использовать которые русские не могли лучше, но способ, которым они их употребляют, ниже всякой критики. День и ночь они бомбардирует врага, и вряд ли один выстрел из сотни попадает в цель. Как видно, этот дурной обстрел и побудил лорда Раглана построить свои окопы на безопасном отдалении в 3.000 ярдов. После трехдневной бомбардировки со стороны союзных флотов и армий британцы со своей стороны пробили брешь; французы свою еще не закончили.

Если бы обе бреши были готовы, начался бы штурм. То обстоятельство, что 200 орудий гигантского калибра потребовали три или четыре дня на преодоление подобных укреплений, звучало бы совершенно невероятным, если бы мы не знали из достоверного источника, на какой почтенной дистанции поставили союзники свои батареи.

Несколько слов относительно достигнутых результатов: каким бы событием ни увенчалась эта операция, — ясно одно: осада Севастополя не будет иметь подобной себе в военной истории.

АНГЛИЙСКОЕ ВОЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ.

Дезорганизация английских военных учреждений.

„Все департаменты, все учреждения нашей военной организации под влиянием текущей войны разрушены“, так говорит сегодняшний „Таймс“. Действительно, если посмотреть на организацию военного ведомства или какого-нибудь другого официального ведомства этой страны, то кажется, что в основании их положен современный принцип конституционного равновесия сил. Различные авторитеты соединены таким образом, что они оказывают друг-другу противодействие и держат в бездействии весь аппарат. Только благодаря этому могло случиться, что в продолжение теперешней войны раненые находились в Балаклаве, врачи в Константинополе, а лекарства в Скутари. Отсюда возмущение крымской армии против системы, в жертву которой она приносится. Разве мы не имеем права назвать это возмущением, когда все ранги от высшего до рядового нарушают дисциплину, посылая еженедельно в лондонскую прессу тысячи писем, в которых громко апеллируют к общественному мнению против своих начальников? Однако, было бы несправедливо винить лорда Раглана в таком состоянии армии, так как оно вызвано всей системой ее организации. Он виновен лишь за ведение военных действий. Если мы окинем взором крымский поход, то мы найдем, что он сделал свою первую ошибку в битве под Альмой, когда он, вместо того, чтобы обойти русских с правого крыла, обошел их с левого фланга, расположенного у моря. Тогда часть русских была бы оттеснена к морю, а другая к Северному форту, в то время как сейчас они

оттеснены к Симферополю, то-есть на благоприятную для них линию отступления. В то время как союзники в битве под Альмой бесплодно и бесполезно пытались схватить быка за рога, они не отважились на решительный шаг, когда им представилась к этому возможность. Прославленный фланговый марш на Балаклаву был отказом от атаки северного форта крепости. Этот форт является господствующим и поэтому— решающим пунктом. Северный форт является ключом к Севастополю. Союзники, отказавшись от смелого, к тому же верного нападения, обеспечили себе оборонительную позицию. Эта та самая ошибка, которую сделал Омер-паша, укрепившись под Калафатом, вместо того, чтобы направиться из Ольтеницы в Бухарест и прорвать растянутую линию противника. Далее, севастопольская осада подтвердила, что военное искусство в течение слишком долгого мира ослабело в такой же степени, в какой улучшился, вследствие развивающейся индустрии, военный материал. Ни в одной из прежних войн земляные укрепления не играли такой важной роли, как в этой. Сначала при Ольтенице русские по своей старой системе в течение нескольких часов обстреливали, а затем штурмовали укрепления, однако без успеха. При Калафате земляные укрепления привели русских в такую панику, что они не осмелились их атаковать. Под Силистрией полуразрушенное укрепление отразило все нападения русской армии и теперь под Севастополем линия земляных укреплений обстреливается батареями и артиллерией такой силы, какая никогда еще не употреблялась и против регулярной крепости. Раньше, чем была начата правильная осада, открытый для нападения город был обращен в защищенный окопами лагерь 1-го ранга. Как известно, 25-го октября в битве под Балаклавой[19]) совершенно бессмысленно и бесполезно и вопреки всем правилам стратегии была пожертвована английская кавалерия. Наконец, мы коснемся битвы под Инкерманом, важнейшего военного события этого похода. Как пруссаки под Иеной, британские войска были расположены под Инкерманом на возвышенностях, которые с фронта были почти недоступны, и так же, как пруссаки под Иеной, британцы под Инкерманом не обратили внимания на возвышенность, находящуюся на их крайнем левом фланге,

куда Наполеон под Иеной, а Меньшиков под Инкерманом перебросил часть своей армии и с наступлением утра укрепился на фланге противника. Русские, в общем далеко не друзья оригинальности, заимствовали у Наполеона его операционный план; однако, когда стратегическое движение было закончено и началось тактическое проведение, маска западной цивилизации была сброшена, и татарин показал свое лицо. Эта блестящая русская армия с ее старыми солдатами, многие из которых держали в руках оружие в течение 25 лет,—это чудо парадной службы,—показало себя с самой худшей стороны. Солдаты оказались такими беспомощными, неповоротливыми и неумелыми стрелками и бойцами в рассыпном строю, что русским офицерам не оставалось ничего иного, кроме нападения на противника сразу всей массой. Чисто-животное давление этой массы должно было прорвать тонкие ряды британцев. В то время, как, с одной стороны, глубокие колонны тел под верным и опустошительным действием английских винтовок с подавляющим количеством штыков производили нападение, британцы, с другой стороны, отражали их с таким же искусством, с каким карре Наполеона отражало мамелюков в бою под пирамидами. 14.000 союзников, с потерей трети своего количества, разбили 30.000 русских, хотя известно, что русские храбро дерутся в рукопашной, и что их план операций превосходил план союзников. Никогда еще со времени битвы под Нарвой русские не терпели такого страшного поражения. Если мы взвесим ту разницу, которая существует между русскими под Нарвой и русскими под Инкерманом, между полудикими ордами 1700 г. и хорошо обученной армией 1854 года, то день под Нарвой окажется куда блестяще Инкермана. Нарва была первой большой неудачей возрождающейся нации, которая даже свое поражение умеет обратить в средство для дальнейшей победы; Инкерман является ярким доказательством упадка, вызванного тем тепличным развитием, которое Россия переживает со времени Петра Великого. Искусственно ускоренное развитие и чудовищное стремление с полуварварским материалом поддерживать внешность блестящей цивилизации, кажется, совершенно исчерпали силы нации и вызвали у нее своего рода чахотку.

Битва под Инкерманом[20]) является для русской пехоты тем же, чем явилась для испанской—битва под Рокруа.

ОБ АНГЛИЙСКОМ ВОЕННОМ УСТРОЙСТВЕ.

I.

Кто ответственен за состояние английской армии в Крыму? Один взгляд на замечательный аппарат теперешнего военного министерства показывает, что ответственность за ведение его работы распределена между отдельными ведомствами с таким искусством, что она всех касается, но за нее никто не отвечает.

Объединенная британская армия имеет во главе своей commander in chief верховного командующего, в роде коннетабля,—лица, давно уже устраненного во всех почти цивилизованных армиях. Из конной гвардии (так называется бюро этого высшего командования потому, что оно расположено в казарме конной гвардии) исходят почти все военные назначения. Но было бы большой ошибкой думать, что этот главнокомандующий действительно чем-нибудь командует. Если он еще имеет кое-какой контроль над пехотой и кавалерией, то артиллерия, санитарная часть, саперы и минеры находятся совершенно вне сферы его влияния. Если он имеет некоторые права над штанами, куртками и галстуками, то на сюртуки его влияние не распространяется. Он может определить, какое количество патронов должен носить при себе пехотинец, но он не может его снабдить ни одним ружьем. Он может отдать под военный суд всех своих людей и порядком наказать их, но он не может заставить их двинуться ни на один дюйм. Передвижение лежит вне его компетенции, что же касается продовольствия его войска, то это его абсолютно не касается.

Затем идет Master General of the Ordonance — генерал-фельдцейгмейстер. Эта персона является печальной реликвией

того времени, когда знание казалось недостойным солдата, и все обученные войска, так, например, артиллеристы и инженеры, состояли не из солдат, но представляли из себя какое-то неописуемое соединение полуученых, полумастеровых, объединенных в особые гильдии или корпорации, под командой „мастера“ генерала. Этот генерал-фельдцейгмейстер имеет, в своем ведении, кроме инженерных и артиллерийских частей, также мелкое оружие и верхнее платье для всей армии. Без него следовательно, не может быть произведена ни одна военная операция, какого бы характера она ни была. Его участие необходимо.

Следующий за ним Secretary at War — военный министр, но опять-таки не военный министр в настоящем значении слова, а скорее представитель военного министерства в палате общин, т.-е. ни в коем случае не самостоятельный чиновник. Этот военный министр не может дать приказания ни одной части армии, но он может каждой части армии помешать что-либо делать. Так как он является главой военных финансов, то его промедление в выдаче денег на ту или иную операцию,— а каждая из них требует денег,—является фактически наложением veto. Но как бы охотно ни раскрывал он свою кассу, он не может привести в движение армию, так как он не может ее накормить. Это находится вне сферы его влияния. Учреждение, питающее армию и в случае передвижения дающее ей транспортные средства,—комиссариат—находится под командованием первого лорда казначейства. Его рука господствует над каждой военной операцией и может по своему желанию ее замедлить, ускорить или остановить. Всякий знает, что комиссариат для армии так же важен, как и самые солдаты, и как-раз поэтому коллективная мудрость старой Англии сочла весьма удобным сделать комиссариат независимым от армии и поставить его под контроль чисто гражданского ведомства.

Но кто же приводит армию в движение? Раньше это делал министр колоний. Теперь—специальный министр войны, номинальный глава военного министерства. Он может предписывать войскам выступить из Англии в Китай, из Индии в Канаду. Но, взятый сам по себе, его авторитет так же бессилен, как и авторитет 4-х предшествующих военных чинов, так как необходимо совместное действие всех пяти, чтобы вызвать самое

незначительное движение. Каждая из этих пяти властей имеет свою собственную бюрократию с своей собственной рутиной, и каждая из них действует на свою собственную ответственность.

Происхождение этой системы явно продиктовано конституционной предосторожностью против постоянного войска. Вместо разделения работы, которое придало бы армии большую стремительность, — разделение власти, которое сводит ее подвижность к минимуму. Ни из парламентских, ни из конституционных соображений эта система не может быть удерживаема дольше, так как олигархическое влияние можно нейтрализовать путем своевременных реформ военного управления. На последнем заседании парламента министры отказались допустить другие нововведения, кроме отделения военного министерства от министерства колоний. С 1815 года и до своей смерти Веллингтон упорно придерживался этой системы, хотя он очень хорошо знал, что он не привел бы с этой системой Пиренейскую войну к благоприятному окончанию, если бы его брат маркиз Велльслэй не сидел случайно в министерстве. В 1832 и 1836 гг. Веллингтон защищал перед комитетом, образованным парламентом для реформы старой системы, все старое во всем его объеме. Может-быть, он боялся уменьшить славу своих преемников.

II.

Мы познакомились с системой английской военной администрации, под руководством которой разразилась настоящая война. Как только войска высадились на первой их остановке в Галлиполи, так сейчас же выяснилась несогласованность частей английской армии по сравнению с французами и беспомощность английских офицеров и чиновников. Но здесь задача была сравнительно еще легка. Прибытие войск было определено заранее, и число высадившихся было незначительно. Однако, все пошло криво. Десанты скучивались по морскому берегу, где они высаживались, недостаток пространства заставлял отправлять войска на Скутари и далее. Хаос намечался уже совершенно определенно, но так как было лишь начало войны, то с увеличением опыта ожидали улучшений. Войска пошли теперь на Варну. Расстояние от родины увеличивалось, число

войск увеличивалось также, беспорядок в администрации увеличивался в свою очередь. Независимые действия пяти ведомств, образующих эту администрацию, подчиненных к тому же различным министерствам, вызвали неизбежные столкновения. В лагере ощущалась нужда, тогда как гарнизон в Варне наслаждался всевозможным комфортом. Комиссариат с большим промедлением собрал из окрестностей перевозочные средства. Но так как обер-генерал не снабдил собранные телеги конвоем, то болгарские возчики исчезли быстрее, чем были собраны. Тогда в Константинополе было образовано центральное депо, своего рода первая операционная база. Это повело лишь к тому, что образовался новый центр затруднений, отсрочек, вопросов о компетенции, споров между армией, командующим, казначеем, комиссариатом и военным министерством. Между тем в Галлиполи, Скутари и Варне армия находилась еще на более или менее мирном положении. И только в Крыму британская администрация получила полную возможность показать во всей красе свои дезорганизаторские таланты. На самом деле. Из 60.000 человек с лишком, отправленных с начала февраля на восток, осталось не более 17.000 боеспособных. Из них умирают ежедневно 60 – 80 человек, и 200—250 человек выбывают ежедневно из рядов по болезни, при чем лишь немногие возвращаются из госпиталя. Из 43.000 раненых или убитых на совести русских лежит не более 7.000. Когда в Англии стало впервые известно, что армия в Крыму лишена пищи, одежды и крова, что не имеется ни медицинских, ни перевязочных средств, что больные и раненые лежат на холодной сырой земле, подвергаясь непогоде, или же сгруживаются на корабельных палубах, без ухода и без самых необходимых условий для излечения; когда было сообщено, что сотни умерли от недостатка в продуктах первой необходимости,—все думали, что правительство не успело послать на место военных действий необходимые запасы. Но, во всяком случае, для первого времени это подозрение было неосновательно; позже выяснилось, что все возможное было послано, и даже в большем количестве, чем требовалось. Но, к несчастью, все попадало в неурочное время и в неурочные места. Медицинский материал лежал в Варне, а раненые— в Крыму и Скутари. Одежда и съестные припасы направлялись в Крым, но некому было их выгрузить. Что случайно удалось

выгрузить, то спокойно осталось на морском берегу. Необходимое содействие флота внесло новый элемент разделения, новую ответственность. Бездеятельность, прикрытая рутинными приемами мирного времени, царствовала повсюду. В богатейшей местности Европы, на морском берегу, вблизи которого стояли на якоре сотни судов, наполненных припасами, английская армия жила на половинном рационе. Окруженная бесчисленным живым скотом, она страдала от цынги, так как была ограничена в употреблении солонины; имея массу угля и дров на кораблях, совсем не имела топлива на суше, так что солдаты должны были есть сырое мясо и никогда не могли высушить платья, которое смачивалось дождем. Они пили кофе не только не молотый, но даже и не жженный. Масса съестных припасов, напитков, одежды, палаток была упакована на кораблях, стоявших почти вплотную к утесам, на которых был расположен лагерь; и все же, подобно Танталу, британское войско не могло их взять.

Все знали о несчастье, все бегали с проклятьями вокруг, и все отказывались сделать что-нибудь из боязни нарушить долг службы, и все имели свою папку доказательств, ясно и заботливо составленных и засвидетельствованных компетентными чиновниками, что все случившееся не имеет к ним никакого отношения, и что водворение порядка было совершенно не в их власти. Если к этому положению вещей прибавить еще все возрастающую суровость времени года, ливни, свойственные как-раз этому времени, превращающие Гераклийский Херсонес в сплошные пуховики грязи, в кучи, вышиной по колена; если вспомнить, что солдаты из четырех ночей, по крайней мере, две проводят на шанцах, а две спят, промокшие насквозь и грязные, на болоте, без кроватей, почти без палаток; если прибавить к этому постоянные простуды, судороги, желудочные заболевания и т. п., вызванные холодом, сыростью и пр.; раскиданность по военным лагерям слабых медицинских штабов, госпитальные палатки на 3.000 больных, лежащих почти под открытым небом на сырой земле, госпитали и суда для больных в Константинополе и Скутари,—мы легко поймем, что английская армия в Крыму находится в весьма тяжелом положении, и что английские солдаты приветствуют русские пули, избавляющие их от всех этих мучений.

К КРИТИКЕ ОСАДЫ СЕВАСТОПОЛЯ.

Сэр Говард Дуглас увеличил новое издание своего известного сочинения „Naval Gunnery“ (Морская артиллерия) критическим обзором событий последней войны. Между прочим, он доказывает на основании новейших наблюдений и одному ему доступных официальных материалов, что силы флота недостаточны против казематных фортов, если последние сконструированы и защищаются правильно; что бомбы против солидных каменных стен недействительны, и, наконец, что в башнях и казематных фортах, как, например, Бомарзунд и Севастополь, можно пробить бреши лишь тяжелыми осадными орудиями, по меньшей мере 32-фунтовыми, и при этом по старой системе, тогда как с корабля, вследствие неверной цели, не может быть пробито бреши, если только не подходить близко и не бояться подвергнуть корабль полному разрушению.

В вопросах, касающихся собственно крымской войны, Дуглас, несмотря на всю свою пристрастность к крымским полководцам, и при всей официальной осторожности к своему официальному положению, приходит к тому выводу, что крымская экспедиция является решительно промахом. Но разве не сообщил громовержец „Таймса“ важное известие, что после 40-часовой канонады должен начаться штурм Севастополя. Он

> „узнал это из верного источника лишь благодаря своей особой информации и не говорит всего об этом событии, которое должно произойти как-раз в ближайшие дни. (Смотри номера „Таймса“ от 26—31 декабря). Нет никакого сомнения,—Севастополь будет взят в эти дни“.

Дело обстоит следующим образом: „Таймс“, как известно, делал бешеную оппозицию против билля о чужестранных легионах, так как он познакомился с этим биллем одновре-

менно с остальными профанами. Он начал ворчать, рычать и всячески набрасываться на министерство; последнее оказалось достаточно трусливым и, чтобы привести его к молчанию, бросило ему подачку—сообщение о штурме Севастополя, при чем намерения генералов, связанные с известными обстоятельствами и действиями, министерство выдало за определенный план. Что французские „листки", т.-е. полуофициальные органы, сообщают то же самое,—удивляться не приходится, так как заем в 500 миллионов стоит у дверей. Что „Таймс" дался в обман,—также понятно. Он верит каждой новости, которую он получает на 24 часа раньше других газет. Положение в Крыму немного улучшилось. В то время, как потери французов от болезни относительно невелики, кавалерия хорошо объезжена, а пехота бодра и активна, британцы продолжают ежедневно отсылать по 150 человек в госпитали и выносить от 40—50 человек мертвых. Их артиллерия без лошадей, а кавалерия спешилась, так как ее лошади полностью забраны для перевозки тяжелых пушек от Балаклавы. Погода каждые два дня меняется от дождя к небольшим заморозкам, так что „масса грязи" ни в коем случае не уменьшается. Так как почти все транспортные средства заняты доставкой провианта для армии, что является делом первой необходимости, то ни амуниция, ни пушки не доставляются. Тем временем окопные работы приблизились уже к вражеским укреплениям, построена третья параллель, которая не вооружена, несмотря на то, что должна защищаться от нападений. Как близко продвинулись траншеи к ближайшим укреплениям противника,— трудно сказать, так как имеются лишь противоречивые и, конечно, неофициальные сведения. Говорят о 140 или 150 ярдах, в то время как одно французское донесение указывает, что ближайшее укрепление находится лишь на расстоянии 240 ярдов. Между тем, французские батареи, которые сейчас закончены и отремонтированы, должны бездействовать, так как совершенно бесполезная ноябрьская канонада истощила запасы снарядов, и повторение такой же бесплодной канонады было бы бессмысленно. Таким образом, русские имели достаточно времени, чтобы не только исправить вред, нанесенный прежними атаками, но и возвести новые укрепления, и они делают это с таким усердием, что Севастополь в настоящее время ста-

новится сильнее, чем был когда бы то ни было раньше. Решительный штурм совершенно невозможен там, где приходится брать одну за другой оборонительные позиции, и где за последней оборонительной линией большие каменные постройки города превращены в редуты. Если начнется настоящая осада, придется все начинать сначала, только с тою разницей, что батареи приблизились к городу и, следовательно, могут действовать с большим успехом. Но какой ценой куплено это преимущество! Как-раз работа по охране столь растянутых траншей вызвала наибольшее количество заболеваний, так как она лишала солдат сна. К тому же русские проявляли большую активность в вылазках, которые если не всегда были удачны, то всегда достигали того, что утомляли и без того переутомленного врага. Между тем, турецкая армия продвинулась уже к Евпатории, откуда она может начать операции против Симферополя и одновременно может наблюдать за северной стороной Севастополя. Эта операция совершенно отрывает турецкую армию от англо-французской и создает, таким образом, новые стратегические неудобства, которые позволяют русским разбить каждую армию в отдельности. Но избежать этого было невозможно. Было бы еще большей ошибкой собирать большее количество войск на Гераклийском Херсонесе. Таковы следствия известного флангового марша на Балаклаву.

СОСТОЯНИЕ АРМИЙ.

Мы видели, что на ближайшие 12 месяцев Англия может выставить против врага лишь 50.000 человек собственных войск,—военную силу, которая, несмотря на свою численную слабость, при хорошем командовании и правильной организации представляет из себя все же немалую величину. Стоит хотя бы вспомнить битву при Инкермане. Франция с гораздо большей армией и с несравненно лучшей ее организацией использует свои силы далеко не в пределах возможности. Франция имеет 341 батальон пехоты; именно: 100 полков линейных, 3 полка зуавов, 2 полка иностранных легионов, каждый по 3 батальона; кроме того,—20 батальонов стрелков и 6 африканских батальонов. Из этих 341 батальона 100 (по одному из каждого линейного полка) являются подготовительными батальонами для приема и подготовки рекрутов; 2 первых батальона употребляются для военных действий вне базы, а третий—запасной батальон—подготовляет подкрепления, чтобы пополнять первые. Таким образом, из общего количества солдат операционной армии следует вычесть 100 батальонов. Если запасный батальон, как это часто бывало при Наполеоне, необходимо использовать, как основу для третьего полевого батальона, то это делается путем перевода туда значительного количества рекрутов. Требуется, конечно, известное время, чтобы приспособить их к военным действиям. Сразу, следовательно, могут быть введены в действие 241 батальон. Из них Алжир нуждается самое меньшее в 25; четыре находятся в Риме, 9 пехотных дивизий — приблизительно 80 батальонов — находятся в Крыму, Константинополе и Афинах. Т.-е. всего занято 109 батальонов, и почти половина боеспособной французской пехоты находится на мирном положении, не считая

запасных батальонов. Усовершенствования французской армии и легкая восприимчивость французских солдат к военному обучению позволяют в течение 12 часов удвоить количество пехоты. Принимая во внимание непрерывные вооружения со средины 1855 года, образование 12 батальонов императорской гвардии и силы, которые насчитывали французские войска прошлой осенью во всех своих различных лагерях, мы должны признать, что их пехота лишь внутри страны так же велика, как перед отправкой 9 дивизий, и даже более, если причислить 3 полевых батальона, которые создаются из запасных батальонов, не нарушая существенного их значения, как запасных. Таким образом, Франция к 1-му марта могла бы иметь в своем распоряжении более 350.000 человек пехоты. Эти пехотные части вместе с кавалерией и артиллерией дают французской военной организации армию, приблизительно, в 500.000 человек. Из них, по крайней мере, 200.000 человек, находящихся на родине, следует рассматривать, как кадры для запасных частей, для охранения порядка, для военных учреждений и для госпиталей. Франция могла бы, таким образом, к 1-му апреля выставить в поле 900.000 человек войск, из них, приблизительно, 200 батальонов пехоты; они, однако, ни по своей организованности и дисциплине, ни по своей стойкости в огне не стоят наравне с посланными в Крым частями. Среди них много рекрутов, много вновь сорганизованных для надобности момента батальонов, где офицеры и солдаты чужды еще друг-другу; во всех отношениях, следовательно, они более низкого качества, чем старые войска с их „полковым духом“,—80 батальонов в Крыму представляют собой гораздо более значительную часть французской армии, нежели можно было бы судить по количеству. Англия имеет в Крыму почти все, Франция почти половину своих лучших войск. В одном из прежних обзоров мы сделали оценку активных сил русских, направленных против Европы. Здесь будет достаточно только повторить, что Россия располагает против Запада более чем 750 батальонами; из них 250 еще не совсем сформированы и всегда останутся слабыми, 200 остальных очень пострадали в двух последних кампаниях; пятый и шестой батальоны резерва должны состоять, главным образом, из старых (отслуживших) солдат; если Россия будет следовать первоначальному плану, будут образовы-

ваться 7-й и 8-й батальоны из совсем малопригодных рекрутов, так как русские, несмотря на свою понятливость и предприимчивость, обучаются военному искусству в высшей степени медленно. Кроме того, все резервы плохо содержатся. Россия до сих пор выставила около половины всей своей регулярной активной армии. Вторая половина, как было показано ранее, представляет собой цвет ее войска. Только воздействие дипломатии на ведение войны Западом объясняет результаты, достигнутые уже Россией, — наступательные силы Турции уничтожены, британская армия в 50.000 человек погублена, и Англия, по крайней мере, на 12 месяцев потеряла значение, как сухопутная сила, Франция вынуждена мобилизовать относительно столько же войск, сколько сама Россия, и выставить против врага лучшие африканские полки, тогда как лучшая половина русского войска не подвергалась еще ни одному выстрелу; и все это, несмотря на то, что русским не приходится гордиться никакими успехами в Европе, а как-раз, наоборот, приходилось уступать во всех значительных столкновениях и даже в своих собственных предприятиях.

Между тем, Австрия решительно перетягивает чашу весов против России. Она дает перевес. Она обладает более чем 500.000 человек, годных к военной службе, около 100.000 в запасе и 120.000 в резерве. Вся ее боевая сила, не доходя до чрезмерного рекрутирования, может быть доведена до 850.000 человек. Мы будем считать ее лишь в 600.000 ч., включая сюда запасы и не принимая во внимание резерва, который, как мы знаем, еще не призван. Из этих 600.000 надо исключить запас и, приблизительно, 70.000 человек в Италии и в некоторых, неугрожаемых русскими, частях Австрии. Остается 430.000, состоящих в разных армиях от Богемии до Галиции и нижнего Дуная. Из них 150.000 человек могут быть сконцентрированы в течение короткого времени в любом пункте. Мы видели раньше, что с того времени, как вся русская дунайская армия передвинулась в Крым, австрийцы превосходят русских во всех пунктах, и их резервы могут быть быстро продвинуты к границе даже в случае, если русские возьмут инициативу в свои руки. Надо еще заметить, что австрийские резервы численно значительно меньше русских, и что, как только будут призваны 120.000 человек резерва, остальные пополнения

придется брать уже из новых рекрутов, которые смогут быть поэтому выставлены в поле лишь по истечении продолжительного времени. Чем далее оттягивает Австрия свое объявление войны, тем большие преимущества дает она русским. Французская вспомогательная армия могла бы уравновесить силы, но от Дижона и Лиона до Кракова слишком далеко. Чем продолжительнее дипломатическое промедление, тем труднее своевременное выступление. Все же, если даже за это время наступление русских резервов лишит Австрию на короткий срок ее превосходства, то путем незначительных искусных маневров она может снова принудить своего противника к отступлению и снова восстановить свои шансы. С того момента, как Австрия двинет свои армии, Россия должна будет вести лишь оборонительную войну. Даже успешное временное наступление должно привести к тем же результатам. Окончательно можно установить следующее: если Франция выдвинет армию до 500.000 человек, а Австрия все количество войска до 800.000, каждая из этих стран способна в течение 12 месяцев поставить под ружье еще не менее 250.000 человек, в то время как контингент английской начнет непрерывно увеличиваться со второго года. Царь же, если он сформирует 7-й и 8-й батальоны своей пехоты и все свое действующее войско доведет до количества в 900.000 ч., уже, действительно, исчерпает все, что у него имеется для активных действий. Его последние рекрутские наборы встретили уже большие затруднения: мера роста была понижена, и пришлось прибегнуть к ряду исключительных мер, чтобы получить необходимое количество рекрутов. Его декрет, призывающий к оружию все мужское население, показывает лишь безнадежность дальнейших регулярных призывов. Такое средство было употреблено во времена французского нашествия 1812 года, и то лишь в 17 провинциях. Москва выставила до 80.000 ополченцев или 10 процентов, Смоленская губерния—25.000 ч. и т. д. Но во время войны их нигде не оказалось, и эти сотни тысяч ополченцев не помешали русским достигнуть Вислы в таком же дурном состоянии полного разложения, в каком находились и сами французы.

КРЫМСКИЕ СОБЫТИЯ.

Иллюзии, которыми коварное английское министерство и заинтересованный бонапартизм окутывали официальную бездеятельность в Крыму, начинают понемногу таять вместе со снежным покровом, окутавшим в течение последних месяцев арену военных действий. Памфлет Жерома Бонапарта (младшего) точно устанавливает, что в то время, как в Крыму все шло вкривь и вкось,

> „командующие генералы получили приказ правительства скрывать и замалчивать те трудности, на которые натолкнулось взятие Севастополя“.

Это установлено полностью на основании донесений генералов и особенно на основании тех слухов, которые они неоднократно распространяли о том, что штурм состоится в ближайшие дни. С 5-го ноября до начала марта по ту и по эту сторону канала с нетерпением ожидали заключительной сцены спектакля. Продолжительная осада создала в самом лагере своего рода общественное мнение, основанное на громко высказываемых мнениях осведомленных офицеров, и господа генералы уже не могли более шептать, что в указанный день произойдет атака и город будет взят. Каждый рядовой знал дело лучше. Характер защитных укреплений, превосходство вражеского огня, несоответствие сил осаждающих своим задачам и, прежде всего, решающее значение северного фронта в этот момент слишком хорошо понимались во всем лагере, чтобы можно было повторять снова старые сказки. Мы даже опубликовали письма английских офицеров, не оставляющие на этот счет никаких сомнений. В конце февраля союзники имѣли под Севастополем 58.000 французов, 10.000 англичан

и 10.000 турок, т.-е. в общей сложности около 80.000 человек. Но даже с количеством в 90.000 они были бы не в состоянии с одной частью войск удержать осаду, а с другой—вести наступательные операции против русских в бахчисарайском районе, так как действующая армия союзников под Бахчисараем достигла бы лишь 40.000 человек, тогда как русские могли выставить против нее в открытом поле 60.000, при неподступных флангах позиций между Инкерманом и Балаклавой. Таким образом, союзники остаются на своем Херсонесе, пока не окажутся в состоянии в количестве 100.000 человек переправиться через Черную. Но таким образом они попадают в весьма порочный круг. Чем больше войск бросают в эту зачумленную дыру, тем больше теряют там людей от болезней; и все-таки остается один путь—бросать туда еще больше войск. Другой выход, который они открыли, — экспедиция турок в Евпаторию, — представляет собой полное повторение первоначальных ошибок. Турки, перевезенные в Евпаторию, слишком слабы для марша внутрь страны, окопы вокруг позиции настолько обширны, что для защиты их потребуется армия в 20.000 человек. Объем укрепленного лагеря, в котором должны найти убежище 40.000 человек, должен быть так велик, что, приблизительно, половина людей должна быть употреблена для активной службы на случай нападения. Таким образом, город требует около 20.000 для своей охраны, и лишь 20.000 способны вести активные операции. Но 20.000 человек не осмелятся отойти от Евпатории далее, чем на пару милей, не подвергнувшись опасности нападения с флангов и с тыла и даже опасности быть отрезанными от города. Русские же, обладая двумя путями отступления,—или на Перекоп, или на Симферополь,—находясь, кроме того, на своей земле, могут всегда уклониться от решительного сражения с 20.000 турками, продвинувшимися от Евпатории; 10.000 русских, стоящих на расстоянии дневного перехода от города, могут держать под угрозой 40.000 находящихся там турок. Каждые 10—12 милей продвижения в сторону русских ослабляют численность турок, так как увеличивается их удаление от операционной базы. Другими словами, Евпатория — это второй Калафат, с той только разницей, что Калафат имел у себя в тылу Дунай, а не Черное море, и что Калафат был оборонительной позицией, а не наступательной, как Евпатория.

Если 30.000 человек могли держать успешно защиту, даже связанную с случайными и успешными вылазками, на известное расстояние в окружности, то 40.000 турок в Евпатории слишком много, чтобы защищать позицию, которую около 10.000 англичан и французов удерживали в течение 5 месяцев, и одновременно их слишком мало, чтобы предпринять сколько-нибудь активные действия. Отсюда следует, что одной русской бригады или дивизии вполне достаточно, чтобы держать парализованными общие силы турок в Евпатории. Так-называемая битва под Евпаторией была просто рекогносцировкой со стороны русских. В числе 25.000 или 30.000 человек они продвинулись к Евпатории с северо-запада — единственно доступной стороны, так как южная прикрыта морем, а восточная—болотистым озером Зазиком. К северо-западу от города почва образует волнообразное возвышение, которое, судя по карте и по опыту этого дела, не держит города в полосе обстрела из полевых орудий. Русские, на 10.000 человек более слабые, чем гарнизон, с обоих флангов, особенно с правого, открытые для обстрела с военных кораблей из бухты, не могли иметь серьезного намерения взять позицию штурмом. Они ограничились лишь очень энергичной рекогносцировкой; начав с сильной канонады по всей линии на совершенно безопасном расстоянии, они придвигали затем свои батареи все ближе и ближе, держа свои колонны, насколько возможно вдали от вражеского обстрела, затем повернули колонны, как бы готовясь к наступлению, чтобы заставить турок показать свои силы, и сделали действительное нападение на одно место позиции, к которому приблизились под защитой деревьев и строений одного кладбища. Узнав расположение и силы укреплений, а также приблизительную численность гарнизона, они отступили, как это сделала бы на их месте всякая разумно-руководимая армия. Их цель была достигнута; потери их, вполне естественно, больше турецких. Эта очень простая операция превозносится союзными штабами, как славная победа. Что же это означает, как не слишком большой спрос и малое предложение действительных побед? Конечно, для русских является большой неудачей, что они позволили союзникам держаться в Евпатории в течение 5 месяцев до прихода турок. Одна русская бригада с хорошим количеством 12-фунтовых пушек была бы достаточна, чтобы прогнать

их в море, и несколько легких земляных укреплений, расположенных на берегу, могли бы держать военные корабли на почтительном расстоянии. Если бы союзники прислали в Евпаторию сильные военные суда, то вся позиция была бы разрушена и не могла бы явиться в дальнейшем операционной базой для десантов. Но при теперешнем положении вещей русские могут с полным удовольствием оставить Евпаторию в руках союзников. 40.000 турок — последний остаток великолепной армии, которой они когда-то обладали, — блокированы 10.000 русских и обречены на все болезни и страдания скученной человеческой массы. Эти 40.000 турок не являются незначительной потерей для наступательных действий союзников. Французы и англичане, запертые на Херсонесе, турки, парализованные в Евпатории, русские, свободно сообщающиеся с севером и с югом у Севастополя,—вот славный результат пятимесячных экспериментов в Крыму. Сюда следует еще присовокупить кое-какие соображения политического и военного характера, что мы и сделаем в следующем письме.

КРИТИКА ФРАНЦУЗСКОГО СПОСОБА ВЕДЕНИЯ ВОЙНЫ.

После разоблачения памфлета Жерома Бонапарта (младшего), что крымская экспедиция является оригинальным изобретением Луи-Наполеона, которое он разработал во всех деталях без вмешательства третьих лиц, и которое он своим собственным письмом послал в Константинополь, чтобы избежать возражений маршала Вейянта, после этих сообщений становится ясным, что большая часть крикливой шумихи, поднятой около этой экспедиции, объясняется династическими интересами ее изобретателя. В военном совете в Варне она могла быть навязана присутствовавшим генералам и адмиралам, благодаря прямой ссылке Сент-Арно на авторитет императора, который всякое противоречащее мнение штемпелевал как „трусливые советы". Однажды в Крыму Рагланом был действительно навязан Сент-Арно „трусливый совет" направиться на Балаклаву,—путь, который вел если не прямо к Севастополю, то, по крайней мере, к его воротам. Лихорадочное стремление ускорить осаду, не имея на это достаточно средств, безудержное желание открыть огонь, заставившее французов настолько пренебречь солидностью своих сооружений, что их батареи были приведены врагом к молчанию в течение двух часов; чрезмерное обременение войск окопными работами, которые прибавили к несчастиям английской армии столько же, сколько комиссариат, транспорт, медицинский департамент и т. д. вместе, недостаточная и бесплодная канонада с 17-го октября по 5-е ноября, небрежное отношение к оборонительным позициям—все это объясняется теперь в достаточной степени. Династия Бонапартов нуждалась во взятии Севастополя в ближайшее время. Она руководила союзными

армиями. Канробер в случае успеха был бы маршалом Франции, графом, герцогом, чем угодно, с неограниченной властью в финансовой области. В случае несчастья—его карьера была бы окончена. Раглан был достаточно старой бабой, чтобы уступить своему заинтересованному коллеге, — но это еще не самые важные последствия императорского военного плана. 9 французских дивизий, или 81 батальон, введены в это безнадежное дело. Оно признано почти безнадежным. Величайшее напряжение и безумные жертвы не привели ни к каким результатам. Севастополь—сильнее, чем когда бы то ни было. Французские траншеи, как мы это знаем из верных источников, удалены от русских укреплений на полные 400 ярдов, английские—вдвое дальше. Генерал Ниль, посланный Бонапартом, чтобы осмотреть осадные работы, объявил, что о штурме нельзя и думать; он перенес главный пункт нападения на корабельную сторону и этим не только вызвал новое промедление в осаде, но также направил главный удар на предместье города, которое даже если и будет взято, все же отделяется от города внутренней гаванью. Одним словом, предлог за предлогом, хитрость за хитростью, чтобы удержать если не самую надежду, то хоть бледный отблеск надежды на успех. И в то время, как события развиваются в этом направлении, в то время, как на континенте предстоит всеобщая война, в то время, как снаряжается новая экспедиция на Балтийское море, экспедиция, которая должна что-то сделать и имеет войск значительно больше, чем в 1854 году,—в этот момент посылает Бонапарт новые 5 дивизий пехоты в крымские болота, где люди пропадают и полки тают, как бы по волшебству. Он даже решился сам отправиться туда, и наверное отправится, если не случится невероятный мир или крупные события на польской границе. Таково то положение, в которое первый стратегический эксперимент Бонапарта поставил его самого и „императорскую Францию“. Его влечет не только пустое самолюбие, а фатальный инстинкт, что судьба Французской империи должна быть восстановлена в окопах Севастополя. Но до сих пор еще никакое Маренго не оправдало второго издания 18-го брюмера. Действительно можно усмотреть иронию истории в том, что как ни старается реставрированная империя подражать своему про-

образу, она как-раз принуждена делать обратное тому, что делал Наполеон: Наполеон нападал на сердце государств, которые он побеждал; теперешняя Франция напала на Россию в „кривом переулке“ (cul de sac). Это не была большая военная операция, это было нападение врасплох, авантюра. В этих различных действиях и лежит вся разница между 1-й и 2-й империями и их различными представителями. Наполеон входил обыкновенно, как победитель, в столицы современной Европы, его последователь под различными предлогами—защиты папы, защиты султана, защиты эллинского короля—перевозит французские гарнизоны по столицам античной Европы—в Рим, Константинополь, Афины и вместо увеличения могущества достигает в результате распыления сил. Искусство Наполеона состояло в концентрации, а его последователя—в расщеплении. Когда Наполеон был вынужден вести войну на двух различных военных театрах, как, например, в войне против Австрии, он концентрировал подавляющую часть своих сил на решающей операционной линии (в войне с Австрией на линии между Страсбургом и Веной), тогда как значительно меньшую часть он оставлял на второстепенном театре военных действий (Италия), уверенный в том, что если его войска будут разбиты здесь, то его победы на главной линии скорее помешают продвижению вражеских сил здесь, чем прямое сопротивление. Его последователь, напротив, разбивает силы, Франции по различным позициям и концентрирует их там, где может быть достигнут самый меньший результат при самых крупных потерях. Кроме войск в Риме, Константинополе, Афинах, в Крыму, должна быть еще направлена вспомогательная армия в Австрию, на польскую границу и другая на Балтийское море. Таким образом, французская армия действует, по крайней мере, на трех военных театрах, отдаленных друг от друга тысячами милль. Согласно этому плану, вся масса французской армии была распределена раньше, чем началась серьезная европейская война. Когда Наполеон видел, что начатое им предприятие нерационально (как, напр., при Асперне) вместо того, чтобы упорствовать на нем, он находил какое-нибудь новое направление, неожиданно переводил свои войска на новые пункты нападения и блестящим, увенчанным успехом маневром превращал временное поражение в окончательную

победу. Только в дни своего падения, после того, как 1812 г. разбил его самоуверенность, энергия его желаний превратилась в слепое упрямство, которое заставило его удерживать свои позиции, как, например, под Лейпцигом, против собственного военного чутья. Его последователь принужден начинать с того, чем кончил его предшественник. При одном в результате получаются постоянные необъяснимые поражения, тогда как при другом были постоянные необъяснимые успехи. Для одного путеводной звездой была вера в свой собственный гений, для другого вера в звезду должна была заменить место гения. Один победил действительную революцию, так как он был единственным человеком, способным ею овладеть, другой — отжившее воспоминание прошедшей революции, так как он носил имя этого единственного человека и таким образом сам был своего рода воспоминанием. Легко можно проследить, как претенциозная посредственность этого сбособа ведения войны отражалась на внутренней администрации 2-й империи, как и здесь внешность становилась на место сущности, и „экономические“ походы оказывались не более успешными, чем военные.

О ПОСЛЕДНИХ СОБЫТИЯХ В КРЫМУ.

В то время как в Вене идут переговоры о мире, во Франции идут приготовления к войне. В добавление к десяти дивизиям, отправленным в Крым, будет послано четыре новых, из которых две должны образовать в начале кампании резервную армию в Константинополе; одна из этих дивизий состоит из императорской гвардии, другая—из сборных лучших частей (гренадеров-вольтижеров парижского гарнизона). Две других дивизии (11-я и 12-я) в данный момент посажены на корабли и концентрируются в Тулоне и Алжире. Эти свежие подкрепления доводят силы французов до 100.000 или 110.000 человек. В конце апреля должны прибыть 15.000 пьемонтцев и сильные британские подкрепления. Кроме трудностей местного характера, это ведение войны имеет свой постоянный главный недостаток, так как концентрирует добрую четверть военной силы Франции на второстепенном театре военных действий, где даже самый большой успех не является решающим. Фиктивная ценность, которая приписывается успехам и поражениям в Крыму, с удвоенной силой бьет по зачинщикам плана. Будучи слишком удаленным, чтобы считаться Россией для Александра, Севастополь сделался Францией для Бонапарта. Что касается местных опасностей, ясно, что Херсонес, являющийся в данный момент могилой для тысяч людей и животных, при первых же лучах солнца превратится в теплицу для эпидемических заболеваний. Если предположить, что союзники имеют армию в 150.000, то вопрос о средствах продовольствия будет особенно труден в опустошенном и бедном растительностью Крыму, из которого к тому же русские вывели заблаговременно почти весь скот. Что касается трудностей, связанных с осадой Севастополя, особенно доставляемых рус-

скими инженерами, то лучшей иллюстрацией их является дело под Малаховым. Приблизительно в течение месяца в осаде наблюдалось некоторое затишье, но прибытие трех французских бригад, одной из 8-й и другой из 9-й дивизий, позволило сменить часть английской пехоты и лучше укрепиться в траншеях; одновременное прибытие генералов Ниля и Джонса, одного из французского и другого из английского инженерных корпусов, придало оживление осадным операциям и помогло исправить ошибки, происшедшие вследствие упрямства французского генерала Бизо и вследствие слабости британской пехоты. Были сделаны новые апроши (проходы), особенно с английской стороны, где была установлена параллель приблизительно на 300 ярдов от русских укреплений Малахова кургана. Некоторые из вновь воздвигнутых батарей настолько далеко продвинулись в сторону Инкермана, что частично заходят в тыл русских батарей и, открыв огонь, могут производить по ним продольный обстрел. Русские укрепления, как это видно на карте, простираются полукруглой линией от Карантинной бухты к внутренней военной гавани и оттуда к Корабельной бухте. На западной стороне последней поднимается ряд высот, занятых русскими. Важнейшей из этих высот является Малахов курган, являющийся благодаря своему господствующему положению ключом позиции всего правого русского фланга. На восточной стороне упомянутой бухты лежит другая возвышенность, которая, находясь целиком под обстрелом русских батарей и военных кораблей, лежит вне достижения союзников, поскольку не было прервано сообщение между Инкерманом и Севастополем; со своей стороны, это сообщение защищалось огнем фортов и батарей северной стороны гавани. С тех пор, как союзники нашли позиции для своих батарей с восточной и северо-восточной стороны, Малахова кургана, эта нейтральная возвышенность приобрела большое значение. Поэтому в ночь на 21-е февраля русские послали туда большую партию рабочих, чтобы возвести там редут. На следующее утро союзники увидали длинные рвы и начало бруствера; кажется, что цель русских работ осталась для них неясной,—по крайней мере, они не помешали тотчас же их продолжению. На следующий день, однако, редут был в общем готов, хотя и не закончен,

судя по глубине рва и силе брустверов. Теперь только открыли союзники, что это укрепление было так прекрасно расположено, что благодаря продольному обстрелу (с флангов и сзади) делало совершенно безвредными их батареи. Инженеры заявили, что это укрепление надо взять во что бы то ни стало. Канробер организовал в большой тайне штурмовую колонну, состоявшую приблизительно из 1.000 зуавов и 3.000 моряков; так как приказание пришло с опозданием и было неожиданно, прошло некоторое время, пока собрались войска, и было уже 2 часа утра (24-е февраля), когда они смогли начать штурм, с зуавами во главе. Короткий марш приблизил их на растояние 20 ярдов от рва. Как всегда бывает при атаках подобного рода, не было произведено ни одного выстрела. Солдаты заперли свои предохранители, чтобы помешать случайному и преждевременному огню. Вдруг раздалась русская команда. Сильный отряд русских в глубине редута поднялся, положил винтовки на край бруствера и осыпал свинцом нападающую колонну. Зуавы, едва держась на отвесных стенах еще недоконченного рва, в одну минуту ворвались в редут и бросились со штыками на противника. Начался страшный рукопашный бой. Через некоторое время зуавы овладели половиной редута, а вскоре русские очистили его совершенно. Между тем моряки, следовавшие за зуавами на некотором расстоянии, сделали остановку на краю холма или вследствие потери дороги, или по какой-либо другой причине. Здесь они были атакованы русской колонной с двух сторон и после отчаянного сопротивления сброшены с холма. Между тем, рассвело. Русские поспешно отступили от холма и оставили редут в руках зуавов, после чего русская артиллерия, направленная на этот пункт, подняла сильный огонь. Зуавы упали на землю, в то время как отряд стрелков, взобрался на Малахов курган чтобы через амбразуры бить по русским канонирам Но огонь был слишком силен, и вскоре зуавам пришлось отступить в сторону Инкермана, где они находились под прикрытием своих батарей. Они утверждают, что взяли с собой всех своих раненых.

Распоряжения русских были так удачны, что французы заподозрили, будто русским был выдан весь план их нападения. Русская атака на моряков была чрезвычайно удачна.

После возвращения русских из неоконченного редута незащищенные зуавы были осыпаны огнем, тогда как во время боя внутри редута артиллерия молчала; генерал Форрей открыто обвиняется во французском лагере в сообщении русским тайного решения военного совета. Русские заняли спешно свой редут и в настоящее время энергично принялись за его укрепление. Эта позиция имеет большое значение. Она защищает коммуникационную линию с Инкерманом и прибывающие с этой стороны подкрепления. Она угрожает всей правой стороне осадных укреплений союзников. Можно сказать, что, заняв эту позицию, русские перешли в наступление.

О ПОЛОЖЕНИИ В КРЫМУ.

Донесения о мирных переговорах меняют ежедневно тон и краски. Сегодня обеспечен мир, завтра—война. Пальмерстон в „Почте“ готовит мечи и пушки—это значит, что он хочет мира. Наполеон приказывает своей прессе слагать псалмы миру—верное доказательство, что он подготовляет войну. Развитие событий в Крыму менее всего указывает на скорое падение Севастополя. В Евпатории на берегу крепко сидит Омер-паша. Превосходство русских в кавалерии позволяет им располагать свои пикеты совсем близко от города и рассеивать по местности патрули, которые не допускают подвоза, а в случае серьезных стычек возвращаются к расположенной на некотором расстоянии пехоте. Таким образом, как мы указывали уже раньше, им удается силой в три раза или в половину меньшей держать под угрозой превосходные турецкие силы. Вылазка, сделанная турками под командой Искандер-бека (поляк Ильинский, прославившийся под Калафатом), была отражена одновременной атакой трех русских отрядов, напавших с трех различных пунктов. Как всякая плохо обученная и ненадежная кавалерия, турки вместо того, чтобы броситься на русских с саблями, остановились на почтительном расстоянии и стали стрелять из ружей. Этот явный признак нерешительности понудил русских к наступлению. Искандер-бек попытался броситься в атаку с эскадроном, но был оставлен всеми, кроме башибузуков, и принужден пролагать себе отступление через ряды русских. Омер-паша жаждал прибытия подкрепления и за время схватки сообщил в лагерь союзникам, что он ничего не может сделать, и что подкрепление в несколько десятков тысяч французов для него очень желательно. Несомненно, это было не менее желательно и для самого Кан-

робера, который открыл, что в одно и то же время имеет слишком много и слишком мало войска. Слишком много для осады Севастополя и защиты Черной и слишком мало, чтобы пробиться за Черную, прогнать русских вглубь и блокировать город. Подкрепление в 10.000 человек не дало бы туркам силы для успешного продвижения и ослабило бы французские операции в открытом поле. Осада, действительно, становится с каждым днем опасней для осаждающих. Мы видели, что 29-го февраля русские удержали за собой редут на горе Сапун (перед укреплением Малахова кургана). Этот редут они теперь увеличили, укрепили, поставили на него пушки и провели контр-апроши. Также и на другой позиции перед фронтом Корниловского бастиона сделан ряд новых редутов, на 300 ярдов впереди старых русских укреплений. Читателям „Таймса“ это может показаться непонятным, так как, по его словам, окопы союзников уже давно продвинулись к русским укреплениям значительно ближе. Только теперь, в своем письме от 16-го марта, корреспондент „Таймса“ сознается, что, судя по последним данным, английские траншеи отдалены еще на 600—800 ярдов, и что батареи, которые готовятся открыть огонь против врага, открыли свой огонь еще 17-го прошлого октября. Вот тот большой прогресс в осаде. Вот то продвижение окопов, за которое две трети английской армии заплатили своей жизнью или здоровьем! При таких обстоятельствах оставалось достаточно места, чтобы в пространстве между двумя линиями батарей русские могли выстроить свои новые укрепления. Их можно рассматривать как открытие новой параллели против осаждающих, на расстоянии 300—400 ярдов от их укреплений, как контр-апроши против блокирующих армий. Таким образом, последние должны принять меры к обороне, тогда как главным условием при осаде является инициатива осаждающих и наступление на осажденных, а не наоборот.

В Англии, как и в лагере под Севастополем, начинают уже приходить к заключению о невозможности взять Севастополь штурмом. Такие обстоятельства заставили „Таймс“ обратиться

> „к весьма высоким авторитетам военного дела и узнать, что необходимо взять инициативу в свои руки, хотя бы путем перехода через Черную и об‘единения с турками,

будь это перед или после боя с русским обсервационным корпусом, или же путем диверсии в Феодосию, которая заставила бы русских разбить свои силы. Союзная армия в состоянии это сделать, так как она насчитывает 110.000 или 120.000 человек".

Так говорит „Таймс". Никто не знает лучше Раглана и Канробера, что объединение с армией Омер-паши очень желательно, но, к несчастию, союзники имеют в районе Севастополя не 110.000—120.000, но самое большее от 80.000 до 90.000 боеспособных людей. Что же касается экспедиции на Феодосию, то не может быть ничего более выгодного для русских. Союзные войска, рассеянные в трех пунктах, отделенных от центральной позиции на 60—150 миль, ни в одном из внешних пунктов не будут иметь достаточно сил для выполнения своих задач. „Таймс", кажется, получил свой совет от русских военных авторитетов. Так как 11-я и 12-я французские дивизии уже в дороге, по крайней мере, частично, а остальная часть так же, как 13-я и 14-я дивизии и две пьемонтских дивизии, готовится к отправке, союзная армия может достигнуть в конце мая такой силы, которая даст ей возможность и вместе с тем поставит в необходимость продвинуться с оборонительных позиций за Черную. Войска будут сконцентрированы в Константинополе и, вероятно, будут посажены на корабли сразу. Таким образом они пробудут возможно короткое время на фатальном Херсонесе. Такой способ, хотя и повлечет за собой некоторое промедление, зато обеспечивает большое преимущество. Подкрепления, которые до сих пор одно за другим небольшими частями посылались в Крым, хотя и составляли армию, однако, не могли подкрепить экспедиционную армию настолько, чтобы сделать ее способной на наступательные операции.

ПОСЛЕДНИЕ СОБЫТИЯ В КРЫМУ.

С возвращением сырой и теплой погоды снова ожили заболевания, свойственные весне и лету в Крыму. Снова появились в лагере союзников холера и лихорадка, правда, еще не в очень больших размерах, однако, в достаточных, чтобы заставить задуматься о будущем. Стало заметно испарение миазмов. Моральное состояние армии совсем неудовлетворительно. С наступлением весны после тягостей и опасностей беспримерной зимней кампании, солдаты, постоянно уверяемые в быстром и успешном окончании войны, были в общем в хорошем состоянии и настроении; но проходил день за днем, они не двигались вперед, в то время как русские продвигались за свои линии и возводили редуты на оспариваемой обеими сторонами земле. Зуавы первые стали проявлять недисциплинированность и были поэтому назначены для атаки горы Сапуна 23-го марта. Правда, со стороны союзных генералов проявилась несколько большая подвижность, нельзя сказать деятельность, но отсюда не последовало ни какого-либо определенного плана, ни каких-либо твердых заданий. Дух мятежа среди французов несколько ослабел, так как постоянные вылазки русских давали им занятие, а к тому же начатая вторая бомбардировка обещала на этот раз кончиться спектаклем большого штурма. Но последовало печальное фиаско. Начались инженерные операции, ленивые, тяжелые, неспособные своими успехами поддержать дух бодрости в солдатах. Им скоро уже надоедят эти ночные сражения в окопах, где бесполезно гибнут сотни солдат. Снова требуют штурма и снова Канробер должен давать обещания, исполнение которых он считает невозможным. Ночной атакой 1-го мая Пелиссье спас

иго (Канробера) от возобновления бунтарских выходок. Т.-е. он вывел войска, несмотря на противоположный приказ Канробера, полученный в момент выступления частей. Эта победоносная операция должна была восстановить мужество войск. В это время как-раз прибыл пьемонтский резерв, и Херсонес пополнился. Войска думали, что с этим подкреплением они могут перейти к решительным действиям. Должно было что-то произойти. Было решено отправить экспедицию в Керчь, что и было сделано, но едва только экспедиция достигла рейда этого города, пришла депеша Канробера из Парижа задержать ее.

Раглан, конечно, согласился. Лион и Браун, командующие британскими морскими и сухопутными силами экспедиции, умоляли своих французских коллег атаковать позиции, несмотря на контр-приказ. Напрасно. Экспедиция направилась обратно. На этот раз было невозможно сдержать негодование войск. Даже англичане заговорили языком, не оставляющим никаких сомнений; французы находились в состоянии, граничащем восстанием. Канроберу не оставалось ничего другого, как отказаться от командования армией, над которой он потерял всякое влияние и контроль. Пелиссье явился единственно с возможным преемником, т. к. солдаты, которым давно уже наскучили генералы, выращенные в бонапартистской теплице, неоднократно требовали вождя старой африканской школы. Пелиссье пользуется доверием солдат, но он принимает командование при тяжелых обстоятельствах. Он должен действовать, и как можно быстрее; но так как штурм невозможен, не остается ничего иного, как потеснить русских в поле, и не путем продвижения всей армии по одной из описанных нами ранее дорог, укрепленных русскими, но путем разделения армии и проникновения по многочисленным горным тропам, доступным, быть-может, лишь стадам овец с их пастухами, что даст возможность фланкировать русские позиции. Здесь встречается следующее затруднение. Французы имеют транспортные средства для передвижения лишь приблизительно 30.000 человек на небольшом расстоянии от берега. Транспортные средства англичан будут исчерпаны, если они перевезут одну дивизию не далее Чергуна на Черной. Трудно представить себе, как можно при таком недостатке транспортных средств про-

двинуться в поле, в случае успеха запереть северную линию, преследовать врага до Бахчисарая и соединиться с Омер-пашой, тем более, что русские, по своей привычке, примут меры к тому, чтобы оставить врагу после себя лишь одни развалины, так что подвоз телег, лошадей, верблюдов и т. д. будет возможен лишь тогда, когда союзники нанесут им полное поражение. Увидим, как выйдет Пелиссье из этих затруднений.

Мы уже указывали ранее на некоторые странные обстоятельства, связанные с назначением Пелиссье. Мы присовокупляем к этому еще один момент. Когда началась война, верховное командование было доверено Сент-Арно, бонапартистскому генералу чистой воды. Он оказал большую услугу своему императору тем, что вскоре умер. Ни один из бонапартистов высшего ранга не был назначен на его место — ни Меньян, ни Кастеллян, ни Роге, ни Барагей д'Иллиер. Обратились к Канроберу, к человеку не слишком старой и крепкой бонапартистской закваски, но имеющему большой африканский опыт. Теперь, при новой смене командования, одинаково исключены, как бонапартисты сегодняшнего, так и вчерашнего дня, и пост командующего предоставлен простому африканскому генералу, не имеющему яркой политической окраски, но обладающему большим служебным стажем и известному в армии. Не приведет ли эта нисходящая линия с неизбежностью к Шангарнье, Лемерсье или Кавеньяку, т.-е. по ту сторону бонапартизма?

„Неспособность как в мирное, так и в военное время — вот наше свойство", — заметил несколько дней тому назад один французский государственный муж, для которого все связано с императорским режимом. Что он прав,—показывает каждое действие реставрированной империи, вплоть до назначения Пелиссье.

НЕУДАЧА 18-го ИЮНЯ.

Штурм Малахова.

18-го июня—день годовщины битвы под Ватерлоо—на этот раз, конечно, не праздновался в Лондоне. Он должен был быть отпразднован победой в Крыму, но не над французами, а вместе с французами. Положение было тем более пикантно, что Раглан — родственник Веллингтона—командовал более или менее под начальством генерала Наполеона III. Предписание было готово. Дело было за исполнением, которое должно было его увековечить. В истории реставрированной империи нельзя не признать фатального пристрастия вызывать к жизни великие даты первой империи, как бы обеспечивающие успех и отвергающие неудачу путем их вторичного улучшенного издания. Это славное воскрешение наполеоновских дат, до сих пор удачное в ударах против республики, изменило теперь по отношению к внешнему врагу. Империя без побед империи напоминает переделку шекспировского Гамлета, где не только нехватает меланхолии датского принца, но и самого датского принца. На 2-е декабря в Крыму была заказана из Парижа большая военная операция. Она пошла ко дну благодаря изобилию дождей и недостатку снарядов. 18-го июня должна была состояться в улучшенном издании битва под Ватерлоо, направленная против Севастополя. Вместо этого произошло серьезное поражение англо-французских войск.

Лондон мрачен; курс упал, и Пальмерстон в один день потерял то, чего ему удалось достигнуть в течение месяцев искуснейшей политикой. Поражеиие произошло 18-го июня; телеграммы сообщили о нем лишь 22-го июня. В прошлый четверг официальные сообщения Пальмерстона говорили, что

„на фронте не произошло ничего выдающегося“. В ночном заседании нижней палаты того же числа Пальмерстон торжественно подтвердил это уверение. А теперь доказано, что он получил депешу о неудаче штурма еще в среду 20-го июня, в 4 часа пополудни. Лидер утверждает, что это произошло лишь благодаря настойчивым требованиям из Парижа, где несчастье на поле битвы использовали для удачи на бирже. Как бы то ни было, Кокней серьезно бранит Пальмерстона. „Быть побитым достаточно скверно. Но дать завлечь себя в Друрилане и Конвентгарден театрах, благодаря хитрости министров, в смешные овации по поводу взятия Севастополя,— это слишком плохо, сэр“. Мы уже достаточно подготовили своих читателей к тому, что упорная приверженность Пелиссье к штурму с южной стороны принесет союзным армиям несчастье. Тотчас же по его вступлении в командование мы указывали, что недостаток в транспортных средствах представляет большие трудности для его операций в открытом поле. Это же подтверждает сейчас английская пресса. Так, например, сегодняшний „Морнинг Геральд“ говорит:

> „Армия не может продвинуться в открытое поле, как она должна бы была это сделать по всем правилам стратегии, чтобы разбить русскую вспомогательную армию под Симферополем. Она не может, т. к. командующие гробовщики—небрежность и медлительность—снова начали свою убийственную работу, и вместо 28.000 голов обозных животных, в которых мы нуждаемся, нам предоставлено лишь 4.000 или 5.000; и все это в то время, когда болезни снова бродят по лагерю, представляющему из себя благодатную почву для лихорадки, холеры и чумы. Эта невозможность продвижения вперед, подобная состоянию под Варной и в „долине смерти“, является причиной, принуждающей наших генералов день за днем расточать жизнь наших солдат в отчаянных атаках на почти неприступные укрепления, в то время как мужественная армия, которая должна выступать в поле, праздно лежит на Черной, не имея кавалерии и транспортных средств“.

С какой поразительной небрежностью использовывал кабинет с самого начала войны имевшиеся в его распоряжении сред-

ства, можно увидеть из только-что опубликованного финансового отчета. По этому официальному отчету наличность предоставленных для армии средств 1-го января 1854 г. достигала 1.835.882 фунтов стерлингов, к 1-му апрелю 1854 г. было выдано армии лишь 2.270.000 фунтов стерлингов; таким образом, было выдано менее трех четвертей суммы, вотированной парламентом на набор армии.

Отчего же погибает, согласно донесению Роебукского комитета, армия? Благодаря чрезмерной работе. Откуда чрезмерная работа? Из-за численной слабости армии, численная же слабость, как показывает финансовый отчет, — результат интриги кабинета. А принц Альберт еще жалуется, что в распоряжении королевы не осталось больше войск, что кабинету связаны руки. А как этот кабинет, жалуясь на недостаток транспортных средств, посылал транспортные суда в Портсмут через Ньюкэстль на Тине, чтобы нагрузить там уголь, или же из Элиды на Ливерпуль и из Дентфорда на Вульви,—установлено в дебатах Лайарда. Несчастье 18-го июня сделало необходимой немедленную присылку подкреплений. Поэтому вчера был дан приказ к немедленной погрузке: 15-й пехотный полк, только-что вернувшийся из Цейлона, 51-й легкий полк королевской пехоты, 80-й и 90-й пехотные полки, все индийские отряды различных запасов и 1.200 человек кавалерии должны тотчас же выступить на поле военных действий. Послан телеграфный приказ в Марсель, чтобы оттуда направить экстренные пароходы в Мальту и Гибралтар, а также и к лорду верховному комиссару Ионических островов, с приказом отправить всех годных к службе мужчин, не только из гарнизонов, но также и все резервы туземной бригады, все имеющиеся резервные батальоны вплоть до отпускных и ополченских. Тотчас же были отправлены: легкий 13-й пехотный полк с Ионических островов, 48-й из Корсики, 54-й Гибралтарский, 66-й Гибралтарский, 92-й шотландских горцев с Гибралтара. Таким образом, британские военные силы в Крыму будут увеличены более чем на 23.000 ч. К этому надо присоединить 4 полевых батареи, отряд конной артиллерии и подкрепление для осадных парков; все уже готово и ожидает только погрузки. В общем Англия находится в том же положении, что и в 1854 г., и не имеет никакой резервной армии. И даже еще хуже. В 1854 г., как устанавливает опять

отчет Роебука, Пальмерстон мешал организации ополчения и затягивал ее; в 1855 году ему почти удалось распустить уже образованное ополчение. Подкрепления, как это можно видеть из приведенного выше перечисления, не только исчерпывают ядро армии, но поглощают запасные батальоны и разбивают кадры. Англия напоминает дикаря Монтескье, который рубит дерево, чтобы воспользоваться его плодами. Экономическая, по преимуществу, страна, растрачивает свой военный капитал вместо того, чтобы пользоваться процентами с него. Вот результат маневров кабинета, на который принц Альберт возложил неограниченное доверие! К тому же нет ничего более неверного, чем представление континента, что Англия слишком бедна людьми, чтобы выставить армию. В 1815 году, после двадцати-двухлетней войны, Англия имела на ногах более 350.000 чел. Но кабинет, очевидно, игнорирует оба средства — повышение премии для выставленной армии и жеребьевки для ополченцев. Чего же другого можно ожидать от премьера, долги которого в 1827 году уплатила княгиня Ливен, и которого она в 1830 году сделала министром иностранных дел, которому Россия по предложению Уркварта Скелесси доставила 8-летнюю диктатуру над турками и за 8 дней до истечения договора Уркварта Скелесси возобновила его снова в Дарданелльском договоре. Роебук указал вчера в нижней палате, что 3-го июля (четверг на следующей неделе) он подает следующее предложение:

> „Палата, глубоко сожалея о страданиях армии в Крыму в течение зимней кампании и соглашаясь с донесением своего комитета, что политика правительства является первой и единственной причиной несчастий, постигших армию, выносит свое строгое порицание каждому члену этого кабинета, решения которого повели к таким бедственным последствиям“.

Предложение Роебука распространяется, очевидно, на Пальмерстона, Русселя, Кларендона, Гранвилля и Ландсдоуна, являющихся одновременно членами настоящего и бывшего кабинетов. Маленький, ядовитый подобно Терзиту, но опытный и искусившийся в парламентской тактике адвокат, был принужден к этому шагу угрозой своих избирателей в Стеффильде вынести ему недоверие на открытом митинге за то, что во

вторник он отмежевывается от Пальмерстона, а в четверг голосует за доверие к нему.

Неудачное вмешательство принца Альберта между кабинетом и парламентом, его провокация парламентской верховной власти были вторым мотивом этого предложения, которое вновь угрожает отнять у королевы „ее доверенных слуг“.

БРИТАНСКАЯ АРМИЯ.

Организация.

Британская армия представляет из себя полную противоположность французской. Между ними нет ни одной точки соприкосновения. Там, где сильны французы, там слабы британцы, и наоборот. Как старая Англия сама по себе представляет собрание губительных злоупотреблений, хронических недостатков, так и организация английской армии прогнила до самой сердцевины. Все как-будто бы создано таким образом, чтобы отрезать для нее возможность выполнить свои задачи. Каким-то странным образом самые смелые нововведения, правда, немногочисленные, находят себе место между развалинами старых предрассудков; но все-таки, как только тяжелая скрипящая машина пускается в дело, она все же исполняет так или иначе свою работу. Организацию британской армии очень легко описать. Она состоит из пехоты, 85 линейных полков, 3-х гвардейских и 2-х стрелковых полков. В течение настоящей войны гвардия, стрелки и некоторые немногие другие полки насчитывают по 3 батальона, остальные лишь по 2. В каждом имеется запасная рота. Однако, рекрутских наборов едва хватает, чтобы заткнуть дыры, причиняемые войной, а потому существование второго батальона весьма непрочно. Общие силы британской пехоты, наверняка, не превышают 120.000 человек. Ополчение, на-ряду с регулярными войсками, также входит в состав пехоты, являясь своего рода резервом и подкреплением для армии. Общая численность его, согласно парламентскому акту, должна достигать 80.000, но сейчас едва насчитывает 60.000. По последнему закону, ополченцы могут нести добровольную службу в колониях, но не на заграничных

театрах военных действий. За границей они могут быть использованы только для несения добровольной службы в гарнизонах Корфу, Мальты, Гибралтара и в других отдаленных британских колониях. В кавалерии существует 3 полка гвардейцев (кирассиры), 6 полков гвардейских драгун, 4 тяжелых, 4 легких драгунских полка, 5 гусарских и 4 уланских полка. Каждый полк в боевой готовности имеет 1.000 сабель, 4 эскадрона по 250 человек, и кроме того, 1 запасный эскадрон. Некоторые полки имели такую численность при отправке из Англии, но несчастья крымской зимы, бессмысленные потери под Балаклавой и недостаток рекрутов поставили их в общем на ногу мирного времени. Мы не думаем, чтобы все 26 полков насчитывали в настоящее время более 10.000 сабель, т.-е. в среднем по 400 сабель на полк. Артиллерия состоит из одного полка пешей артиллерии (12 батальонов с 96 батареями) и одной бригады конной (7 батарей и 1 ракетная батарея). Каждая батарея имеет 5 пушек и 1 гаубицу. Калибр пушек трехфунтовый, шести, девяти, двенадцати и восемнадцатифунтовый; калибр гаубиц—$4^2/_3$, $4^1/_2$, $5^1/_2$ и 8 дюймов. Каждая батарея имеет по два образца пушек почти всех калибров — тяжелых и легких. Легкие девяти и 12-фунтовые пушки и $4^1/_2$ и $5^1/_2$ дюймовые гаубицы представляют собой орудия полевого калибра, так что 9-фунтовые пушки вместе с $4^1/_2$ дюймовыми (24-фунтовыми) гаубицами можно считать нормальными пушками британской армии. Рядом с ними стоят 12-ти и 16-фунтовые ракеты. Так как английская армия мирного времени является лишь кадром армии военного состава и должна быть дополнена добровольными рекрутированиями, то ее силу для каждого данного момента никогда нельзя установить с точностью. Ее настоящую силу мы можем определить, приблизительно, в 120.000 человек пехоты, 10.000 человек кавалерии и 12.000 человек артиллерии с 600 пушками, из которых 5-я часть неупряжных.

Из этих 142.000 человек—32.000 человек находится в Крыму, 5.000 в Индии и колониях, а остальные 60.000, из которых половина рекрутов, а другая—обучающая рекрутов, находятся на родине. К этому надо еще прибавить около 60.000 ополченцев.

Пенсионеры, кавалерийские жандармы и другие негодные для внешней службы части мы, конечно, не считаем. Система

добровольного набора рекрутов, как это узнали в настоящее время англичане на себе, очень затрудняет во время войны пополнение войск до полного комплекта армии. Вспомним, что при Веллингтоне максимум армии, который можно было сконцентрировать и сохранить на каком-нибудь театре военных действий, достигал 30.000—40.000 человек, и так как в настоящий момент английская армия соединяется не с испанцами, а с французами, то „маленькая геройская кучка“ британцев почти совсем пропадает в среде союзной армии.

ВООРУЖЕНИЕ БРИТАНСКИХ СОЛДАТ.

Обмундирование и экипировка английского солдата являются образцом того, чего не должно быть. До настоящего времени повсеместно употребляется форма, существовавшая до 1815 г., лишь очень поверхностно измененная новым приказом по обмундированию. Она состоит из красного мундира прусского образца, австрийского „чако," или кэпи, для пехоты и прусского шлема для кавалерии. Одна только Англия сохранила для своей армии гордый красный мундир—„the proud red coat" (благородный красный сюртук), как называет его Нэпир; раньше он был принят в Дании и Ганновере. Первая же кампания в Шлезвиге показала Дании, какую великолепную цель представляет он для противника. Тем не менее в британской армии введено одно улучшение, которое превосходит все подобное ему в других странах,—вооружение всей пехоты винтовкой Менье, улучшенной Причердом. Нет никакого сомнения, что смертоносная точность прицела этих винтовок решила в пользу англичан бой под Инкерманом. Кавалерия состоит из прекрасных людей, хорошо обученных и снабженных саблями прекрасного образца. Она доказала под Балаклавой, на что она способна. Но в среднем люди несколько тяжелы для лошадей, и несколько месяцев активной кампании будут губительны для кавалерии. Так как лошади нагружены слишком тяжело, они погибнут прежде, чем их можно будет с успехом употребить против врага. Крым также дал доказательство этого. Артиллерия перегружена людским составом, артиллерийский материал первого сорта. Пушки—лучшие в Европе, порох считается самым сильным в мире, поверхность пуль так гладка, как нигде. Но в то время, как артиллерийский материал является продуктом современной индустриальной Англии,

артиллерийские офицеры являются продуктом старой Англии. Первые стоят поэтому выше, вторые значительно ниже уровня европейских армий. Воспитание английских артиллерийских офицеров состоит из простого изучения артиллерийских наук и практики управления полевыми орудиями. Лишь два качества выделяют английского артиллериста, как рядового, так и офицера: необычайная меткость глаза и большое спокойствие во время действия. В общем деятельность британской армии в существенной части ослабляется практической и теоретической невежественностью ее офицеров. Экзамены, которым подвергаются вновь поступающие, действительно забавны: капитан экзаменует по трем первым книгам Евклида. Но английская армия, главным образом, предназначена для того, чтобы пристраивать на приличные места сынков аристократов и джентри [21]). Размеры воспитания ее офицеров определяются не потребностями службы, а той общей осведомленностью, которая требуется от английского „джентльмена". Что касается практических военных знаний офицера, то они совершенно недостаточны. Британский офицер знает только одну обязанность — водить своих людей в битву прямо против врага и показывать им пример своей храбростью. Искусства в управлении частями, уменья использовать благоприятный момент и т. д. нельзя требовать от них; даже забота о своих людях и их потребностях кажется им чуждой и несовместимой с их достоинством. Половина несчастья британской армии в Крыму проистекает из этой общей неспособности офицеров. Но они, однако, обладают одним качеством, которое соответствует их назначению. Большею частью страстные охотники с юности, они быстро и инстинктивно ориентируются в особенностях местности, что в значительноймере объясняется их привычкой к охоте. Некомпетентность офицеров нигде не приносит такого большого вреда, как в штабах. Правильно организованного штабного корпуса не существует: каждый генерал образовывает свой штаб из своих родственников и приверженцев из полковых офицеров независимо от специальных знаний. Подобный штаб хуже, чем отсутствие какого-либо штаба. Вследствие этого, конечно, познания офицеров всегда остаются недостаточными. Подготовка других специальных родов оружия несколько лучше, но все же значительно ниже, чем у других

наций, и английский офицер везде рассматривается людьми своего ранга, как невежда. Свидетель этому—британская военная литература. Большинство сочинений полно грубых ошибок, непростительных даже для кандидатов на чин лейтенанта. Самые нелепые сообщения из заграничных книг принимаются и рекомендуются без всякой критики. Смотри для примера сочинение полковника (теперь генерала) Чеснея об огнестрельном оружии, несмотря на то, что Чесней считается одним из лучших английских артиллерийских офицеров. Но мы не должны забывать, что имеются и счастливые исключения, между которыми первое место занимают „Война на полуострове“ Нэпира и „Морская артиллерия“ Говарда Дугласа. Мы еще раньше не раз говорили о печальном состоянии комиссариата, транспорте и других аналогичных ведомств; за время крымской кампании они совершенно расшатались. Правда, заметно явное стремление их улучшить и даже централизовать администрацию, но мало хорошего можно ожидать, пока гражданская администрация и тем более правительственная власть остается в старых руках. И все же, обладая всеми этими чудовищными недостатками английская армия проводит каждую кампанию если не с успехом, то все же без позора: потеря людьми, нераспорядительность, смесь ошибок и промахов, приводящая нас в изумление при сравнении английской армии с другими при подобных же обстоятельствах, но не потеря военной чести, редкие отступления и почти никаких полных поражений. Это есть результат большого личного мужества и сплоченности войск, их дисциплины и безусловного подчинения. Английский солдат ненаходчив, растерян и беспомощен, когда он изолирован от своих вспомогательных источников, или когда он несет службу небольшими отрядами, но в битве, когда он действует в массе, никто не может его превзойти. Сила английской армии в действиях линиями. Английская боевая линия делает то, что не может сделать ни одна другая. Атакованная кавалерией она держит свои винтовки заряженными до последнего момента, открывая огонь и осыпая врага пулями на расстоянии 30 ярдов, и всегда с большим успехом. Огонь британской пехоты не может быть превзойден никем, так как даже в самый критический момент пехота соблюдает полное спокойствие. Так оттеснили под Балаклавой

русскую кавалерию шотландцы. Свою несокрушимую сплоченность пехота блестяще показала под Инкерманом, где французы при тех же обстоятельствах были бы, наверняка, разбиты, хотя, с другой стороны, французы никогда не допустили бы атаковать себя врасплох на такой позиции. Эта солидарность и сплоченность при нападении и защите составляет большое искупающее преимущество британской армии, которое одно может спасти ее от многих поражений, вполне заслуженных и часто открыто спровоцированных неспособностью ее офицеров, старомодностью ее администрации и неповоротливостью ее движений.

СИЛА СОПРОТИВЛЕНИЯ РОССИИ[22]).

Поездка русского императора в Одессу, переезд его супруги из Петербурга в сердце святой Руси—Москву, допущение Константина, самого воинственного из его братьев, на заседания правительства,—все это доказывает, что Россия решилась на отчаянное сопротивление. Николаев и Херсон—наиболее укрепленные пункты южной России—являются центром резервной армии, собираемой в настоящий момент в губерниях Таврической и Херсонской. На-ряду с резервами армии (состоящими из 5-го, 6-го 7-го и 8-го баталионов), число которых неопределенно, предполагается сконцентрировать 40.000 ополченцев в Николаеве и 25.000 ополченцев в Одессе. Проверить точность этих данных невозможно. Верно лишь следующее: на юге России собираются значительные силы. План России принимает во внимание не только потерю Крыма, но даже и враждебное вторжение на юг России. Поэтому главной оборонительной линией избрана линия Днепра с Херсоном и Николаевым в качестве первой и Екатеринославом в качестве второй базы. Херсон и Николаев лежат в поле обстрела не только канонерских лодок, но и военных шлюпок, а потому необходима база, лежащая внутри материка. Такой базой является Екатеринослав. Расположенный в пункте, где русло Днепра образует угол в 75 градусов, он является прекрасным центром для отходящей внутрь армии, которая предполагает укрыться сначала за южным течением (с северо-востока на юго-запад), а затем за средним (с юго-запада на юго-восток) течением этой реки. Армия, продвигающаяся от Перекопа внутрь России, должна перейти Днепр сначала у Херсона, продвинуться на

Екатеринослав и снова перейти ту же реку. Каждый отряд, переходящий на левый берег Днепра, можно легко задержать в нескольких верстах от Екатеринослава на линии Волчьей, где эта река впадает в главное русло. Следует указать также и еще одно преимущество: местность к югу от Екатеринослава представляет собой степь, протяжением 200 миль, где провести и прокормить армию очень трудно, в то время, как самый город, расположенный на северном окончании степи, близко к богатым и сравнительно хорошо населенным Киевской и Полтавской губерниям, может получать без затруднений все требуемые продукты. Наконец, Екатеринослав держит прямую коммуникационную линию с армией центра под Киевом и прикрывает дорогу в Москву. Поэтому Екатеринослав укрепляется и снабжается всем необходимым для содержания южной армии. Там собраны провизионные магазины, экипировка, военное снаряжение. Если все это, с одной стороны, говорит о стратегической дальнозоркости России,—старый генерал и дезертир Жомини [23]), очевидно, не напрасно ее так долго обучал,—то, с другой стороны, это не менее ясно говорит и о том, что в будущем русские не думают иметь успеха в течение продолжительного времени. Если союзники продвинутся вглубь России (от Перекопа), то им, во всяком случае, придется форсировать Екатеринослав. Но это, конечно, может произойти не в этой кампании, но в кампании 1856 года. Сначала Россия должна будет очистить Крым, все Закавказье, Кавказ до Терека и Кубани, отдать в жертву пламени Одессу, разрушить гавань у Николаева и освободить Дунай до Галаца; сначала должны быть отняты у России все окраины, и только тогда союзники могут решиться на поход внутрь России. Поэтому такой чрезмерно предусмотрительный план русских может показаться дурным предзнаменованием. Союзные войска движутся по долине верхнего течения Черной, чтобы обойти крайний правый фланг русских под Ай-Тодором или верхним Бельбеком. Так сообщают одновременно донесения Горчакова и Пелисье. Маневры союзников, как нам кажется, носят наступательный характер и действительно направлены к этой цели. Задача союзников, очевидно, состоит в том, чтобы прогнать русских с укрепленных позиций на Мекензиевых горах.

Если это удастся, то русские должны будут очистить северный форт и вместе с тем Крым. Между Мекензиевыми горами и Симферополем нет серьезных позиций, а степь за Симферополем, негодная для занятия большими армиями, не представляет совсем никаких позиций. Удержат ли русские Крым,— будет зависеть от того, удержат ли они за собою Мекензиевы позиции.

К ВЗЯТИЮ СЕВАСТОПОЛЯ[24]).

В штурме 8-го сентября принимали участие пять французских дивизий и части 2-х английских дивизий. Из 45.000 человек союзники потеряли, по их собственному признанию, 10.000 ч., т.-е. почти четвертого человека. Русские потери неопределенны. По сообщениям генерала Ниля, французы пододвинули свои траншеи во всех пунктах вплотную к русским укреплениям. Против малого Редана (бастион № 1) и Малахова (бастион № 2) голова сапы находилась лишь на расстоянии 25 ярдов от русского рва. У флангового бастиона (бастион № 4) расстояние достигало 30, у центрального (бастион № 5)—40 ярдов. Во всех этих пунктах, следовательно, штурмующие колонны были тесно придвинуты к объекту штурма. Английские сапы, несмотря на указания французских инженеров, находились на расстоянии 240 ярдов от большого Редана (бастион № 3). Вздорность штурма при таких условиях ясна сама собой. Французские генералы распределили свои силы следующим образом: против ключа всей позиции—Малахова кургана—дивизия Мак-Магона, направо от Малахова, против куртины, соединяющей его с бастионом № 1,—дивизия Ля-Моттеруже; по крайней правой, против бастиона № 1—дивизия самого Дулакса. Мак-Магон имел в качестве резерва гвардейскую дивизию генерала Миллинета. Так обстояло дело с французской атакой на Корабельной стороне. Находившийся на Городской стороне фланговый бастион, имеющий вид придвинутой цитадели на очень крепком основании и имевший внутренние укрепления значительной силы, не был атакован во фронт. Напротив центральный бастион должен был быть атакован дивизией Лафэйланта, который, в случае успеха, в

сопровождении дивизии д'Отомарра должен был обойти с тыла фланговый бастион. Одновременно пьемонтская бригада Гиалдиниса, сконцентрированная в траншеях, должна была атаковать его с фронта. Позиция между Малаховым и фланговым бастионом была занята англичанами. Они должны были атаковать Редан. Прежде всего должен был быть атакован Малахов курган, и уже после его занятия должны были выступить другие колонны против своих пунктов нападения. Малахов представлял собой большой редут на вершине господствующего над окрестностью кургана, имя которого он носил; он был закрыт со всех сторон, кроме задней стороны, где имел проход для пропуска подкреплений. Он был связан куртинами с правой и с левой стороны с большим и малым Реданом. Последние тоже представляли собой закрытые редуты, имевшие небольшие предназначенные для редутов укрепления, задние же их фасады были обращены бойницами внутрь редута. Горжи этих редутов также соединялись с Малаховым второй внутренней куртиной, которая образовывала вторую линию укреплений. Внутренняя часть большого и малого Редана была совершенно свободна от каких-либо закрытий и потому находилась целиком под обстрелом редутов и окопов. Иначе обстояло дело с Малаховым курганом, на котором со времени взятия Мамелона и Камчатского люнета был сконцентрирован вражеский огонь. Вдоль валов он был закрыт траверсами, представлявшими для канониров и находящихся на позиции частей прикрытия от бомб, в то время как внутреннее пространство было занято блиндажами, непроницаемыми для бомб, служившими казармами, и было совершенно непригодно для защиты от штурмующих колонн. Когда пришли первые известия о занятии Малахова, мы высказали предположение, что русские, несомненно, впали в ту же ошибку, что и при устройстве Камчатского редута на Мамелоне,—именно, чтобы защитить себя от вражеского огня, они сделали внутреннее пространство негодным для защиты против штурма, разделив его на целый ряд небольших участков. Это предположение теперь целиком подтверждается донесением генерала Ниля. Лабиринт Малахова, так же, как и Мамелона, оказался негодным для защиты. Он был отдан в 10 минут и никогда уже не был возвращен. Французские распоряжения относительно штурма Малахова

поразительно удачны. Все было предусмотрено и приготовлено заранее. Были употреблены особого рода мосты, еще нигде не описанные, для перехода через рвы. Они были налажены в течение одной минуты. Едва начался бой, а саперы уже провели от траншей к рвам летучую сапу, пробили широкие проломы через русские брустверы, засыпали противоположные рвы и таким образом проложили удобную дорогу внутрь редутов Малахова, по которой могли двигаться не только подкрепления и резервы, но и полевые орудия. Как только редут был взят, проходы в горже были быстро заперты, бойницы срезаны, установлены пушки, и в какую-нибудь пару часов, прежде чем русские успели подумать о серьезной попытке отбить укрепление, оно было целиком обращено против них, и стало уже поздно. Конониры были готовы забить в случае нужды пушки, а отряды пехоты имели на своих плечах короткие рабочие инструменты. Эта атака была произведена под непосредственным наблюдением Пелиссье и Ниля. Другие атаки были в общем неудачны, и особенно неудачна атака против центрального бастиона. Этот штурм под командой генерала де-Залле был предпринят с явно недостаточными силами, так что, едва достигнув русского бруствера, французы были вынуждены искать защиты за ним. Штурм превратился в мелкие беспорядочные схватки и был окончательно отбит. Атака на малый Редан была в высшей степени кровопролитной, и русские с поразительной отвагой защищали свои позиции, отбросив здесь пять французских бригад. Мы уже указывали ранее на недостаток господствующей в английской армии системы образовывать такие слабые штурмующие колонны, которые при столкновении с серьезным препятствием превращаются в разрозненные кучки. Эта устаревшая система основана на том, что крепости, с которыми англичанам приходилось иметь, главным образом, дело,—а именно Веллингтону в Испании,—были построены по старой испанско-итальянской системе и прикрывали редко более 500 человек. Искусство штурма так же традиционно у англичан, как и все остальное, хотя бы предпосылки к нему уже давно были изжиты. Так полагал подобно Веллингтону и лорд Раглан,—известно с каким успехом,—18-го июня. Вместо того, чтобы извлечь урок из его поражения, Симпсон счел своим долгом не только по-

следовать примеру Раглана, но и превзойти его. 8-го сентября Симпсон имел в распоряжении 25.000 человек. Из них для настоящего штурма он выделил лишь 1.800 человек.

Атаки на Редан, на центральный бастион и на малый Редан были, правда, до известной степени демонстрациями. Только одна из атак, порученных англичанам, имела серьезное значение,—атака на большой Редан. Это была позиция, взятие которой тотчас же закрепляло овладение Малаховым курганом; поскольку Малахов курган господствовал над вершиной Редана, постольку Редан, с своей стороны, господствовал над подступами к Малахову кургану, и если бы он был взят, с него можно было бы фланкировать все направляющиеся туда русские колонны. Падение Малахова обрекало русских на отдачу всей южной стороны: падение Редана заставило бы их поспешно очистить, по крайней мере, „Корабельную", прежде чем они успели бы сорганизовать надежную систему разрушения огнем и взрывами, под защитой которой они обеспечили себе правильное отступление. Английская армия, благодаря промахам своего генерала, помешала, таким образом, завершению победы. Венец этого дня принадлежит генералам Боске и Мак-Магону. Боске руководил всем французским штурмом с правой стороны, а Мак-Магон командовал дивизией, атаковавшей Малахов.

Русские бились с обычным пассивным мужеством. Малахов курган был действительно захвачен врасплох. Гарнизон в это время обедал, и только артиллеристы стояли у пушек, готовые к атаке.

ПО и РЕЙН.

САВОЙЯ, НИЦЦА и РЕЙН.

РАЗВИТИЕ ВОЕННОГО ИСКУССТВА В ЭПОХУ КАПИТАЛИЗМА.

ПО и РЕЙН[25]).

I.

В течение настоящего года для значительной части немецкой прессы стало альфой и омегой то положение, что Рейн нужно защищать на По.

Это положение находит свое безусловное оправдание в угрожающих приготовлениях Бонапарта. Верное чутье подсказало многим в Германии, что По для Луи-Наполеона лишь предлог, конечной же целью для него является Рейн. Только война за границу на Рейне может послужить громоотводом против обоих элементов, грозящих бонапартизму внутри Франции: против „избытка“ патриотизма в народных массах и недобольного брожения в среде „буржуазии“. Война даст исход национальным чувствам первых и надежду на новые рынки вторым. Поэтому немцы хорошо понимали истинный смысл разговоров об освобождении Италии. Получалось, как в старой пословице, „бьют по мешку, а думают об осле“. Но если Италии приходилось играть роль мешка, то у Германии на этот раз не было ни малейшей охоты попасть в положение осла.

Таким образом, если бы Франция утвердилась на По, то вот что это означало бы в данном случае: очутившись под угрозой нападения, которое могло бы закончиться для Германии потерей нескольких лучших провинций, Германия ни в коем случае не могла бы пойти на то, чтобы без всякого сопротивления отдать одну из сильнейших, если не самую сильную из своих позиций. Во всяком случае, в таком смысле вся Германия была заинтересована в обороне По. Накануне войны, как и во время самой войны, приходится занимать всякий пункт, с которого можно угрожать врагу и вредить ему. Тогда уж не время для морализирования по поводу того, совместим ли подобный образ действий с вечной справедливостью и

с национальным принципом: дело идет, ведь, о спасении собственной шкуры.

Эту идею обороны Рейна на По, следует, однако, строго различать от тенденции многих военных и политиков Германии рассматривать По, т.-е. Ломбардию и Венецию, как необходимое стратегическое дополнение к Германии и, так-сказать, ее составную часть. Такой взгляд стал особенно усиленно выдвигаться и обосновываться теоретически со времени итальянских кампаний 1848 и 1849 гг. (напр., генералом ф.-Радовицем во французском парламенте и генералом ф.-Веллизеном в его „Итальянском походе 1848 года“). В неавстрийской части южной Германии особенно усердно и даже с известным энтузиазмом, занимался этой темой баварский генерал ф.-Гейльброннер. На первый план всегда выдвигаются аргументы политического свойства: Италия, дескать, совершенно бессильна сохранить свою независимость; господство в ней должно принадлежать или Германии, или Франции; если сегодня австрийцы отступят из Италии, то завтра французы будут уже в долине Эча и у ворот Триеста, и вся южная граница Германии будет обнажена для „наследственного врага“. Поэтому пусть лучше Австрия утвердится в Ломбардии во имя интересов Германии.

Итак, как мы видим, подобного взгляда придерживаются лучшие военные авторитеты Германии. И все же мы вынуждены решительно выступить против них.

В газете „Augsburger Allgemeine Zeitung“, взявшей на себя защиту немецких интересов в Италии, тот же взгляд превращается в какой-то символ веры, отстаиваемый с настоящим фанатизмом. Эта христианско-германофильская газета при всей своей ненависти к евреям и туркам скорее даст себя обрезать, чем отдать „немецкую“ область в Италии. То, что политиканствующие генералы отстаивают, в конце-концов, лишь как превосходную стратегическую позицию в руках Германии, то для „Augsburger Allgemeine Zeitung“ является важной составной частью определенной политической теории. Мы имеем в виду ту „теорию великодержавности Центральной Европы“, авторам которой хотелось бы образовать из Австрии, Пруссии и остальной части Германии союзное государство под преобладающим влиянием Австрии, германизировать Венгрию и придунайские славяно-румынские страны при помощи колонизации,

немецких школ и „мягкого насилия“ и таким образом все больше отодвигать центр тяжести получившегося комплекса стран на юго-восток, к Вене,—а кстати уж вернуть Германии Эльзас и Лотарингию. Создание „Великой Средне-Европейской державы“ должно воскресить Священную Римскую империю германской нации и, повидимому, имеет своей целью также и присоединение в качестве вассального государства блаженной памяти австрийских Нидерланд, в частности Голландии. Новое отечество будет вдвое обширнее, чем нынешняя область распространения немецкой речи, и когда все эти мечты сбудутся, то Германия станет хозяином и вершителем судеб Европы. А чтобы все это сбылось, об этом уже позаботилась история. Романские страны переживают период сильного упадка: Испания и Италия уже окончательно погибли, а Франция как-раз теперь вошла в полосу распада. С другой стороны, славяне совершенно неспособны к образованию настоящих государств современного типа и самой историей предназначены к тому, чтобы подвергнуться германизации, при чем роль орудия в руках провидения опять-таки по преимуществу будет играть обновленная Австрия. Германцы являются, таким образом, единственным племенем, сохранившим еще нравственную силу и историческую правоспособность, если не считать англичан, которые так погрязли в своем эгоизме и материализме островитян, что их надо подальше держать от материка при помощи разумной континентальной системы, усиливая таможенные пошлины, чтобы не попасть в сферу влияния их промышленности и торговли. Тогда немцы — этот народ столь строгих нравственных правил—и молодая средне-европейская империя без труда и в самом скором времени овладеют мировым могуществом на суше и на море и откроют новую историческую эпоху, в которой Германия после долгого перерыва, наконец-то, опять будет играть первую скрипку, а под нее будут плясать остальные нации.

Французы и русские—хозяева суши,
Британцы—властители моря,
А наше господство неоспоримо
В воздушном царстве мечты.

Мы отнюдь не намерены вдаваться здесь в рассмотрение политической сущности этих патриотических фантазий. Мы вкратце обрисовали их только для того, чтобы после кто-нибудь не вздумал сызнова приводить нам все эти великие истины в качестве новых доводов в пользу „немецкого“ господства в Италии. Нас интересует здесь исключительно военная сторона вопроса: необходимо ли для обороны Германии перманентное господство в Италии и полное обладание Ломбардией и Венецией? Или, переводя вопрос на чисто-военный язык, нуждается ли Германия для обороны своей южной границы в обладании Эчем, Минчио и нижним течением По с предмостными укреплениями в Пескьере и Мантуе?

Прежде, чем мы попытаемся ответить на этот вопрос, напомним еще раз: говоря о Германии, мы подразумеваем под этим именем единую державу, военными силами и действиями которой руководит единый центр,—не идеальную Германию, а реальный политический организм. При ином понимании вообще не могло бы быть и речи о каких бы то ни было военных и политических нуждах Германии.

II.

Уже в течение целых столетий Бельгия, а еще в большей степени Верхняя Италия, является ареной, на которой разъигрываются военные столкновения между немецкой и французской армиями. Обладанией Бельгией и долиной р. По для каждой из сторон есть необходимое условие, которое одно может гарантировать ей полную безопасность ее флангов и тыла, а следовательно, и успех при нападении на врага. Нужда в такой гарантии исчезла бы только в случае безусловного нейтралитета со стороны Бельгии и Италии, но такого случая до сих пор никогда не представлялось...

Одновременно с тем, как в долине По, со дня битвы при Павии решалась судьба Франции и Германии, там же прямо и непосредственно решалась судьба Италии. В результате появления больших постоянных армий нового времени, роста французского и германского могущества и собственного политического разложения сама Италия, то-есть часть ее, лежащая к югу от Рубикона, потеряла всякое значение, как военная сила: завладеть старой цизальпинской Галлией значило получить в свои руки господство также и над узкой и длинной полуостровной частью. Самое плотное население скоплялось в бассейнах По и Эча, на генуэзских, романьольских и венецианских берегах; здесь же были сосредоточены самое цветущее земледелие, самая оживленная и деятельная торговля и промышленность Италии. Общественное развитие на полуострове—в Неаполе и в Церковной области—почти не двигалось вперед; как с военной силой с ними тоже уже несколько столетий перестали считаться. Тот, в чьих руках была бы долина р. По, мог отрезать сообщение между полуостровом и остальной сушей и при удобном случае без особого труда со-

всем покорить его себе. Так и делали дважды французы в эпоху революционных войн и дважды австрийцы в XIX веке. Поэтому военное значение имеют только бассейн реки По и река Эч.

Ограниченный с трех сторон непрерывной цепью Альп и Аппенин, а с четвертой—Адриатическим морем, этот бассейн представляет очень своеобразный по своей природе уголок земли; река По пересекает его с запада на восток. Южная аппенинская граница не представляет для нас в данный момент никакого интереса и еще меньший—северная, то-есть Альпы. Их снеговой хребет доступен для перехода лишь в некоторых местах, там, где его прорезывают шоссейные дороги. Даже число проезжих дорог и тропинок, удобных для пешеходов и вьючных животных, там ограниченное; длинные ущелья тянутся к горным проходам.

Немецкая граница охватывает Северную Италию от устья Изонцо до Штильфского хребта; оттуда до Женевы идет граница со Швейцарией; от Женевы до устья р. Вар—с Францией. От Адриатического моря до Штильфского хребта каждый следующий горный проход, считая на запад, все глубже проникает в бассейн р. По, обходя таким образом все лежащие далее к востоку позиции французской или итальянской армии. Первый же проход, ведущий от Карфрейта (Капоретто) на Эвидале, дает возможность охвата пограничной линии Изонцо. Понтафельский проход огибает позицию на Тальяменто, которой во фланг заходят еще две дороги—из Каринтии и Кадоре. Бреннерский проход позволяет зайти в тыл линии Пиаве через Пентельстский проход, от Бруннекена на Кортина д'Ампеццо и Беллуно; линии Бренты—через Валь-Сугана на Бассано; линии Эча—через его же долину; Чиезе—через Джудикарию; Ольо—по горным дорогам через Тонале и, наконец, всей местности, лежащей к востоку от Адды, по Штильфскому перевалу и через Вельтлин.

Надо сказать, что при столь благоприятных стратегических условиях реальное обладание равниной до самой р. По для нас, немцев, в большой мере теряет свое значение. Где может расположиться, при равных силах, неприятельская армия к востоку от р. Адды или к северу от По? Все ее позиции могут быть обойдены; если ей даже удастся перейти По или

Адду вброд, то ее фланг окажется под угрозой; если она отойдет к югу от По, то может потерять связь с Миланом и Пьемонтом; если же за Тичино, то рискует быть отрезанной от всего полуострова. Если у нее хватит дерзости наступать в венском направлении, то она в любой день может быть отрезана и вынуждена дать сражение, имея в тылу неприятельскую страну, а фронтом будучи обращена к Италии. В том случае, если она потерпит поражение, она очутится в положении австрийской армии при Маренго, если же она разобьет немцев, то им надо быть слишком большими глупцами, чтобы не суметь отступить к Тиролю.

Дорога, проложенная через Штильфский хребет, доказывает, что урок поражения при Маренго не пропал для австрийцев даром. Наполеон проложил Симплонскую дорогу, чтобы иметь защищенный доступ к сердцу Италии; австрийцы дополнили свою систему вооруженной обороны в Ломбардии прокладкой дороги от Штильфа до Бормио. Нам скажут, что этот перевал чересчур высок для того, чтобы им можно было пользоваться зимой; весь этот путь слишком тяжел, так как на протяжении, по меньшей мере, пятидесяти немецких миль (от Фюссена в Баварии до Лекко на озере Комо) он идет среди высоких и мрачных гор, и в этой своей части трижды прерывается горными перевалами; что, наконец, его легко загородить в узком ущелье у озера Комо и в самых горах. Посмотрим, так ли все это.

Из всех проезжих перевалов в Альпийской горной цепи Штильфский, правда, самый высокий (8.600 футов) и зимой сильно заносится снегом. Но если мы вспомним зимнюю кампанию Макдональда (1799—1800) на Шплюгене и Тонале, то увидим, что подобным препятствиям не следует придавать такого уж большого значения. Все альпийские перевалы зимой заносятся снегом,—и все же через них проходят. С появлением в настоящее время удобной, заряжаемой с казны нарезной пушки Армстронга не заставит себя долго ждать усовершенствование всех видов артиллерии вообще; в частности, будут введены более подвижные полевые орудия, а следовательно, увеличится легкость передвижения армии. Более серьезное затруднение представляет долгий марш в горах и необходимость несколько раз переваливать через хребет. Штильф-

ский хребет идет не по водоразделу между северно- и южно альпийскими реками, а через две адриатические реки — Эч и Адду, и поэтому, чтобы попасть из долины Инна в долину Эча, надо раньше перейти через главную цепь Альп по перевалу Бреннер или Фюнстермюнц. А так как Инн в Тироле протекает на довольно большом протяжении между двух горных цепей, в направлении с запада на восток, то армии, идущей от Боденского озера и из Баварии, приходится перевалить еще и через более северную из этих цепей, так что в общем на одном этом переходе мы имеем два или три горных перевала. Однако, как ни велико это препятствие, оно все же не исключает возможности провести армию таким путем в Италию. Железная дорога в долине Инна, отчасти уже законченная, и проектируемая дорога в долине Эча вскоре сведут указанное неудобство к минимуму. Дорога Наполеона через Бернар (от Лозанны до Иврии) проходила в горах, правда, только на расстоянии 30 миль; но дорога от Удине до Вены, по которой вел наступление Наполеон в 1797 году, и на которой Евгений и Макдональд в 1809 году соединились с ним, тянется среди гор на расстоянии 60 миль и тоже идет через три альпийских перевала. Путь от Пон-де-Бовуазен до Иврии, через Малый Бернар, является наиболее удобной обходной дорогой, так как, минуя Швейцарию, ведет из Франции прямо вглубь Италии; но и он на протяжении свыше 40 миль пролегает в горах. То же самое и симплонская дорога — от Лозанны до Сесто-Календе. Если же говорить о том, что путь может быть прегражден неприятелем на самом перевале или у озера Комо, то со времени альпийских походов Франции вера в действительность таких заграждений успела уже поостыть. Господствующие над проходом высоты и возможность обхода делают их в значительной степени бесполезными; многие такие заграждения французы брали штурмом, и укрепленные горные проходы никогда не служили серьезным препятствием для их наступления. Те укрепления, которые могут встретиться с итальянской стороны, можно обойти через Чеведале, Монте-Корно и Монте-Гавио, Тонале и Апридже. Из Вельтлина отходит много боковых дорог, ведущих к Бергамаско, и преграду, расположенную в длинном ущелье у озера Комо, можно обойти частью по этим дорогам, частью же из Дервио или из Бел-

лано через Валь-Сасина. В горной войне, все равно, необходимо вести наступление не одной, а несколькими колоннами, и если хоть одной удается пробиться на ту сторону хребта, то успех обычно бывает обеспечен.

На примере альпийских походов 1796—1801 гг. лучше всего можно убедиться в том, что даже самые неудобные горные проходы вполне можно преодолеть, если послать туда хорошее войско, с энергичными генералами во главе; что и незначительные боковые проходы, даже непроезжие, могут быть прекрасно использованы в качестве операционных линий, и в особенности для обходов. В те времена еще ни в одном альпийском проходе не было проложено шоссе, и, тем не менее, армии переходили через горы во всех направлениях. В 1799 г. Луазон уже в начале марта перешел по горным тропинкам с одной французской бригадой через водораздел между Рейсом и Рейном; в то же время Лекурб пошел через Бернарден и Виа-Маля, оттуда перевалил через Альбула-Юлийский перевал (7.100 фут. выс.) и уже 24 марта взял в обход Мартинсбрукское ущелье, послав, между тем, Дессоле через Мюнстерталь, Пиццок и Вормский перевал (по пешим дорогам—7.850 фут. выс.) в долину верхнего Эча, а оттуда—на Решен-Шейдек. В начале мая Лекурб возвратился снова через Альбула.

В сентябре того же года Суворов совершил свой поход, во время которого, по образному выражению старого русского солдата, русский штык пронзил Альпы. Большую часть своей артиллерии он послал через Шплюген, одной обходной колонной проник через Валь-Благна и Лукманьер (горная тропа—5948 фут.), а оттуда через Сиксмадун (около 6.500 фут.) в долину Верхнего Рейса; сам же по почти непроезжей в то время дороге перевалил через Сен-Готард (6.594 фута). Укрепление у Чортова моста он взял штурмом (24—26 сентября); но когда он, достигнув Альторфа, увидел перед собой озеро, а с остальных трех сторон—французские войска, ему ничего не оставалось, как, поднявшись по Шехенской долине, перейти через Кинцигкульм в долину Муотты. Прийдя туда налегке (всю артиллерию и багаж Суворов оставил в долине Рейса), он снова очутился лицом к лицу с превосходными силами французов, в то время как по пятам за ним следовал Лекурб. Тогда Суворов перевалил через Прагель в Кленталь, чтобы

таким путем проникнуть в Рейнскую низменность. В Нефельском ущелье он наткнулся на непреодолимое сопротивление и вынужден был по горным тропам пройти через Паникское ущелье (8.000 фут. выс.), чтобы прорваться в долину Верхнего Рейна и восстановить связь со Шплюгеном. Переход начался 6-го октября, а 10-го главная квартира была уже в Иланце. Это был наиболее выдающийся из всех современных ему переходов через Альпы.

На переходе Наполеона через Большой Бернар мы не станем останавливаться,—по сравнению с другими подобными операциями того времени он не заслуживает особого внимания. Время года было благоприятное; единственным достойным упоминания фактом можно считать искусный обход укрепленной позиции у форта Барда.

Зато должны быть особо отмеченными военные операции Макдональда зимой 1800—1801 гг. Получив назначение обойти правое крыло австрийцев у Минчио и Эча с 15.000-м отрядом, составлявшим левое крыло французской армии в Италии, он совершил переход через Шплюген (6.510 фут.) среди глубокой зимы, в полном снаряжении. Среди величайших трудностей, часто борясь с обвалами и снежными бурями, он с 1-го до 7-го декабря вел свою армию по проходу, направляясь вверх по р. Адде через Вельтлин к Априга. Но австрийцев не остановила горная зима. Они заняли Альбулу, Юлиер и Браулио (Вормский перевал), при чем в последнем пункте даже атаковали французов и взяли в плен отряд спешенных гусар. Перейдя по Апригскому проходу из долины Адды в долину Ольо, Макдональд поднялся горными тропами на очень высокий Тональский перевал и 22-го декабря напал на австрийцев, которые перегородили ущелье на перевале ледяными глыбами. Будучи отброшен назад и в этот день, и при вторичной атаке (31-го декабря,—следовательно, после девятидневного пребывания в горах!), он спустился по Валь-Камоника, до озера д'Изео, кавалерию и артиллерию послал через равнину, а сам с пехотой перевалил через три горных хребта, ведущих в Валь-Тромпио, Валь-Саббиа и, наконец, Джудикарию; 6-го января он уже был в Норо. В то же время Барагэ д'Илье прошел из долины Инна через Решен-Шейдек (Фюнстермюнцский проход) в долину Верхнего Эча. Если подобные

маневры были возможны уже шестьдесят лет тому назад, то есть ли что-нибудь невозможное для нас теперь, когда в большинстве горных проходов проложены отличные шоссейные дороги?

Уже из этого краткого очерка мы видим, что из всех укрепленных позиций в горных проходах некоторое сопротивление могли оказать лишь те, которые не были обойдены по неуменью руководителя армии или за недостатком времени. Тонале, например, невозможно было защищать с того момента, как Барагэ д'Илье показался в долине Верхнего Эча. История остальных кампаний показывает, что укрепленные позиции удавалось взять или в обход, или нередко даже штурмом. Люцьенский перевал брался штурмом дважды или трижды, точно так же, как Мальборге в Понтафельском ущелье (1797 — 1809). Тирольские укрепленные позиции не помешали ни наступлению Жубера в 1797 году, ни Нею в 1805 г. Известно утверждение Наполеона, что можно обойти неприятеля по дороге, по которой пробираются только козы. И с тех пор, как в войне стал применяться метод обходных операций, нет такого заграждения, которого нельзя было бы обойти.

В таком случае, совершенно непонятно, каким образом может неприятельская армия, расположенная в Ломбардии, к востоку от р. Адды, при равных силах, защищаться в открытом поле от немецкой армии, ведущей наступление через Альпы. Для нее остается одна возможность: окопаться посреди построенных ею укреплений, или, если их еще нет, построить такие укрепления и маневрировать среди них. Эту возможность мы разберем ниже.

Какими же проходами теперь может проникнуть в Италию Франция? Между тем, как Северная Италия на протяжении целой половины своей границы охватывается Германией, итальянско-французская граница идет по довольно прямой линии с севера на юг, не делая никаких обходов. Только захватив Савойю и часть генуэзского побережья, можно предпринять обходную операцию через Малый Бернар; да и то действие этого обхода распространяется лишь до Сезии и Бормиды, то-есть, он не дает возможности проникнуть даже в Ломбардию и герцогства, не говоря уже о самом полуострове. Только десант в Генуе, представляющий, впрочем, значитель-

ные затруднения для большой армии, мог бы повести к обходу всего Пьемонта; десант, высаженный дальше к востоку, напр., в Специи, не мог бы уже базироваться на Пьемонт и Францию, а лишь на полуостров и поэтому сам подвергался бы опасности обхода.

До сих пор мы исходили из того, что Швейцария сохраняет нейтралитет. В том случае, если бы и она была втянута в войну, Франция получила бы в свое распоряжение еще один горный проход—Симплонский (ни Большой Бернар, ведущий на Аосту, ни Малый не представляли бы каких-либо новых удобств, кроме разве некоторого сокращения пути). Симплон ведет к Тичино и обеспечивает поэтому французам доступ в Пьемонт. Немцы таким же образом получили бы в свое распоряжение Шплюген, сходящийся у озера Комо со Штильфской дорогой, и Бернарден, ведущий к Тичино. Готард мог бы, смотря по обстоятельствам, служить обеим сторонам, но не представил бы особых новых выгод в смысле флангового обхода ни для одной из них. Итак, мы видим, что действие французского обхода через Альпы, с одной стороны, и немецкого — с другой, направленного к нынешней ломбардско-пьемонтской границе, распространяется до Тичино. Но если немцы станут у Тичино или даже только у Пиаченцы и Кремоны, то они преградят французам путь к итальянскому полуострову. Иными словами, если Франция получит господство над Пьемонтом, то немцы—над всей остальной Италией.

У немцев будет еще одно тактическое преимущество: по всей германской пограничной линии, у всех проходов, исключая Штильфского хребта, водораздел проходит по германской территории. Фелло в Понтафельском ущелье берет начало в Каринтии; Бойле (в Пентельстском проходе) — в Тироле. Указанное преимущество в этой последней провинции является решающим. Долина Верхней Бренты (Валь-Сугана), долина Верхней Чиезы (Джудикария) и большая половина течения Эча находятся в Тироле. Если даже в отдельных случаях без тщательного изучения местности невозможно бывает решить, представляет ли какое-нибудь тактическое преимущество обладание водоразделом в области горных проходов, или нет, то, во всяком случае, можно с уверенностью сказать, что шансы на занятие господствующей позиции или на обход, на стороне

того, кто захватил гребень и часть горного склона на неприятельской стороне. В дальнейшем это последнее дает возможность еще до начала военных действий сделать самые неудобные места боковых проходов пригодными для прохождения всех родов оружия, что в Тироле может сыграть решающую роль при постановке военной связи. А если принять во внимание, что территория, занятая нами на неприятельской стороне, увеличивается еще союзной немецкой областью в Южном Тироле; что оба главных прохода—Бреннер и Фюнстермюнц—отстоят далеко от неприятельской границы; что к тому же главные боковые проходы—Валь-Сугана и второй через Джудикарию—целиком находятся на немецкой территории,—то этим самым тактические условия вторжения в Верхнюю Италию облегчаются в такой огромной степени, что в случае войны надо только уметь использовать перечисленные выше преимущества положения, чтобы обеспечить себе полный успех.

Итак, для немецких войск, оперирующих против Италии, наиболее прямой путь лежит через Тироль в случае нейтралитета Швейцарии и через Граубюнден и Тироль (долины Инна и Рейна) в том случае, если Швейцария выходит из нейтралитета. По этой линии наступали на Италию Гогенштауфены: ни на каком ином пути Германия, действующая в военном отношении, как единое государство, не могла бы наносить Италии таких сильных и решительных ударов. Однако, для этой линии операционной базой служит не внутренняя Австрия, а Верхняя Швабия и Бавария—от Боденского озера до Зальцбурга. Так было в течение всего средневековья. Лишь после того, как Австрия консолидировалась на Среднем Дунае, Вена стала центром монархии, Германская империя распалась, и в Италии стала вести войны одна Австрия,—лишь тогда старая, сокращенная и прямая линия (Инсбрук—Верона и Линдау—Милан) была заброшена, уступив место длинной, изогнутой и неудобной линии (Вена—Клагенфурт и Тревизо—Виченца), на которую германская армия раньше выходила только в исключительных случаях рискованного отступления, но наступления по ней никогда не вела.

До тех пор, пока Германия существовала как реальная военная сила и, в соответствии с этим, в своих нападениях на Италию базировалась на Верхней Швабии и на Баварии,—до тех

пор у нее могли быть политические мотивы, толкавшие ее на овладение Италией, но ни в коем случае не чисто-военные. В долгой борьбе за Италию Ломбардия переходила то в германское, то в испанское, то в австрийское владение, а то и вовсе получала независимость; но не надо забывать, что Ломбардия была отделена от Венеции, а Венеция оставалась независимой. И хотя в состав Ломбардии входила Мантуя, но зато ей нехватило линии Минчио и области между Минчио и Изонцо, без которых, как нас теперь хотят уверить, Германия не может спокойно спать. Лишь с 1814 года Германия (в лице Австрии) нераздельно владеет линией Минчио. Но если в XVII и XVIII столетиях Германия играла не слишком блестящую политическую роль, то меньше всего в этом был повинен тот факт, что у нее тогда еще не было линии Минчио.

Как бы там ни было, с тех пор, как французская революция и Наполен создали более подвижные армии, которые исходили Европу во всех направлениях, стратегическое округление государств и обеспечение их обороноспособными границами стало все больше выдвигаться на первый план. В Семилетнюю войну поле военных операций армии ограничивалось какой-нибудь провинцией, и маневры по целым месяцам вращались вокруг отдельных крепостей, позиций или операционных баз. В наше же время в любой войне учитывается конфигурация целых стран, и отдельная тактическая позиция уже не может играть такой важной роли, как это бывало прежде; эту роль в состоянии играть только большие группы укреплений, длинные речные линии или высокие, резко выраженные горные цепи. И в этом смысле такие линии, как линия Минчио или как Эч, имеют теперь, во всяком случае, несравненно большее значение, чем в прежнее время.

Присмотримся же к этим линиям поближе.

Все реки, текущие к востоку от Симплона, с Альп на верхнеитальянскую равнину и впадающие в По или прямо в Адриатическое море, образуют сами или вместе с р. По дугу, изогнутую к западу. Благодаря этому, они представляют больше удобств для обороны армии, стоящей на востоке, чем для расположенной на западе. Взгляните на Тичино, Адду, Ольо, Чиезе, Минчио, Бренту, Пиаве, Тальяменто; каждая из них, сама по себе или вместе с прилегающей частью р. По, обра-

зует дугу окружности, центр которой лежит к востоку. Это дает возможность армии, стоящей на левом (восточном) берегу, занять центральное положение, из которого она может в сравнительно короткий срок достичь любого пункта по течению реки, если поведет на него серьезное наступление. Она удерживает за собой, употребляя выражение генерала Жомини, „внутреннюю линию“ и марширует по радиусу или хорде, в то время как неприятель вынужден маневрировать по более длинной периферии. Напротив, состояние обороны для армии, стоящей на правом берегу, крайне невыгодно: неприятель, пользуясь условиями местности, может предпринимать ложные атаки, и те самые укороченные линии от отдельных пунктов до периферии, которые составляли его преимущество при обороне, дают ему решительный перевес в случае наступления. Таким образом, ломбардско-венецианские речные линии удобны для германской армии и в случае обороны, и в случае нападения,— для итальянской же или итальянско-французской крайне невыгодны. А если к этому прибавить уже указанное обстоятельство, что все эти линии можно обойти по тирольским горным проходам, то поистине не остается никаких оснований отчаиваться в безопасности Германии, если даже на итальянской территории не останется ни одного австрийского солдата: ведь, стоит нам захотеть,—и Ломбардия наша.

Впрочем, ломбардские речные линии, по большей части, не имеют особого значения и мало пригодны для серьезной обороны. Если не считать самого По, о котором у нас будет итти речь ниже, то во всем бассейне мы находим только две позиции, действительно имеющих значение для Франции или Германии; соответствующие генеральные штабы правильно оценили силу этих позиций и укрепили их, так что в предстоящей войне они, несомненно, будут играть решающую роль. В Пьемонте, в одной миле вниз от Казале, По поворачивает с востока на юг, течет на протяжении трех миль к юго-юго-востоку и затем снова сворачивает к востоку. В северный изгиб впадает с севера Сезия, в южный с юго-запада Бормида. С этой последней непосредственно перед ее впадением, у самой Алессандрии, сливаются Танаро, Орба и Бельбо, образуя все вместе систему лучеобразно текущих к одному центральному пункту рек, важнейшая точка пересечения которых прикры-

вается укрепленным лагерем в Алессандрии. Из Алессандрии армия может переходить на берег любой из малых рек, может защищать пролегающую перед фронтом линию По, может у укрепленного таким же образом Казале форсировать По или оперировать на правом берегу По вдоль по течению. Эта позиция, если ее как следует укрепить,—единственная, которая может служить прикрытием для Пьемонта или базой для наступательных операций против Ломбардии и герцогств. Ее недостатком, однако, является то, что она неглубока; это очень неблагоприятное обстоятельство, так как ее можно и обойти, и прорваться через нее с фронта. Энергичное и умелое наступление очень скоро привело бы неприятеля к незаконченным еще укреплениям алессандрийского лагеря, а для суждения о том, насколько выгодные условия обороны представляет упомянутый лагерь своим защитникам, у нас нет никаких оснований, так как нам неизвестны ни расположение уже построенных там новейших укреплений, ни то, в какой мере они закончены. Еще Наполеон оценил всю важность этой позиции для защиты Пьемонта от нападения с востока и велел поэтому сызнова укрепить Алессандрию. В 1814 году она не имела оборонительной силы; скоро нам, быть-может, представится случай видеть, как велика эта оборонительная сила в настоящее время.

Вторая позиция—на Минчио и Эче—имеет для венецианской области то же, а в смысле защиты от нападений с запада еще большее значение, чем Алессандрия для Пьемонта. По выходе из озера Гарда, Минчио на протяжении четырех миль до Мантуи течет в южном направлении, у Мантуи принимает озероподобное, окруженное болотами расширение и течет затем на юго-восток, по направлению к р. По. Часть реки между мантуанскими болотами и устьем чересчур коротка для переправы целой армии, к тому же неприятель, выйдя из Мантуи, может напасть на эту армию с тыла и заставить принять сражение в невыгодных для нее условиях. Обход, предпринятый с южной стороны, должен был бы итти через По у Ровере или Фаррары. На севере озеро Гарда на далеком расстоянии предохраняет позицию на Минчио от обхода, так что та часть течения Минчио, которую, действительно, надо оборонять—от Пескьеры до Мантуи—равняется всего четырем милям и на

обоих флангах опирается на крепости, обеспечивающие выход на правый берег. Сам по себе Минчио не представляет серьезного препятствия, и берега его попеременно повышаются,— то правый выше левого, то наоборот. Поэтому эта линия до 1848 года была некоторым образом в опале, и если бы не особое обстоятельство, значительно усиливающее ее, то навряд ли она приобрела бы большую известность. А особое обстоятельство это заключается в том, что в четырех милях отсюда протекает другая река Верхней Италии, Эч, изгибаясь почти параллельно Минчио и нижнему течению По и образуя вторую, более мощную позицию, которая усиливается еще крепостями Вероной и Леньяго, расположенными на Эче. Обе речные линии со своими четырьмя крепостями образуют вместе такую солидную оборонительную позицию для германской или австрийской армии, подвергшейся нападению с французской или итальянской стороны, что подобной ей нет в Европе; и если армия после сдачи гарнизонов еще не утратила боеспособности, то в этой позиции она может спокойно противостоять натиску врага, вдвое превосходящего ее численностью. Какую роль может сыграть такая позиция,—показал уже Радецкий в 1848 году. После мартовской революции в Милане, за которой последовала измена итальянских полков и переход пьемонтцев через Тичино, он с остатком своих войск, количеством около 45.000 человек, отошел к Вероне. За вычетом 15.000 человек, составлявших сильные гарнизоны, в его распоряжении осталось тысяч тридцать с лишним. Против него, между Минчио и Эчем, было выставлено около 60.000 солдат, набранных из Пьемонта, Тосканы, Модены и Пармы. В тылу у него появилась армия Дурандо и около 45.000 папских и неаполитанских солдат-профессионалов и добровольцев. Связь он мог теперь поддерживать только через Тироль, да и эта связь частично находилась под угрозой со стороны ломбардских волонтеров, стоявших в горах. И, несмотря на все, Радецкий устоял. Наблюдение за Пескьерой и Мантуей потребовало у пьемонтцев столько людей, что 6-го мая, во время наступления на позицию у Вероны (сражение при Санта-Лючия) они смогли выставить лишь четыре дивизии, то-есть 40.000—45.000 человек, у Радецкого же было, считая веронский гарнизон, 36.000 человек. Итак, если принять во внимание, какой сильной оборо-

нительной позицией располагали австрийцы, — равновесие на поле сражения снова было восстановлено, и пьемонтцы оказались разбиты. Контр-революция 15-го мая в Неаполе избавила Радецкого от присутствия 15.000 неаполитанцев и сократила венецианскую сухопутную армию приблизительно до 30.000 человек, из которых к тому же выставить в открытое поле можно было только 5.000 папских швейцарцев и приблизительно столько же папских итальянских линейных войск; остальную часть составляли добровольцы. Почти двадцатитысячная австрийская резервная армия, сформировавшаяся в апреле на Изонцо, без труда пробилась сквозь эти войска и 25 мая соединилась с Радецким у Вероны. Теперь старый фельдмаршал мог, наконец, оставить пассивную оборону. Чтобы освободить Пескьеру, осажденную пьемонтцами, и расширить свое собственное поле действий, он со всей своей армией предпринял знаменитый фланговый марш на Мантую (27-го мая), вышел оттуда 29-го на правый берег Минчио, атаковал неприятельскую линию у Куртатоне и 30-го повел наступление на Гойто, в тыл и фланг итальянской армии. Но в тот же день Пескьера пала; погода была неблагоприятная, а для решительного боя Радецкий чувствовал себя еще недостаточно сильным. Поэтому 4-го июня он вернулся через Мантую на Эч, послал резервный корпус к Вероне, а сам с остальным войском направился через Леньяго к Виченце, которую Дурандо обнес укреплениями и занял семнадцатитысячным отрядом. 10-го Радецкий тридцатитысячным отрядом атаковал Виченцу, и 11-го Дурандо, несмотря на храброе сопротивление, вынужден был сдаться. Второй армейский корпус (д'Аспре) взял тем временем Падую, долину Верхней Бренты и вообще всю сухопутную часть Венеции, а затем, вслед за первым, направился к Вероне. Вторая резервная армия под командованием Вельдена повела наступление со стороны Изонцо. Между тем пьемонтцы—вплоть до момента, решившего судьбу похода,—с каким-то суеверным упрямством концентрировали все свое внимание на Риволийском плато, на которое они со времени побед Наполеона смотрели, очевидно, как на ключ ко всей Италии. На самом же деле в 1848 году оно уже не имело никакого значения с тех пор, как австрийцам снова удалось обеспечить себе связь с Тиролем через Валь-Арса, а также непосредственную связь с Веной через

Изонцо. Но в то же время надо было предпринять что-нибудь против Мантуи,—и вот ее блокируют с правого берега Минчио. Единственный смысл этой операции состоял в том, что она засвидетельствовала полнейшую растерянность в лагере пьемонтцев, армия же была растянута на протяжении целых восьми миль, от Риволи до Боргофорте, и вдобавок разделена рекой Минчио на две части, бессильные прийти на помощь друг-другу.

После попытки пьемонтцев блокировать Мантую также с левого берега Минчио Радецкий, войска которого тем временем увеличились двенадцатью тысячами солдат Вельдена, решил прорвать ослабленный центр пьемонтцев, чтобы затем, пока их войска будут собираться, бить их поодиночке. 22-го июля он отдал приказ наступать на Риволи, который был очищен пьемонтцами 23-го; того же 23-го числа он сам с сорокатысячным войском атаковал обороняемую всего лишь четырнадцатью тысячами пьемонтцев позицию на р. Соне и Сомма-Кампанья и взял ее, разорвав таким образом всю неприятельскую линию. Левый фланг пьемонтцев 24-го был окончательно отброшен за Минчио, а концентрировавшийся, между тем, правый, который повел-было наступление на австрийцев, был разбит 25-го у Кустоццы. 26-го вся австрийская армия переправилась через Минчио и еще раз нанесла пьемонтцам поражение у Вольты. На этом кампания закончилась; пьемонтцы отступили обратно за Тичино, почти не оказывая сопротивления.

Это краткое описание похода 1848 года лучше всяких теоретических рассуждений показывает, насколько сильна позиция на Эче и Минчио. Попавши в четыреугольник между четырьмя крепостями, пьемонтцы вынуждены были выделить для оперирования там столько войск, что сами сильно ослабили этим свою оборонительную силу, как доказало сражение при Санта-Лючия. Между тем, Радецкий по прибытии первых же подкреплений сразу получил возможность свободного передвижения между крепостей и, базируясь то на Мантуе, то на Вероне, держал под угрозой тыл неприятеля с правого берега Минчио; с тех пор он не выпускал инициативы из своих рук и через каких-нибудь несколько дней уже взял Виченцу. Правда, пьемонцы делали ошибку за ошибкой; но дело в том, что, очутившись перед сильной позицией, неприятель обычно приходит в замешательство и почти непроизвольно совершает ошибки.

Для наблюдения, а тем более для осады отдельных крепостей ему приходится разделяться, ослабляя находящиеся в его распоряжении наступательные силы. Реки еще усиливают дробление армии и в большей или меньшей степени лишают различные корпуса возможности оказывать друг-другу помощь в случае нужды. Какие силы нужны для осады Мантуи, когда из фортов Вероны в любой момент может выступить армия, предназначенная для сражения в открытом поле!

Только Мантуя могла сдержать в 1797 году натиск победоносной армии генерала Бонапарта. Всего лишь две крепости импонировали ему подобным образом: Мантуя да еще — десять лет спустя—Данциг. В течение всей второй половины кампании 1797 года — Кастильоне, Медола, Каллиано, Бассано, Арколе, Риволи—все вертится вокруг Мантуи, и лишь после того, как пала эта крепость, победитель отваживается продвинуться в направлении на восток и через Изонцо. В то время Верона еще не была укреплена; в 1848 г. была закончена только стена вокруг Вероны на правом берегу Эча. Сражение при Санта-Лючии происходило на том самом месте, на котором непосредственно затем были построены австрийские редуты, впоследствии положившие начало долговременным фортам; лишь тогда обнесенный траншеями веронский лагерь стал ядром всей позиции, которая, благодаря этому, значительно выиграла в силе.

Как видит читатель, мы и не думаем преуменьшать значения линии Минчио. Однако, не надо забывать, что она приобрела свое значение лишь с того времени, как Австрия стала на свой собственный риск вести войны в Италии, и, вместо линии Боцен—Инсбрук—Мюнхен, установилась операционная линия через Тревизо—Клагенфурт—Вену. А для современной Австрии обладание линией Минчио, действительно, представляет вопрос жизни. Австрия, как самостоятельное государство, как великая европейская держава, желающая действовать независимо от Германии, должна иметь в своих руках Минчио и нижнее течение По или же отказаться от обороны Тироля. В противном случае, Тироль подвергся бы двустороннему охвату и мог бы сообщаться с остальной монархией исключительно через Тоблахский проход (дорога Зальцбург—Инсбрук проходит через Баварию). Правда, в настоящее время среди старых военных

специалистов существует взгляд, будто бы Тироль отличается большой обороноспособностью и господствует над бассейнами Дуная и По. Но этот взгляд, безусловно, основан на фантазии и не оправдывается опытом, так как война с инсургентами (1809 г.) не может служить примером для операции регулярной армии.

Первым, кто выдвинул указанный взгляд, был Бюлов, который высказал его, между прочим, в своей истории походов на Гогенлинден и Маренго. Экземпляр французского перевода этой книги, принадлежавший английскому саперному офицеру Эммету, командированному в наполеоновскую эпоху на остров св. Елены, попался пленному полководцу в 1819 году. Он испещрил его поля примечаниями, и в 1831 году Эммет отдал перепечатать книгу с пометками Наполеона.

Книга, очевидно, произвела на Наполеона благоприятное впечатление. По поводу предложения Бюлова превратить всю пехоту в стрелковые части он благосклонно замечает: „Порядок всегда порядок, — стрелки всегда должны опираться на линейные войска“. Затем раза два повторяется: „Хорошо, очень хорошо“. Однако, начиная с двадцатой страницы, Наполеон начинает терять терпение, видя, что бедняга Бюлов совсем уже зарапортовался: исходя из своей теории эксцентрических отступлений и концентрических наступлений, Бюлов все превратности войны объясняет или редкостной неудачей, или редкостным неумением, а самые мастерские шахматные ходы лишает их настоящего смысла, подходя к ним, как какой-нибудь приготовишка. Сначала раза два: „Плохо—это плохо—дурной принцип“, затем: „Это неверно—чепуха—дурной, очень опасный план—не разъединяйтесь; если хотите победить, никогда не следует разделять армию рекой—все это бессмысленная болтовня“ и т. п. Когда же Наполеон видит, что Бюлов на каждом шагу хвалит скверные операции и порицает искусные, приписывает генералам самые нелепые мотивы и подает им самые комичные советы,—наконец, рекомендует изъять из употребления штыки, а взамен вооружить вторую линию пехоты копьями, то он восклицает: „Непонятная болтовня, что за нелепая болтовня—какая чепуха—что за жалкая болтовня—какое незнакомство с войной“.

Бюлов упрекает оперировавшую на Дунае австрийскую

армию Края в том, что она вместо Тироля пошла на Ульм. Тироль, этот неприступный бастион из гор и скал, мог бы господствовать и над Баварией, и над частью Ломбардии, если только ввести туда достаточное количество войск (Наполеон: „Гор не надо атаковать,—ни Тироля, ни Швейцарии,—за ними надо установить наблюдение и обойти их равниной"). Далее Бюлов упрекает Моро в том, что последний дал Краю задержать себя при Ульме, вместо того, чтобы бросить его там, а самому занять Тироль, который оборонялся незначительным отрядом: с завоеванием Тироля австрийская монархия пала бы (Наполеон: „Чушь,—если бы даже в Тироль был свободный доступ, не следовало бы выходить туда").

Закончив чтение книги, Наполеон так характеризовал систему эксцентрических отступлений и концентрических наступлений и обеспечения господства над равнинами занятием горных хребтов. „Если вы хотите узнать, как при помощи слабой армии разбить более сильную, то изучите положения, выставляемые этим писателем; у вас будет тогда понятие о военной науке: то, что он рекомендует, представляет полную противоположность тому, чему следует учиться".

Раза три или четыре Наполеон предостерегает: „Никогда не следует наступать на гористую местность". Этот страх перед горами остался у него, видно, с позднейших времен, когда у него была могущественная армия, привязанная к равнинам по соображениям продовольственного и тактического характера. Испания и Тироль, должно-быть, тоже сыграли свою роль. Впрочем, он не так уж боялся гор, как может показаться. Вся первая половина его похода 1797 года прошла в горах, а в последующие годы Массена и Макдональд с достаточной убедительностью показали, что именно в горной войне можно сделать много с незначительными силами. Но, вообще говоря, силы наших современных армий с наибольшим успехом могут быть использованы на территории смешанного типа, где равнины чередуются с невысокими холмами. Совершенно неверна теория, рекомендующая перебрасывать большие армии в высокие горы не для перехода через них, а для продолжительного пребывания там: это нецелесообразно, если справа и слева лежат открытые долины, как, например, Баварская и Ломбардская, на которых можно дать решительное

сражение. В течение какого времени можно прокормить в Тироле армию в 150.000 человек? Голод скоро выгонит ее на равнину, где противник тем временем получит возможность укрепиться, и там она может оказаться вынужденной принять бой в самых неблагоприятных условиях. И разве найдешь в тесных горных ущельях такую позицию, где бы можно было развернуть все боевые силы армии?

Лишившись Минчио и Эча, Австрия может попрощаться с Тиролем, так как первый же натиск с севера или с юга вырвет его из ее рук. Для Германии тирольские перевалы дают возможность охвата Ломбардии вплоть до самой Бренты. Для сепаратно действующей Австрии получается, что Ломбардия и венецианское побережье охватывают Тироль до Бренты. Австрия в состоянии удерживать Тироль лишь до тех пор, пока он находится под прикрытием Баварии с севера и линии Минчио с юга. С образованием Рейнского союза Австрия даже думать не могла о серьезной обороне хотя бы Тироля с венецианским побережьем, вместе взятых, и потому Наполеон поступил вполне последовательно, отделив обе эти провинции по Прессбургскому миру от Австрии.

Итак, для Австрии обладание линией Минчио с Пескьерой и Мантуей является абсолютно необходимым. То же самое для Германии в целом вовсе не так уж необходимо, хотя и представляет значительные преимущества в военном отношении. Совершенно очевидно, в чем состоят эти преимущества: в наших руках оказывается сильная позиция на Ломбардской низменности,—позиция, которой не приходится предварительно завоевывать; наша оборонительная линия округляется весьма выгодно для нас, а также создаются благоприятные для нас условия наступления.

Ну, а если Германия не получает линии Минчио?

Предположим, что Италия независима, едина и заключила с Францией оборонительный союз против Германии. Из всего сказанного выше явствует, что в таком случае германская операционная линия и линия отступления проходили бы не через Вену — Клагенфурт — Тревизо, а через Мюнхен — Инсбрук—Боцен и Мюнхен — Фюссен — Фюнстермюнц — Глурнс; а выходы на ломбардскую низменность проходили бы между Валь-Сугана и швейцарской границей. Какое же место удоб-

нее всего для решительной атаки? Очевидно, та часть Верхней Италии, которая связывает полуостров с Пьемонтом и Францией, то-есть среднее течение По от Алессандрии до Кремоны. Но немцы имеют полную возможность проникнуть сюда по перевалам между озерами Гарда и Комо и тем же путем отступать обратно, а в худшем же случае — через Штильфский перевал. В этом случае крепости на Минчио и Эче, находящиеся, согласно нашему предположению, в руках итальянцев, оказываются далеко в стороне от главного поля битвы. Ввести в обнесенный траншеями веронский лагерь достаточные для наступления военные силы означало бы со стороны неприятеля бесплодно распылять свои войска. Или, может-быть, рассчитывают, что итальянцы, расположившись густой массой на излюбленном ими плато Риволи, перегородят немцам долину Эча? С тех пор, как проведена дорога через Штильфский перевал, выход из долины Эча потерял большую долю своего значении. Но допустим, что Риволи снова фигурирует в роли ключа ко всей Италии, и что притягательная сила стоящих там итальянских войск так велика, что немцы не могут устоять против соблазна атаковать их,—к чему же тогда еще Верона? Она не замыкает долины Эча,—в противном случае марш итальянцев на Риволи был бы излишним. Чтобы прикрывать отступление в случае неудачи, достаточно Пескьеры, под защитой которой можно переправиться через Минчио, а эта переправа обеспечивает уже дальнейший марш на Мантую или Кремону. Скажем, вся боевая сила итальянцев собрана между четырех крепостей, чтобы поджидать здесь французов, не рискуя в то же время быть спровоцированной на сражение; но в таком случае силы нашего врага с самого начала кампании были бы разделены на две части, что дало бы нам возможность, собравшись с силами, напасть на их комуникационную линию, атаковать французов и, разбив их, предпринять, правда, довольно-таки затяжную операцию вытеснения итальянцев из крепостей. Перед итальянской армией, в случае успешного нападения на нее с севера и с востока, сейчас же предстоит дилемма: что принять за базу—Пьемонт или полуостров? Очевидно, что для обороны такой страны главную роль должна играть та часть ее, расположившись на которой армия сможет эту дилемму

разрешить. В данном случае опорными пунктами могут служить места впадения Тичино и Адды в По. Генерал фон-Виллизен („Итальянский поход 1848 года") высказал пожелание, чтобы эти пункты были укреплены австрийцами. Но, во-первых, необходимая для этого территория не принадлежит австрийцам (возле Кремоны правый берег По принадлежит Парме, а в Пиаченце австрийцы имеют только право держать свой гарнизон). Во-вторых, для того, чтобы играть роль крупной оборонительной позиции, оба указанные пункта слишком вдаются вглубь страны, где австрийцы во время войны всегда рискуют очутиться в кольце восстаний. Затем Виллизен, которому при виде слияния двух рек тотчас же рисуется в воображении большой окруженный траншеями лагерь, совсем упускает из виду, что ни Тичино, ни Адда не являются обороноспособными линиями, то-есть, как ему самому понятно, не могут служить прикрытием для лежащей за ними страны. Но если австрийцы лишь понапрасну тратили бы силы и средства на укрепление этой позиции, то для итальянцев она, безусловно, представляет большие выгоды. Река По является для них главной оборонительной линией; треугольник Пиццигетоне — Кремона—Пиаченца с Алессандрией налево и Мантуей направо благоприятствует активной обороне этой линии, армия же под его прикрытием может выжидать прибытия более отдаленных союзников или, как в данном случае, итти в наступление на решающем участке равнины между Сезией и Эчем.

Генерал фон-Радовиц договорился во франкфуртском национальном собрании даже до того, что для Германии потеря линии Минчио равносильна проигрышу целой кампании. Война в этом случае тотчас же переносится на немецкую территорию; операции начинаются на Изонцо и в итальянском Тироле, и вся Южная Германия, включая Баварию, подвергается охвату, так что решительные бои должны будут происходить внутри самой Германии, а не на верхнем течении Рейна и Изере.

Генерал фон-Радовиц, повидимому, имел довольно верное представление о военных познаниях своей аудитории. Действительно, для Германии потеря линии Минчио означала бы утрату таких размеров территории и таких позиций, какие могли бы достаться Франции и Италии лишь в результате

целого удачного похода. Но в то же время это вовсе не было бы равносильно для Германии проигрышу кампании. Разве сильная, свежая немецкая армия, собравшаяся у подножия Альп с баварской стороны и марширующая через тирольские перевалы, чтобы вторгнуться в Ломбардию, находится в таком же положении, как расстроенное и деморализованное несчастливой кампанией войско, бегущее под напором врага к Бреннеру? И разве у разбитой армии столько же шансов провести артиллерию через Альпы, сколько у свежей армии выиграть наступление, опираясь на такую позицию, которая почти господствует над местом стыка французского и итальянского войск? До того, как мы получили линию Минчио, мы гораздо чаще одерживали победы над Италией, чем после того; кто усомнится в том, что в случае нужды мы сумеем еще раз проделать такой же фокус?

Так же неверно и то, будто в случае потери нами линии Минчио война тотчас же переносится в Баварию и Каринтию. Наша цель—доказать, что без линии Минчио оборона южно-германской границы непременно должны принять наступательный характер. Это вытекает из гористого характера пограничных областей Германии, который не позволяет развертываться там решительным боям; расположение альпийских проходов также благоприятствует этому, так как они выходят на равнину прямо в тех местах, где находятся поля сражения. Здесь нам удобно спускаться вниз, и никакая сила в мире не может помешать нам в этом. Трудно даже придумать лучшее место для начала наступления, в случае заключения франко-итальянского союза. Оно станет еще удобнее, если привести в лучшее состояние альпийские дороги и укрепить узловые пункты тирольских дорог. Эти укрепления должны быть достаточно сильными на случай отступления; если они не смогут совсем задержать неприятеля, то все же принудят его выделить значительные отряды для охраны своих сообщений. Что же касается альпийских дорог, то опыт всех войн, происходивших в Альпах, показывает, что по большинству немощенных широких дорог, а также по многим боковым тропинкам можно пройти без особых затруднений. В таких условиях наступление на Ломбардию может быть обставлено так, чтобы иметь все шансы на успех. Конечно, мы не гарантированы от поражения, и тогда

создастся то положение, о котором говорит Радовиц: Вена оказывается обнаженной, а Баварии угрожает охват со стороны Тироля.

Прежде всего, очевидно, что ни один неприятельский батальон не отважится переправляться через Изонцо до тех пор, пока германская армия не будет окончательно и бесповоротно отброшена из Тироля через Бреннер. С того момента, как Бавария становится германской операционной базой против Италии, итальянско-французское наступление в венском направлении теряет всякий смысл, превращаясь в бесплодное распыление сил. А если бы неприятель все-таки считал Вену таким важным центром, что нашел бы возможным для овладения ею выделить главные силы своей армии, то это только доказывает, что Вена должна быть укреплена. Если бы Вена была укреплена, то наполеоновский поход 1798 года, вторжение в Италию и в Германию в 1805 и в 1809 году окончились бы для французов очень плохо. Чересчур далеко забравшийся полководец всегда рискует разбить об укрепления столицы последние силы своей армии. Но допустим, что неприятель отбросил немецкую армию за Бреннер. Какое же превосходство сил должно быть на его стороне для того, чтобы он мог произвести серьезное наступление вглубь Австрии!

А как насчет охвата всей южной Германии со стороны Италии? В самом деле, если Ломбардия охватывает Германию до Мюнхена, то как же далеко охватывает Германия Италию? Во всяком случае, до Милана и Павии. В этом отношении шансы, значит, одинаковы. Но так как Германии значительно шире Италии, то верхне-рейнской армии, подвергшейся „охвату“ со стороны Италии в мюнхенском направлении, вовсе нет необходимости сразу же отходить назад. Достаточно укрепленного лагеря в Верхней Баварии или временных укреплений в Мюнхене, чтобы укрыть разбитую тирольскую армию и тотчас же задержать наступающего врага; в то же время верхне-рейнской армии остается только выбирать, базироваться ли ей на Ульме и Ингольштадте, или на Майне, то-есть на самый худой конец, лишь переменить операционную базу. В Италии дело обстоит совсем иначе. Достаточно обойти итальянскую армию с запада через тирольские проходы и вытеснить ее из крепостей,—и вся Италия покорена. В войне с Францией и Италией Германия

всегда действует несколькими армиями, по меньшей мере, тремя, и победа или поражение зависит от совокупных действий всех их вместе. Италии же можно оперировать только одной армией; всякое дробление сил было бы большой ошибкой; зато и поражение этой единственной армии влечет за собой покорение всей Италии. Для французской армии, действующей в Италии, связь с Францией является в любых обстоятельствах вопросом первостепенной важности; до тех пор, пока эта линия сообщения не ограничивается Генуей и Коль ди-Тенда, она открывает немцам в Тироле французский фланг, в особенности по мере продвижения французов вглубь Италии. Во всяком случае, возможность проникновения французов и итальянцев в Баварию через Тироль всегда надо иметь в виду с того момента, как Германия снова начинает вести войны в Италии, и операционная база переносится из Австрии в Баварию. Но, располагая фортификационными сооружениями, отвечающими современному лозунгу, гласящему: „Крепости для армий, а не армии для крепостей",—гораздо легче воспрепятствовать этому вторжению в Баварию, чем проникновению немцев в Италию. Не надо поэтому делать пугала из этого, так-называемого „охвата" всей Южной Германии. Неприятелю, который предпринимает обход немецкой верхне-рейнской армии через Италию и Тироль, надо продвинуться до самого Балтийского моря, чтобы воспользоваться плодами своей операции. Однако, наполеоновский марш Иена—Штетин слишком трудно повторить в направлении Мюнхен—Данциг.

Потеря линии Эча и Минчио означает для Германии утрату сильной оборонительной позиции,—против этого мы и не собираемся спорить. Но мы никак не можем согласиться с тем, будто эта позиция необходима для безопасности южно-германской границы. Наши противники, повидимому, держатся того мнения, что немецкую армию ждет поражение везде, куда бы она ни повернулась. Конечно, если исходить из такого предположения, то можно вбить себе в голову, что без Эча, Минчио и По нам не обойтись. Но, ведь, именно в таком случае они нам совершенно ни к чему: нам тогда не помогут ни крепости, ни армии, остается прямо отправляться под кавдинское ярмо. Мы же совсем иного мнения насчет обороноспособности Германии, и потому нас очень радует, что порукой безопасности

нашей южной границы служат те выгоды, какие она представляет для наступления на территории Ломбардии.

К этому присоединяется ряд политических соображений, которых мы также не можем обойти молчанием. Национальное движение в Италии, начиная с 1820 года, выходит из каждого поражения окрепшим и словно помолодевшим. Мало есть стран, в которых, так-называемые естественные границы до такой степени совпадали бы с национальными и вместе с тем были бы настолько резко очерчены, как здесь. И если уж в такой стране, насчитывающей к тому же до двадцати пяти миллионов населения, поднялось высокой волной национальное движение, то оно не уляжется, пока одна из лучших, в политическом и военном отношении важнейших частей государства, охватывающая почти четверть всего народонаселения, находится под чужеземным господством, враждебным ее национальным интересам. С 1820 года Австрия господствует в Италии, только опираясь на насилие, подавляя непрерывные восстания и терроризуя страну при помощи осадного положения. Чтобы утвердить свое владычество в Италии, Австрии вынуждена обходиться со своими политическими врагами,—то-есть со всяким итальянцем, который чувствует себя итальянцем,—хуже, чем с самыми низкими преступниками. С политическими арестованными итальянцами в Австрии допускалось, а кое-где и теперь допускается, обращение, неслыханное в цивилизованных странах. С особым усердием старались австрийцы унизить политических преступников в Италии, избивая их палками,—то, чтобы вынудить у них признание, то под предлогом наказания. Итальянский кинжал, итальянские политические убийства вызвали целый поток нравственного возмущения; но тот факт, что эти убийства были спровоцированы австрийской дубинкой, кажется, позабыт довольно основательно. Те средства, какими Австрии приходится пользоваться для укрепления своего владычества в Италии, служат наилучшим доказательством недолговечности господства Австрии. И Германия, которая, вопреки уверениям Радовица, Виллизена и Гейльброннера, имеет в Италии совсем не те интересы, как Австрия, конечно, должна задать себе вопрос: да так ли велики эти интересы, чтобы перевесить все невыгоды, связанные с войной в Италии?

Верхняя Италия может быть полезной для Германии исклю-

чительно во время войны, в мирное же время она только мешала бы ей. Численность армии, необходимой для того, чтобы держать ее в подчинении, все возрастает, начиная с 1820 г., а с 1848 г. даже в периоды полного военного затишья превышает 70.000 человек, которые все время чувствуют себя, как во вражеской стране, так как в любой момент должны быть готовы к нападению. Стоимость войны 1848—1849 гг. и оккупации Италии, несмотря на военную контрибуцию, взятую с Пьемонта, несмотря на принудительные займы и чрезвычайные налоги, значительно превышает доходы, полученные с Италии за время от 1848 года и до наших дней. И, тем не менее, с 1848 по 1854 г. на обладание Италией смотрели как на нечто временное и тянули из нее, сколько возможно было, прежде чем очистить ее. Только восточная война на пару лет облегчила ненормальное положение Ломбардии; но надолго ли это при теперешней запутанной ситуации, когда снова так явственно слышится биение национального пульса Италии?

Есть еще гораздо более важное соображение: перевешивают ли выгоды от обладания Ломбардией всю ту вражду, всю фанатическую ненависть, какую оккупация вызывает по отношению к нам во всей Италии? Перевешивают ли они ту долю ответственности, какую мы несем как соучастники в мероприятиях, при помощи которых Австрия обеспечивает там свое господство во имя и в интересах Германии, как уверяют нас? Перевешивают ли они постоянное вмешательство во внутренние дела остальной Италии, которое, согласно предыдущей практике и уверениям Австрии, совершенно необходимо для удержания Ломбардии, и которое еще более разжигает ненависть итальянцев к нам, немцам? До сих пор во всех своих рассуждениях мы предполагали самое худшее — союз между Францией и Италией. Пока Ломбардия в наших руках, Италия является безусловным союзником Франции во всех войнах последней с Германией. Но стоит нам отказаться от Ломбардии,— и такое положение прекращается. Неужели же мы заинтересованы в том, чтобы удерживать четыре крепости, взамен имея против себя фанатическую ненависть и союз двадцати пяти миллионов итальянцев с французами?

Своекорыстные рассуждения о политической бездарности итальянцев и о том, что их предназначение—подчиняться или

французам, или немцам, а также всякие отвлеченные соображения по поводу того, возможно или невозможно объединение Италии, кажутся мне немного странными в устах немцев. Давно ли мы сами, „великая немецкая нация“, вдвое превосходящая численностью итальянскую, избавилась от „предназначения“ подчиняться или французам, или русским? И разве сейчас для нас практически решен уже вопрос, быть ли Германии единой, или нет? И разве в данный момент мы не стоим, по всей видимости, на пороге событий, которые лишь поставят ребром вопрос о нашей будущности? Разве мы уже совсем забыли Наполеона в Эрфурте, или обращение Австрии к России на варшавской конференции?

Допустим на один момент, что Италия должна находиться или под германским, или под французским влиянием. В таком случае, помимо национальных симпатий, дело решается еще,— и притом в первую очередь—военно-географическим положением обеих влияющих стран. Допустим, что боевые силы Германии и Франции равны между собой, хотя очевидно, что Германия могла бы быть гораздо сильнее. Однако, мы считаем доказанным, что даже в лучшем случае, а именно, если бы Валлис и Симплон были открыты для французов, все же сфера их непосредственного военного влияния охватывает только Пьемонт, и чтобы распространить его на области более отдаленные, им надо сначала выиграть сражение. Между тем, наше влияние простирается на всю Ломбардию и на полосу, соединяющую Пьемонт с полуостровом, и, чтобы отнять у нас это влияние, надо нас сперва разбить на поле сражения. Но при таких географических предпосылках Германии нечего опасаться конкуренции французов.

Генерал Гейльброннер недавно выразился в „Augsburger Abendzeitung“ приблизительно следующим образом: „Германия вовсе не для того призвана, чтобы служить громоотводом для ударов, сыплющихся на голову династии Бонапартов“. С таким же правом итальянцы могут сказать: „Италия не для того призвана, чтобы служить для немцев буфером против тумаков, которыми угощает их Франция, а в награду получать палочные удары от австрийцев“. Если же Германия заинтересована в том, чтобы создать себе такой буфер, то, во всяком случае, она сделала бы гораздо лучше, если бы поддерживала с Ита-

лией добрососедские отношения, отдавала должное ее национальным правам и не вмешивалась в дела итальянцев до тех пор, пока они не вмешиваются в дела немцев. Утверждение Радовица, будто Австрии стоит лишь вывести войска из Верхней Италии,—и завтра же Франция станет там полным хозяином, было также голословно в свое время, как и тремя месяцами раньше. При настоящем положении дел оно, кажется, начинает оправдываться, но в смысле, противоположном тому, какой вкладывал в него сам Радовиц. Если двадцать пять миллионов итальянцев не в состоянии утвердить свою независимость, то тем более это не по силам двум миллионам датчан, четырем миллионам бельгийцев, трем миллионам голландцев. Однакоже, нам не приходилось слышать, чтобы защитники германского господства в Италии сетовали на господство французов или шведов в указанных странах и требовали замены его германским.

По поводу объединения Италии мы держимся такого мнения: или Италия в силах стать единой,—и тогда у нее есть собственная политика, которая, естественно, не будет ни французской, ни германской, и поэтому не менее опасна для Франции, чем для Германии; или же Италия останется раздробленной, и тогда мы всегда будем иметь в ее лице союзника в случае войны с Францией.

Как бы там ни было, одно не подлежит сомнению: наша Ломбардия, или не наша,—пока мы сильны у себя дома, за нами сохраняется значительное влияние в Италии. Предоставим Италии самой разрешать свои внутренние дела, и ненависть итальянцев к нам исчезнет сама собой, а наше естественное влияние на них, во всяком случае, заметно усилится, а при благоприятных обстоятельствах может даже разрастись до степени настоящей гегемонии. Итак, вместо того, чтобы стремиться к усилению при помощи захвата чужой территории и угнетения чужой национальности, которой только предубежденный человек может отказать в способности к самостоятельному творчеству своего будущего, постараемся лучше стать едиными и сильными в своем собственном доме.

III.

Если мы требуем себе По и Минчио для обороны не столько против итальянцев, сколько против французов, то не следует удивляться, если французы тоже предъявляют, со своей стороны, притязания на речные линии в интересах безопасности от наших нападений.

Центр тяжести всей Франции лежит не на Луаре, у Орлеана, а на севере, на Сене, в Париже. Двукратный опыт показал, что судьба Франции связана с судьбой Парижа. Следовательно, военное значение пограничной линии измеряется тем, в какой мере она защищает подступы к Парижу.

От Парижа до Лиона, Базеля, Страсбурга и Лотербурга по прямой линии почти одинаковое расстояние — около двадцати пяти миль. Всякая армия, наступающая на Францию со стороны Италии, имея своим объектом Париж, должна, однако, предварительно проникнуть в район Лиона, между Роной и Луарой или севернее, если не хочет рисковать своими сообщениями. Следовательно, альпийская граница Франции, к югу от Гренобля, при наступлении на Париж не идет в расчет: с этой стороны Париж вполне прикрыт.

У Лотербурга французская граница уклоняется от Рейна, образует угол направо и поворачивает на северо-запад; от Лотербурга до Дюнкирхена она идет почти по прямой линии. Здесь, таким образом, получается прорыв в дуге, описанной нами радиусом Париж—Лион через Базель и Страсбург до Дюнкирхена. Северная граница Франции образует скорее хорду к этой дуге, а сегмент по ту сторону хорды принадлежит не Франции. Кратчайшее расстояние от Парижа до северной границы, по линии Париж—Монс, вдвое короче радиуса Париж—Лион или Париж—Страсбург.

Эти простые геометрические соотношения дают ключ к пониманию причин, по которым именно на территории Бельгии разыгрываются войны, какие Германия и Франция ведут между собой на севере. Бельгия охватывает всю Восточную Францию от Вердена и верхнего течения Марны до Рейна; это значит, что армия, наступающая со стороны Бельгии, может достичь Парижа прежде, чем французские войска, стоящие по другую сторону Вердена или Шомона, ближе к Рейну, успеют возвратиться обратно. Следовательно, в случае удачи наступающая со стороны Бельгии армия всегда может вклиниться между Парижем и французской армией, расположенной на Мозеле или на Рейне, тем более, что путь от бельгийской границы до пунктов на Марне, играющих решающую роль в обходной операции (Мо, Шато-Тьерри, Эпернэ), еще короче, чем до самого Парижа.

Мало того: по всей линии от Мааса до моря в парижском направлении рельеф местности не представляет ни малейшего препятствия для врага вплоть до самой реки Эн и нижнего течения Уазы, да и те протекают очень неудобно для обороны Парижа. Ни в 1814, ни в 1815 годах они не служили серьезной преградой для наступающего неприятеля. Но допустим, что они могут быть включены в состав оборонительной системы, которую образует Сена со своими притоками, и что в 1814 году это даже было частично сделано; однако, даже соглашаясь с этим, мы признаем тот факт, что настоящая оборона Франции возможна лишь начиная с Суассона и Компьена, и первая оборонительная позиция, прикрывающая Париж с севера, лежит всего в двенадцати милях от него.

Трудно вообразить себе более слабую государственную границу, чем граница Франции со стороны Бельгии. Известно, сколько трудов положил Вобан на то, чтобы восполнить недостаток в естественных оборонительных средствах при помощи искусственных сооружений; известно также, как легко неприятель прорвал в 1814 и 1815 гг. тройное кольцо крепостей, почти не испытав сопротивления. Известно, как в 1815 году один единственный прусский корпус брал крепость за крепостью после неслыханно короткой осады и обстрела. Авен сдался 22-го июня 1815 года после полудневного обстрела из десятка полевых гаубиц; Гиз был обстрелян из десяти полевых

орудий и сдался без единого выстрела; Мобеж капитулировал 13 июля после двух недель легких осадных работ; Ландерсье открыл ворота 21-го июля после 36 часов осадных работ и двухчасового обстрела, при чем осаждающими было выпущено всего 126 бомб и 52 ядра; Мариенбург только для виду потребовал начала осадных работ и одного единственного двадцатичетырехфунтового ядра, после чего он капитулировал 28-го июля; Филиппвиль выдержал два дня осадных работ и обстрел в течение нескольких часов; Рокруа—26 часов осадных работ и два часа бомбардировки. Только Мезьер продержался 18 дней после открытия траншейных работ. Комендантами овладела капитуляционная горячка, немногим уступавшая той, которая охватила Пруссию после сражения при Иене. Некоторые ссылаются на то, что в 1815 г. эти крепости были в запущенном состоянии, слабо снабжены оружием и людьми; но не следует забывать, что за немногими исключениями, они всегда будут в таком виде. Тройное кольцо крепостей, построенное Вобаном, в настоящее время потеряло всякое значение и приносит Франции только убыток. Ни одна из крепостей к западу от Мааса не прикрывает сама по себе какого-либо определенного участка территории, и нигде не найдешь четырех или пяти крепостей, составляющих одну группу, которые могли бы служить прикрытием для армии, оставляя ей в то же время свободу маневрирования. Дело в том, что среди них нет ни одной, которая была бы расположена при большой реке. Лис, Шельда, Самбра получают военное значение только на бельгийской территории. Таким образом, действие этих крепостей, рассеянных в открытом поле, не простирается дальше пушечного выстрела. За исключением пары больших пограничных коммуникационных пунктов, могущих служить базой при наступлении на Бельгию, и нескольких пунктов на Маасе и Мозеле, важных в стратегическом отношении,—все остальные крепости на северной границе Франции служат исключительно для самого бесполезного распыления сил. Всякое правительство, которое снесет их, окажет этим услугу Франции, но как отнеслась бы к этому суеверная французская традиция?

Итак, северная граница Франции представляет величайшие невыгоды для обороны, фактически ее совершенно невозможно оборонять, и вобановский пояс из крепостей, вместо того,

чтобы усиливать ее, является в наши дни только лишним доказательством и памятником ее слабости.

Точно так же, как теоретики среднеевропейского суверенитета в Италии, французы тоже высматривают какую-нибудь речную линию по другую сторону своей северной границы, на которой они могли бы устроить хорошую оборонительную позицию. Куда же могут они обратить свои взоры?

Первым делом, на линию нижней Шельды и Диля, продолженную до впадения Самбры в Маас. Завладев этой линией, Франция получила бы лучшую часть Бельгии. Сюда входят почти все знаменитые бельгийские поля сражений, на которых французы мерялись силами с немцами: Уденард, Жемапп, Флери, Линьи, Ватерлоо. Однако, это еще не оборонительная линия: между Шельдой и Маасом в ней есть большая брешь, в которую легко может проникнуть неприятель.

Вторую линию образует сам Маас. Если бы Франция получила левый берег Мааса, то ее положение все же не было бы таким выгодным, как положение Германии, владеющей в Италии одной только линией Эча. Линия Эча дает почти полное округление, Маас—далеко не полное. Если бы Маас протекал от Намюра к Антверпену, он образовывал бы куда лучшую пограничную линию. На деле же он от Намюра загибает к северо-востоку и лишь после Венлоо течет большой дугой по направлению к Немецкому морю.

Весь район к северу от Намюра, между Маасом и морем, в случае войны, прикрывается исключительно своими крепостями; неприятельская армия, перешедшая через Маас, всегда найдет французское войско на равнине южного Брабанта, а французская армия, наступающая на немецкий левый берег Рейна, тотчас же наталкивается на сильную линию Рейна, имея прямо перед собой укрепленный траншеями кельнский лагерь. Суживающийся угол Мааса между Седаном и Люттихом (Льежем) способствует ослаблению всей линии, хотя он и прикрывается Арденнами. Следовательно, линия Мааса в одном месте слишком хороша, в других дает чересчур мало для того, чтобы быть хорошей оборонительной линией. Но пойдем дальше.

Снова поставим одну ножку циркуля на Париж и опишем радиусом Париж—Лион дугу от Базеля до Немецкого моря. Мы увидим, что течение Рейна от Базеля до устья точно со-

впадает с этой дугой. Все значительные пункты на Рейне удалены от Парижа почти на равное расстояние. В этом собственно и заключается причина тяготения французов к рейнской границе.

Если бы Франция получила Рейн, то Париж по отношению к Германии действительно стал бы центральным пунктом страны. Все радиусы, проведенные из Парижа до любой доступной для нападения границы, будь то Рейн или Юра, по длине равны друг-другу. Куда бы ни двинулся неприятель, он повсюду должен двигаться по кривой, маневрируя по окружным дорогам, между тем как французские армии могут передвигаться по более короткой хорде, опережая, таким образом, врага. Равная длина линий отступления и операционных линий различных армий в весьма значительной степени облегчает им концентрическое отступление, давая возможность двум из этих армий соединиться в определенном пункте для решительного удара по разрозненным силам врага.

С переходом рейнской границы к Франции, оборонительную систему последней, по ее естественным данным, можно было бы отнести, пользуясь терминологией генерала Виллизена, к числу „идеальных“, то-есть не оставляющих желать ничего лучшего. Сильная внутренняя оборонительная система бассейна Сены, образуемая веерообразно текущими в Сену реками Ионной, Об, Марной, Эном и Уазой, – эта речная система, на которой Наполеон в 1814 году преподал союзникам довольно жестокие уроки стратегии, равномерно прикрыта со всех сторон. Неприятель подходит к ней почти в одно время со всех направлений, и реки могут задержать его до тех пор, пока французские армии не будут в состоянии объединенными силами атаковать каждую из его изолированных колонн в отдельности. Между тем, без линии Рейна в самом важном пункте, у Компьена и Суассона, обороняться приходится всего лишь в 12 милях от Парижа. Нигде в Европе быстрая и неожиданная концентрация крупных сил в целях обороны не встретит такой поддержки со стороны железных дорог, как в районе, лежащем между Сеной и Рейном. От Парижа, как от центра, железные дороги расходятся радиусами к Булони, Брюгге, Генту, Антверпену, Мастрихту, Люттиху и Кельну, к Маннгейму и Майнцу через Мец, к Страсбургу, к Базелю, к Дижону и Лиону. Как

бы силен ни был неприятель в том или ином пункте, везде ему навстречу может быть брошена из Парижа по железным дорогам вся масса резервных армий. Внутренняя оборона бассейна Сены усиливается, в частности, еще тем, что все железнодорожные линии здесь проходят по долинам рек—Уазы, Марны, Сены, Оба и отчасти Ионны. Но это еще не все. Три железных дороги дугами, по меньшей мере, в четверть окружности каждая, огибают Париж приблизительно на равных расстояниях: первая пересекает железные дороги, проложенные по левому берегу Рейна и идущие в настоящее время почти без перерыва от Рейса до Базеля; вторая—от Остенде и Антверпена через Намюр, Арлон, Тионвиль, Мец и Нанси на Эпиналь—уже почти законченная; наконец, третья—от Кале через Лилль, Дуэ, Сен-Кентен, Реймс, Шалон-на-Марне и Сен-Дизье на Шомон. Таким образом, здесь на каждом шагу представляется возможность в самое короткое время сконцентрировать в любом пункте массы войск. Благодаря свободе маневрирования и весьма благоприятному сочетанию природы с искусством, здесь без всяких крепостей получилась бы такая сильная оборонительная система, что всякого, кто бы вздумал напасть на Францию, ожидала бы совсем иная встреча, чем в 1814—1815 гг.

У Рейна, как у пограничной реки, лишь один недостаток. Пока один берег будет всецело в руках немцев, а другой—всецело в руках французов,—до тех пор ни одни, ни другие не будут полными хозяевами на Рейне. Более сильная армия, независимо от ее национальности, всегда беспрепятственно сможет переправиться через реку: мы уже множество раз наблюдали это, и стратегия доказывает, что так и должно быть. При превосходстве сил с немецкой стороны французам для обороны пришлось бы отойти назад: северной армии до Мааса, между Венлоо и Намюром; мозельской армии—до Мозеля, приблизительно до впадения реки Саара; верхне-рейнской—до верхнего течения Мозеля и Мааса. Следовательно, чтобы нераздельно господствовать на Рейне и получить возможность активно противодействовать переправе неприятеля через реку, французам пришлось бы построить на правом берегу Рейна предмостные укрепления. Наполеон поступил, таким образом, вполне последовательно, когда без дальнейших околичностей

аннектировал Везель, Кастелль и Кель. При настоящем положении дел его племяннику оставалось бы только, в дополнение к прекрасным крепостям, которые выстроены для него немцами на левом берегу Рейна, попросить себе Эренбрейтштейн, Дейц, а то, пожалуй, еще гермерсгеймский тет-де-пон. Тогда военно-географическая оборонительно-наступательная система Франции была бы безупречна, и всякое лишнее приращение могло бы только повредить ей. А что вся эта система дана самой природой и как бы сама собой подразумевается,—этому служит наилучшим доказательством поведение союзников в 1813 году. С тех пор, как Франция соорудила эту систему, прошло едва 17 лет, и, тем не менее, ее существование казалось таким естественным и само собой разумеющимся, что высокие союзники, несмотря на свое превосходство сил и беззащитность Франции, боялись даже мысли напасть на нее, словно какого-то святотатства. И если бы их не увлекли за собой германские националисты, Рейн и по сей день оставался бы французской рекой.

Но если бы мы отдали французам, кроме левого берега Рейна, еще и предмостные укрепления на его правом берегу, вот тогда французы, действительно, выполнили бы по отношению к самим себе тот самый долг, какой мы, по мнению Виллизена, Радовица и Гейльброннера выполнили бы по отношению к себе, утвердившись на Эче и Минчио, с предмостными укреплениями в Пескьере и Мантуе. Однако, это окончательно обессилило бы Германию по отношению к французам, точно так же, как Италия в настоящее время бессильна по отношению к Германии. И тогда, как и в 1813 г., Россия оказалась бы естественной „освободительницей“ Германии (подобно тому, как Франция или, вернее, французское правительство, выступает теперь в роли „освободителя“ Италии); а в награду за свои бескорыстные труды она попросила бы всего лишь клочок-другой землицы для округления Польши—ну, хоть Галицию и Пруссию: они, ведь, тоже „охватывают“ Польшу!

Для Франции Рейн—то же самое, и даже больше, чем Эч и Минчио для нас. Если венецианское побережье, будучи в руках Италии или Франции, охватывает Баварию и Верхне-Рейнскую область и открывает дорогу на Вену, то Бельгия, а через Бельгию и Германия, охватывают всю Восточную Францию, еще больше обнажая дорогу на Париж. От Изонцо до

Вены все же остается шестьдесят миль, и на этом участке как-никак можно обороняться; а от Самбры до Парижа—тридцать миль, и речная линия, представляющая хоть некоторое прикрытие для обороняющейся армии, проходит всего в двенадцати милях от Парижа, у Суассона или Компьена. По утверждению Радовица, Германия, отказываясь от Минчио и Эча, заранее создает для себя положение, равносильное проигрышу целого похода; но Франция при ее нынешних границах уже находится в таком положении, как-будто она владела раньше рейнской границой, а затем проиграла две кампании: одну—у крепостей на Рейне и Маасе, другую—в открытом поле, на равнине Бельгии. Даже сильная позиция, образуемая верхне-итальянскими крепостями, некоторым образом повторяется на Маасе и нижнем течении Рейна. Разве из Мастрихта, Кельна, Юлиха, Везеля и Венлоо при помощи небольшой затраты сил и приблизительно двух промежуточных пунктов, нельзя было бы создать такую же сильную систему, которая прикрывала бы Бельгию и Северный Брабант? Такая позиция позволяла бы французской армии, чересчур слабой для сражения в открытом поле, задерживать значительно более сильное неприятельское войско посредством маневрирования вдоль рек и, наконец, с помощью железных дорог, беспрепятственно отступить на равнины Бельгии или на Дуэ.

Во всем своем предыдущем рассуждении мы исходили из предположения, будто Бельгия находится в союзе с Германией и совершенно открыта для ее наступления на Францию. Поскольку мы вынуждены были аргументировать с французской точки зрения, мы имели такое же право исходить из подобной предпосылки, как и наши противники на Минчио, когда они рассматривают даже свободную и объединенную Италию, как всегдашнего и непременного врага немцев. В подобных вещах вполне естественно сперва рассмотреть худший случай и приготовиться к нему. Так и должны поступать французы, принимая во внимание свою теперешнюю обороноспособность и стратегическую конфигурацию своей северной границы. То, что Бельгия, как и Швейцария, согласно европейским договорам, страна нейтральная, в данном случае не имеет для нас значения. Во-первых, историческая практика должна еще доказать, что в случае европейской войны этот нейтралитет не

останется только на бумаге; во-вторых, Франция никак не сможет настолько уж рассчитывать на него, как-будто Бельгия, действительно, представляет собой нечто в роде морского залива, лежащего между Германией и Францией и служащего прикрытием для последней. Итак, граница, в конце концов, остается одинаково слабой,—обороняется ли она активно, или же для ее защиты от возможных нападений выделено значительное количество войск.

Наша параллель между По и Рейном простирается довольно далеко. Если не считать больших расстояний на Рейне,—которые, впрочем только усиливают французские притязания,—в остальном сходство полнейшее. Надо надеяться, что в случае войны немецкие солдаты будут практически защищать Рейн на По с большим успехом, чем это делают на словах теоретики великодержавной политики центральной Европы. Правда, эти последние защищают Рейн на По, но только в интересах французов.

Впрочем, мы еще немного продолжим нашую аналогию—для того случая, если бы немцы имели несчастье потерять свою „естественную“ границу,—По и Минчио. Французы владели своей „естественной границей“ в течение всего лишь семнадцати лет, и вот уже почти сорок пять лет, как им приходится обходиться без нее. В этот период времени их лучшие военные авторитеты и теоретики пришли к тому выводу, что вобановский пояс из крепостей был бессилен против вторжения неприятеля, и что это вполне объясняется на основании законов современного военного искусства; в 1814—1815 гг. не случай, и не пресловутая „измена“ позволила врагу так беспрепятственно промаршировать между крепостей. Вот теперь-то и стало очевидным, что надо что-нибудь предпринять для обеспечения северной границы. К тому же было ясно, как день, что нет никакой надежды в ближайшем будущем овладеть рейнской границей. Что тут было делать?

Французы нашли выход из положения, достойный великого народа: они укрепили Париж, произведя, таким образом, первую в истории нового времени попытку превратить свою столицу в колоссальный укрепленный лагерь. Военные специалисты старой школы качали головами, глядя на эту работу, цель которой была для них непонятна. Деньги—на улицу, прямо

как-будто нарочно в угоду французскому бахвальству! Почвы никакой,—слова, слова и слова: кто это слыхал, чтобы крепость была девяти миль в окружности, и чтобы в ней жил целый миллион людей! Как она будет защищаться, если гарнизон ее не равняется хотя бы половине армии? И как прокормить всех этих людей? Чепуха, французское чванство, дерзкое богохульство, вторая вавилонская башня! Так судачили по поводу нового начинания старые педанты, те самые, которые изучают осадную войну на вобановском шестиугольнике; это они создали тот метод пассивной обороны, согласно которому наилучшим способом защиты является вылазка колонны инфантерии из закрытия до подножия гласиса! Но французы спокойно продолжали свое дело, находя удовлетворение в том, что обходящиеся без париков военные ученые всей Европы считали их план правильным, хотя Париж еще не успел подвергнуться испытанию огнем; в том, что Веллингтон строил планы укрепления Лондона; в том, что вокруг Вены, если мы не ошибаемся, уже началось сооружение траншей и фортов, а укрепление Берлина стало, по крайней мере, предметом дискуссии. Им самим пришлось убедиться на примере Севастополя, какой силой обладает огромный обнесенный траншеями лагерь, когда он занят целой армией, оборона ведется в самых широких размерах и носит активный характер. А, ведь, вокруг Севастополя была устроена всего лишь одна оборонительная линия, и там не было ни каменных эскарпов, ни долговременных фортов,—одни полевые укрепления!

Со времени укрепления Парижа Франции стало не так трудно обходиться без рейнской границы. Оборона страны на северной границе будет носить преимущественно наступательный характер,—подобно тому, как оборона Германии на границе с Италией. Что французы достаточно усвоили себе это, доказывает система их железнодорожной сети. Если такое наступление будет отбито, то армия займет оборонительное положение на Уазе и Эне; дальнейшее наступление противника не имело бы никакого смысла, так как его армия, наступающая со стороны Бельгии, была бы чересчур слаба для самостоятельных операций против Парижа. Расположившись за Эном, где сообщение с Парижем было бы обеспечено, или, в худшем случае, за Марной, левым флангом опираясь на Париж,

Италия
Масштаб:
20 0 20 40 60 80 100 120 кил.
Условные знаки:
Граница Италии 1815 года
1914
1924
Франция
Савойя
Швейцария
Австрия
Тироль
Тессин
Валлис
Ломбардия
Венеция
Пиемонт
Тоскана
Истрия
Югославия
Адриатическ. море
Лигурийское море
Биль
Берн
Люцен
Лозанна
Женева
Бернск. Альпы
Фурка
Св. Готард
Шлюген
Прагель
Штильфзей
Чевендале
Тонале
Триент
Аллегэ
Клагенфурт
Лайбах
Удине
Триест
Фиуме
Пола
Аоста
Сесто-Кальенде
Комо
Бергамо
Бреша
Милан
Верона
Венеция
Падуа
Ивреа
Новара
Павия
Мантуа
Марентго
Турин
Ривол.
Кремона
Алессандрия
Пиаченца
Парма
Феррара
Модена
Альба
Новл
Генуя
Кунео
Сан-Ремо
Болонья
Равенна
Форли
Каррара
Ницца
Пиза
Флоренция
Ливорно
Урбино
Анкона
Арэццо
Сиена
Фолоника
Перуджа
Асколи
Терамо
Витерво
Риети

в полной боевой готовности к активным операциям, французская северная армия могла бы выжидать прибытия остальных армий. Противнику ничего не оставалось бы, как двинуться на Шато-Тьерри и попытаться разъединить французские армии—мозельскую и рейнскую. Но эта операция уже не дала бы таких существенных результатов, к каким она могла бы привести до укрепления Парижа. Даже в самом худшем случае остальным французским армиям не был бы отрезан путь к отступлению за Луару. Сконцентрировавшись там, они все еще были бы достаточно сильны, чтобы пробиться к Парижу и, во всяком случае, представлять угрозу для ослабленной и раздробленной армии противника, вторгнувшейся во Францию. Короче говоря, обход со стороны Бельгии, благодаря укреплению Парижа, в значительной степени парализуется, теряет свое решающее значение, и все его последствия, так же, как и средства, необходимые для борьбы с ним, поддаются в настоящее время строгому учету.

Мы хорошо сделали бы, если бы взяли пример с французов. Хоть нам и кричат о том, что немцам нужна территория, удерживать которую за собой Германии со дня на день становится труднее,—мы вместо того, чтобы развешивать уши, готовились бы лучше к тому неизбежному моменту, когда нам придется отказаться от Италии. Чем раньше будут заложены укрепления, которые могут нам к тому времени понадобиться, тем лучше. Относительно того, где и как их закладывать, мы ограничимся данными уже прежде указаниями. Не следует только строить иллюзорных заградительных пунктов и, понадеявшись на них, пренебрегать единственными видами укреплений, на которых может задержаться отступающая армия: обнесенные траншеями лагери и группы крепостей на реках.

IV.

Мы уже видели, куда гнут теоретики великодержавности Центральной Европы. Франция имеет те же права на Рейн, какие Германия на По. Если желание получить хорошую военную позицию не может еще служить достаточным основанием для того, чтобы Франция аннектировала девять миллионов валлонов, нидерландцев и немцев, то, с другой стороны, и мы не имели никакого права порабощать шесть миллионов итальянцев ради военной позиции. А, ведь, эта „естественная" граница на реке По, в конце-концов, не больше, чем военная позиция,—и этого достаточно, говорят нам, чтобы Германии надо было удержать ее за собою.

Теория естественных границ, в качестве решения для шлезвиг-голштинского вопроса, выбрасывает лозунг: „Дания до Эйдера!" Разве датчане требуют не тех же По и Минчио, в виде Эйдера, не той же Мантуи,—только под именем Фридрихштадта?

На таком же основании, на каком Германия предъявляет права на По, теория естественных границ требует присоединения к России Галиции и Буковины, а также округления России в направлении Балтийского моря, что означает, по меньшей мере, правый (прусский) берег Вислы в нижнем ее течении. А немного лет спустя та же теория с тем же правом сможет выставит требование, чтобы естественная граница русско-польского государства проходила по Одеру.

Если исходить из этой теории, придется признать, что естественной границей Португалии являются Пиренеи, и что вся Испания должна входить в Португалию ее составной частью.

Естественная граница Рейс-Грейц-Шлейц-Лобенштейна тоже должна, по крайней мере, совпадать с границей Германского

союза и тянуться дальше до реки По, если же до конца считаться с законами вечной справедливости, то, пожалуй, и до самой Вислы. И у Рейс-Грейц-Шлейц-Лобенштейна столько же прав на свою „естественную“ границу, как, скажем, у Австрии.

Если верна теория „естественных“ границ, то есть фактически таких границ, которые определяются исключительно соображениями стратегического характера, то как назвать тех немецких дипломатов, которые на Венском конгрессе едва не довели до войны немцев против немцев, допустили, чтобы линия Мааса ускользнула из наших рук, обнажили восточно-германскую границу и предоставили иностранным державам определять границы и внутреннее устройство Германии? Поистине, нет страны, у которой было бы столько оснований жаловаться на Венский конгресс, как у Германии; но если говорить о размерах естественных границ, то в каком свете предстает пред нами репутация германских государственных людей того времени? А между тем, как-раз те самые люди, которые отстаивают естественную границу по реке По, живут дипломатическим наследием 1815 г. и являются продолжателями традиций Венского конгресса.

Не угодно ли один пример?

Когда Бельгия в 1830 году отделилась от Голландии, то возвысили голос те самые господа, которые теперь делают из Минчио вопрос жизни и смерти. Они стали кричать караул по поводу раздробления сильной пограничной державы: ведь, она должна была служить бастионом против Франции и даже взять на себя обязательство,—какая сила предрассудков, несмотря на двадцатилетний опыт!—обнести великолепный,—по крайней мере, в своем роде—вобановский крепостной пояс тоненькой полоской укреплений. Точно великие державы опасались, что в одно прекрасное утро Аррас и Лилль, Дуэ и Валансьен со всеми своими бастионами, равелинами и люнетами промаршируют прямехонько в Бельгию и рассядутся там самым комфортабельным образом! Представители этого нелепого течения, которое мы стараемся здесь опровергнуть, вопили тогда, что Германия в опасности, так как Бельгия не имеет своей воли и является простым приспешником Франции и неизбежным врагом Германии, а теми дорого стоящими крепостями,

которые выстроены на немецкие (то-есть отнятые у французов) деньги для защиты от Франции, теперь распоряжаются французы против нас же. Французскую границу надо отодвинут до Мааса и Шельды и даже еще дальше,—до каких это пор она будет упираться в самый Рейн? Большинству из нас еще хорошо памятны эти причитания. И что же оказалось? Начиная с 1848 года, а в особенности со времени бонапартистской реставрации, Бельгия все решительнее отворачивалась от Франции и сближалась с Германией. В настоящее время ее даже можно рассматривать, как иностранного члена Германского союза. А как поступили бельгийцы после того, как стали в известную оппозицию к Франции? Снесли все крепости, октроированные стране мудростью Венского конгресса, как совершенно бесполезные в войне с Францией, и построили вокруг Антверпена обнесенный траншеями лагерь, в котором могла бы разместиться целая армия и выжидать английских или немецких подкреплений в случае нападения французов. И правильно сделали!

Та самая мудрая политика, которая в 1830 году хотела насильственно связать католическую, говорящую по преимуществу по-французски Бельгию с протестантской, говорящей на фламандском языке Голландией,—вот эта самая мудрая политика пытается с 1848 года удержать Италию под австрийским гнетом и возложить на нас, немцев, ответственность за действия Австрии в Италии. И все это исключительно из страха перед Францией. Весь патриотизм этих господ состоит, кажется, в том, что их начинает бить лихорадка, едва речь заходит о Франции. Видно, все еще не зажили побои, полученные ими пятьдесят-шестесят лет тому назад от старика Наполеона. Мы отнюдь не принадлежим к числу тех, кто недооценивает военной мощи Франции. Мы прекрасно знаем, что в некоторых отношениях ни одна армия в Германии не может сравниться с французской: мы имеем в виду легкую пехоту, навык и искусство в ведениии малой войны, а также известные стороны артиллерийской науки. Но поневоле теряешь терпение, когда люди чванятся миллионом двумястами тысяч немецких солдат, словно те стоят, выстроившись, как шахматные фигурки, и только того и ждут, чтобы г-н доктор Кольб разыграл ими против Франции партию, ставкой в которой служат Эльзас и

Лотарингия; и те же люди при каждом случае обнаруживают постыдную трусость, как-будто само собой понятно, что эти миллион двести тысяч солдат неизбежно должны быть разбиты на-голову вдвое слабейшей армией французов,—если только не получат возможности залезть в совершенно неприступные крепости. Пора оставить политику пассивной обороны и вспомнить, что, если Германия в общем и обречена, быть-может, на оборону, то все же наилучшим видом обороны является активная, то-и-дело переходящая в наступление. Пора вспомнить о том, что по отношению к французам и другим нациям мы достаточно часто доказывали свое превосходство в атаке. Призвание наших солдат в том, чтобы атаковать,—говорит Фридрих Великий о своей инфантерии; как умела атаковать его кавалерия,—могут засвидетельствовать битвы при Росбахе, Цорндорфе, Гогенфридберге. Насколько обычны были для немецкой пехоты в 1813—1814 гг. наступательные операции, лучше всего доказывает известная инстукция Блюхера в начале кампании 1815 года: „Так как опыт показал, что французская армия не в состоянии выдержать штыковой атаки наших батальонов, то следует принять за правило всегда прибегать к таковой атаке в тех случаях, когда представляется необходимость опрокинуть неприятеля или выбить его с той или другой позиции“. Лучшими нашими сражениями были те, в которых мы наступали, и если немецкий солдат уступает французскому, то только в искусстве превращать деревни и дома в оборонительные позиции; в атаке он уже не уступает французскому.

Если не касаться мотивов, лежащих в основе указанной политики, то сущность ее сводится к следующему: сперва под предлогом защиты мнимых или преувеличенных до абсурда немецких интересов поселить во всех малых пограничных народах ненависть к нам, а потом приходить в негодование по поводу того, что они переходят на сторону Франции. Нужны были пять лет бонапартистской реставрации, чтобы Бельгия отказалась от союза с Францией, на который ее толкала политика Священного Союза в 1815 г., а затем и в 1830 г. А в Италии мы подготовили для французов позицию, поистине не уступающую линии Минчио. И все же французская политика по отношению к Италии всегда была настолько ограниченной и узко-эксплуататорской, что при мало-мальски

лойяльном обращении с нашей стороны итальянцы безусловно предпочли бы нас французам. Достаточно известно всем, как сосали кровь из Италии Наполеон и его наместники и генералы, выкачивая оттуда с 1796 до 1814 года и деньги, и естественные богатства, и сокровища искусства, и людей. В 1814 году пришли австрийцы, которых приняли как освободителей. (Как они „освободили“ Италию,—о том говорит ненависть, испытываемая ныне каждым итальянцем к „тедескам“). Такова практика французской политики в Италии; что же касается теории, то достаточно сказать, что вся она сводится к одному единственному принципу: Франция не потерпит единой и независимой Италии. Этот принцип непоколебимо господствовал вплоть до царствования Луи-Наполеона, а чтобы предупредить всякие недоразумения, Лагероньер теперь снова провозглашает его в качестве вечной истины. Такова эта ограниченная, мещанская политика, признающая за Францией право безусловного вмешательства во внутренние дела Италии. И нам ли опасаться пред лицом такой политики, что Италия, выйдя из непосредственного подчинения Германии, станет покорным слугой Франции и обратится против нас? Это рассуждение поистине смешно. То же самое кричали в 1830 году относительно Бельгии, и, тем не менее, Бельгия пришла к нам, хоть ее никто и не просил. Точно так же вынуждена была бы прийти к нам и Италия.

Впрочем, надо твердо помнить, что вопрос относительно Ломбардии должны решать между собой Италия с Германией, а не Луи-Наполеон с Австрией. Луи-Наполеон является здесь третьим лицом, которое вмешивается ради своих собственных интересов, вообще говоря, резко противоречащих немецким. По отношению к такому третьему лицу речь идет просто о провинции, которую приходится уступить поневоле, о военной позиции, которую очищают тогда, когда не под-силу становится удерживать ее. Политические вопросы в данном случае отступают перед военными: раз на нас напали, мы вынуждены обороняться.

Если Луи-Наполеон собирается выступить в роли паладина итальянской независимости, то ему для этого вовсе не нужна война с Австрией. „Истинное милосердие начинает с собственного дома“. „Департамент“ Корсика — итальянский остров,

несмотря на то, что он является родиной бонапартизма. Пусть Луи-Наполеон прежде отдаст Корсику своему дяде Виктору-Эммануилу, тогда, может-быть, и мы с ним будем разговаривать. А до тех пор пускай лучше оставит свои восторги перед Италией при себе.

В Европе нет ни одной более или менее крупной державы с однородным по национальному составу населением. У Франции имеются провинции фламандские, немецкие и итальянские. Англия, единственная страна, у которой границы, действительно, естественные, во всех отношениях вышла из их тесных рамок, сделала приобретения во всех частях света, а в данное время также находится в состоянии конфликта с одним из своих вассалов,—с Ионическими островами; она же совсем недавно подавила колоссальное восстание в Индии с помощью чисто-австрийских приемов. У Германии есть полуславянские области, славянские, мадьярские, румынские и итальянские. А над сколькими „языками“ простер свою десницу белый петербургский царь?

Никто не станет утверждать, будто теперешняя карта Европы есть нечто окончательно установленное. Все длительные изменения должны иметь конечной целью создание для больших и жизнеспособных европейских наций действительно естественных границ, которые определились бы общностью языка и взаимными связями. В то же время осколки народностей, разбросанные еще там и сям, но уже неспособные к самостоятельной национальной жизни, попрежнему примыкают к большим нациям или растворяются в них, или сохраняются лишь в качестве этнографических памятников, не имеющих никакого политического значения. Соображения военного характера должны отступить здесь на второй план.

Но если карта Европы должна подвергнуться пересмотру, то мы, немцы, в праве требовать, чтобы это было сделано основательно и беспристрастно, и чтобы на Германию не взваливались, как вошло теперь в моду, одни только жертвы, между тем как другие нации будут извлекать для себя все выгоды, не ударив пальцем о палец. Мы кое от чего можем отказаться, что прилипло к границам нашей территории и заставляет нас впутываться в такие дела, в которые нам вовсе не хотелось бы непосредственно вмешиваться. Но то же самое

Пас-де-Кале
Брюгге
Остенде
Дюнкирхен
Кале
Лилль
Арас
Амьен
Сен-Кантэн
Суассон
Реймс
Париж
Эперне
Шалон
Шартр
Труа
Орлеан
Оксерр
Блуа
Бурж
Невер
Отэн
Шатору
Мулэн
Монлюсон
Роанн
Лимож
Бурр
Лиль
Брюссель
Антверпен
Лювен
Лютих
Намур
Монс
Бостон
Арлон
Люк
Мальмеди
Ахен
Кельн
Верден
Мец
Тарингия
Нанси
Страсбург
Эльзас
Эпиналь
Шомон
Дижон
Вельфор
Мольгауэн
Базель
Цюрих
Люцерн
Безансон
Берн
Фрейбург
Дозанна
Швейцария
Тессин
Женева
Валлис
Самоэн
Савойя
Альбервилль
Шамбери
Гренобль
Валанс
Аста
Комо
Ивери
Италия
Турин
Пьемонт
Пр. Мон-Женевр
Алессандрия
Бора
Генуя
Кунео
Германия
Майнц
Маннгейм
Штутгарт
Бельгия
Франция
Масштаб
20 0 20 40 60 80 100 120 км
Условн. знаки:
Граница Франции 1815 г.
1914 г.
1924 г.

можно сказать и о других; пускай же они подадут нам пример бескорыстия—или совсем молчат.

Конечный же вывод из всего настоящего исследования тот, что самым выгодным делом для нас было бы, если бы мы могли обменять и По, и Минчио, и Эч, и весь этот итальянский хлам на германское единство; оно одно предохранило бы нас от повторения Варшавы и Бронцеллы и сделало бы нас внешне и внутренне сильными. Будь у нас это единство, можно было бы выйти из состояния беспрерывной обороны. Тогда нам не нужны никакие Минчио для того, чтобы, следуя „нашему призванию“, предпринять атаку, а есть еще такие слабые места—и не одно,—где это очень и очень пригодится.

САВОЙЯ, НИЦЦА и РЕЙН.

I.

Год прошел с тех пор, как перед глазами публики стал развертываться бонапартистско-пьемонтско-русский комплот. Сначала новогодняя речь, затем сватовство к „итальянской Ифигении“, потом крик боли, вырвавшийся у Италии, наконец, признание Горчакова, что он дал Луи-Наполеону письменные обязательства. В промежутке—вооружения, передвижения войск, угрозы, попытки посредничества. С первого же момента по всей Германии пробежало инстинктивное чувство: здесь дело идет не об Италии, а о нашей собственной шкуре. Начинают на Тичино, кончат на Рейне. Конечной целью бонапартистских войн может быть только возвращение Франции ее „естественной“ границы по Рейну.

Больше всего приходила в ужас по поводу замаскированных притязаний Франции на естественную границу по Рейну та часть немецкой прессы, которая возглавляется „Augsburger Allgemeine Zeitung“. Но та же часть прессы с таким же отчаянным фанатизмом отстаивала права Австрии на господство в Верхней Италии под тем предлогом, будто бы Минчио и нижнее течение По образуют естественную границу Германии с Италией. Господин Оргес из „Augsburger Allgemeine Zeitung“ привел в действие весь свой стратегический аппарат, чтобы доказать, что без По и Минчио Германия погибла, что отказаться от австрийского суверенитета в Италии значило бы изменить Германии.

Господин Оргес извратил факты. Было совершенно очевидно, что угроза потерей Рейна—только предлог, действительная же цель—сохранение за Австрией ее насильственного господства в Италии. Угроза потерей Рейна имела лишь в виду склонить Германию к тому, чтобы она солидаризировалась с порабоще-

нием Верхней Италии Австрией. Прибавьте к этому смешное противоречие, состоявшее в том, что одну и ту же теорию признавали верной по отношению к По и отвергали, когда речь заходила о Рейне.

В то время автор этих строк опубликовал брошюру под заглавием „По и Рейн". В этой брошюре мы, в интересах национального движения, протестовали против теории, признающей границу по Минчио необходимой для Германии; мы пытались доказать на основании данных военной науки, что Германия для своей обороны вовсе не нуждается в итальянской территории, и что Франция, если исходить из чисто-стратегических соображений, имеет больше прав на Рейн, чем Германия на Минчио. Короче говоря, мы старались помочь немцам вступить в предполагавшуюся борьбу с незапятнанными руками.

Насколько это нам удалось,—пусть судят другие. Нам неизвестно ни одной попытки научного опровержения развитых в указанной работе положений. „Augsburger Allgemeine Zeitung", против которой брошюра была в первую голову направлена, обещала дать по этому поводу собственную статью, но, вместо того, перепечатала три чужих из „Ostdeutsche Post", которая в своей критике ограничилась тем, что обозвала автора брошюры представителем „малогерманского" направления за то, что он хочет отказаться от Италии. Во всяком случае, насколько нам известно, „Augsburger Allgemeine Zeitung" с тех пор не упоминает о Минчио, как о германской пограничной линии.

Между тем, попытка уговорить Германию солидаризироваться с господством и со всей политикой Австрии в Италии дала северно-германским филистерам из Готы долгожданный повод к выступлению против национального движения. Первоначально движение, действительно, носило национальный характер,—куда более национальный, чем всякие шиллеровские торжества от Архангельска до Сан-Франциско; его возникновение имело самопроизвольный, инстинктивный, непосредственный характер. На первых порах ему было совершенно безразлично,—правильна ли австрийская политика в Италии, или нет, имеет ли Италия право на независимость, или нет. На одного из нас напали—и напал некто совсем чужой, ничего общего не имеющий с Италией, но зато крайне заинтересованный в том, чтобы захватить левый берег Рейна. Этот чужой—Луи-Наполеон,

и перед лицом воплощенных в нем традиций Первой Империи все мы должны сплотиться. Вот что понял народ своим инстинктивным, но верным чутьем.

Но либеральные филистеры из Готы уже много лет, как перестали видеть в немецкой Австрии „одного из нас". Они только и ждали войны, которая, ослабив Австрию, открыла бы, наконец, путь к малогерманской или великопрусской империи. С ними шла масса северно-германской вульгарной демократии, которая спекулировала на том, что вот-де Луи-Наполеон разобьет Австрию, а потом разрешит ей, демократии, объединить всю Германию под владычеством Пруссии; с ними шла незначительная часть немецких эмигрантов во Франции и Швейцарии, у которых хватило бесстыдства, чтобы открыто связаться с бонапартистами. Но самой сильной их союзницей была, говоря откровенно, трусость немецкого мещанства, которое никогда не осмеливается посмотреть опасности прямо в глаза, которое для того, чтобы вымолить себе хоть один год спокойной жизни, покидает своих верных союзников на произвол судьбы и, затем, оставшись в одиночестве, верными шагами идет к своей собственной гибели. Рука об руку с этой трусостью шло прославленное „заумничанье", у которого всегда имеется в запасе тысяча причин, чтобы очень много говорить, но ничего не делать. Кроме этих причин, такие умники ко всему на свете относятся очень скептически; это те самые умники, которые ликовали по поводу базельского мира, отдавшего левый берег Рейна Франции; те самые, которые втайне потирали руки после поражения австрийцев при Ульме и Аустерлице, которые никогда не замечают приближения своей Иены, и резиденцией которых служит Берлин.

Их союз победил: Германия предоставила Австрию самой себе. Между тем, австрийская армия сражалась на Ломбардской низменности с героическим мужеством, удивлявшим ее врагов и вызывавшим невольное восхищение у всего света,— только не у готских молодчиков и их прихвостней. Ни вечная дрессировка напоказ, ни гарнизонная формалистика, ни дубинка капрала,—ничто не в состоянии было выколотить из австрийцев неистребимый немецкий задор. Невзирая на скудное обмундирование и тяжелую поклажу, эти молодые, еще не обстрелянные войска не хуже настоящих ветеранов выдерживали напор

искушенных в боях, снабженных легким оружием и амуницией французов; и только такое никчемное и неспособное единодушно действовать командование, как австрийское, могло допустить до поражения подобной армии. Да и можно ли это назвать поражением? Ни одного трофея, ни знамен, почти ни одного потерянного орудия. Одно единственное знамя, да и то было найдено на поле сражения под кучей трупов; нераненые пленные оказались итальянскими или венгерскими дезертирами. Австрийская армия вся покрыла себя славой—от рядового до майора, и эта слава принадлежит по преимуществу австрийским немцам. Итальянцев нельзя было использовать, и по большей части они стояли слишком далеко; венгры массами перебегали к неприятелю, и на них невозможно было положиться; кроаты бились в эту кампанию решительно хуже обыкновенного *). Вся честь по праву принадлежит австрийским немцам; но на их же голову в первую очередь падает и позор дурного командования.

А командование было самого старого австрийского образца. Чего не сделала бездарность, то довершило отсутствие единства среди командования, являвшееся результатом происков камарильи, а также присутствия Франца-Иосифа. Гиулай вторгся в Ломелину и вынужден был остановиться, как только попал в район Казале—Алессандрия, все наступление пошло прахом. Французы имели возможность беспрепятственно соединиться с сардинцами. Чтобы окончательно засвидетельствовать свою беспомощность, Гиулай отдает приказ о рекогносировании Монтебелло, словно спешит доказать, что староавстрийская манера неуверенно топтаться на месте и мучительно колебаться во время самых военных действий жива попрежнему, как и при блаженной памяти гофкригсрате. Гиулай дает всю инициативу в руки противника. Он распыляет свою армию от Пиаченцы до Ароны, чтобы, следуя излюбленной австрийской манере, создать для каждого пункта непосредственное прикрытие. Несмотря на то, что прошло всего десять лет, традиции Радецкого преданы забвению. Когда противник переходит при Палестро в насту-

---

*) См. отчет корреспондента „Таймс“, находившегося в австрийском лагере, о битве при Сольферино. При Кавриана старый фельдмаршал Нугент, присутствовавший в качестве любителя, тщетно выбивался из сил, чтобы двинуть в бой несколько батальонов из пограничных народностей.

пление, австрийские бригады так медленно сменяют друг-друга, что не успеет вторая подойти, как первая уже выбита со своей позиции. Вообще говоря, располагаться в Ломелине имело смысл только в расчете на то, что неприятелю вздумается предпринять фланговый марш из Верчелли на Буффалору. Но когда противник действительно отважился на такой маневр, и, наконец-то, представился случай использовать его невыгодное положение, ответив ударом на Новару, Гиулай теряет голову и бросается назад через Тичино, чтобы на окружном пути подставить противнику свой фронт. Во время этого отступления Гесс—3-го июня, в 4 часа утра—появляется в главной квартире Розате. Повидимому, только в этот критический момент у воскресшего в Вероне гофкригсрата (придворного военного совета) возникают сомнения по поводу талантов Гиулая. Итак, появились уже два полководца. По приказу Гесса, все колонны остановились, пока он не убедился, что прозевал удобный момент для наступления на Новару, и приходится предоставить все своему течению. Между тем, из-за этого продвижение войск было прервано почти на пять часов *). Разрозненные, голодные, утомленные, приходят они в течение 4-го июня к Мадженте. И все же они бьются превосходно, и успех на их стороне, пока Мак-Магон, вопреки приказу, предписывающему его армии итти прямо из Турбиго на Милан, не поворачивает на Мадженту и не атакует австрийский фланг. Между тем, подходят остальные французские корпуса; австрийские подкрепления запаздывают, и сражение проиграно. Австрийское отступление идет так медленно, что у Меленьяно одна их дивизия подвергается нападению целых двух французских корпусов. Одна бригада держится против шести французских бригад в течение нескольких часов и отступает лишь после того, как потеряла свыше половины личного состава. Гиулая, наконец, отзывают. Армия марширует по большой дуге—от Мадженты вокруг Милана—и раньше противника (о преследовании, значит, не может быть и речи!), марширующего по более короткой хорде, достигает позиции у Кастильоне и Лонато.

*) Указанные факты приводит в своем сообщении в „Таймс“ корреспондент последнего в австрийском лагере, капитан Блэкли. „Darmstädter Allgemeine Militär Zeitung“ защищает Гиулая, объясняя пятичасовую остановку некоим не подлежащим огласке и не зависящим от Гиулая происшествием. Однако, Блэкли уже успел сообщить, в чем заключалось это происшествие.

Эту позицию, на которой австрийцы уже за несколько лет до того произвели подробнейшую разведку, Франц-Иосиф, будто бы, нарочно разыскал для своих войск. Так или иначе, факт таков, что она давным-давно была включена в оборонительную систему, образуемую четырьмя крепостями, и представляла отличную позицию для оборонительного сражения с переходом в контр-наступление. Здесь армия соединилась с подоспевшими тем временем, а также с еще задержавшимися подкреплениями. Но как только неприятель показывается на другом берегу Чиезе, — снова звучит сигнал к отступлению, и она отходит за Минчио. Едва закончив эту операцию, австрийская армия опять переправляется через Минчио, чтобы отнять у противника позицию, только-что добровольно отданную ему. Сбитая с толку этой путаницей приказов и контр-приказов, в значительной степени утратив доверие к верховному командованию, австрийская армия вступает в битву при Сольферино. То была беспорядочная резня с обеих сторон. Ни у французов, ни у австрийцев не было тактического руководства. Дело решили полное неумение австрийских генералов вести войну, их растерянность и боязнь ответственности, большая уверенность в себе французских бригадных и дивизионных командиров, а также естественное превосходство французов в рассыпном бою (это последнее искусство развилось у них благодаря алжирским походам).

Австрийцы, в конце-концов, были прогнаны с поля сражения. На том и кончается кампания, и больше всех был этому рад бедняга Оргес, которому в „Augsburger Allgemeine Zeitung“ приходилось и жирным шрифтом, и петитом превозносить австрийское высшее командование и в то же время подсовывать ему свои стратегические соображения.

С Луи-Наполеона тоже было довольно. Тощая слава Мадженты и Сольферино все же была больше, чем он имел основания рассчитывать, а среди роковых четырех крепостей можно было, того и гляди, когда-нибудь дождаться такого момента, когда австрийские солдаты не дадут своим генералам подставлять их бока под удары. К тому же Пруссия объявила мобилизацию, а между тем ни французская рейнская армия, ни русские не были готовы к войне. Короче говоря, Луи-Наполеон отказался от свободной до Адриатического моря Италии

и предложил мир. Виллафранкский акт был подписан. Франция не получила ни пяди территории; отданную ей Ломбардию она великодушно подарила Пьемонту: война велась за идею,— могла ли она думать о рейнской границе!

Между тем, Средняя Италия была аннектирована Пьемонтом, верхне-итальянское королевство стало после этого представлять из себя довольно импозантную силу:

Прежние сухопутные провинции и остров Сардиния представляли население в .	4.730.500	душ.
Ломбардия (без Мантуи) приблизит. . .	2.651.700	„
Тоскана	1.719.900	„
Парма и Модена	1.090.900	„
Романья (Болонья, Феррара, Равенна и Форли)	1.058.800	„
(По данным 1848 г.) Всего . .	11.251.800	душ.

Пространство государства расширилось с 1.373 до 2.684 немецких квадр. миль. Таким образом, если бы верхне-итальянское королевство окончательно сконституировалось, оно было бы первым среди государств Италии. Оставалось:

На долю Венеции	2.452.900	душ.
„ „ Неаполя	8.517.600	„
„ „ Церковной области	2.235.600	„
Всего . .	13.206.100	душ.

Так что одна Верхняя Италия обладала бы почти таким же населением, как все остальные государства Италии вместе. По своей финансовой и военной мощи и уровню цивилизованности населения такое государство могло бы претендовать, чтобы в ряду европейских стран ему отвели место впереди Испании, то-есть непосредственно после Пруссии. И, будучи уверено в растущих симпатиях к нему остальной Италии, оно безусловно потребовало бы себе своего места.

Но это было вовсе не в интересах бонапартистских политиков. Они открыто заявляли, что единая Италия не может не быть врагом Франции. Под независимой и свободной Италией они понимали своего рода итальянский Рейнский союз под протекторатом Бонапарта и с папой в качестве почетного пре-

зидента: австрийскую гегемонию должна была сменить французская. К тому же в то время существовало намерение основать в Средней Италии для наследного принца Жерома Бонапарта Этрусское королевство — нечто в роде итальянского королевства Вестфалии. Консолидация верхне итальянского государства могла расстроить все эти планы. Жером Бонапарт-младший на своем пути через герцогства не получил ничего, ни одного голоса; бонапартовская Этрурия была такой же невозможной вещью, как реставрация. Оставалось одно—присоединение к Пьемонту.

Но по мере того, как все яснее становилась неизбежность объединения Северной Италии, рассеивался также туман, окутывавший „идею", за которую вела войну Франция. То была идея присоединения Савойи и Ниццы к Франции. Уже во время самой войны раздавались голоса, указывавшие, что именно такой ценой будет куплена французская интервенция в Италии. Но их не слушали. И разве их предсказания не противоречили положениям виллафранкского договора? И, тем не менее, мир узнал вдруг, что при национально-конституционном режиме „re galantuomo" две провинции изнывают под чужеземным господством,—две французские провинции, с тоской обратившие свои затуманенные слезами взоры к великому отечеству, от которого их оторвало лишь грубое насилие. И Луи-Наполеон не может больше оставаться глухим к воплям страдания, испускаемым Савойей и Ниццей.

Тогда-то и обнаружилось, что Ницца и Савойя были той платой, за которую Луи-Наполеон подрядился объединить Ломбардию и Венецию с Пьемонтом, а так как Венеция в данный момент не давалась в руки, то он просил ту же цену за свое согласие на аннексию Средней Италии. Теперь начались низменные происки агентов Бонапарта в Савойе и Ницце, а подкупленная парижская пресса подняла крик, что пьемонтское правительство, дескать, насилует волю населения этих провинций, громко требующего присоединения к Франции. Наконец, в Париже открыто заговорили о том, что Альпы являются естественной границей Франции, и Франция имеет все права на них.

II.

Когда французская пресса утверждает, что Савойя по языку и нравам — французская область, то это, по меньшей мере, так же справедливо, как и по отношению к французской Швейцарии, валлонской части Бельгии и англо-нормандским островам Ламанша. Население Савойи говорит на южно-французском диалекте, а языком науки и письменности служит повсеместно французский. Не только в самой Савойе очень слаб итальянский элемент, но французский (то-есть южно-французский или провансальский) язык распространен даже за Альпами, в Пьемонте, до самых долин по верхнему течению Доры-Рипарии и Доры-Балтеи. Несмотря на это, до войны здесь очень трудно было заметить какие-либо симпатии к Франции. Мысль о присоединении к ней лелеяли только те элементы населения савойской низменности, которые поддерживали тесные торговые сношения с Францией; массе населения подобная мысль была здесь так же чужда, как и в других примыкающих к Франции и говорящих по-французски странах. Характерно, что вообще ни у одной из стран, присоединенных с 1792 по 1812 год к Франции, не было ни малейшей охоты возвращаться под крылья орла. Народ усвоил себе плоды первой французской революции, но ему слишком уж приелись стеснительная централизация управления, хозяйничанье префектов и непогрешимые апостолы цивилизации, присылаемые из Парижа. Симпатии, сызнова-было пробужденные июльской и февральской революциями, тотчас же опять были задушены бонапартизмом. Никому не хотелось видеть у себя в стране Ламбессу, Каенну, „закон о подозрительных“. К тому же Франция отгородилась китайской стеной почти от всякого ввоза товаров, что особенно болезненно чувствовалось именно на границе. Первая Респу-

блика застала на всех своих границах угнетенные, обессиленные эксплоатацией провинции, раздробленные народности: естественные связи между ними были насильственно разорваны, и революция разбивала оковы сельского населения, освобождала земледелие, промышленность и торговлю. Вторая Империя встречается на всех границах с большей свободой, чем та, какую она сама могла бы предоставить своим подданным. В Германии и Италии она наталкивается на обострившееся национальное чувство, в малых странах—на консолидированные интересы сепаратистов, в течение сорока пяти лет непрерывно усиливавшиеся параллельно неслыханно быстрому развитию промышленности и получавшие разветвления во все стороны вместе с ростом мировой торговли. Империя ничего не несет с собой, кроме деспотизма времен римских цезарей; торговлю и промышленность она заключает в широкую тюрьму своих таможенных границ и много-много, если открывает им свободный путь в такую даль, куда Макар телят не гонял.

Так как Савойя отделена от Пьемонта главной цепью Альп, то почти все необходимое она получает с севера—из Женевы и отчасти из Лиона,—точно так же, как, с другой стороны, кантон Тичино, лежащий к югу от альпийских проходов, снабжается Генуей и Венецией. Если это может служить мотивом для отделения Пьемонта, то отнюдь не является основанием для присоединения к Франции, так как торговая метрополия для Савойи—Женева, о чем позаботились, помимо географического положения, мудрость французских законодателей и придирки французской таможни.

Но, несмотря на родство по языку и крови, несмотря на альпийскую цепь, у савояров нет, повидимому, ни малейшего желания, чтобы их осчастливили империалистическими учреждениями французского отечества. В них слишком живо традиционное сознание того, что Савойя завоевала Пьемонт, а не Италия—Савойю. Из маленькой Нижней Савойи воинственный горный народец создал государство, а затем спустился в итальянскую низменность и при помощи оружия и политических приемов присоединил последовательно Пьемонт, Монферрат, Ниццу, Ломелину, Сардинию и Геную. Династия спустилась в Турин и превратилась в общеитальянскую, но колыбелью государства осталась Савойя, и савойский крест служит ныне

гербом для всей Северной Италии—от Ниццы до Римини и от Сондрио до Сиены. Франция завоевала Савойю в кампанию 1792—1794 гг., и до 1814 г. страна называлась „Département du Mont Blanc“. Но в 1814 году она не думала оставаться под властью Франции; речь могла итти лишь о том, присоединяться ли к Швейцарии, или восстановить прежние отношения с Пьемонтом. И, тем не менее, низменность оставалась во владении Франции до „ста дней“, после которых была возвращена Пьемонту. Старая историческая традиция с течением времени, конечно, ослабела; Савойя была отодвинута на задний план, а итальянские провинции получили слишком значительный перевес; политические интересы все больше увлекали Пьемонт на юг и восток. Тем более замечательно, что сепаратистские вожделения одолевали больше всего именно тот класс, который выдавал себя за главного носителя исторической традиции: класс старого консервативного и ультрамонтанского дворянства. И предметом этих вожделений было присоединение к Швейцарии, пока там были еще в силе старые олигархически-патрицианские учреждения. Только после проведения широкого демократизма в Швейцарии они, повидимому, меняют направление; при Луи-Наполеоне Франция превратилась в достаточно реакционную и ультрамонтанскую страну, чтобы казаться савойской знати верным прибежищем от революционной политики Пьемонта.

Теперь положение вещей, повидимому, таково: в общем, у Савойи нет никакой потребности отделяться от Пьемонта. В верхней части страны—в Мориенне, Тарантезе и Северной Савойе население решительно за status quo. Женевуа, Фосиньи и Шабле в случае, если уж должна произойти какая-либо перемена, предпочитают присоединение к Швейцарии. Только местами в Нижней Савойе, а вообще говоря, больше всего в среде реакционного дворянства страны замечается тяга к Франции. Однако, эти голоса так одиноки, что даже в Шамбери значительное большинство населения решительно высказывается против них, и реакционное дворянство (см. свидетельство Коста де-Борегар) не осмеливается открыто признаться в своих симпатиях.

Вот то, что можно сказать про национальный состав и волю населения.

Как же обстоит дело с мотивами военного характера? Какие стратегические преимущества представляет обладание Савойей для Пьемонта, и что дало бы оно Франции? И как отразилась бы перемена хозяина в Савойе на интересах третьего пограничного государства—Швейцарии?

Между Базелем и Бриансоном французская граница имеет форму большой сильно вогнутой дуги. Здесь в сторону Франции выступают изрядная часть Швейцарии и вся Савойя. Если мы проведем к этой дуге хорду, то окажется, что почти весь сегмент заполнен французской Швейцарией и Савойей. Если бы граница Франции была выдвинута до этой хорды, то она образовала бы между Лотербургом и Фрежюсом такую же приблизительно прямую линию, как между Лотербургом и Дюнкирхеном, но значение обеих этих линий для обороны было бы вовсе не одинаковым. Между тем как северная часть границы совершенно открыта, северная часть восточной границы была бы прикрыта Рейном, а южная часть—Альпами. Между Базелем и Монбланом получилась бы „естественная граница", образуемая Юрой до Фор-Леклюз, а оттуда ветвью Альп, которая со стороны Монблана ограничивает долину Арвы, а оканчивается тоже у Фор-Леклюз. Но если естественная граница образует вогнутую дугу, то она как-раз и не выполняет своего предназначения и, следовательно, не является естественной границей. А если этот вдающийся сегмент, так неестественно вдавливающий нашу границу, вдобавок еще населен людьми, которые „по языку, нравам и цивилизации" являются французами, то разве не следует исправить ошибку, допущенную здесь природой? Разве здесь не должна быть восстановлена требуемая теорией выпуклость или, по крайней мере, прямая линия? И допустимо ли, чтобы живущие по ту сторону естественной границы французы приносились в жертву какой-то „игре природы"?

Что подобные бонапартистские философствования не совсем лишены смысла,—доказывает пример Первой Империи, которая переходила от аннексии к аннексии, пока ей не дали по рукам. Самая лучшая граница имеет свои слабые стороны, допускающие исправления, а если не приходится стесняться, то можно аннектировать и аннектировать без конца. Так или иначе, но из вышеприведенных философствований, несомненно, вытекает

следующее: все, что можно сказать в пользу аннексии Савойи, исходя из принципа национальности и военных интересов Франции, целиком применимо также и к французской Швейцарии.

От Коль-ди-Тенда Альпы идут в северо-западном направлении; затем, от Мон-Табора, образующего пограничный камень между Пьемонтом, Савойей и Францией, они в общем уклоняются на северо-восток, а от Мон-Жеан, пограничного пункта между Пьемонтом, Савойей и Швейцарией, загибают еще больше к востоку. Таким образом, на протяжении от Мон-Табора до Мон-Жеана Альпы могли бы служить естественной границей Франции лишь в том случае, если бы эта граница шла дальше по прямой линии, на Базель. Иначе говоря: требование аннексии Савойи к Франции включает в себя требование аннексии французской Швейцарии.

На всем пути, по которому проходит главный гребень Альп, образующий нынешнюю границу между обеими странами, имеется только один шоссированный перевал—Мон-Женевр. Кроме него, есть еще Коль д'Аргентера, который ведет от Барселонетты в долину Стуры и проходим для орудий. Некоторые другие боковые дороги с известной затратой труда тоже можно сделать проходимыми для войск всех родов оружия. Но раз и в Савойю, и в Ниццу можно проникнуть через главную альпийскую цепь по двум шоссированным перевалам, то хотя бы одна из этих провинций неминуемо окажется в руках наступающей французской армии, при чем последней для этого даже не придется переходить через Альпы. К тому же Мон-Женевр открывает наступающей с французской стороны армии одну только возможность — лобового удара на Турин, между тем как оба савойские перевала—Мон-Сенис, а тем более М. Бернар, — позволяют развернуть фланговые операции. Из-за Мон-Женевра наступающей итальянской армии для удара в сердце Франции приходится делать глубокий обход в то время, как Мон-Сенис открывает широкую дорогу от Турина на Париж. Ясно, что если полководец,—кто бы он ни был,—будет использовывать Мон-Женевр, то лишь для второстепенных колонн; главная операционная линия всегда будет проходить через Савойю.

Обладание Савойей, таким образом, означало бы для Фран-

ции прежде всего обладание территорией, которую, в противном случае, все равно пришлось бы завоевывать, прежде чем начать наступательную войну с Италией. Находящаяся в оборонительном положении итальянская армия, конечно, никогда, не станет давать решительного сражения ради обороны Савойи, но при помощи энергичной горной войны и разрушения дорог она может на-время задержать натиск неприятеля уже на верховьях Арка и Изера (долины которых пересекают мон-сенисскую и бернарскую дороги). Затем, опираясь на форты, выстроенные поперек горных проходов, она имеет возможность еще в течение некоторого времени удерживать северо-восточный склон главной цепи Альп. Здесь, как и во всякой горной войне, разумеется, не может быть и речи об абсолютной обороне; решительное сражение, как средство обороны, оставляется на случай спуска неприятеля на равнину. Но зато при подобной тактике получается верный выигрыш времени, что может сыграть определяющую роль при концентрации сил для главного сражения; в особенности важно это в такой растянутой и бедной железными дорогами стране, как Италия, в борьбе с Францией, которая обладает совершенно компактной территорией и вся пересечена превосходными стратегическими железными дорогами. И наоборот, это время наверняка потеряно, если Франция успеет завладеть Савойей еще до начала войны. Но Италия никогда не станет воевать с Францией в одиночку; если же у Италии будет союзник, то не исключена возможность, что силы обеих армий в Савойе будут взаимно уравновешиваться. А в таком случае борьба за обладание альпийской цепью развернется вдоль хребта; в худшем случае, итальянцы в течение некоторого времени будут удерживать северный его склон, а потеряв северный, еще потягаются с французами за южный,—так как хозяином горного хребта является лишь тот, кто удерживает в своих руках оба склона и проходы. Хватит ли еще тогда у нападающего сил и решимости преследовать защитников, спустившихся на равнину,—это еще вилами по воде писано...

Савойские походы 1792—1795 гг. дают нам пример подобной горной войны без определенных результатов,—хотя правда и то, что обе стороны действовали вяло, неуверенно и слишком топтались на месте.

21-го сентября 1792 г. генерал Монтескье вторгся в Савойю. 10.000 сардинцев, защищавших ее, были, согласно моде того времени, так разбросаны по целой цепи сторожевых постов, что ни в одном пункте не могли собрать сил, достаточных для сопротивления. Шамбери и Монмелиан были заняты, и французы прошли по долинам до подножия главной альпийской цепи. Самый хребет остался целиком в руках сардинцев; после ряда мелких стычек они 15-го августа 1793 года, под начальством генерала Гордона, снова атаковали французскую армию, выделившую части для осады Лиона и в результате этого ослабленную, и отогнали ее из долин Арка и Изера обратно к Монмелиану. Здесь разбитые колонны собрали свои резервы, Келлерман возвратился из-под Лиона и тотчас же (11-го сентября) перешел в наступление, без труда отбросив сардинцев к альпийским проходам. Однако, здесь и его силы истощились, и ему пришлось остановиться у подножия хребта. Но в 1794 году альпийская армия была доведена до 75.000 человек, против которых пьемонтцы могли выставить только 40.000, считая и предполагаемый резерв из 10.000 австрийцев. Несмотря на это, первые атаки французов на Малый Бернар и на Мон-Сенис оставались безуспешными, пока, наконец, 23-го апреля не был взят Бернар, а 14-го мая—Мон-Сенис, в результате чего весь хребет оказался в руках французов.

Таким образом, понадобились три похода, чтобы отнять у пьемонтцев и получить самим доступ в Италию с этой стороны. Ведь, в наше время совершенно немыслимо, чтобы на таком небольшом пространстве сражения разыгрывались вничью, да еще растягивались на несколько походов. И все же, при известном равенстве сил, французам всегда будет трудно не только форсировать альпийские проходы, но даже сохранить такой перевес, чтобы иметь возможность в любое время беспрепятственно спуститься на равнину. Вот все, что Савойя может дать Италии, однако, и это не так уж мало.

Предположим обратное,—что Савойя присоединилась к Франции. Какое положение создается тогда для Италии? Северный склон Альп—в руках французов; итальянцам остается защищать южный, но над заградительными пунктами и позициями последнего более или менее господствует высокий горный хребет, и все их, большей частью, можно обойти на сравни-

тельно близком расстоянии. Оборона в горах сводится к своему последнему, самому слабому и в то же время самому чреватому последствиями акту. Совершенно отпадает та возможность предварительно ориентироваться в силах противника, какая играет такую большую роль во время горной войны в Савойе. Мало того: пока Савойю еще только предстояло завоевать, Франция при известных обстоятельствах могла удовлетвориться приобретением новой провинции, так что Италия могла бы ограничиться пассивной обороной; войска, может-быть, выгоднее было бы использовать где-нибудь в другом месте; не в интересах Франции было вводить на этом театре войны в дело слишком большие силы. Но стоит Савойе окончательно превратиться во французскую провинцию, — и Франции уже имеет смысл затрачивать силы для защиты ее по своему обычному методу активной обороны. Пассивная оборона может потребовать стольких же людей, как и наступление на Италию; наступательные операции не потребуют излишков войск,—а зато какие они открывают перспективы!

На завтра же после аннексии французским офицерам генерального штаба будет отдано распоряжение объездить долины Арка и Изера, обследовать боковые ущелья, подняться на горные хребты, расспросить лучших альпийских проводников, вымерить дистанции, произвести съемку возвышенностей и тщательно записать все. И делаться это будет не как-нибудь, по-туристски, а по четкому, уже сейчас, вероятно, имеющемуся плану. Следом за офицерами потянутся инженеры и подрядчики, и вскоре в глубине гор будут проложены дороги и возведены каменные сооружения, назначение которых останется непонятным ни туземным жителям, ни путешественникам. Да они и не имеют никакого отношения ни к крестьянам, ни к туристам, так как единственное их назначение — развить естественные стратегические данные Савойи.

И Мон-Сенисский, и Мон-Женеврский проходы выводят на Сузу. Если южные склоны обоих будут атакованы французскими колоннами, то защищающие их итальянские части очутятся в настоящей ловушке. Они не будут знать, с какой стороны им ждать главной атаки; но зато для них будет заранее ясно, что стоит французам форсировать любой из указанных проходов, чтобы войска, защищающие второй проход, оказа-

лись отрезанными. Если первым будет форсирован Мон-Сенис, то войска с Мон-Женевра еще могут как-нибудь спастись пешими тропами в Фенестрельскую долину, пожертвовав артиллерией, поклажей и лошадьми. Но если неприятель продвинется через Мон-Женевр до Сузы, то для мон-сенисских войск всякий путь к отступлению отрезан. При таких условиях оборона обоих проходов поневоле носит чисто-демонстративный характер. Но операционные линии обеих частей французской армии (Гренобль—Бриансон и Шамбери—Лан-ле-Бур) идут в общем параллельно; их разделяет только один ответвляющийся от Мон-Табора хребет, пересеченный множеством пеших и обозных троп. Как только французы построят через этот хребет поперечную дорогу—длиной не больше четырех немецких миль,—они смогут перебрасывать массы своих войск по произволу с одной дороги на другую,—в результате еще больше усилится оборона альпийской линии от нападения итальянцев с этой стороны.

Пойдем дальше. Савойя располагает еще одним альпийским проходом—Малым Сен-Бернаром. Многие французские авторитеты утверждают, что Наполеон поступил бы гораздо благоразумнее, если бы вместо Большого Бернара воспользовалася для своего перехода через Альпы именно Малым. Последний ниже, а следовательно, весной раньше очищается от снега, и вообще доступнее. Колоннам, идущим от Лиона и Безансона, по крайней мере, так же легко, а может-быть, еще и легче сойтись у Альбервиля, чем у Лозанны; оба прохода ведут на Аосту и Иврию. Уже самый факт возникновения полемики относительно преимуществ, какие тот или другой проход представляли для Наполеона в кампанию 1800 г., показывает, насколько велико стратегическое значение Малого Бернара. Правда, для того, чтобы Малый Бернар мог послужить для охвата Маренго, нужны совсем иные условия. Численность армий с тех пор настолько возросла, что они никак не могли бы совершить горный переход в одну колонну. Тридцатитысячный отряд, который вздумал бы в наше время произвести обходное движение собственными силами, шел бы, в большинстве случаев, на верную гибель. Все это одинаково справедливо по отношению к обоим проходам. Но существуют признаки, показы-

вающие, что группы крепостей и обнесенные траншеями лагери, сооруженные по новейшему образцу, должны придать войнам, которые ведутся с одинаковым упорством с обеих сторон, совсем иной, чрезвычайно затяжной характер: в наше время исход войны будет оставаться неопределенным, пока соперники не доведут друг-друга до полного истощения сил в ряде кампаний. В ходе таких кампаний численность армий будет все больше сокращаться. Допустим такой случай, что война на верхне-итальянской равнине продолжается в течение ряда лет с переменным успехом: французы, успевшие-было захватить Казале или Алессандрию, или оба пункта вместе, отброшены за Альпы, силы обеих армий ослаблены в значительной степени, и в борьбе наступает затишье. Неужели потребовалось бы какое-то особое искусство, чтобы при наших железных дорогах, при современной легкой артиллерии, быстро перебросить через Малый Бернар к Иври отряд в 30.000—40.000 человек и даже больше? От Иври они могут уже создать себе базы в равнине, где найдут все самое необходимое, и где их силы увеличатся местным гарнизоном. Если бы это оказалось невозможным, то, во всяком случае, неприятель не смог бы выделить настолько сильной группы, чтобы преградить им дорогу на Турин и путь к отступлению через ближайший из обоих проходов. Но эти 30.000—40.000 человек, вместе с гарнизонами, представляли бы уже достаточно импозантную величину и, на худой конец, разбив ближайшие вражеские корпуса, могли бы продолжать войну вокруг своего укрепленного лагеря, имея все шансы на успех. Достаточно вспомнить, насколько были сокращены армии уже в 1814 году, и как невелики были силы Наполеона, с которыми он одерживал свои знаменитые победы.

Бернарская дорога, как уже сказано, проходит по долине Изера, подобно тому, как мон-сенисская—по долине Арка. Обе эти реки текут с Мон-Изерана. В верхней части Бург-Сен-Мориса бернарская дорога удаляется от реки и сворачивает прямо поперек горы,—между тем, как лощина (Валь-де-Тинь) уходит направо и вверх, к югу. В нижней части Лань-ле-Бурга, у Терминьона, в долину Арка впадает небольшая боковая долина (Валь Сен-Бартелеми). Между Мон-Изераном и Мон-Шафкаре, из Валь-де-Тинь в Валь-Сен-Бартелеми ведут через

горный хребет три пеших тропы. По одной из этих троп, наверно, можно будет проложить шоссе. Если здесь будет проведена шоссейная дорога, то вместе с прежде упомянутой поперечной она послужит к довольно значительному расширению всей системы стратегических дорог Савойи, как французской пограничной провинции. Тогда непосредственно за главным альпийским гребнем проходила бы дорога, которая связывала бы между собой три важнейших прохода и позволяла бы в двухдневный срок перебрасывать основное ядро армии с Мон-Женевра и Бернара к самому Мон-Сенису, а в четырех-пятидневный срок—с одного фланга на другой. А если бы эта система была дополнена еще одной дорогой, соединяющей Мутье через Пролоньянский проход с Сен-Бартелеми и Ланьле-Бургом, и другой — от Сен-Жан-де-Мориенн, то лучшего и желать не приходилось бы. Оставалось бы только возвести необходимые вспомогательные (но отнюдь не имеющие характера долговременных) укрепления и обеспечить на случай атаки главный дорожный узел, Мутье, как центральную базу. При этом речь идет всего-навсего о прокладке каких-нибудь двадцати пяти миль новых дорог.

Что же станется с обороной южного склона Альп в случае, если будут возведены подобные сооружения (в том, что уже сейчас у французского генерального штаба имеется готовый план полного стратегического использования Савойи, не может быть никакого сомнения)? И разве будет что-либо невозможное в смысле обороны для нового Лекурба, опирающегося на крепкую центральную базу и малые форты, а также на такую сеть дорог, дающую ему полную свободу передвижения? Пускай не говорят, что с современными большими армиями уже нельзя вести горных войн. Это верно лишь в тех случаях, когда на одной стороне имеется реальный и решительный перевес сил. Но о современные крепости разбиваются даже большие армии, и часто перевес должен будет уступать место равновесию. Разумеется, без особой нужды никто не станет забираться в горы, но путь из Парижа в Италию и из Италии в Париж всегда будет лежать через Савойю или Валлис.

Резюмируем. Если бы Савойя превратилась во французскую провинцию, то ее географическое положение и в частности ее альпийские проходы позволили бы французской армии, даже

без особого численного перевеса, завладеть итальянским склоном Альп, совершать прогулки по долинам и вообще приобресть значение, совершенно не соответствующее ее боевым силам. А, произведя еще некоторую подготовку театра войны, французская армия создала бы для себя настолько выгодное положение, что при остальных равных условиях перевес тотчас же оказался бы на ее стороне. К тому же Малый Бернар вынуждал бы итальянцев к оборонительному образу действий, в то время, как французам он при случае дает возможность переходить в решительное наступление.

В руках Франции Савойя по отношению к Италии является исключительно орудием наступления.

Затрогиваются ли этим интересы Швейцарии?

При настоящем положении вещей ни один сосед Швейцарии, в отдельности взятый, не может напасть на нее иначе, как с фронта. При этом мы рассматриваем Южную Германию без Австрии, как одного, а Австрию—как другого соседа Швейцарии, потому что мы уже видели, что оба указанные государства вовсе не обязательно и не всегда идут вместе. Южная Германия может наступать только по линии Базель—Констанц, Австрия—только по линии Рейнек—Мюнстер, Италия—по линии Пошиаво—Женева, Франция—по линии Женева—Базель. Линия отступления швейцарской армии повсюду проходит перпендикулярно к фронту и позади его; ее нейтральная пограничная полоса везде в большей или меньшей степени прикрывает собой фланги. Поэтому до тех пор, пока на Швейцарию наступает только один из ее соседей, стратегический охват до начала боя никак невозможно произвести. Австрия занимает у Граубюндена более выгодное фланговое положение, но швейцарцы, все равно, ни в коем случае не стали бы давать австрийцам решительного сражения в Граубюндене, а непременно дальше к северо-западу, в предгорьях Альп. То, что Австрия должна была уступить Ломбардию, создало для Швейцарии еще более благоприятное положение. Не далее, как год тому назад у Австрии, правда, было еще достаточно сил для концентрического наступления на юго-западную Швейцарию,—маневр, которым в горной войне далеко не следует пренебрегать, когда располагаешь численным превосходством над противником. Однако, действие такого наступления огра-

ничивалось только Граубюнденом, Тичино, Ури и Гларусом, то-есть наименее населенной и самой бедной частью страны; к тому же, чтобы вести его со стороны Италии через Готард, надо было, чтобы силы неприятеля предварительно были разбиты. Нынешнее благоприятное распределение соседних государств гораздо важнее для Швейцарии, чем всякие европейские гарантии нейтралитета. Оно дает ей некоторую возможность в случае нападения какого-нибудь одного из соседей, растянуть оборону вдоль границы,—самое большее, на что, в конце-концов, может рассчитывать такая небольшая страна.

С того момента, как Савойя отходит к Франции или хотя бы только оккупируется французскими войсками, не может быть и речи об обороне всей Швейцарии в целом, от Бернской Юры до Нижнего Валлиса. Женева уже теперь может быть в течение 24-х часов превращена во французскую базу; Юра подвергается охвату, точно так же, как и линия Зиля и озер Невшательского и Бильского. Французы, вместо того, чтобы драться в ущельях и затем форсировать узкую дорогу между обоими этими озерами и через большое болото смогут самым комфортабельным образом маршировать по богатой холмистой местности кругом Ваадта. Оказать серьезное сопротивление швейцарцы могут впервые только перед Берном, за Сааной и Сензой,—там же, где должен быть дан первый решительный бой: обходная колонна, идущая из Савойи через Вилленев и Вевей, предупреждает возможность какого бы то ни было сопротивления в Ваадте.

До сих пор первой оборонительной линией Швейцарии против Франции остается Юра,—отличное поле действий для милиции, неопытной, но знакомой с местностью и пользующейся поддержкой со стороны населения. Однако, Юра не в состоянии выдержать серьезного натиска уже по тому одному, что пограничная линия, часто перерезывающая наискось ее параллельные гребни, чересчур извилиста. Второй важной линией служит река Зиль, соединяющая Невшатель с Бильским озером и из последнего впадающая в Аар. Продолжением этой линии вправо служит нижнее течение Аара, влево—река Орб, впадающая у Ивердона в верхнюю часть Невшательского озера. Расстояние между озерами по Зилю составляет всего полмили, а от Бильского озера до Аара—одну милю. Соб-

ственно, фронт позиции пролегает между озерами и еще усиливается расположенным в низине большим болотом, которое тянется от Невшательского озера до Аарбурга и доступно для переправы лишь на главной дороге, в месте его пересечения с главной дорогой. Охват этого фронта на правом фланге через Бюрглен можно парализовать у Аарбурга при помощи резервных частей; более далекий обход требует предварительного удара по переправе через Аар и легко может обнажить сообщения. Охват слева может быть произведен только через Ваадт, и его можно задержать последовательно на Орбе, Ментю и Бруа. Это сопротивление нельзя сломить при посредстве нового обхода—вдоль Женевского озера на Фрейбург, так как в распоряжении швейцарцев всегда остается более сокращенный путь для отступления туда вдоль Невшательского озера. Итак, позиция на Зиле пригодна для решительного сражения,—правда, лишь при известных условиях, при крупных промахах со стороны врага,—но так или иначе, она выполняет все требования, какие Швейцария может предъявить к ней: она позволяет задерживать врага, вводя в бой контингенты юго-западной Швейцарии.

С переходом же Савойи в руки неприятеля, достаточно одной колонны, наступающей от Сен-Жингольфа через Вилленев и Шатель-Сен-Дени, чтобы сделать всякое сопротивление в Ваадте излишним, так как, достигнув Вевея, такая колонна оказывается всего на две мили дальше от Фрейбурга, чем швейцарцы, стоящие на Орбе, и, следовательно, может отрезать последним путь к отступлению. От Сен-Жингольфа до Фрейбурга приблизительно двенадцать миль; Фрейбург лежит на расстоянии одного дня пути позади левого фланга зильской позиции, между озерами, и в трех милях от Петерлингена (Паерн), где марширующие через Ваадт французские колонны могут установить контакт с савойскими. Таким образом, если Савойя находится всецело в руках нападающих, последние могут в трех-четырехдневный срок перерезать связь с Валлисом через долину Роны, завладеть Женевой, Ваадтом и Фрейбургом до Сааны и, зайдя главными силами в тыл зильской позиции, получить в свои руки Базель, Солотурн, Бернскую Юру и Невшатель. А, ведь, это не какие-нибудь дикие горные местности, а, напротив, самые богатые и промышленные кантоны Швейцарии.

Швейцария так сильно чувствовала стратегическое давление со стороны Савойи, что в 1814 году добилась знаменитой нейтрализации ее северной части, а в 1816 году заставила Сардинию подписать обязательство, по которому последняя не имела права отдавать Шабле, Фосиньи и Женевуа никогда и никому, кроме самой Швейцарии. Луи-Наполеон повсеместно распространяет слух, что он претендует исключительно на Южную Савойю, а Шабле, Фосиньи и часть Женевуа—до Бах-Лезюсс—пускай себе отходят к Швейцарии. Так как одно другого стоит, то, по словам „Таймса", Луи-Наполен пытается через посредство господина Фогта позондировать почву у швейцарского народного правительства насчет того, не разрешит ли оно ему взамен свободно пользоваться симплонской дорогой. Первый намек на то, что Симплон тоже естественный пограничный столб Франции,—так оно, впрочем, и было при Первой Империи.

Допустим, что Швейцария обогатилась бы новым кантоном—Северной Савойей. У нее, очевидно, была бы тогда вполне „естественная" граница, так как она проходила бы по горному хребту, который, отделяясь между Малым Бернаром и Монбланом от главного хребта, идет к ущелью Роны (Фор-Леклюз). Но через этот хребет из долины Изера и Роны проходят четыре дороги: 1) Зейсель—Женева, 2) Аннеси—Женева, 3) Аннеси—Бонневиль, 4) Альбервиль—Саланш. И из Бонневиля, и из Саланша через северный хребет Арветаля идут дороги к Тонону. Таким образом вся местность совершенно открыта для наступления, направленного на Тонон, на южном берегу Женевского озера. А так как расстояния от Зейселя или Альбервиля до Тонона не превышают 15 миль, то обладание Савойей дало бы защитникам Швейцарии, самое большее, пятидневный выигрыш во времени. Но так как об обороне этого нового кантона иными войсками, кроме ландштурма, не приходится и думать, то ведущая наступление колонна с таким же успехом может итти из Женевы прямо на Тонон—пять миль,—откуда ей остается всего около четырех миль до Сен-Жингольфа. Следовательно, в этом случае Северная Савойя дает Швейцарии только трехдневный выигрыш времени. Если не считать этого, то Савойя может служить разве лишь для того, чтобы вернее раздроблять силы оборонительной швейцарской армии.

Линия отступления швейцарской армии, подвергшейся нападению с французской стороны, проходит, очевидно, через Берн; там, где возможно, вдоль Аара на Цюрих, а где нельзя,—на Люцерн, а из обоих этих городов в долину верхнего Рейна. Поэтому армии не следует останавливаться так далеко к югу, чтобы ее можно было оттеснить с этих линий в горы. Как мы видели, Ваадт еще годится для того, чтобы быть включенным в швейцарскую оборонительную систему, но уж, конечно, для этого не пригодны ни Северная Савойя, ни Валлис, обнаженный в результате того, что нейтралитет Савойи прекратил свое существование. Известно, однако, что в федеративном государстве, стоящем под угрозой и обороняемом милицией, всякий хочет, чтобы прежде всего была защищена его собственная родина. Можно заранее предвидеть, что войска будут роптать, а национальные советы подымут крик, если целые города и кантоны будут сдаваться без боя; а тут еще новый кантон, который Швейцарии приходится содержать исключительно ради обороны! Даже в самом генеральном штабе всякому хочется как-нибудь устроить так, чтобы именно его район был взят под прикрытие; и в милиционной армии, в которой, в лучшем случае, дисциплина изрядно расшатана обывательскими мирными настроениями, начальнику вовсе нелегко удерживать всю армию в одном месте. В девяти случаях из десяти можно ручаться, что начальник окажется слишком слабым или вынужден будет уступить, и что войска, расположенные в Северной Савойе, будут совершенно непригодны для обороны; однако, те же войска, во всяком случае, потерпят урон при отступлении и частью будут отброшены в Валлис, где им придется призадуматься над тем, как им снова соединиться с главными силами армии через Гемми или Фурка.

Единственное спасение для Швейцарии—то, чтобы Северная Савойя не принадлежала ни ей, ни Франции,—так как в войне между обоими этими государствами Савойя должна бы соблюдать нейтралитет на деле и прикрывать собой Швейцарию. А если бы она принадлежала Швейцарии, то для последней это было бы немногим лучше, чем если бы Савойя была французской провинцией. Все значение Савойи сводится к тому, что она дает выигрыш времени в три или, самое большее, в пять дней, из которых большая часть потом, все равно, уходит на

оборону Ваадта. Но что это значит по сравнению с уверенностью в том, что единственным местом, в котором Швейцария может подвергнуться нападению, является район между Базелем и Женевским озером?

Для Швейцарии Северная Савойя—дар данайцев; больше того: этот дар заключает в себе угрозу. В предположенном нами случае Франция в военном отношении безраздельно господствует над французской частью Швейцарии и не позволяет мало-мальски серьезной обороны последней. За аннексией Южной Савойи со стороны Франции немедленно последует требование присоединения к ней французской Швейцарии.

III.

Графство Ницца расположено, как известно, у подножья Приморских Альп, и его граница с Генуэзским заливом в одной миле к востоку от Онеглиа, у Черво, спускается к морю. В западной половине говорят на провансальском; в восточной, по ту сторону Ройи, на итальянском диалекте. Однако, за исключением нескольких деревень, итальянский повсеместно служит также и литературным языком; только в городе Ницце, благодаря сильному притоку иностранцев, с ним соперничает французский.

Чтобы правильно разобраться в национальном вопросе, нам придется сейчас на один момент остановиться на соотношении между языками, существующем в Западных Альпах.

Повсюду, где итальянский сталкивается в Альпах с другими языками, он оказывается слабее их. Он решительно нигде не проникает за альпийскую цепь; романские диалекты Граубюндена и Тироля не стоят ни в какой зависимости от итальянского языка. Напротив, к югу от Альп все соседние языки еще отвоевали у него часть территории. В горных округах на западе венецианской провинции Удине говорят на крайнско-словенском диалекте. В Тироле немецкая речь господствует по всему южному склону и в долине Верхнего Эча. Далее к югу, в самой гуще итальянского населения, имеются островки немецкого языка; у южного подножия Гриса, в тичинской Валь-ди-Каверна, в пьемонтской Валь-Формацца, в верхней части Валь-Ведро у подножия Симплона и, наконец, по всему юго-восточному склону Монте-Роза, в Валь-де-Ли, верхней части Валь-Сезиа и Валь-Анзаска разговорным языком служит немецкий. От Валь-де-Ли начинается граница французского языка, охватывающая всю долину Аосты и восточный склон Коттийских

Альп, начиная от Мон-Сениса, так что обычно считается, что в ее пределах находятся истоки всех рек, принадлежащих к бассейну Верхнего По. Считается, что эта граница начинается от Демонта (на Стуре), проходит немного западнее Коль-ди-Тенда мимо Ройи, а затем по Ройе до самого моря.

Нет ничего проще, как провести границу между немецким или славянским и итальянским народным диалектом. Иначе обстоит дело там, где сталкиваются два романских языка,— да еще не просто литературный итальянский с языком северно-французской интеллигенции, — а пьемонтский диалект итальянского языка с потонувшим в тысяче исковерканных провинциальных диалектов языком южно-французских трубадуров, который мы для краткости будем обозначать неточным, но общепринятым именем провансальского наречия. Тому, кто хотя бы поверхностно изучал сравнительную грамматику романских языков или провансальскую литературу, должно было броситься в глаза большое сходство народного языка в Ломбардии и Пьемонте с провансальским наречием. В Ломбардии это сходство ограничивается, конечно, только внешними формами языка: гласные окончания в именах мужского рода опускаются, а в женском сохраняются в единственном числе; большинство глагольных форм оканчивается на гласные. Все это придает ломбардскому наречию звуковое сходство с провансальским, между тем как, с другой стороны, носовое *n*, произношение *u* и *oeu* напоминают северно-французский диалект. Но морфология и фонетика, в общем, сходны с итальянской, а в тех случаях, где замечаются уклонения от последней, они часто, как и в ретороманском, странным образом напоминают португальский *).

Пьемонтский диалект в основных чертах совпадает с ломбардским, но уже ближе к провансальскому, а в Коттийских и Приморских Альпах, без сомнения, настолько приближается к нему, что здесь уже трудно провести какую-нибудь опреде-

*) Лат. clavis, итал. chiave, португ. chave, ломбард. ciàu (выговар. „чау")— ключ. „Augsburger Allgemeine Zeitung" поместила прошлым летом корреспонденцию из Вероны (см. сообщения австрийской главной квартиры), в которой рассказывалось, что там на улицах люди называют друг-друга „чау, чау". Мудрая газета, речь которой вообще часто хромает на обе ноги, видно, была в большом затруднении, где ей искать ключ к этому „ключу". Приве-

ленную границу *). К тому же большинство южно-французских провинциальных наречий не на много ближе к литературному языку Северной Франции, чем пьемонтский. Следовательно, национальность здесь далеко не определяется языком, на котором говорит народ; альпийскому крестьянину, говорящему по-провансальски, одинаково легко выучиться и итальянскому, и французскому языку,—и ему одинаково редко могут пригодиться как тот, так и другой. Ему вполне понятен пьемонтский диалект, с которым у него очень мало общего. Если на что-нибудь можно опереться, то уж, во всяком случае, не на народный, а на литературный язык,—а таким во всем Пьемонте и в Ницце является, конечно, итальянский; единственное исключение составляют разве долина Аосты и Вальденские долины, где местами преобладает литературный французский язык.

Итак, нелепо было бы утверждать, что Ницца—страна французской национальности, на том только основании, что в ней говорят на провансальском народном наречии, которое, к тому же, распространено лишь в одной половине провинции. Но вся бессмысленность этого утверждения выступает еще ярче, если мы вспомним, что область распространения провансальского языка простирается за Пиренеи, захватывает Арагонию, Каталонию и Валенсию. В этих испанских провинциях провансальское наречие, несмотря на некоторые отзвуки кастильского, не только сохранилось, в общем, в гораздо более чи-

---

денное ею слово выговаривается s-ciau (счау) и представляет собой аналог ломбардской формы schiavo—раб, слуга; у нас, ведь, тоже здороваются так: „ваш слуга, покорный слуга“ и т. п. Из действительно провансальских форм в ломбардском наречии можно отметить только две: женский род причастия прош. вр. на -da (amà, amada) и первое лицо наст. вр. на i (ami—люблю, saludi—приветствую).

*) Характерными признаками итальянского и провансальского диалектов должны быть: 1) итальянская вокализация i после согласных, чуждая провансальскому диалекту (fiore, piu, bianco), 2) образование множественного числа имен существительных от латинского именительного падежа (donne, cappelli). Правда, в средине века в провансальском и старо-французском диалектах именительный падеж образовывался таким же образом, между тем как остальные падежи производились от латинского винительного (окончание -s). Однако, насколько нам известно, во всех современных провансальских диалектах сохранилась только последняя форма. Несмотря на это, на границе языков трудно решить, происходит ли заимствованная форма именит. падежа от итальянской или провансальской.

стом виде, чем в какой бы то ни было части Франции, но завоевывает себе даже право на прочное существование в качестве языка народной литературы. Что бы сталось с Испанией, если бы Луи-Наполеон вздумал потребовать себе указанные три провинции, как французские по национальности?

Возбудить в графстве Ницце симпатии к Франции, кажется, еще труднее, чем в Савойе. От деревень—ни слуху, ни духу; в городе все попытки подобного рода проваливаются с еще большим треском, чем в Шамбери,—хотя на этом морском курорте гораздо легче собрать группу бонапартистов. Поистине недурная идея—взять в качестве ниццского Гарибальди француза.

Если Савойя играет величайшую роль в обороне Пьемонта, то Ницца и подавно. Из Ниццы в Италию ведут три дороги: корнишская—вдоль прибрежья, на Геную; вторая—через Коль-ди-Нава от Онеглиа в долину Танаро, до Чева; третья—через Коль-ди-Тенда на Кунео (Кони). Правда, первую из них в ее конце перегораживает Генуя; но зато уже у Альбенги и далее у Савоны она дает возможность колонне, ведущей наступление, совершить перевал через Апеннины по хорошим шоссейным дорогам; кроме того, она изобилует всякими обходными и пешими тропами и тропинками. Пример тому, как использовывать последние во время войны, показал Наполеон в 1796 г. Третья—через Коль-ди-Тенда—имеет такое же значение для Ниццы, как Мон-Сени для Савойи; она открывает прямой путь на Турин, но не дает никаких или почти никаких фланговых преимуществ. Средняя—через Коль-ди-Нава—ведет зато прямо на Алессандрию, и поэтому ее действие на юге аналогично действию Малого Бернара на севере, но более непосредственно и не зависит от стольких условий. Вдобавок, она представляет то преимущество, что проходит достаточно близко от прибрежной дороги, откуда во время наступления можно получать значительные подкрепления. Колонна, наступающая по Навской дороге, может уже у Гарессио снова установить контакт с колонной, продвинувшейся по приморской дороге до Альбенги, так как здесь находится место пересечения главной и боковой (Альбенгской) дороги. Если колонна миновала Чева, то путь лежит на Алессандрию через Каркаро, расположенный на полдороге между Чева и Савоной; у Каркаро же в главную вре-

зывается Савонская дорога. Но между Чева, Савоной и Онеглиа возвышаются горы, в которых защитникам никак не удержаться. К этому надо прибавить, что северный склон Коль-ди-Нава с истоками Танаро находится на территории Ниццы, так что проход à priori принадлежит тому, в чьих руках была Ницца до начала войны.

Французская армия, являвшаяся полным хозяином Ниццы еще до объявления войны, угрожает оттуда флангу, тылу и сообщениям всякой итальянской части, выдвинувшейся к западу от Алессандрии. Отдать Ниццу Франции значило бы, следовательно, отодвинуть концентрационный пункт итальянских боевых сил до Алессандрии и отказаться от обороны собственно Пьемонта; эта оборона вообще может вестись только на территории Ниццы и Савойи.

Последнее обстоятельство прекрасно может быть иллюстрировано фактами из истории революционной войны.

1-го октября 1792 года генерал Ансельм с дивизией из 9.000 человек переправился через Вар; в то же время французский флот (в составе 12 линейных кораблей и фрегатов) бросил якорь в тысяче шагов от Ниццы. Население, бывшее на стороне революции, подняло восстание и заставило слабый гарнизон Пьемонта (2.000 человек) поспешно отступить к Коль-ди-Тенда, где он занял позицию у Саорджио. Город Ницца принял французов с распростертыми объятиями, но они разграбили всю страну, стали жечь у крестьян дома, насиловали их жен,— и никакие приказы Ансельма и воззвания комиссаров Конвента не могли привести их к порядку. То было первоначальное ядро позднейшей итальянской армии, с которой генерал Бонапарт стяжал свои первые лавры. Бонапартизм на первых порах, повидимому, всегда вынужден был опираться на всякий сброд; без „Общества 10-го декабря“ ему никогда бы не стать на ноги. Борющиеся стороны долго ничего не предпринимали по отношению друг к другу; французы держали в своих руках город и окрестности; пьемонтцы, получив подкрепление в виде одной австрийской дивизии, были полными хозяевами в горах и занимали сильно укрепленную позицию с центром у Саорджио. В июне 1793 года французы несколько раз ходили в атаку, но безрезультатно. В июле они взяли Коль-д'Аргентера, заходящий в тыл неприятельской позиции. После занятия Тулона

(в декабре 1793 года) итальянская армия получила значительные подкрепления, и к ней был прикомандирован генерал Бонапарт. Ближайшей весной он предпринял комбинированное наступление на саорджийский лагерь, которое 28-го апреля завершилось блестящим успехом, передав в распоряжение французов все проходы в Приморских Альпах. Тогда Бонапарт предложил объединить альпийскую и итальянскую армии в долине Стуры, чтобы пойти на Пьемонт; но его план не был принят. Вскоре затем, в результате переворота 9-го термидора, Бонапарт лишился самого могущественного покровителя, Робеспьера-младшего, а вместе с тем и своего влияния в военном совете и остался простым дивизионным генералом. Армия перешла к обороне,—и только тогда, когда австрийский генерал Коллоредо с обычайной медлительностью стал двигаться на Савону, чтобы отрезать крайне важное для французов сообщение с нейтральной Генуей, Бонапарту представился случай напасть на него и нанести ему поражение. Несмотря на это, путь на Геную остался под угрозой, и первое, чем началась кампания 1795 года, было изгнание французов из всей генуэзской Ривьеры. Тем временем, благодаря миру с Испанией, освободилась восточно-пиренейская армия; она была направлена в Ниццу, где и собралась вся до наступления ноября. Шерер, командовавший в Приморских Альпах, перешел тогда немедленно в наступление согласно плану, выработанному Массеной. Пока Серюрье связывал силы пьемонтцев на Коль-ди-Тенда, Массена вступил в горы, чтобы произвести охват Лоано, атакуемого в то же время с фронта войсками Ожеро (23 ноября). План вполне удался: австрийцы потеряли 2.000 убитыми, 5.000 пленными, 40 пушек и были совершенно отрезаны от пьемонтцев. Была восстановлена прочная связь с Генуей, и в течение всей зимы горы находились в неограниченном распоряжении французов. Наконец, весной 1796 года Бонапарт был назначен главнокомандующим итальянской армией, и дело приняло иной оборот. Опираясь на находившиеся в его власти Ниццу и Ривьера-ди-Поненте, он выступил из Савоны в горы и разбил австрийцев при Монтенотте, Милезимо и Дего, отрезав их, таким образом, от пьемонтцев. Последние, в свою очередь, окруженные и изолированные превосходными силами французов, после пары арьергардных стычек поспешили заключить мир.

Итак, достаточно было четырех удачных сражений в верхних долинах Бормиды и Танаро, даже без прямого удара на Турин, чтобы привести французов к военному обладанию всем Пьемонтом. Война тотчас же перекинулась в Ломбардию, и Пьемонт превратился в составную часть французской операционной базы.

Мы видим, что в течение первых трех лет войны Ницца служила вполне достаточным прикрытием для Италии. Лишь во время третьего похода неприятелем были заняты проходы Приморских Альп и использованы во время четвертого; зато теперь они сыграли решающую роль. После горных боев первой недели достаточно было одной крупной демонстрации против пьемонтцев, чтобы воочию показать им всю безнадежность их положения и неизбежность капитуляции. Непосредственное наступление на Милан протекало почти без перерыва; весь район, расположенный между Бормидой, Тичино и Альпами, дался в руки французам без всякого сопротивления.

Если Ницца отходит к Франции, то Италия оказывается по отношению к последней в таком же положении, как и в конце похода 1794 года. Французам открывается доступ не только в долину Стуры через Коль-ди-Тенда, но и в долину Танаро через Коль-ди-Нава. Если перевес сил на стороне наступающей французской армии, то ей не страшны никакие заграждения, выставленные по пути на Альбенгу и Савону, и через каких-нибудь три-четыре дня после начала похода она снова очутится у исходного пункта кампании 1796 года. В каком месте может итальянская армия противопоставить французам свои главные силы? В генуэзской Ривьере ей негде развернуться; к западу от Бельбо и Танаро она обнажает свои сообщения с Алессандрией, Ломбардией и полуостровом. Единственное, что она может сделать,— это продвинуться к югу от Алессандрии и всей массой обрушиться на отдельные колонны, дебуширующие из гор. Но это предполагало бы собой отказ от обороны альпийской границы, потому что в таком случае все части, стоящие на Коль-ди-Тенда и далее к западу и северо-западу, оказались бы отрезанными. Иначе говоря, обладание Ниццей дает Франции господство над Альпами, теряющими тогда свое оборонительное значение для Италии,—а как следствие этого—и военное господство над всем Пьемонтом.

Ницца представляет для Франции те же фланговые преимущества на юге, что Савойя на севере, только более значительные и непосредственные. Но если достаточно одной Ниццы или одной Савойи, чтобы совершенно обнажить собственно-Пьемонт для французского наступления, то как же велика будет власть над Пьемонтом, когда Франция станет обладательницей обеих этих провинций сразу! Пьемонт попадет тогда в настоящие тиски. Франция сможет играть с ним по всей линии от Малого Бернара до Коль-ди-Нава и горных дорог выше Савоны, как кошка с мышью, при помощи бесконечно варииируемых ложных атак, чтобы, в конце-концов, нанести решительный удар по флангу, отрезывая все итальянские части, которые не захотят расставаться с горами. Итальянской армии оставалось бы одно: сконцентрироваться у Алессандрии и Казале, оставив на Альпах одни сторожевые посты, и, как только выяснилось бы основное направление, по которому идет атака, бросить все силы в контр-атаку. Если согласиться с этим, то надо пойти дальше и признать, что не только альпийская цепь, но и вся пьемонтская часть бассейна По должна быть à priori принесена в жертву, а первая оборонительная позиция итальянской армии в войне с Францией переносится за валы Алессандрии. Пьемонт является первой операционной базой итальянской армии, когда он опирается на Савойю и Ниццу; без них Пьемонт, выражаясь военным языком, сразу попадает в жертву французскому наступлению, и для того, чтобы отнять его обратно, нужно предварительно одержать победу на пьемонтской территории или же завладеть савойскими и ниццскими проходами.

Аннексия Савойи и Ниццы равносильна если не политической, то военной аннексии Пьемонта Францией. Виктор-Эммануил легко уяснит себе эту истину, если когда-нибудь во время своего пребывания в Вилла Делла Регина, у Турина, соизволит бросить взгляд за прекрасные Альпы, из которых ему уже не будет тогда принадлежать ни одной единственной горы.

Но,—говорят нам,—как только в Верхней Италии образуется сильное в военном отношении государство, Ницца и Савойя становятся совершенно необходимыми для обороны Франции. То, что благодаря Савойе значительно усилилась бы оборонительная система Франции, мы уже видели. Значение Ниццы

сводится к тому, что, не завоевав ее предварительно, невозможно предпринять наступление на нынешние альпийские департаменты Франции. Но вот в чем вопрос: действительно ли сильное в военном отношении итальянское государство представляло бы такую угрозу для Франции, что последней потребовались бы для самозащиты специальные предохранительные меры и даже целые новые области?

Даже если бы вся Италия объединилась, она, при своем двадцатишестимиллионном населении, никогда не смогла бы вести наступательную войну против Франции иначе, как в союзе с Германией. Но в подобной войне главные боевые силы пришлось бы выставить Германии, а Италия играла бы подчиненную роль. Одного этого факта было бы достаточно, чтобы передвинуть центр тяжести всего наступления с Альп на Рейн и Маас. Прибавьте к этому, что цель наступления—Париж—лежит на севере Франции. Наиболее чувствительный удар по Франции может быть нанесен только со стороны Бельгии, а в случае нейтралитета Бельгии—со стороны немецкого левого берега Рейна и верхнерейнской части Бадена. Всякая иная линия наступления должна уже итти в обход и быть направлена не прямо на Париж, а слегка эксцентрически. Клаузевич („О войне", кн. VI, гл. XXIII) насмехается над тем, как в 1814 году 200-тысячная армия, вместо того, чтобы маршировать прямо на Париж, дала увлечь себя в угоду нелепой теории в обход, через Швейцарию, на Лангресское плато. Что сказал бы он о таком плане кампании, по которому главный удар на Париж должен был бы итти через Верхнюю Италию и Савойю или даже Ниццу? Всякое наступление через Савойю имеет решительно меньше шансов на успех, чем со стороны Рейна: оно нуждается в более длинной коммуникационной линии; путь, который ему надо пройти до Парижа, тоже длиннее, и, наконец, притягательная сила большого укрепленного лионского лагеря так велика, что в большинстве случаев будет задерживать наступление. Именно по этим причинам во время похода 1814 г. корпуса, проникшие через Италию во Францию, не играли почти никакой роли.

При таких оборонительных данных Франция фактически не нуждается ни в каком приращении территории на более защищенной из своих границ и ни в каких особых гарантиях про-

тив одного из самых слабых своих сосдеей. Если бы французская граница во всех частях повсюду была так же удалена от Парижа, так же укреплена соединенными усилиями природы и человека и представляла бы такие же трудности для сообщения между собой отдельных частей противника, как пограничная линия между Италией и Францией, то последняя была бы совершенно неуязвима. Если же бонапартизм выбрал именно этот пункт и требует себе здесь так-называемых „естественных границ“ под тем предлогом, что они необходимы для обороны Франции, то, ведь, ему гораздо легче будет обосновать подобные же притязания на Рейн!

Ницца всегда будет итальянской областью, хотя бы она навремя и отошла к Франции. Савойя же, вероятно, в будущем сама пожелает быть включенной в состав Франции, когда произойдет большая консолидация крупных европейских наций. Большая разница, однако, отойдет ли Савойя добровольно к Франции, если Германия и Италия дополнят свое национальное объединение политическим и военным и, таким образом, значительно подымут свой европейский удельный вес, или император-завоеватель, подобный Луи-Наполеону, выторгует ее себе еще до объединения Италии, чтобы увековечить свой суверенитет над этой самой Италией и заодно создать первый прецедент для теории естественных границ.

IV.

Нас, немцев, интересуют во всем этом савойско-ниццском гешефте, главным образом, три обстоятельства.

Во-первых,—то, как Луи-Наполеон проводит на практике независимость Италии. Италия делится, по меньшей мере, на три, а если представится возможность, то и на четыре государства. Венеция остается у Австрии, а Франция, получив Савойю и Ниццу, получает тем самым и власть над Пьемонтом. Папская область после отделения Романьи совершенно изолирует Неаполь от северо-итальянского государства и не позволит никакого расширения последнего на юг, так как надо, ведь, „гарантировать" папе остающуюся территорию. В то же время Венецию держат в качестве приманки перед самым носом у верхне-итальянского государства, и Австрия попрежнему остается первым и непосредственным врагом итальянского национального движения. А для того, чтобы всегда можно было по первому желанию Луи-Наполеона двинуть новое королевство против Австрии, французы завладевают всеми господствующими позициями в Восточных Альпах и выдвигают свои аванпосты на расстоянии каких-нибудь девяти миль от Турина. Таково то положение, которое бонапартизм создал себе в Италии, и которое в войне за рейнскую границу сэкономит ему целую армию. У Австрии имеется теперь прекрасный предлог не поставлять больше, чем свою часть союзного контингента для общегерманской армии,—или даже и этого не давать. Делу мог бы помочь только решительный поворот руля в германской политике по отношению к Италии. То, что Германии не нужна Венеция до Минчио и По, уже было доказано нами прежде, надеемся, с достаточной убедительностью. В существовании владычества папы и Неаполя мы также решительно

ничем не заинтересованы,—скорее, напротив, мы заинтересованы в восстановлении сильной и единой Италии, имеющей свою собственную политику. Итак, при данных условиях мы можем больше предложить Италии, чем бонапартизм; и, может быть, недалеко то время, когда придется серьезно задуматься над этим.

Во-вторых,—открытое провозглашение теории естественных границ для Франции. Не может быть никакого сомнения в том, что этот лозунг снова выставлен на знамени французской прессы не только с согласия, но и по прямому приказу правительства. В первую очередь указанную теорию применяют только к Альпам; это еще, сравнительно, невинное требование: Савойя и Ницца—страны небольшие, с населением в первой—575.000 человек, во второй—236.000 человек, так что они увеличили бы население Франции всего на 811.000 человек, а их военно-политическое значение не сразу бросается в глаза. Но что непосредственно затрогивает нас, немцев,—это то, что в своих притязаниях на обе названные провинции Франция снова выдвигает теорию естественных границ; затем, французскому народу напоминают, что пора уже уху Европы начать сызнова привыкать к выражению „естественные границы"—так же, как оно привыкало ко всем пущенным в оборот и последовательно сменявшим друг-друга в течение десяти лет бонапартистским словечкам. Во французском языке времен Первой Империи, в котором так усердно практиковались впоследствии республиканцы из „Национаря", под выражением „естественные границы Франции" подразумевалась, прежде всего, граница по Рейну. И по сей день, когда речь заходит о естественной границе, ни один француз не имеет при этом в виду Савойи или Ниццы, а исключительно Рейн. Так какое же правительство, опирающееся вдобавок на завоевательные традиции и вожделения нации, отважилось бы сначала кинуть в массы лозунг естественных границ, а потом попытаться заткнуть Франции глотку Савойей и Ниццей?

Вторично провозглашаемая ныне теория естественных границ Франции представляет собой прямую угрозу для Германии и совершенно недвусмысленный факт, вполне оправдывающий тот подъем национального чувства, какой наблюдался в Германии год назад. Если не сам Луи-Наполеон, то вдохно-

вляемая им пресса старательно внушает всякому, имеющему уши, что речь шла и может итти исключительно о Рейне.

Третье и самое главное—отношение России ко всей этой интриге. Когда в прошлом году разразилась война, и Горчаков сам признался, что Россия дала Луи-Наполеону „письменные обязательства",—в публике распространились слухи относительно содержания этих обязательств. Слухи исходили из различных источников и, в общем, подтверждали друг-друга. Россия обязывалась мобилизовать четыре армейских корпуса и выставить их на прусской и австрийской границе, чтобы облегчить Луи-Наполеону его игру. Что касается самого течения войны, то договором предусматривались три возможности.

Или Австрия заключит мир на Минчио; в таком случае она лишается Ломбардии и, будучи изолирована от Пруссии и Англии, легко пойдет на то, чтобы вступить в русско-французский альянс. Последний будет тогда преследовать свои дальнейшие цели (раздел Турции, передача левого берега Рейна Франции) уже иными путями.

Или она будет продолжать войну за обладание Венецией; тогда она окончательно изгоняется из Италии, и подымается восстание в Венгрии, которая при известных обстоятельствах передается русскому великому князю Константину. Ломбардия и Венеция отходят к Пьемонту, Савойя и Ницца—к Франции.

Или же Австрия продолжает войну, и Германский союз помогает ей; тогда Россия активно вмешивается в борьбу, Франция получает левый берег Рейна, а Россия—свободу действий в Турции.

Повторяем: эти данные относительно содержания русско-французского договора были известны и опубликованы уже в начале войны. Большая часть их нашла свое подтверждение в ходе событий. А как же остальные?

Самая природа описываемых событий не позволяет мне привести документальных доказательств немедленно. Последние могут увидеть свет только тогда, когда соответствующие факты отойдут уже в область истории. Единственной путеводной нитью в этом лабиринте интриг могут служить факты и документы, относящиеся к политике России в прежние исторические периоды (напр., русские акты, найденные в Варшаве в 1830 г.),—единственной, но и вполне достаточной.

В течение последнего столетия Россия дважды связывалась с Францией, и оба раза целью или базой, на которой заключалось соглашение, был раздел Германии.

Первый раз это было на плоту у Тильзита. Россия отдала Германию в полное распоряжение французскому императору и даже милостиво приняла под залог Германии ломоть Пруссии. Получив зато свободу действий в Турции, она поспешила захватить Бессарабию и Молдавию и переправить свои войска через Дунай. Именно тот факт, что Наполеон вскоре „подробно ознакомился с турецким вопросом“ и переменил свое отношение к нему, послужило основным мотивом для русско-французской войны 1812 года.

Второй раз—в 1829 году. Россия заключила тогда с Францией договор, по которому Франция должна была получить левый берег Рейна, а взамен предоставить России свободу действий в Турции. Июльская революция порвала этот договор; Талейрану удалось заполучить относящиеся к соглашению документы как-раз в то время, когда подготовлялось обвинение против министерства Полиньяка, и он сжег их для того, чтобы спасти французскую и русскую дипломатию от грандиозного скандала. Дипломаты всех стран составляют тайный союз, члены которого никогда не станут публично компрометировать друг-друга.

В войне 1853 года Россия всецело положилась на Священный союз: ей казалось, что интервенция в Венгрии и усмирение Варшавы впрыснули в его жилы новую кровь, а недоверие Австрии и Пруссии к Луи-Наполеону еще крепче спаяло союз. Россия обманулась в своих надеждах. Австрия удивила мир своей неслыханной неблагодарностью (свой долг перед Россией она с лихвой уплатила в Шлезвиг-Гольштинии и Варшаве) и последовательным возобновлением традиционной руссофобской политики на Дунае. С этой стороны, расчеты России не оправдались; с другой, ее вторично спасла измена в лагере противника.

Одно не подлежало сомнению: завоевание Константинополя, составлявшее „idée fixe“ России, могло быть осуществлено только в союзе с Францией. С другой стороны, никогда еще ни одно французское правительство не нуждалось так в захвате рейнской границы, как правительство Луи-Наполеона. Положе-

ние было еще более благоприятным, чем в 1829 г. У России были на руках все козыри; Луи-Наполеону ничего не оставалось, как своими руками загребать для нее жар.

Первым делом надо было „ликвидировать“ Австрию. С величайшим упрямством боролась Австрия с оружием в руках с 1792 вплоть до 1809 года против французов. С тем же упрямством она, начиная с 1814 года, отбоярывалась при помощи своей дипломатии от покушений русского милитаризма на Вислу и Дунай. И в этом ее неоспоримая, хотя и единственная заслуга. В 1848—1849 гг., когда германская, итальянская и венгерская революции угрожали Австрии неминуемым развалом, Россия спасла Австрию: пускай разваливается, только не от революции; ведь, революция привела бы к освобождению отдельных составных частей Австрии и не дала бы России попрежнему командовать ими. Однако, возникшие в 1848 году обособленные движения среди отдельных национальностей лишили Австрию возможности оказывать дальнейшее противодействие России и тем самым уничтожили последнее внутреннее, историческое основание для существования Австрии в прежнем виде.

Это же антиавстрийское национальное движение должно было теперь сыграть роль рычага, которому предстояло расшатать государственный механизм Австрии. Сначала в Италии; затем, если понадобится, то и в Венгрии. Россия действует совсем иначе, чем Наполеон I: так, на Западе, где ей приходится иметь дело с плотным населением, более цивилизованным, чем ее собственное, она продвигается вперед очень медленно. Порабощение Польши ведет свое начало еще от Петра Великого, а между тем оно закончено лишь частично. Россия так же умеет ценить медленные, но верные успехи, как и быстрые, решительные удары, дающие большие результаты; но она всегда имеет в виду обе возможности. В том, как была использована возможность венгерского восстания во время войны 1859 г., в том, как оно было оставлено про запас для второго акта, ясно видна рука России.

Но если России и доставило удовлетворение то, что короткий поход 1859 года так ослабил Австрию, то неужели она из-за этого уже не предвидела других возможностей? Неужели она мобилизовала свои первые четыре корпуса только ради

того, чтобы получить такое удовлетворение? А если бы Австрия не соглашалась? И если военные и политические соображения вынуждали Пруссию и остальную Германию—что было совершенно неизбежно в случае продолжения войны—вступиться за Австрию? Как же тогда? Какие обязательства могли быть на такой случай у России перед Францией?

Ответ на эти вопросы дают нам договоры Тильзитский и 1829 года. Если Россия получит новые области на Дунае и прямое или косвенное господство над Константинополем, Франция тоже предъявит свои права на часть добычи. Единственная компенсация, какую Россия может предложить Франции,—это левый берег Рейна; все жертвы снова выпадают на долю Германии. Естественная и традиционная политика России по отношению к Франции состоит в том, чтобы обещать отдать последней или помочь ей получить левый берег Рейна, а взамен Франция должна разрешить и содействовать России в ее завоеваниях на Висле и Дунае; затем—помогать Германии, которая из благодарности признает русские завоевания, вернуть себе области, отнятые у нее Францией. Подобная программа может получить свое осуществление, разумеется, лишь в эпохи крупных исторических кризисов, однако, это совершенно не мешало в 1859 году предусматривать такие возможности с тем же успехом, что и в 1829 году.

Смешно было бы в наши дни тратить порох на доказательство того, что завоевание Константинополя было постоянной задачей русской внешней политики, и что для этой цели все средства были хороши. Мы напомним здесь одно. Вне союза с Францией или с Англией России никогда не добиться раздела Турции. Когда представился подходящий случай сделать Англии непосредственные предложения, царь Николай лично отправился в Англию и привез с собой русский меморандум по поводу раздела Турции, в котором англичанам, между прочим, был обещан Египет. Русские предложения были отклонены, но лорд Эбердин положил меморандум в шкатулку, которую передал запечатанной своему преемнику на посту министра иностранных дел. И всякий следующий министр иностранных дел прочитывал этот документ, запечатывал и передавал своему преемнику,—пока наконец, в 1853 году дело не выплыло наружу

во время дебатов в верхней палате. Одновременно была опубликована известная беседа императора Николая с сэром Гамильтоном Сеймуром относительно „больного человека“; в этой беседе Англии точно так же были предложены Египет и Кандия, между тем как Россия собиралась, повидимому, удовлетвориться немногим. Итак, Россия обещала Англии в 1853 г. то же, что и в 1844; так неужели в 1859 году нельзя было дать Франции столь же щедрых обещаний, как и в 1829?

И личные свойства, и объективное положение Луи-Наполеона обрекали его на роль орудия в руках России. Мнимый наследник великой военной традиции, он получил в наследство также и поражения 1813—1815 гг. Армия—его главная опора, и для ее удовлетворения он должен добиваться новых военных успехов, покарать державы, повергшие Францию в прах в те злосчастные годы, и восстановить естественные границы страны. Позор будет смыт с лица двукратно оккупированного Парижа не раньше, чем французский трехцветный флаг будет развеваться по всему левому берегу Рейна. А для всего этого нужен сильный союзник. Выбор возможен только между Англией и Россией. Однако, в Англии слишком часто сменяются министерства, что делает ее, по меньшей мере, ненадежным союзником,—даже в том случае, если бы проект подобного соглашения и пришелся по вкусу какому-либо английскому министру. Но Россия? Россия уже дважды высказывала готовность заключить соглашение на подобной основе.

Никогда еще не было человека, более подходящего для русской политики, чем Луи-Наполеон, и никогда еще обстоятельства не складывались так благоприятно для нее. Можно ли было мечтать о большем: на французском троне сидит монарх, который вынужден вести войны, вынужден завоевывать ради того только, чтобы сохранить свое положение; монарх, которому нужен союзник, и у которого нет иного выбора, кроме союза с Россией. Со дня свидания в Штутгарте главные пружины французской политики надо искать уже не в Париже, в голове Луи-Наполеона, а в Петербурге, в кабинете князя Горчакова. „Таинственная“ особа, внушающая такой благоговейный ужас немецкому филистеру, оказывается простым орудием в руках русской дипломатии, которая разрешает ему сколько-угодно рядиться в мантию величия, а сама готова

удовлетвориться низменными, но зато реальными выгодами. Россия, которая никогда не станет без крайней нужды жертвовать ни одним солдатом и ни одной копейкой денег, но всегда постарается натравить остальные европейские державы друг на друга, чтобы они как можно больше ослабили одна другую,—эта самая Россия сначала должна была подписать горчаковский договор, чтобы Луи-Наполеон мог позволить себе удовольствие, бия себя в перси, выступать в роли освободителя Италии. Но в русской Польше господствовало такое настроение, что предпринимать какие-либо военные действия в Венгрии, лежащей по соседству с Польшей, было просто рискованно: попытка мобилизации первых четырех армейских корпусов показала, что Россия еще сильно истощена; наконец, крестьянские движения и сопротивление дворянства приняли такие размеры, что грозили срывом войны. Тогда во французскую главную квартиру явился генерал-адъютант русского императора, и Виллафранкский мир был подписан. Ближайшие цели России были достигнуты. Австрия была сурово наказана за „неблагодарность“ в 1854 году,—суровее, чем Россия сама могла ожидать. Австрийские финансы, перед войной находившиеся уже на пути к упорядочению, были теперь подорваны на целые десятки лет вперед; вся система ее внутреннего управления получила непоправимый удар; ее господство в Италии было окончательно уничтожено, территория урезана. Войска пали духом и утратили всякое доверие к своим вождям; волна национального движения в Венгрии, Венеции и среди славянских народов поднялась так высоко, что требование отделения от Австрии выставлялось уже совершенно открыто. Отныне Россия могла скинуть сопротивление Австрии со счетов и вступить на путь постепенного превращения последней в орудие своей политики. Таковы были успехи России. Луи-Наполеону не досталось ничего, кроме весьма тощей славы для его армии, очень сомнительных лавров для него самого и такого же сомнительного права на получение в будущем Савойи и Ниццы,—двух провинций, которые, в лучшем случае, были бы для него данайскими дарами и еще сильнее связали бы его с Россией.

Осуществление дальнейших планов пока отложено,—но не навсегда. На какой именно срок,—это будет зависеть от после-

дующего развития международных отношений в Европе, от того, как долго удастся Луи-Наполеону держать в узде свою преторианскую гвардию, а также от того, насколько будет заинтересована в новой войне Россия.

Ту роль, какую Россия собирается играть по отношению к немцам, достаточно хорошо характеризует известное циркулярное письмо, с которым князь Горчаков обратился в прошлом году к мелким германским государствам. Никто и никогда еще не говорил с Германией подобным языком. Россия осмеливается воспрещать помощь немецкому государству, на которое совершено нападение. Надо надеяться, что немцы никогда не забудут этого наглого выпада со стороны России,—да и еще многого другого.

В 1807 году, при заключении Тильзитского мира, Россия отхватила себе от территории своего союзника, Пруссии, Белостокский округ и с головой выдала Германию Наполеону.

В 1814 году, когда даже Австрия стояла на точке зрения независимости Польши (см. мемуары Кэслриджа), Россия аннексировала почти все герцогство Варшавское (то-есть бывшие австрийские и прусские провинции) и заняла, таким образом, по отношению к Германии наступательную позицию, которая будет представлять для нас постоянную угрозу до тех пор, пока мы не выгоним России оттуда. Даже руссофил Гакстгаузен вынужден признать, что выстроенная еще в 1831 г. группа крепостей — Модлин, Варшава, Ивангород—непосредственно угрожает Германии.

В 1814—1815 гг. Россия приложила все усилия, чтобы придать германским союзным договорам их нынешнюю форму и, таким образом, на веки-вечные закрепить бессилие Германии во внешней политике.

С 1815 по 1848 год Германия находилась под непосредственной гегемонией России. Если Австрия еще отстаивала свои позиции на Дунае, то на конгрессах в Лайбахе, Тропау и Вероне Германия проводила все планы России на западе Европы. Эта гегемония России была прямым следствием германских союзных договоров. Когда в 1841 и 1842 гг. Пруссия сделала попытку на один момент избавиться от такого положения, то ей живо показали ее место. В результате, когда разразилась революция 1848 года, Россия издала циркуляр,

в котором третирует движение в Германии, как бунт в детской.

В 1829 году Россия подписала с министерством Полиньяка договор, по которому она запродавала левый берег Рейна Франции (этот договор еще с 1823 года подготовлялся Шатобрианом, в чем последний открыто сознался публично).

В 1849 году Россия согласилась оказать Австрии поддержку в Венгрии только с тем условием, что Австрия восстановит союзный сейм и сломит сопротивление Шлезвиг-Гольштинии. Лондонский протокол гарантировал России право наследования во всей датской монархии уже в ближайшее время и открывал перед ней перспективу осуществления ее заветной мечты (ее лелеял еще Петр Великий) о вступлении в Германский союз.

В 1850 году Австрия и Пруссия были приглашены на суд в Варшаву, где в качестве верховного судьи восседал русский царь. Унижение было для Австрии не меньше, чем для Пруссии, хотя в глазах политических болтунов весь позор падал на голову последней.

В 1853 году, в беседе с сэром Г. Сеймуром, император Николай говорил о Германии в таком тоне, словно она принадлежит ему по праву наследования. Относительно Австрии, сказал он, не приходится сомневаться. Пруссии он даже не удостоил чести упоминания.

И, наконец, в 1859 году, когда Священный союз, казалось, совсем уже распался, — договор с Луи-Наполеоном, нападение Франции на Австрию с согласия и при поддержке России и циркуляр Горчакова, в самой циничной форме воспрещающий немцам какое бы то ни было вмешательство в пользу Австрии.

Вот все, чем мы обязаны русским за период, истекший с начала нашего столетия, и чего мы, немцы, надо надеяться, никогда им не забудем.

В данный момент пред нами стоит еще постоянной угрозой русско-французский союз. Сама по себе Франция лишь изредка может представлять для нас опасность, да и то только в союзе с Россией. Но Россия не перестает угрожать и оскорблять нас, а когда Германия пытается противиться такому обращению, то на помощь зовут французского жандарма, поманив его левым берегом Рейна.

Можем ли мы позволить продолжать с нами эту игру? Можем ли мы, сорок пять миллионов человек, терпеть, чтобы одна из

наших прекраснейших, богатейших и самых промышленных провинций служила приманкой в руках России для французских преторианцев? Неужели у Рейнской области нет иного назначения, как служить ареной вражеских нашествий ради того только, чтобы Россия имела свободу действий на Дунае и Висле?

Вот в чем вопрос. Мы надеемся, что Германия вскоре даст на него ответ с оружием в руках. Если мы сплотимся воедино, то уж, верно, сумеем спровадить со двора французских и русских преторианцев.

А тем временем у нас вырастает союзник в лице русских крепостных. Вспыхнувшая теперь в России борьба между господствующим классом и угнетенным сельским населением уже сейчас подрывает всю систему русской иностранной политики. Эта система была мыслима лишь до тех пор, пока в России не замечалось никаких процессов внутреннего развития. Но то время миновало. В результате усилий правительства и дворянства промышленность и сельское хозяйство России достигли такой ступени развития, на которой существующие ныне социальные отношения становятся уже нетерпимыми. С одной стороны, их необходимо совершенно уничтожить. С другой—для того, чтобы осуществить это, нужны насильственные меры. А вместе с тем строем, какой существовал в России от Петра Великого до Николая, рушится и внешняя политика этой России.

Есть данные, свидетельствующие о том, что на долю Германии выпадет честь уяснить русским указанное обстоятельство не только пером, но и мечом. Если бы до этого дошло, то Германии представился бы, наконец, случай смыть с себя вековой позор политического унижения.

РАЗВИТИЕ ВОЕННОГО ИСКУССТВА В ЭПОХУ КАПИТАЛИЗМА.

Ничто не зависит в такой степени от экономических условий, как армия и флот. Вооружение, состав, организация, тактика и стратегия зависят прежде всего от достигнутой в данный момент ступени производства и от путей сообщения. Не „свободное творчество разума“ гениальных полководцев действовало здесь революционизирующим образом, а изобретение лучшего оружия и изменение живого солдатского материала; влияние гениальных полководцев в лучшем случае ограничивается тем, что они приспособляют характер борьбы к новому оружию и новым борцам.

В начале XIV в. среди западно-европейских народов входит в употребление порох, заимствованный ими у арабов. Как известно всякому школьнику, он произвел полный переворот в способе ведения войн. Но введение пороха и огнестрельного оружия было делом промышленного, т.-е. экономического, прогресса. Промышленность остается промышленностью, занята ли она производством полезных предметов или же таких, которые служат для целей разрушения. Введение огнестрельного оружия повлияло революционизирующим образом не только на самое ведение войны, но и на политические отношения господствующих и угнетенных классов. Чтобы добыть огнестрельное оружие, нужны были промышленность и деньги, а тем и другим владели горожане. Огнестрельное оружие было поэтому с самого начала оружием городов и возвышающейся монархии, которая в своей борьбе против феодального дворянства опиралась на города. Неприступные до тех пор каменные стены рыцарских замков не устояли перед пушками горожан; пули бюргерских ружей

пробили рыцарские панцыри. Вместе с закованной в броню дворянской кавалерией рухнуло также господство дворянства; с развитием буржуазии пехота и артиллерия все больше становятся главными факторами военных успехов; под давлением артиллерии военное ремесло вынуждено присоединить к себе новую, чисто-промышленную отрасль—инженерное дело.

Усовершенствование огнестрельного оружия подвигалось очень медленно. Пушки долгое время были неповоротливы, а ружья, несмотря на многие частичные улучшения, грубы. Прошло более 300 лет, пока явилось ружье, годное для вооружения всей пехоты. Только в начале XVIII столетия кремневое ружье с насаженным на него штыком окончательно вытеснило пику из вооружения пехоты. Тогдашняя пехота состояла из хорошо проделывавших военные упражнения, но совершенно ненадежных и самых испорченных элементов общества, лишь палкой сдерживаемых в порядке; часто она состояла из наемных княжеских солдат и вражеских военнопленных, насильно зачисленных в армию; единственной формой борьбы, в которой эти солдаты могли применять новое оружие, была линейная тактика, достигшая своего высшего совершенства при Фридрихе II. Вся пехота данной армии выстраивалась в три линии, в виде очень длинного и пустого внутри четырехугольника, и двигалась в боевом порядке, как одно целое; только в крайнем случае одному из двух флангов позволялось выдвинуться несколько вперед или отступить назад. Эта беспомощная масса могла двигаться в порядке лишь на совершенно ровной местности, да и то крайне медленно (75 шагов в минуту); изменение боевого порядка во время сражения было невозможно, и раз пехота вступала в бой, победа и поражение решались в короткое время одним ударом.

Против этих беспомощных линий выступили в американской войне за независимость банды инсургентов, которые не умели, правда, проделывать упражнений, но зато тем лучше стреляли из своих ружей; сражаясь за свои кровные интересы, они не дезертировали, как навербованные наемные войска. Они не доставили англичанам удовольствия — выступать против них в линейном боевом порядке на ровном месте, а нападали рассыпанными, подвижными отрядами стрелков в лесах, служивших им прикрытием. Линия была здесь бессильна и потерпела

поражение от невидимых и недоступных противников. Таким образом был вновь изобретен рассыпной строй, — новый способ борьбы, как следствие изменившегося солдатского материала.

То, что было начато американской революцией, завершила французская, между прочим, и в военной также области. Против хорошо обученных наемных войск коалиции она также могла выставить только плохо обученные, но многочисленные массы, ополчение всего народа. Но с этими массами приходилось защищать Париж, следовательно, прикрывать определенную местность, а этого нельзя было достичь без победы в открытом массовом бою. Простой перестрелки было уже недостаточно: нужно было найти подходящую форму для применения масс, и эта форма была найдена в колонне. Благодаря построению в форме колонн, могли двигаться в достаточном порядке и менее обученные войска, притом даже более ускоренным маршем (сто и более шагов в минуту); колонное построение позволяло прорывать неповоротливые формы старого линейного строя, сражаться в любой местности, следовательно, и в самой неблагоприятной для линейного строя, группировать войска любым, в каком-нибудь отношении удобным образом и, в связи с перестрелкой рассыпанных стрелков, сдерживать, отвлекать, утомлять неприятельские линии, пока не наступит момент, когда их можно будет прорвать в решающем пункте позиции при помощи сохраняемых в резерве масс. Этот новый боевой метод, основанный на соединении стрелковых команд с колоннами пехоты и на разделении армии на самостоятельные, составленные из всех родов оружия дивизии или армейские корпусы, был вполне разработан Наполеоном, как со стороны тактики, так и стратегии. Из сказанного выше видно, что он стал необходимым, прежде всего, вследствие изменения солдатского материала, которым располагала французская революция. Но для успешного применения его требовались еще два очень важных технических условия: во-первых, более легкие лафеты полевых орудий, устроенные Грибовалем, благодаря чему только и стала возможной требуемая теперь от них большая скорость движения; во-вторых, введенная во Франции в 1777 г. и заимствованная у охотничьего ружья изогнутость ружейного

приклада, представлявшего раньше прямое продолжение ствола,—что сделало возможным целить в определенного человека, не делая непременно промахов. Без этого последнего усовершенствования нельзя было бы при помощи старого ружья применить стрельбу в рассыпном строю.

Революционная система вооружения всего народа была скоро ограничена и сведена к принудительному набору (с правом заместительства за деньги для людей состоятельных), и в этой форме воинская повинность была принята большинством крупных государств континента. Только Пруссия пыталась при помощи своей системы ландвера привлечь на службу военную силу нации в более значительных размерах. Она же была первым государством, которое после непродолжительного опыта с заряжающимся с дула нарезным ружьем, усовершенствованным между 1830 г. и 1860 г., вооружило всю свою пехоту новейшим оружием: нарезным ружьем, заряжающимся с казенной части. Обоим этим нововведениям Пруссия обязана была своими успехами в 1866 г.

Во франко-прусской войне впервые выступили друг против друга две армии, вооруженные обе нарезными ружьями, заряжающимися с казенной части, и притом обе, по существу, с тем самым боевым построением, какое было в ходу в период старого гладкоствольного кремневого ружья; разница была лишь та, что пруссаки сделали попытку в „ротной“ колонне найти боевую форму, более подходящую к новому вооружению. Но когда 18 августа при Сен-Прива прусская гвардия попробовала серьезно применить эту ротную колонну, то пять полков, принимавших наибольшее участие в этом сражении, потеряли в каких-нибудь два часа более $^1/_3$ своего состава (176 офицеров и 5114 рядовых), и с тех пор применение в бою ротной колонны было бесповоротно осуждено, так же как и применение батальонных колонн и линейного строя. Всякая попытка подставлять впредь под неприятельский ружейный огонь какие-либо сомкнутые отряды была оставлена, и затем бой со стороны немцев велся только теми густыми тучами стрелков, на которые уже и прежде колонна обыкновенно сама рассыпалась под градом неприятельских пуль, несмотря на то, что высший командный состав боролся с этим, как с нарушением порядка. Точно так же в сфере действия не-

приятельского ружейного огня единственной формой передвижения сделался беглый шаг. Солдат опять-таки оказался толковее офицера: именно он инстинктивно нашел единственную боевую форму, оправдавшую себя до сих пор под огнем ружья, заряжаемого с казны, и он с успехом отстоял ее вопреки противодействию начальства.

Франко-прусская война отмечает собою поворотный пункт, имеющий гораздо большее значение, чем все предыдущие перемены. Во-первых, оружие так усовершенствовано теперь, что какой-либо новый прогресс в этой области, который мог бы иметь сколько-нибудь революционизирующее действие, невозможен больше. Когда есть пушки, из которых можно попадать в батальон, насколько глаз различает его, когда есть ружья, дающие тот же результат относительно отдельного человека, при чем на заряжение требуется меньше времени, чем на прицеливание, то все дальнейшие усовершенствования для полевой войны более или менее безразличны. Таким образом, в этом направлении эра развития в существенных чертах закончена. Во-вторых, эта война заставила все континентальные великие державы ввести у себя усиленную прусскую систему ландвера и тем самым наложить на себя военное бремя, под тяжестью которого они через немногие годы должны рухнуть. Армия стала главной целью государства, она стала самоцелью; народы существуют только для того, чтобы поставлять и кормить солдат. Милитаризм господствует над Европой и съедает ее. Но этот милитаризм таит в себе зародыш собственной гибели. Взаимное соперничество отдельных государств принуждает их, с одной стороны, с каждым годом тратиться все больше на армию, флот, пушки и проч., следовательно— все более ускорять финансовую катастрофу; с другой стороны, оно заставляет их все серьезнее применять всеобщую воинскую повинность и тем самым освоить, в конце-концов, весь народ с употреблением оружия, так что последний приобретает возможность в известный момент осуществить свою волю вопреки командующему военному начальству. И этот момент наступит, как только народная масса—деревенские и городские рабочие и крестьяне — будет иметь определенную волю. На этой ступени развития войска государей превратятся сразу в войска народа, машина откажется служить, и милитаризм

погибнет под действием собственного диалектического развития. То, что оказалось не по силам буржуазной демократии 1848 г., именно потому, что она была буржуазной, а не пролетарской,—мы разумеем—дать трудящимся массам определенную волю, содержание которой соответствовало бы их классовому положению,—это непременно совершит социализм. А это означает уничтожение милитаризма и вместе с ним всех постоянных армий изнутри.

Такова одна мораль нашей истории современной пехоты. Другая мораль, снова возвращающая нас к г. Дюрингу, состоит в том, что вся организация и боевой метод армий, а вместе с тем успех и поражение последних оказываются зависящими от материальных, т.-е. экономических, условий: от человеческого материала и от оружия, следовательно — от качества и количества населения и от техники. Только охотничий народ, как американцы, мог вновь изобрести тиральерскую систему; но охотниками они были по чисто-экономическим причинам, точно так, как теперь те же янки старых Штатов превратились по чисто-экономическим причинам в крестьян, промышленников, моряков и купцов, которые не стреляют больше в девственных лесах, но зато тем лучше подвизаются на поле спекуляции, где они тоже далеко подвинули искусство пользоваться массами. Только такая революция, как французская, которая экономически эмансипировала буржуа и особенно крестьянина, могла изобрести массовые армии и в то же время найти для них свободные формы движения; об эти свободные формы разбились старые, неповоротливые линии,—военные отражения абсолютизма, который они защищали. А каким образом успехи техники, едва они становились применимыми и фактически применялись к военным целям, тотчас же почти насильственно, часто против воли войскового командования, вызывали перемены и даже перевороты в боевых методах, — это мы уже проследили шаг за шагом. В какой степени ведение войны зависит, сверх того, от производительных сил и средств сообщения собственного глубокого тыла, как и театра военных действий, на этот счет может просветить в наши дни г. Дюринга всякий честолюбивый унтер-офицер. Одним словом, везде и всегда экономические условия и ресурсы помогали „силе“ одержать победу,

без которой она перестает быть силой, и кто захотел бы реформировать военное дело, руководствуясь противоположной точкой зрения, соответствующей принципам г. Дюринга, тот не мог бы пожать ничего, кроме тумаков *).

Если мы от суши перейдем к морю, то за одни последние 20 лет можно констатировать здесь еще гораздо более решительный переворот. Боевым судном в Крымскую войну был деревянный двух- и трехпалубный корабль, имевший от 60 до 100 орудий; он двигался, главным образом, парусами и имел слабую паровую машину только для вспомогательной работы. На нем помещались преимущественно 32-фунтовые орудия [26]) весом в 50 центнеров и лишь немногие 68-фунтовые весом в 95 центнеров. К концу войны появились пловучие батареи, одетые в железную броню, неповоротливые, почти неподвижные, но при тогдашней артиллерии неуязвимые чудовища. Вскоре броня была перенесена и на боевые суда; вначале она была тонка: 4 дюйма толщины считались очень тяжелой броней. Но прогресс артиллерии скоро справился с броней; для брони любой толщины, которая последовательно применялась, находили новое, более тяжелое орудие, которое легко пробивало ее. Таким образом, мы уже дошли, с одной стороны, до 10, 14 и 24-дюймовой брони (Италия намерена построить судно с броней в 3 фута толщины), а с другой стороны—до нарезных орудий в 25, 35, 80 и даже 100 тонн (тонна = 20 центнерам) веса, выбрасывающих на неслыханные прежде дистанции снаряды в 300, 400, 1.700 и до 2.000 фунтов. Нынешнее боевое судно представляет гигантский броненосный винтовой пароход в 8—9 тыс. тонн водоизмещения и 6—8.000 индикаторных сил, с вращающимися башнями, с четырьмя, максимум шестью, тяжелыми орудиями и с выступающим в его носовой части, ниже ватерлинии, тараном для пробивания неприятельских судов.[27] Это судно вообще представляет колоссальную машину, где сила пара служит не только для того, чтобы сообщать быстрое движение броненосцу, но и чтобы управлять рулем, подымать и опускать якорь, вращать башни, направлять и

*) В прусском генеральном штабе это знают как нельзя лучше. „Основой военного дела является прежде всего экономический строй жизни народов",—замечает в одном научном докладе капитан генерального штаба Макс Иенс („Köln. Zeitung", 20 апреля 1876 г.).

заряжать орудия, выкачивать воду, поднимать и спускать лодки, которые отчасти также приводятся в движение паром, и т. д. Соперничество между броневой защитой и силой орудий еще так далеко от завершения, что в настоящее время строящееся военное судно сплошь и рядом ие удовлетворяет больше требованиям, становится уже устарелым еще раньше, чем его успели спустить на воду. Современный броненосец есть не только продукт крупной индустрии, но в то же время и образец ее, пловучая фабрика—преимущественно, правда, для расточения денег. Страна с наиболее развитой крупной промышленностью пользуется почти монополией по постройке этих судов: все турецкие, почти все русские и большинство германских броненосцев построены в Англии; сколько-нибудь пригодные броневые плиты изготовляются исключительно в Шеффильде; из трех железоделательных заводов Европы, которые одни в состоянии изготовлять самые тяжелые орудия, два (в Вуличе и Эльсвике) находятся в Англии, а третий (Круппа)—в Германии. Этот пример показывает наиболее наглядно, что „непосредственная политическая сила", которая, по г. Дюрингу, является „решающей причиной экономического положения", напротив того, совершенно подчинена экономическому положению; что не только постройка, но и управление орудием насилия в море, боевым судном, само сделалось отраслью современной крупной промышленности. От того обстоятельства, что дело приняло такой характер, никому не пришлось так солоно, как именно „силе", государству, которому в настоящее время одно судно стоит столько же, сколько прежде стоил целый небольшой флот; которому приходится мириться с тем, что эти дорогие суда, еще раньше чем они спущены на воду, становятся уже устарелыми и, следовательно, обесцениваются; которое наверно не меньше г. Дюринга испытывает досаду по поводу того, что человек „экономического положения", инженер, имеет ныне большее значение на борту корабля, чем человек „непосредственной силы"—капитан. Напротив, мы, с своей стороны, не имеем никакого основания досадовать, когда видим, что, благодаря состязанию между броней и орудием, боевое судно доведено до такой степени искусственности, которая делает его столь же недоступным по цене, сколько непригодным для войны, и что, благодаря

этому же состязанию на поприще морской войны, проявляются те внутренние законы диалектического движения, согласно которым милитаризм, как и всякое другое историческое явление, гибнет от последствий своего собственного развития.

Таким образом, мы и здесь убеждаемся с очевидностью в неверности утверждения, будто „первичное надо искать в непосредственной политической силе, а не в косвенной экономической мощи“. Как-раз напротив. В самом деле, что оказалось „первичным“ в самом насилии? Экономическая мощь, возможность распоряжения силами современной промышленности. Политическая сила на море, покоящаяся на современных военных судах, оказывается вовсе не „непосредственной“, а прямо зависящей от экономической мощи, от высокого развития металлургии, от наличности искусных техников и богатых угольных копей.

Однако, к чему все это? Пусть в ближайшей морской войне передадут высшее командование г. Дюрингу, и он все порабощенные „экономическим положением“ броненосные флоты уничтожит без торпед и прочих кунстштюков единственно посредством своего „непосредственного насилия“.

ПИСЬМА К МАРКСУ

Манчестер, 23-го марта 1854 г.

Дорогой Маркс!

Возвращаю тебе письмо Л(ассаля). Первое я в тот раз забыл вложить,—оно еще здесь...

Лассалевы стратегические операции уж очень дипломатичны. На историю с Эносом и Родосто он отвечает тем, что Константинополь нуждается, мол, в прикрытии; но, ведь, это значит просто пускать пыль в глаза: если его не могут прикрыть два флота и дунайская армия, то его не прикроют и сто тысяч французов и англичан. Ему бы, с его точки зрения, надо было сказать так: из Родосто их, во всяком случае, можно легче и скорее перебросить в Севастополь или Одессу, чем с Мальты или из Тулона.

Представление, будто австрийцы при вступлении в Сербию окажутся „в тылу у турецкой дунайской армии", в корне неверно. Австрийцы должны переправиться у Белграда или немного ниже по течению, или через Мегадию—на левом берегу Дуная—в Румынию. В первом случае они выйдут на продолжение турецкого левого фланга, во втором—очутятся с ним лицом к лицу. Совершенно очевидно, что тогда придется пожертвовать Калафатом и Виддином, кроме гарнизона; но из этого вовсе не явствует, что турецкое левое крыло должно погибнуть, и что его остаткам надо отступать на линию Шумлы.

Напротив: 1) если со стороны австрийцев будет правильным тактическим маневром предпринять немедленный переход на Софию через Ниш, то и турки поступят правильно, отступив от Виддина тоже на Софию. Так как в их распоряжении более короткий путь, то они будут на месте раньше австрийцев и смогут задержаться на Балканах или же отойти к Адрианополю.

2) Если бы австрийцы оказались настолько глупы, чтобы итти на Виддин, то турки все-таки пойдут на Софию. В этом случае отрыв от главного корпуса Омер-паши не означает собой дробления сил, так как появление нового противника требует установления новой операционной линии Адрианополь—София—Белград—Виддин; следовательно, турецкое левое крыло превращается тогда в самостоятельную армию.

3) Если же осуществился бы чудесный план военного командования, предлагаемый Лассалем, то не помогло бы никакое отступление на линию Шумлы, так как она оказалась бы обойденной тем самым, что главная дорога из Белграда на Константинополь была бы отдана неприятелю; наоборот, теперь ее надо было бы бросать и спешить, сломя голову, чтобы сосредоточить все резервы у Адрианополя и атаковать первого противника, пересекающего Балканы.

Впрочем, все эти ученые рассуждения вытекают, очевидно, из „дипломатического источника", который, повидимому, любит щегольнуть стратегическими открытиями.

Я посылаю завтра в „Daily News" описание Кронштадта. Боюсь, что при всех своих дефектах кронштадтские укрепления прежде, чем сдаться, отправят ко всем чертям добрых полдюжины винтовых пароходов.

□ □ □

Манчестер, 9-го мая 1854 г.

Дорогой Маркс!

...Относительно „Militaria" Уркварта — на-днях. По этому поводу я, конечно, могу прислать тебе лишь небольшие заметки, которые тут же переведу по-английски; тебе их придется самому использовать, как ты сочтешь нуждым для своей статьи...

„Поход шлезвиг-голштинской армии и флота в 1850 году" в описании отставного майора А. Лютгена—первая дельная и очень содержательная книга об эпизоде с Виллизеном. Она целиком подтверждает все выводы, к которым я еще раньше пришел при своем предварительном ознакомлении с этой историей. Первоначальный план г-на Виллизена был очень хорош, только немного слишком широк; настолько хорош, что даже

искаженная и запоздалая попытка возвратиться к нему заставила-было датчан подумать об отступлении, несмотря на то, что их было 36.000 против 26.000, и что они ввели в дело почти все свои войска, а у шлезвиг-голштинцев, верно, не меньше одной пятой всех войск не участвовали в сражении. Однако, когда г-н Виллизен столкнулся, действительно, лицом к лицу с противником, он совсем потерял голову от противоречивых сообщений и еще более сбивчивых предложений, которые делались ему. В самую ночь перед сражением он выставляет свои собственные резервы для отпора воображаемому врагу налево, в таком месте, где они были совершенно вне сферы военных действий, и одновременно отменяет свой приказ о наступлении, с которым была согласована вся диспозиция. Итак, резервы концентрируются налево, где нет никаких неприятельских частей, при чем обнажается центр, на который была направлена главная атака противника, и вносится расстройство в ряды правого фланга, которому предстояло произвести главную контр-атаку. Этого одного достаточно, чтобы предсказать исход дела,—и все-таки он победил бы, если бы не так поторопился и не опустил окончательно руки уже в 8 часов утра. Он мог еще выиграть сражение даже около 11 часов, но при известии, что в тылу его левого фланга стоят два баталиона датчан (достаточно было двух эскадронов и четырех пушек, чтобы разбить их), он сильно перепугался; теоретик „стратегического охвата при помощи всех наличных сил“ припомнил тут положение: „обходить—значит быть обойденным“, и решил всеми силами постараться выйти из боя. Теоретик столкнулся со старым, недалеким педантом-генералом, поседевшим в командовании,—правда, по большей части, приноровленном к мирному времени,—с генералом, который отвечал не перед мещански-умеренным, не располагающим никакой властью наместником, а перед настоящим королем и министерством, и уже по одному этому держался тверже. Благодаря этому он выиграл сражение. Чтобы оценить тот успех, с каким слабые шлезвиг-голштинские части дрались с датскими, превышавшими их численностью вдвое и втрое (по официальному сообщению самих датчан), достаточно указать, что 26.000 шлезвиг-голштинцев вполне справлялись с 36.000 датчан. Ребята дрались отлично, несмотря на большой процент рекрутов и на

то замешательство, которое Виллизен создал своими новыми распоряжениями во всей армии еще за две недели до начала кампании; особенно мешала им малочисленность кадров. Эта армия разбила бы двойное число пруссаков.

Бомбардировку Одессы союзники должны были начать в отместку за оскорбление парламентерского флага. Она, повидимому, не причинила особых повреждений, а так как на берег они не высадились и города не заняли, то вышло больше похоже на поражение, чем на победу. Лучше всего пущенная ими утка, что они, мол, „отплыли в направлении Севастополя". Впрочем, с этого момента каждая операция русских и необходимо следующая, как ответ на нее, по крайней мере, попытка дать сдачи, все больше вырывают инициативу из рук Абердина и Пальмерстона и постепенно сообщают более или менее активный характер всей кампании. К тому же Бонапарту нужны какие-нибудь ощутимые лавры,—хотя его верный Фридолин Сент-Арно как-будто создан для того, чтобы посадить Наполеона в лужу. Если бы этому дворянину не надо было сызнова нажить состояньице, которое он ухитрился уже несколько раз промотать с 1851 года, он никогда не поехал бы на Восток. Но такого сорта люди прекрасно умеют дезорганизовать самые лучшие войска при помощи мошеннических интендантских подрядов, а потом окончательно погубить их при помощи нелепого военного командования. Заранее представляю себе те чудесные результаты, какими закончится кампания этого рыцаря Нижней Империи.

□ □ □

Райд, пятница 18-го сентября 1857 г.

Дорогой Маркс!

Состояние моего здоровья быстро улучшается; главная беда уже миновала,—воспаленных желез уже нет, и сейчас я занимаюсь только накладыванием заплат, залечиванием ран,—это, конечно, медленный процесс,—и накоплением мяса и жира. Купание действует очень хорошо, я снова могу плавать,—это показывает, какие успехи я делаю в лечении. В одну из ближайших недель я приеду в Брайтон, а оттуда прокачусь в

Джерсей. Шрам пишет, что он тоже едет туда. Ты, верно также мог бы проехаться в Брайтон, а если удастся устроиться с работой, то и в Джерсей: морская поездка была бы и тебе полезна. Как ты на этот счет? Во всяком случае, я еще пробуду здесь до вторника, а может-быть, и немного дольше,— посмотрим.

Относительно Бема я сказал бы только вот что:

В битве при Игании [28]), где он командовал артиллерией, он обратил на себя внимание искусством и стойкостью, с каким он выдерживал натиск более сильных русских батарей. Командуя артиллерией при Остроленке, он обнаружил те же качества, а когда польская армия была окончательно отброшена русскими, совершившими переправу через Нарев, он прикрывал отступление при помощи смелой контр-атаки со всеми орудиями. В это время он был произведен в полковники, а вскоре после этого в генералы, и назначен на пост командующего всей польской артиллерией. После того, как русские атаковали укрепления Варшавы и взяли Волю, Бем с сорока орудиями повел наступление на эту крепость, величайшую в его время, но превосходство сил выставленной против него русской артиллерии помешало польской пехоте возобновить сражение и заставило Бема отступить.

Все остальное не представляет интереса. Относительно Игании у меня здесь нет материала; это было не особенно крупное сражение,—просто оборона плотины, по обыкновению, ликвидированная при помощи обходной операции. Цифра в сорок тяжелых орудий, безусловно, вымышлена, точно так же, как и факт отступления русских у Остроленки: это может относиться только к разведчикам и вспомогательным войскам, или к какой-нибудь паре слишком зарвавшихся батальонов. И это в лучшем случае, — так как Дибич запретил преследование.

В воскресенье или понедельник вышлю тебе статьи „Бой“, „Батарея“ и все прочее, что приготовлено на букву „Б“, а остальное привезу с собой. Насчет Блюхера тоже пришлю тебе кое-что на этих днях, как только прочитаю Мюфлинга.

Твой *Ф. Э.*

□ □ □

Райд, 21-го сентября 1857 г.

Дорогой Маркс!

Штефен и Пипер были здесь у одного друга Пипера, и оба только-что уехали, так что до закрытия почты я едва успею бегло просмотреть прилагаемую статью и написать тебе о Бернадоте.

Аустерлиц. Бернадот был послан Наполеоном в Иглау, чтобы наблюдать оттуда за операциями эрцгерцога Фердинанда в Богемии, в то же время получил от Наполеона приказ прибыть в Брюнн, исполнил это, был поставлен вместе со своим корпусом между Сультом и Ланном в центре и помог отразить неприятельскую обходную операцию со стороны правого крыла союзников. Особенно значительных операций Бернадота в тот раз я не припомню, ничего не нашел и у Жомини.

Иена. Здесь вполне установлено, что Бернадот, действительно, получил от Наполеона приказ выступить из Наумбурга на Дорнбург, между тем, как Даву, тоже находившийся в Наумбурге, должен был маршировать на Апольду. В приказе, полученном Даву, было указано, что если Бернадот уже соединился с ним, они могут итти на Апольду вместе. Даву так и хотел сделать, после того, как он произвел рекогносцировку линий движения прусских войск и убедился, что в дорнбургском направлении Бернадоту не придется встретиться ни с какими неприятельскими частями. Он даже сам предложил, чтобы Бернадот был начальником. Но последний уперся на том, что в приказе, полученном на его имя, не было фразы относительно Апольды, и выступил в путь. В результате он промаршировал весь день 14-го, не встречая неприятеля, между тем как Даву пришлось биться одному у Ауэрштедта; если бы Бернадот был тоже там или пошел 14-го по тому направлению, откуда слышался грохот канонады, то эта, в сущности, сомнительная победа могла бы превратиться в такую же решительную, как и победа при Иене. Самая встреча ауэрштедтской прусской армии с беглецами из Иены и стратегическая подготовка сражения Наполеоном могли бы привести все же к очень хорошим результатам. Почему Бернадот так поступил,—осталось совершенно невыясненным. Жомини называет это „чересчур педантичной точностью“. Повидимому, ему до-

ставляло удовольствие буквальным выполнением приказа бросить тень на Наполеона, так как последний, действительно, исходил в данном случае из неверного предположения.

Эйлау. Когда Беннигсен[29]) снялся с лагеря, чтобы ударить на войска Нея, рискнувшие слишком выдвинуться вперед и стоявшие позади и слева от войск Бернадота, Ней подставил ему ловушку. Ней отступил к югу, Бернадот к юго-западу, получив приказ заманить Беннигсена за Вислу, между тем как Наполеон двигался из Польши на север, чтобы перерезать коммуникационные линии Беннигсена. Ординарец, направлявшийся к Бернадоту с письменным приказом, был перехвачен казаками, и Беннигсен узнал о только-что угрожавшей ему опасности. Зато Бернадот, благодаря тому же самому случаю, остался без инструкций и поэтому не вышел за линию. Я не вижу, в чем его здесь можно упрекнуть.

Ваграм. В первый день сражения „Евгений (Богарнэ) продвинулся у Ваграма вперед, но так как он был окружен неприятельскими резервами и не получил помощи от Бернадота, который вмешался в сражение и слишком поздно, и недостаточно энергично, то он подвергся нападению с фронта и с обоих флангов и был оттеснен до самого расположения моей гвардии“. В описании второго дня я не нашел относительно Бернадота ничего замечательного. Во всяком случае, Бернадот был не из особенно крупных генералов; по-настоящему он не отличился нигде, а от его политики сильно отдавало гасконским душком. Недурная фантазия—стать императором после Наполеона!

Насчет Безьера ничего не могу сказать, кроме того, что он командовал, по большей части, гвардией—в частности, кавалерией, т.-е. занимал такой пост, на котором ум является, в значительной мере, излишним. Он был храбр,—вот и все. С Б. я на этой неделе, по возможности, разделаюсь, по крайней мере, в главном,—и тогда напишу тебе то, что нужно, и насчет Блюхера. Почта закрывается. Привет жене и детям.

Твой *Ф. Э.*

Как дела с поездкой?

Гэвлок, повидимому, самый удивительный парень в Индии,—

это что-то невероятное—пройти 126 английских миль в одну неделю в этом климате, выдержав еще при этом пять или шесть боев. Надо было предвидеть, что это кончится повальной холерой.

„Таймса“ я здесь почти не вижу, иначе я мог бы написать тебе про Индию более подробно. Но здесь так дьявольски трудно получить газету.

□ □ □

Райд, 22-го сентября 1857 г.

Дорогой Маркс!

О Бернадоте и Ваграме еще вот что. 5-го июля, после того, как его же собственная халатность помешала французам провести атаку, Бернадот занял в центре деревню Адерклаа, выдвинутую немного вперед за французскую линию, и на утро 6-го, когда австрийцы повели концентрическое наступление, он вышел на открытую равнину перед деревней, вместо того, чтобы занять Адерклаа сильным отрядом и прикрыть ею свой фронт. Когда австрийцы приблизились, он счел эту позицию слишком рискованной (его войска потерпели накануне жестокий урон в результате его халатности) и отошел на возвышенность позади Адерклаа, оставив, однако, деревню незанятой; австрийцы Бельгарда тотчас же поставили там сильный гарнизон.

Вследствие этого французский центр оказался под угрозой, и командовавший им Массена выслал дивизию, которая вторично взяла деревню, но снова была отброшена гренадерами д'Аспре. Тогда появился сам Наполеон, принял на себя командование, и, составив новый план сражения, расстроил австрийские маневры. Бернадот, бесспорно, наделал здесь ошибок,— если только Жомини мало-мальски верно излагает факты.

С „Армией“, если говорить об исторической стороне, покончено вплоть до самой французской революции. С новым периодом и общими вопросами организации, которые будут у меня в заключение, я тоже скоро кончаю, и, если удастся, дам еще кое-что на букву „Б“ для того, чтобы ты мог без перерыва присылать материал, что наверняка повлияет к лучшему

на расположение духа г-на Дана. Пока-что я снова получил немного денег; прилагаю пятифунтовый билет,—может-быть, ты еще сможешь как-нибудь приехать в Брайтон на денек-другой; я пробуду здесь еще несколько дней и дам тебе знать, когда смогу попасть туда.

Бюго. О нем почти все уже имеется в статье „Алжир". Это был посредственный генерал, победы которого в Алжире и Марокко не имеют особого значения. В том, что он завоевал Алжир с 100.000 солдат, приспособил военное командование к характеру страны и неприятеля и сломил или, вернее, подавил сопротивление арабов (не кабилов), я не вижу его большой заслуги, так как не верю, чтобы он сам составлял планы. Он принадлежал к разряду пройдох и при Тафуе показал не только свою нечистоплотность, но и свою нерешительность в затруднительных положениях. Имея в своем распоряжении стотысячное войско и таких вышколенных десятилетней войной командиров, как Ламорисьер, Шангарнье, Кавеньяк, Негрье, Дювивье,—он мог бы достичь известных результатов и без особых природных талантов, тем более, что у французов превосходный генеральный штаб. К тому же его деятельность ограничивалась, по большей части, расположением частей (где не узнаешь, что делал штаб за него) и командованием резервами, когда на поле сражения оперировали лишь единичные дивизии и бригады.

Боске. На Альме он выполнил обходную атаку французского правого фланга на русский левый берег с такой энергией и быстротой, которые были признаны самими русскими, и даже провел артиллерию на высоты через бездорожные ущелья, которые раньше считались непроходимыми. Он заслуживал бы похвалы, если бы противник не был численно слабее его. При Балаклаве он не замедлил притти на выручку правому крылу англичан, вследствие чего остатки английской легкой кавалерии имели возможность отступить под прикрытием его войск, а у русских пропала охота продвигаться дальше. При Инкермане он уже рано поутру был готов вступить в сражение с пятью батальонами и двумя батареями, но помощь его была отклонена; после этого Боске выставил три бригады, в качестве резервов, позади правого крыла англичан (у Черной Горки) и с двумя бригадами выступил в 11 часов

на линию боя, после чего русские начали отступление. Англичане ввели в дело все свои войска, а у русских в распоряжении было еще 16 батальонов, и если бы не Боске, англичане были бы разбиты. Отступление прикрывалось 16-ю свежими русскими батальонами, преследование здесь было довольно затруднительно,—возвышенность кончалась за 3.000 шагов от поля битвы. Итак, Боске всегда обнаруживал ловкость, бдительность, активность,—короче говоря, качества образцового корпусного командира,—и так было в течение всего времени, пока он командовал обсервационным корпусом на Черной Горке. Насколько можно считать его хорошим полководцем,—об этом трудно говорить: известные данные у него имеются, а такому отличному авангардному генералу почти достаточно зарекомендовать себя еще как стратегу-практику; но для этого в течение всей Севастопольской кампании было очень мало подходящих случаев.

Блюхер. Во время пфальцского похода, в 1794 году, он отличился в качестве авангардного генерала и командующего легкой кавалерией. Лучшим доказательством может служить опубликованный им дневник, являющийся и поныне классическим произведением, несмотря на плохой немецкий язык, каким он написан. Блюхер постоянно держал французов в самом напряженном состоянии и доставлял главной квартире самые точные сведения о передвижениях противника; то-и-дело нападал на неприятеля врасплох, в большинстве случаев успешно. В 1806 году, при Ауэрштедте, ему не удалась кавалерийская атака; его совет повторить с большими силами был отклонен (пишу по памяти). Его отступление к Любеку и оборона до последней возможности представляют одно из немногих приличных боевых действий войны со стороны пруссаков, хотя стратегические маневры Блюхера часто бывали чисто-гусарскими; а в том, что он, в конце-концов, был взят в плен,—не его вина, так как он был отрезан наравне со всей прочей армией, и вдобавок ему пришлось сделать длиннейший обход вокруг арьергарда. Вплоть до 1813 года Шарнгорст и „Тугендбунд“ (Гнейзенау, как известно, всю жизнь находился у короля на подозрении), видя в нем единственно возможного и приемлемого для них главнокомандующего, венчали его славой героя, подобно Геккеру фон-Блинд и К°,—и они знали, кого выбра-

ли. Блюхер был, по выражению Мюфлинга, образцовым солдатом, а вдобавок в нем сосредоточивалась в самой яркой форме вся народная ненависть к Наполеону и французам, плебейские страсти и диалект, манера разговаривать и держать себя, огромное умение вызывать к себе восторженное отношение среди простонародья. Как военный, он отличался безумной храбростью, был смел до дерзости, быстро принимал решения и был достаточно умен, чтобы в более простых случаях находить правильную линию самостоятельно, полагаясь в более затруднительных ситуациях на Гнейзенау и Мюфлинга. В стратегии он ни аза не смыслил. „Для Европы не было тайной, что князь Блюхер, которому теперь, в 1815 году, уже за 70, решительно ничего не понимал в руководстве кампанией,—в такой мере, что, когда ему представляли на утверждение какой-либо план, хотя бы дело шло о мероприятии самого второстепенного значения, он никак не мог уяснить себе, как следует, этот план или решить, плох он или хорош“. Он не разбирался ни в одной карте, и это невежество в стратегических вопросах делила с ним почти половина наполеоновских маршалов. Зато у него был Гнейзенау, к которому он питал безусловное доверие. Если бы не Блюхер, то кампания 1813—1814 гг. приняла бы совершенно иной оборот. Ни один из тогдашних генералов не сделал того, что он: из самых противоположных элементов (Ланжерон и Иорк открыто возмутились против него) создать при помощи одной победы и энергичного преследования противника (Кацбах) компактную армию, которая была на все способна, и с которой он мог предпринять в высшей степени рискованный в военном отношении, но политически необходимый (из-за Бернадота) марш на Вартенбург и Заале, при чем он потерял все свои коммуникационные линии и заставил большую, но скверную армию Шварценберга (которую он спас в Силезии, после битвы у Дрездена, тем, что преследовал французов до самого Бауцена, так что Наполеону пришлось обратиться против него) принять рискованный бой под Лейпцигом. Вообще, война приняла тогда несколько беспорядочный характер, и Блюхер заключил условие с тремя четвертями северной армии (Бюлов, Тауенциен, Винценгероде) о том, что в том случае, если Бернадот не двинется вперед, они присоединятся к Блюхеру на свою собственную ответствен-

ность. После битвы под Лейпцигом Блюхер один сделал кое-что в смысле преследования противника, хотя и это было еще не то, что нужно—ему помешали бывшие с ним князья. Стратегические ошибки 1814 г., за которые пришлось впоследствии так жестоко расплачиваться в районе Монмирайля, следует отнести за счет Гнейзенау и Мюфлинга,—решение итти на Париж во что бы то ни стало, определившее исход кампании, является заслугой Блюхера; поход 1815 года на Ватерлоо, после сражения у Линьи, очень хорошо характеризует Блюхера; он остался почти в единственном числе, и ни один генерал, за исключением Блюхера, не смог бы вызвать у своих солдат такого напряжения сил—непосредственно за этим образцово проведенное преследование врага до Парижа, стоящее в качестве классического примера наравне с подобной же операцией, выполненной на протяжении Иена—Штеттин. Что Блюхер мог импонировать и лучшим генералам, это доказывают его отношения с Ланжероном (который был образованным французским эмигрантом и в войне с турками командовал большой армией) и Иорком: последние, несмотря на свое первоначальное нежелание повиноваться ему, вскоре не только подчинились, но даже перешли окончательно на его сторону и сделались его лучшими помощниками.

По существу Блюхер был кавалерийским генералом, это была его специальность, и в ней он сильно выдвинулся; так как это—чисто-тактическая область, не предполагающая непременно стратегических познаний. Он был очень взыскателен по отношению к своим войскам, но они охотно повиновались ему, и я не думаю, чтобы какой-нибудь другой генерал XIX столетия, кроме разве Наполеона и в последнее время Радецкого, мог столько требовать от своей армии, как Блюхер. Надо также признать, что он никогда и нигде не терял головы и присутствия духа, проявлял такую же стойкость и энергию в обороне, как и в нападении, и в затруднительном положении умел быстро принять решение. Короче говоря, в войну 1813—1815 гг., носившую наполовину партизанский характер, он был вполне на своем месте, а его штаб служил ему прекрасным дополнением. При таких условиях он представлял собой очень опасного противника. Твой *Ф. Э.*

□ □ □

Райд, 24-го сентября 1857 г.

Дорогой Маркс!

Твое желание относительно Индии совпало с пришедшей мне в голову мыслью, что ты, может-быть, будешь не прочь узнать как-нибудь мой взгляд по этому вопросу. Вместе с тем мне удалось просмотреть самое существенное из последней почты с картой в руке,—и вот результаты.

Позиция, занимаемая англичанами в районе среднего и верхнего течения Ганга, до того несуразна, что с военной точки зрения единственно правильным шагом было бы постараться соединить в Агре обе колонны—Гавелока и делийскую, предварительно по возможности усилив их частями окопавшихся и блокированных по всей местности гарнизонов: кроме Агры, оставить гарнизоны только в ближайших пунктах к югу от Ганга по отношению к Гвалиору (имея в виду средне-индийских князей), лежащие ниже по Гангу пункты Аллагабад и Динапор удерживать при помощи уже имеющихся там гарнизонов и арьергардных частей, расположенных в Калькутте; тем временем направить женщин и нестроевые части вниз по течению, чтобы развязать руки войскам, и при помощи летучих колонн держать ближайшую местность в повиновении и накапливать припасы. Если Агру невозможно удержать, то надо отступить на Каунпор, соответственно—на Аллагабад: этот пункт необходимо удерживать до последней возможности,—он представляет собою ключ ко всей местности, лежащей между Гангом и Джумной.

Если бы оказалось возможным удержать Агру и ввести в дело бомбейскую армию, то бомбейской и мадрасской армиям следовало бы оккупировать собственно-полуостров до широты Ахмедабада и Калькутты и выслать колонны для восстановления связи с севером,—от бомбейской армии через Индор и Гвалиор на Агру, а также на Аллагабад. От Пенджаба, — если удастся его удержать,—и от Калькутты через Динапор и Аллагабад будут тогда тоже проходить коммуникационные линии на Агру, так что оказались бы восстановленными четыре коммуникационных линии и, за вычетом Пенджаба, три линии отступления—на Калькутту, Бомбей и Мадрас. Следовательно, концентрация войск в Агре с южной стороны привела бы

одновременно к двояким результатам: помогла бы занять господствующее положение по отношению к средне-индийским князьям — и в то же время закрепить за собой округа на пути движения войск.

Если Агры нельзя будет удержать, то сначала мадрасская армия должна восстановить сообщение с Аллагабадом, а затем вместе с аллагабадской армией двинуться на Агру, между тем как бомбейская армия будет двигаться на Гвалиор.

Мадрасская армия набрана, повидимому, исключительно из всякого сброда, и поэтому за нее нечего бояться. В Бомбее приходится до 150 индусов и больше на батальон, а они опасны тем, что могут взбунтовать остальных. Если же бомбейская армия восстанет, то всякие предварительные военные расчеты потеряют свой смысл; единственное, за что можно в этом случае поручиться,—это чудовищная резня от Кашмира до самого мыса Коморин. Если в Бомбее положение будет таково, что армии и впредь нельзя будет использовать против повстанцев, то необходимо, по крайней мере, усилить мадрасские колонны, которые уже сейчас выдвинулись за Нагпор, и возможно скорее восстановить связь с Аллагабадом и Бенаресом.

Вся нелепость теперешней тактики англичан, являющейся следствием полного отсутствия настоящего верховного командования, обнаруживается, главным образом, в двух взаимно дополняющих друг-друга фактах: во-первых, они дали блокировать себя, разбившись на массу мелких и далеко отстоящих один от другого отрядов, а во-вторых, свою единственную летучую колонну они заставили окопаться перед Дели, где она не только бессильна что-либо предпринять, но вдобавок находится под угрозой полной гибели... Отдать приказ о наступлении на Дели — да за это английского генерала повесить стоит: ему давно бы надо знать то, что мы лишь теперь узнаем,—ведь, англичане сами так основательно усилили старые укрепления, что этот пункт может быть взят только при помощи правильной осады, для которой нужно самое меньшее 15.000—20.000 человек, а если оборона поставлена как следует, то и гораздо больше. Раз они уже очутились здесь, то им необходимо держаться из чисто-политических соображений, — отступление было бы для них равносильно поражению, а вместе с тем трудно будет избежать его.

Войска Гавелока творили прямо-таки чудеса. 126 миль в одну неделю, за то же время от 6 до 8 боев—в таком климате, в такое время года, как-будто, свыше сил человеческих. Но зато же они и потрепаны,—ему, верно, тоже придется блокироваться, так как рекогносцировки более короткого радиуса в районе Каунпора еще больше истощили силы войска, или же он вынужден будет отступить к Аллагабаду.

Линия повторного наступления подымается вверх по долине Ганга; собственно - Бенгалию легче будет удержать, — населяющие ее племена находятся в состоянии полного разложения; действительно опасные места начинаются от Динапора. Поэтому позиции Динапор, Бенарес, Мирсапор и в особенности Аллагабад представляют огромнейшее значение; в направлении от Аллагабада надо было бы первым делом завоевать Дуаб (между Гангом и Джумной) и города по обеим рекам, потом все остальное. Дороги от Мадраса и Бомбея на Агру и Аллагабад могут служить лишь второстепенными операционными линиями.

Самое главное, как и всегда,—концентрация. Подкрепления, поднявшиеся вверх по Гангу, совершенно распылились, — до Аллагабада не добрался еще ни один человек. Может-быть, нельзя будет обойтись без этих позиций, а может-быть, и можно. Как бы то ни было, число постов, которые надо удерживать, необходимо свести до минимума и концентрировать силы для сражения в открытом поле. Если К. Кэмпбелл, о котором мы до сих пор знали только то, что он храбрый вояка, хочет отличиться в качестве настоящего генерала, то он должен во что бы то ни стало создать боеспособный фронт, хотя бы для этого пришлось отказаться от Дели. Не может быть такого безысходного положения, когда в распоряжении имеется круглым счетом 25.000—30.000 европейских солдат, чтобы нельзя было собрать, по меньшей мере, 5.000 человек для похода; если они понесут большие потери, то эти потери можно возместить за счет сокращения постовых гарнизонов. И только тогда Кэмпбелл, действительно, увидит, какие у него возможности и с каким, собственно, противником он имеет дело. Однако, больше шансов за то, что он будет драться под Дели, как глупец,—у него на глазах люди будут гибнуть по сотне в день, а следовательно, чем дальше, тем упрямее надо будет держаться на месте, чтобы доказать свою

„храбрость“, — пока они все не отправятся благополучно к дьяволу. Дурацкая храбрость до сих пор в моде.

Концентрация сил на севере для боя в открытом поле, энергичная поддержка со стороны Мадраса, а по мере возможности—и Бомбея,—вот и все. Если даже магаратские князья изменят англичанам, то это не будет иметь большого значения,—разве только послужит доказательством того, что их войска уже на стороне повстанцев. Впрочем, самое большее, чего можно достичь, — это продержаться до конца октября, пока не подойдут первые подкрепления из Европы. Но если взбунтуется еще пара бомбейских полков, то здесь роль техники и стратегии кончается, и наступает критический момент.

Твой *Ф. Э.*

□ □ □

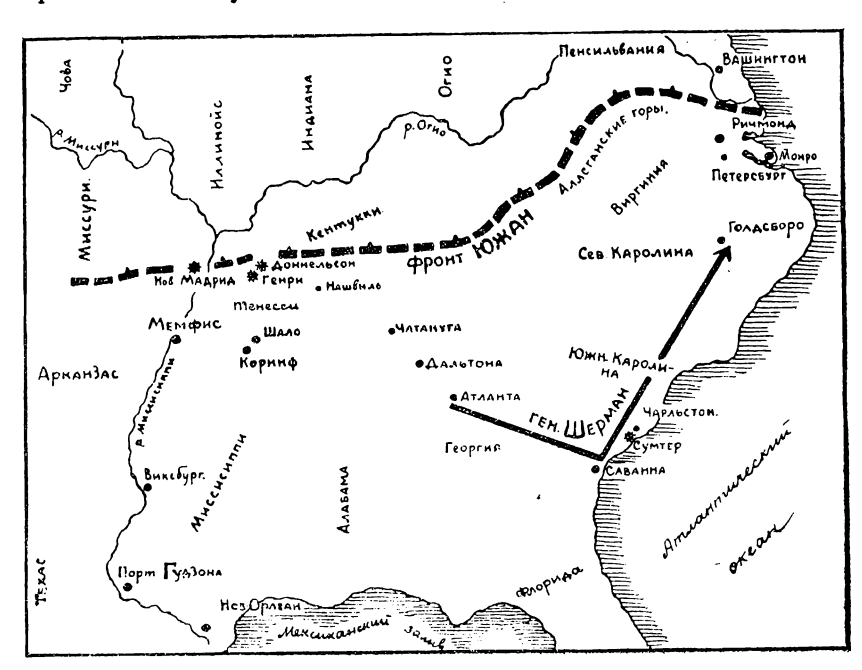
Манчестер, 12-го июня 1861 г.

Дорогой Негр!

К сожалению, я не собирал газет с описаниями американской войны; к тому же многих мест нельзя найти на карте. Сущность дела такова:

Юг вооружался исподтишка уже в течение целого ряда лет, в особенности же со времени избирательной горячки при выборах президента, и благодаря измене министров Бьюкэнена получал деньги и оружие в больших количествах вплоть до самого последнего момента. Поэтому до марта месяца Север был совершенно парализован. И даже до момента падения Сумтера Линкольн ничего не предпринимал или не мог предпринять, за исключением того, что немного сильнее сконцентрировал и привел в боевую готовность пару линейных частей (в общей сложности 18.000 человек, большинство которых было разбросано по Западу для борьбы с индейцами). Теперь, после атаки на Сумтер, Север наконец достаточно опомнился, чтобы заставить умолкнуть все оппозиционные шквалы и подготовить таким образом почву для энергичного военного выступления. Был объявлен призыв 75.000 человек, которые сейчас, должно быть, стоят уже под оружием, но к призыву можно было привлечь, повидимому, гораздо больше, так как под ружьем стоят теперь, пожалуй, целых 100.000 человек (если они не собраны уже давным-давно). Со дня на день ждут, что Лин-

кольн объявит новый набор, который потребует теперь меньше времени, так как все подготовлено лучше, чем прошлый раз. 75.000 человек или, вернее, той части их, которая расположена в районе Вашингтона, на Огио — напротив Кентукки, и в Сен-Луи (Миссури), т. е., не считая резервов, стоящих в Огио и Пенсильвании,—было достаточно, чтобы на первое время установить равновесие между силами Севера и Юга на линии Потомака и даже дать возможность Северу в данный момент произвести наступление в незначительном масштабе.



Театр войны 1861—1865 гг. Фронт южан указан к началу войны.

Как для Юга, так и для Севера первой мишенью служил Вашингтон. Наступление Юга в эту сторону велось слишком слабо; главных сил его армии, повидимому, уже за Ричмондом было недостаточно для своевременного нанесения удара. Единственный результат, которого удалось достигнуть, заключался в том, что была послана летучая колонна в направлении Гарперс Ферри на Потомаке, выше Вашингтона. Эта позиция представляет огромные удобства для наступления на северную часть Мэриленда и Пенсильвании; она расположена у впадения

в Потомак большой реки Зенандоа, является чрезвычайно сильной в тактическом отношении и всецело господствует над обеими реками. Союзный арсенал устроен там, повидимому, не без умысла правительством, которое предвидело, что когда-нибудь придется отступать, и охотно шло на это. Захват Гарперс Ферри наносит удар господству союзных войск на линии Потомака в весьма чувствительном месте и тотчас же отдает оба берега в полное распоряжение армии Юга,—если только она будет вести массовое наступление вплоть до самой этой линии.

Судьба Мэриленда и Делавара зависела от того, утвердится ли армия Севера в Вашингтоне; будучи отрезаны от Юга и заняты войсками Союза, они тотчас же попали во власть Союза. Второй успех Севера.

Обратный захват Миссури немцами со стороны Сен-Луи был третьим и чрезвычайно важным успехом, так как Сен-Луи загораживает Миссисипи. В какой мере нейтралитет Кентукки пойдет на пользу Северу или Югу, это будет, конечно, зависеть от обстоятельств и от хода событий. Во всяком случае, благодаря ему, театр войны на первых порах ограничивается областью, лежащей к западу.

Итоги. Итак, в результате длительной подготовки Юг ничего не добился, кроме того, что Север, после одного только месяца подготовки, уже отвоевал у него столичный город и три невольничьих штата, а четвертый невольничий штат не осмеливается восстать; что наступление южной армии остановилось на Потомаке, а Север уже продвинулся своими войсками за эту реку, до сих пор не встречая сопротивления. На каждого лишнего человека, которого Юг еще может выставить, Север выставит трех или четырех. Восставшие штаты располагают населением приблизительно в семь с половиной миллионов человек, среди которых свыше трех миллионов рабов; по меньшей мере, один миллион белых необходимо отсчитать для охраны невольников, так что остается не больше двух с половиной миллионов населения, способного носить оружие. Если из этого числа призвать на военную службу десять процентов,—самый большой процент, какой когда-либо призывался для обороны страны,—то это составит максимум 250.000 человек. Но столько, наверняка, не соберется. В Швейцарии, в которой населения столько же—немного больше двух

миллионов, числится около 160.000 милиции на бумаге. Напротив, Север, если даже брать только свободные государства, насчитывает 20 миллионов, которые все целиком можно использовать, за исключением разве Калифорнии, Ута и самых крайних западных территорий. Получится—17 миллионов населения, годного к ношению оружия, и возьмем от них не 10 процентов, а только третью часть,—три с половиной процента годных для наступательной войны,—и тогда это составит свыше 500.000 человек,—более чем достаточно, чтобы подавить Юг даже при величайшем напряжении сил с его стороны. Что же касается качественного соотношения сил, то не подлежит сомнению, что северяне значительно превосходят южан и в физическом, и в моральном отношении. У южанина драчливость в значительной степени смешана с трусливостью убийцы, нападающего из-за угла. Все там вооружены поголовно, но только для того, чтобы можно было в драке убить врага раньше, чем тот ожидает нападения. [Конец письма отсутствует].

□ □ □

Манчестер, 5-го мая 1862 г.

Относительно Америки:

1. Сражение при Коринфе. Может быть поставлено наравне со всеми крупными, искусно проведенными современными сражениями, в которых боевые силы приблизительно уравновешиваются. Эйлау, Ваграм, Люцен, Бауцен (здесь французы, правда, гораздо сильнее, но без кавалерии и поэтому бессильны преследовать врага), Бородино, Манджента, Сольферино. Бой медленно догорает,—словно мокрый порох, по выражению Клаузевица,—истощает силы обеих сторон, и, в конце-концов, выгоды, достигнутые победившей стороной, носят скорее моральный, чем материальный характер. Во всяком случае, временный успех, которого Борегар добился в воскресенье, был значительно больше и интенсивнее, чем успех, достигнутый Грантом и Буэллем в понедельник. Масса трофеев досталась конфедератам, несмотря на то, что они, в конце-концов, были побеждены, т.-е. были принуждены приостановить свое наступление и даже отступить. Такова тактическая сторона дела. А вот стратегическая.

Борегар собрал все войска, какие только мог собрать, для того, чтобы бить приближающиеся дивизии федералистов, по возможности, в одиночку. Это ему не удалось: войска Гранта, Буэлля и Уоллеса оказались достаточно сильными, чтобы отбить его. Федералисты могли бы потерять при сражении Тенесси,—теперь же они утвердились в нем. Борегар был обязан исключительно укреплениям Коринфа тому, что ему не пришлось тотчас же отойти дальше к югу. В состоянии ли эти укрепления защитить его от натиска Галлека (принявшего теперь командование),—этого мы не можем знать. Точно так же нельзя верить слухам о колоссальных подкреплениях, которые он, якобы, получил из Миссиссипи, Луизианы и Алабамы. Если здесь и есть доля правды, то все это рекруты, которые больше будут мешать ему, чем приносить пользы. С другой стороны, соотношение сил у Питсбурга Лэндинга было так близко к равновесию, что без подкреплений Галлеку нелегко будет предпринять наступление на укрепленный лагерь или вообще на какой-либо крупный оборонительный пункт. Мы не знаем, какие еще войска, за исключением введенных в дело у Питсбурга-Лэндинга, имеются у федералистов в Тенесси или Кентукки,—следовательно, нам трудно судить об их шансах на победу. Нужно только добавить, что юнионисты перерезали железную дорогу Мемфис—Чаттанога (т.-е. на Ричмонд, Чарльстон, Саванна) как на запад, так и на восток от Коринфа. Благодаря этому в распоряжении Борегара осталась только одна железная дорога (на Мобиль и Новый Орлеан), и возникает вопрос, как долго сможет он снабжать свои войска, стоящие в Коринфе.

2. Виргиния. Мак Клеллан в железных тисках. Думаю, что здесь его ложной славе—капут. Он снова забрал дивизию у Мак-Доуэлла, но это ему мало поможет. Спасти его могут только броненосцы, из которых один (Галена) опять отплыл на Монроэ. Насчет этого смотри сегодняшний номер „Morning Star“,—корреспонденция из Америки,—крайне интересно для Австрии. Ты увидишь оттуда также то, почему „Monitor“ не проявил никаких признаков беспокойства недавно, когда „Мерримак“, „Иорктаун“ и т. д. забрали три транспортных судна. Эти корабли могли бы снова спасти осла—или же изменника,—очистив реку справа и слева и открыв огонь с флан-

гов и с тылу,—подобно тому, как канонерки у Питсбурга-Лэндинга спасли в свое время Шермана (у которого были исключительно молодые войска, еще не побывавшие в бою).

3. Горный департамент. Фремон все еще находится в Коринфской крепости, и вследствие этого горная часть Южной Виргинии, точно так же, как и восточная часть Тенесси, продолжают оставаться в руках неприятеля. Это значит—самые лучшие районы Союза! В чем тут дело, совершенно необъяснимо. Во всяком случае, полк конфедератов, оттянутый еще вначале апреля к Кноксвиллю, Тенесси, сдастся, верно, при первом же выстреле.

Бонапарт опять плутует в Америке. Он поостережется совать руку в это осиное гнездо. Еще до конца года (см. „Morning Star“) его броненосцы, точно так же, как и все французские торговые суда, уйдут из океана,—и тогда adieu plaisir!

□ □ □

Манчестер, 23-го мая 1862 г.

Мак-Клеллан продолжает в том же духе. Конфедераты постоянно увертываются от него, потому что он никогда не наносит прямого удара,—он оправдывается тем, что они намного сильнее его. Поэтому им постоянно удается убежать от него. Так не велась еще никогда ни одна война,—зато он получает и соответствующую благодарность. Все-таки эти мелкие неудачные арьергардные стычки и постоянное убегание достаточно сильно деморализуют конфедератов, и если дело дойдет до решительного боя, то они это почувствуют.

Захват Нового Орлеана—бравая штука со стороны флота. Прямо-таки превосходно,—в особенности проход мимо фортов. Дальше все было просто. Моральное действие на конфедератов явно было огромным, а материальные последствия еще скажутся. Борегару сейчас уже нечего оборонять в Коринфе,—эта позиция имела смысл только до тех пор, пока она прикрывала Миссисипи и Луизиану. Стратегическое положение Борегара таково, что в случае, если он проиграет сражение, ему ничего иного не останется, как разделить свою армию на партизанские отряды. Не имея в тылу у своей армии ни одного большого города, где бы скрещивались железные дороги, и где

можно было бы сосредоточивать припасы, он лишен возможности держать в одном месте крупные человеческие массы.

Если армия конфедератов будет разбита в Виргинии, то после всех предыдущих совершенно деморализовавших ее эпизодов она скоро сама собой должна будет разложиться на партизанские отряды. Правда, у нее больше шансов на успех, так как по пути ее отступления поперек гор течет много речек, впадающих в море, и к тому же она имеет дело с этим ослом Мак-Клелланом,—и все-таки она будет вынуждена силой событий принять решительное сражение, или без всякого сражения рассыпаться на отдельные шайки. Точь-в-точь, как русским пришлось в свое время драться под Смоленском и Бородином против воли их здравомыслящих генералов.

Если Борегар или виргинская армия даже и выиграет сражение,—какое бы крупное оно ни было,—и тогда это мало поможет. Конфедераты находятся в таком положении, что не смогут извлечь для себя из этого ни малейшей пользы. Они не могут пройти и 20 английских миль, чтобы не попасть в затруднительное положение и быть вынужденными выжидать возобновления атаки. У них недостаток решительно во всем. Впрочем, я считаю подобный случай совершенно невозможным, если не будет прямой измены.

Итак, судьба армии конфедератов зависит теперь от одного единственного сражения; остается только рассмотреть шансы партизанской войны. Как-раз в подобной войне больше всего удивительно, как мало—или, вернее, совсем не принимает в ней участия население. Ведь, в 1813 году коммуникационные линии французов то и дело перерезывались отрядами Голомба, Люцова, Чернышева и двадцати других партизан и казачьих командиров. В 1812 году население в России бесследно испарялось по всей линии французского наступления; в 1814 году французские крестьяне вооружались и забивали на-смерть союзные патрули и отстававшие части. Но здесь ничего этого нет. Население покоряется своей судьбе и утешает себя тем, что „победа угодна богам“. Из всей похвальбы—что мы, мол, будем драться не на живот, а на смерть—получается просто буфонада. И разве в такой стране может привиться партизанская война? Впрочем, я ожидаю, что „белая сволочь“ Юга предпримет что-нибудь в этом роде после окон-

чательного разложения армий, но я чересчур уверен в буржуазной сущности плантаторов, чтобы хотя на один момент усомниться, что это сейчас же превратит их в ярых сторонников Союза. Партизаны начнут грабить,—и плантаторы повсюду будут принимать янки с распростертыми объятиями. Пожар в Новом Орлеане был устроен легко и будет повторен в других городах; кое-что сгорит, верно, и в других местах, но ходом событий противоречия между плантаторами и купцами, с одной стороны, и „белой сволочью"—с другой будут обострены до крайности, а тогда дело южан окончательно пропадет.

Фанатическая преданность ново-орлеанских купцов делу конфедерации объясняется просто-на-просто тем, что этим молодцам пришлось взять за наличный расчет массу денежных обязательств конфедерации. Я знаю здесь много таких примеров. Этого не следует забывать. Энергично проведенный принудительный заем—превосходное средство связать буржуа с делом революции и подменить им их классовые интересы интересами личного свойства.

Сердечный привет жене и девочкам.

Ты, конечно, читал историю с Бернардом, что они запрятали его в сумасшедший дом. Правда это, или же просто блеф?

□ □ □

Манчестер, 30-го июля 1862 г.

В Америке дела идут худо и, в конце-концов, главная вина лежит на г. Стэнтоне, потому что после завоевания Тенесси он приостановил набор рекрутов из чистейшего бахвальства, обрекая таким образом армию на непрестанное истощение сил как-раз в тот момент, когда она больше всего нуждалась в подкреплениях для быстрого и решительного наступления. При непрерывном притоке рекрутов война до сих пор если и не закончилась бы еще победой, то, во всяком случае, успешный исход ее был бы вне всякого сомнения. Непрерывно следовавшие друг за другом победы вызывали такой же непрерывный прилив рекрутов. Этот шаг был тем глупее, что Юг как-раз в то самое время призвал в войска всех мужчин от 18 до 35 лет, т.-е. поставил все на карту. А между тем, именно эти по-

полнения и дают теперь повсеместно перевес конфедератам и обеспечивают за ними инициативу. Они задержали Галлека, оттеснили Куртиса из Арканзаса, разбили Мак-Клеллана и под командой Джэксона в долине Зенандоа сумели создать отряды партизан, которые теперь проникают уже до самого Огио. Глупее невозможно вести себя, чем Стэнтон.

Впоследствии, когда Стэнтон увидал, что не может вытеснить Мак-Клеллана с поста командующего потомакской армией, он сделал новую глупость: желая ослабить его, он поручил командование отдельными частями Фремону, Бенксу и Мак-Доуэллу и таким образом раздробил силы ради того только, чтобы избавиться от Мак-Клеллана. В результате мало того, что Мак-Клеллан был разбит, но вдобавок общественное мнение считает виновником поражения не Мак-Клеллана, а Стэнтона. И поделом Стэнтону.

Все это еще ничего не значило бы и могло бы даже оказаться на пользу, если бы только война приняла, наконец, революционный характер. Но этого-то и нет. Поражения, вместо того, чтобы подстегивать этих янки, расслабляют их. Дело дошло уже до того, что правительство изъявляет готовность брать рекрутов всего только на 9 месяцев, лишь бы заполучить их; но, ведь, это значит признаться в том, что его дело проиграно, и что теперь оно хочет иметь хотя бы видимость армии для демонстраций на время мирных переговоров. Эти 300.000 волонтеров представляли собою мерило, и, отказываясь поставить их, Север показывает этим, что в сущности ему наплевать на все это дело. Вдобавок, какая трусость в среде правительства и конгресса! Они боятся набора, боятся революционных финансовых мероприятий, боятся посягнуть на институт рабства,—словом, их страшит все то, что представляет такую настоятельную необходимость; они предоставляют событиям итти своим путем, и если какая-нибудь видимость реформы проходит, наконец, через конгресс, то почтеннейший Линкольн обставляет ее такими оговорками, что от нее ничего не остается. Эта инертность, эта дряблость—наподобие надрезанного свиного пузыря—под гнетом поражений, уничтоживших прекраснейшую и сильнейшую армию и фактически обнаживших Вашингтон, это полнейшее отсутствие эластичности во всей массе народа,—вместе взятое, показывает мне, что дело плохо.

Пара-другая митингов и т. п. делу не поможет—этого недостаточно даже для того, чтобы создать подъем на время президентских выборов.

И вдобавок полное отсутствие талантов. Генералы—один другого глупее. Ни одного, который мог бы проявить самую ничтожную инициативу или принять самостоятельное решение. Уже три месяца, как инициатива опять всецело в руках противника. Затем, финансовые мероприятия—одно другого безрассуднее. Повсюду беспомощность и трусость, за исключением простых солдат. То же самое в политике—та же бестолковость и беспомощность. А в народе беспомощность больше, чем если бы он 3.000 лет бил баклуши под сенью австрийского скипетра.

Напротив, Юг—бесполезно закрывать глаза на факты—кровно заинтересован во всем этом деле. Первое доказательство—то, что мы не получаем хлопка. Второе—это появление партизан в пограничных штатах. Однако, на мой взгляд решающим обстоятельством является то, что после такой изолированности от всего мира этот земледельческий народ выдержал подобную войну и, несмотря на тяжкие поражения, потерю припасов, людей и территории, в настоящий момент опять выходит из борьбы победителем и может еще грозить наступлением на самые северные области. При этом он отлично дерется, и если кто-нибудь, кроме горцев, стоял еще на стороне Союза, то сейчас, после второй оккупации Кентукки и Тенесси, все эти симпатии, наверное, рассеялись.

Если они заполучат Миссури, то вместе с этим им достанутся и „территории“, и тогда Север может увязывать свои чемоданы.

Как я уже говорил, если Север не будет придерживаться революционной тактики, то его забьют на-смерть, и по заслугам. Кажется, так оно и будет.

□ □ □

Манчестер, 9-го сентября 1862 г.

История № 2 на „Буль Рене“ [30]) была отличным трюком со стороны Стоунволла Джэксона, который самый лучший парень во всей Америке. Если бы главная армия конфедератов пришла ему на помощь лобовой атакой, и если бы все пошло как сле-

дует (хотя бы только на половину), то Поп, верно, был бы пропащий человек. А так единственный результат был тот, что конфедераты достигли большого морального успеха, вызвав уважение к своему духу предприимчивости и к Джексону, и приобрели несколько квадратных миль территории, но зато ускорили объединение и концентрацию всей армии Союза перед Вашингтоном. Со следующим пароходом мы, верно, получим дальнейшие сведения о последних стычках, в которых федералистам, пожалуй, могла бы достаться победа, если бы их генералы не были так безнадежно глупы. Но что поделаешь с таким народом! Поп умеет только хвастать, увольнять со службы и лгать. Мак-Клеллан выступает теперь опять, как человек рассудительный. Вдобавок еще распоряжение, чтобы все будущие генерал-майоры держали прусский экзамен на звание портупей-прапорщика. Все это жалости достойно, и по сравнению со слюнявыми северянами молодчики с Юга, которые знают, по крайней мере, чего они хотят, кажутся мне прямо-таки героями. Или, может-быть, ты все еще веришь в то, что господам с Севера удастся подавить „бунт“?

□ □ □

Манчестер, 5-го ноября 1862 г.

Что касается Америки, то я, конечно, тоже считаю, что конфедератам в Мэриленде был нанесен неожиданный моральный удар, очень серьезный по своему значению. Я тоже убежден, что решающим для исхода войны обстоятельством будет окончательное обладание пограничными штатами. Но я далеко не уверен, что история будет итти таким классическим путем, на какой, повидимому, ты надеешься. Несмотря на все вопли янки, нет еще налицо ни одного признака, что эта публика считает всю эту историю действительно вопросом их национального существования. Наоборот, победы демократов на выборах показывают скорее, что вырастает партия, которой война надоела. Если бы был хоть один признак, хоть намек на то, что на Севере начинают приходить в движение массы, как во Франции в 1792 и 1793 году, то это было бы очень хорошо. Но единственная революция, которой можно ожидать,— это демократическая контр-революция и ничего не стоящий

мир, по которому пограничные штаты будут разделены. Естественно, что этим дело не закончится. Но все же пока-что оно остановится на этом. Признаюсь, меня не может привести в восторг народ, который позволяет, чтобы в вопросе такой огромной важности его постоянно колотила четвертая часть его собственного населения, и который после 18-ти месяцев войны ничего не добился, кроме открытия, что все его генералы—ослы, а его гражданские чиновники—прохвосты и изменники. Все-таки дело должно вестись иначе, хотя бы и в буржуазной республике, если она не хочет окончательно увязнуть в грязи.

□ □

252 Гайд Роуд, Манчестер.
30-го декабря 1862 г.

Поражение Бэрнсайда чудовищно преувеличивается. Ясно, что оно должно повлиять на моральное состояние армии, но далеко не в такой степени, как в том случае, если бы она была разбита в открытом поле. Тактическая диспозиция была, повидимому, очень скверная. Фланговую атаку левого крыла, несомненно, надо было еще развить раньше, чем началась лобовая атака под Сумнером. Но об этом совершенно забыли. Сумнер, видно, был в самом плачевном положении еще до того, как Франклин нанес первый серьезный удар. Бэрнсайд не мог тогда, повидимому, принять никакого решения насчет того, как ему использовать свои резервы. Успехи левого крыла должны были бы побудить его послать туда, по меньшей мере, одну часть резервов, так как там все же решалась судьба сражения; вместо того он использовал их для лобовой атаки, да и то слишком поздно,—во-первых, он послал их в качестве смены, а не в качестве подкрепления разбитым войскам Сумнера, а во-вторых, он сделал это перед самым наступлением темноты, так что не успела и половина их ввязаться в бой, как настала ночь. Это, конечно, результат скверной информации, какую дают американские газеты, и незнания местности. Мне кажется, впрочем, что Бэрнсайд мог бы, пожалуй, совсем прогнать этих каналий при помощи обхода, тем более, что у него как-будто было все-таки 150.000 человек против

100.000; но ему помешала, видно, его уверенность в том, что Вашингтон будет действительно прикрыт лишь до тех пор, пока врагу будет загорожен путь. Впрочем, подобную глупость,—дать конфедератам целый месяц времени укрепляться на своих позициях и лишь затем атаковать их с фронта,—надо критиковать не словами, а палками.

□ □ □

Манчестер, 17-го февраля 1863 г.

Поляки—отличные ребята. Если они еще продержатся до 15-го марта, то в России пойдет катавасия. Сначала я чертовски боялся, что у них дело не выгорит. Но сейчас шансов на победу едва ли не больше, чем на поражение. Не следует забывать, что у младшего поколения польской эмиграции имеется собственная военная литература, в которой все пункты рассматриваются с учетом специально-польских условий, и что в этой литературе играет весьма значительную роль и разбирается самым подробным образом идея партизанской войны в Польше. Странно также, что единственные назначенные до сих пор командиры—варшавский еврей Франковский и прусский лейтенант Лангевич. В случае партизанской войны господа русские при своей беспомощности должны терпеть страшный урон.

Читал ли ты, что Бакунин и Мерославский обзывают друг-друга лжецами и лезут один к другому в волосы из-за русско-польских границ? Я выписал „Колокол“ и думаю найти там подробности по этому поводу. Впрочем, придется изрядно понатужиться, пока я снова втянусь в работу. По обыкновению гнусно ведут себя пруссаки. Г-н Бисмарк знает, что подъем революционного настроения в Польше и России для него вопрос жизни и смерти. Впрочем, с прусской интервенцией не торопятся. Пока в ней нет надобности, до тех пор русские ее не допустят, а когда в ней появится нужда, пруссаки поостерегутся лезть в Россию.

Если в Польше дела пойдут скверно, то нам предстоит, по всей вероятности, несколько лет жестокой реакции, так как в этом случае православный царь снова станет во главе Священного союза, который опять постарается создать у глупых

убеждение в том, что г-н Бонапарт большой либерал и друг угнетенных наций. Однакоже, до чего это смешно, что теперь вся английская буржуазия обрушилась на Бонапарта с тех пор, как Кинглейк опубликовал незначительную, непрожеванную, как следует, и наполовину уже известную часть тех самых сплетен относительно него и его приспешников, которым никто не верил, когда мы приводили их еще десять лет назад! Литература, разоблачающая тайны парижского двора опять входит в моду, и г-н Том Тэйлор в „Guardian“ кичится всеми этими историями про Сольмса, Бонапарта, Уайза, Иеккера и т. д., которые нам давным-давно известны, и в куда более точном виде. Интересно только одно: Иеккер раздобыл денег еще для страсбургского или булонского комплота; для какого именно,— Тэйлор не знает. Отсюда, следовательно, вся связь.

В стране янки дела совсем неважны. Правда, по обычной иронии мировой истории, в сравнении с филистерами демократы стали теперь воинствующей партией, а обанкротившаяся поэтическая звезда, Ч. Макей, снова основательно дискредитировал себя. Слышал я также из частных нью-иоркских источников, что Север продолжает вооружаться неслыханным до сих пор темпом. Но, с другой стороны, со дня на день множатся симптомы моральной депрессии, и со дня на день Север становится все более неспособным одерживать победы. Где та партия, для которой победа и приход к власти были бы равнозначащи с продолжением войны до последней возможности и всеми доступными средствами? Счастье еще, что мир физически невозможен, иначе они бы давно уже заключили его, лишь бы только опять иметь возможность жить во славу всемогущего доллара.

Майор-конфедерат, принимавший вместе со штабом Ли участие в боях у Ричмонда, говорил мне на-днях, что согласно документам, которые сам Ли показывал ему, у „бунтовщиков“ в конце этих боев дезертировало не меньше 40.000 человек! Он с большим уважением отзывался о западных полках федералистов.

(Место не указано).
30-го мая 1864 г.

На виргинском походе снова лежит отпечаток нерешительности, точнее говоря, трудности привести войну на этой территории вообще к какой бы то ни было определенной развязке. Сообщениям газет я не придаю никакого значения; единственный смысл их в том, что восьмидневный ливень избавил Ли от необходимости вести непрерывные бои à la Сольферино. А это для него много значит. Еще два подобных сражения,—и его армия, вынужденная каждый вечер отступать все на новые позиции и находившаяся, во всяком случае, в крайне подавленном состоянии духа, вряд ли была бы в состоянии задержаться где-нибудь еще до Ричмонда. Грант, верно, тоже выиграл от передышки, но не в такой степени. Получаемые им теперь подкрепления не будут иметь большой ценности. И все же меня не удивило бы, если бы Ли вскоре отступил к Ричмонду. В этом случае там разыгралось бы решительное сражение.

Бисмарку, будто бы, привалило огромное счастье,—похоже на то, как-будто заключен аугустенбургский мир. Я еще не могу, как следует, осмыслить этого, но сегодняшняя весьма грозная статья в „Morning Post“ подтверждает правильность сообщения. Там, между прочим, говорится, будто Шлезвиг должен подвергнуться разделу, а Эйдер будет новой границей между датской и германской частями Шлезвига! Как ни правдоподобно все это, мне что-то плохо верится, чтобы русские так сразу выпустили из рук все свои завоевания 1851—1852 гг., тем более, что нигде не видно для них компенсации.

□ □ □

Манчестер, 9-го июня 1864 г.

Как обстоят дела с Суэцким каналом по сообщениям Боркгейма? Действительно ли удалось уже достичь каких-нибудь результатов, которые позволяют расчитывать на скорый конец?

Мне крайне любопытно, как идут дела в Виргинии. Силы там, кажется, все еще почти уравновешиваются, и достаточно какого-нибудь ничтожного случая, удачного удара, нанесенного

отдельно какому-нибудь одному корпусу Гранта, чтобы перевес снова оказался на стороне Ли. Сражение под Ричмондом может протекать уже в совершенно иных условиях, так как Бутлер, несомненно, слабее Борегара, в противном случае он не дал бы оттеснить себя на оборонительные позиции; и даже если бы у них обоих были равные силы, то все же соединение с Борегаром в Ричмонде будет иметь большее значение для усиления Ли, чем соединение с Бутлером для Гранта, так как Ли из своего укрепленного лагеря имеет возможность оперировать всеми имеющимися у него силами на любом берегу Джемс-Ривер, тогда как Грант вынужден ориентироваться на южный берег реки. Я надеюсь, однако, что Гранту все-таки удастся проделать эту историю; во всяком случае, несомненно, что после первой битвы среди диких зарослей (джунглей) у Ли как-будто стало меньше охоты вступать в решительные бои в открытом поле,—наоборот, он все время держал главные силы своей армии на укрепленных позициях, отваживаясь исключительно на короткие удары. Нравится мне также методичность операции Гранта. Это единственно правильный метод для данной местности и с данным противником.

□ □ □

Манчестер, 4-го сентября 1864 г.

Какого ты мнения о том, что происходит в Америке? Ли мастерски использует свой укрепленный лагерь в Ричмонде, и неудивительно,—ведь это уже третий поход, который вертится вокруг этого места. Он задерживает массы армии Гранта при помощи сравнительно небольших отрядов и использует большую часть своих солдат для наступления в Западной Виргинии и для угрозы Вашингтону и Пенсильвании. Отличный образец для пруссаков, которые на нем могли бы самым подробным образом научиться тому, как надо вести кампанию за укрепленный лагерь в Кобленце, но они, разумеется, чересчур высокомерны для того, чтобы научиться чему-нибудь у этого импровизированного генерала. Грант – бывший лейтенант, шесть лет назад уволенный из армии за пьянство, впоследствии пьянчужка-инженер в Сен-Луи—отличается твердостью в достижении своих целей и величайшим презрением к жизни своего

пушечного мяса; у него, повидимому, много данных, как у стратега мелкого пошиба (т.-е. в расчетах с одного дня на другой), но я тщетно ищу у него широты кругозора, которая позволяла бы ему охватывать взглядом всю кампанию в целом. Кампания против Ричмонда, мне кажется, находится накануне своего краха: нетерпение, с которым Грант атакует противника то здесь, то там, вместо того, чтобы хоть в одном пункте провести выдержанное наступление, опираясь на траншеи и мины,—это весьма дурной признак. Саперное дело у янки, кажется, вообще плохо поставлено,—тут, кроме теоретических познаний, нужна еще и практика, передаваемая по традиции, а она с экспромпта не дается.

Справится ли Шерман с Атлантой[31]),—это еще вопрос, но мне думается, что у него больше шансов. Партизанские и кавалерийские набеги у него в тылу навряд ли нанесут ему значительный урон. Падение Атланты очень тяжело отозвалось бы на Юге,—следом за ней пал бы и Ром, а между тем, там находятся их пушечно-литейные заводы; вдобавок это было бы связано с потерей железнодорожной связи между Атлантой и Южной Каролиной. Фаррагэт остается верным себе. Молодчик знает, что делает. Но, падет ли Мобиль,—это еще весьма сомнительно. Город очень сильно укреплен и может быть взят, насколько мне известно, только с суши, так как глубоко сидящие корабли не могут подойти к нему на достаточно близкое расстояние. Но что за нелепость так распылять силы наступающих частей по побережью, одновременно атакуя и Чарльстон, и Мобиль, вместо того, чтобы атаковать их поочередно, но в обоих случаях вводя в дело все наличные силы.

Всем этим вздорным слухам о мире, так широко распространяемым, я не придаю большого значения. Не верю я и в мнимые мирные переговоры, которые ведет, якобы, Линкольн. Все это я считаю простым избирательным маневром. При данном положении дела переизбрание Линкольна представляется мне довольно вероятным.

□ □ □

Манчестер, 3-го мая 1865 г.

Грант точно воспроизвел у Ричмонда сражение при Иене,—если говорить о стратегической стороне дела,—и с тем же

результатом: захват всей неприятельской армии. Разница лишь в том, что ему не пришлось итти так далеко, чтобы пожать плоды.

Сейчас капитулировал и Джэксон, так что я выиграл пари, заключенное мною два месяца назад,—что 1-го мая у южан уже не будет армии. За всеми теми элементами, которые еще окажут сопротивление, устраивается погоня, как за разбойниками,—и вполне справедливо. Джонсон [32]), во всяком случае, будет настаивать на конфискации крупного землевладения, что внесет некоторую резкость в дело умиротворения и реорганизации Юга. Линкольн вряд ли настаивал на этом.

„Друзья Южных Штатов“ утешались здесь тем, что подняли в связи с убийством лицемерный вопль, пророча, что через какой-нибудь месяц мы услышим: Грант I, король американский. Эти ослы порядком обожглись!

Впрочем, „господа монархи“ должны все же страшно злиться по поводу того, что убийство Линкольна произвело такое огромное впечатление во всем мире. Такой чести не удостоивался никто из них.

□ □ □

Манчестер, 2-го апреля 1866 г.

Что ты скажешь о Бисмарке? Почти похоже на то, что он провоцирует войну, давая этим Луи Бонапарту прекраснейший случай захватить без всякого труда часть левого берега Рейна и таким образом утвердиться там на всю свою жизнь. И если каждый, кто несет на себе долю вины за эту войну,—если только дело дойдет до войны,—достоин повешенья, и я с одинаковым беспристрастием желаю распространения этой кары также на австрийцев,—то все же мое величайшее желание состоит в том, чтобы пруссаки были избиты до смерти. Тогда имеются две возможности: 1) австрийцы через две недели диктуют условия мира в Берлине, так что удастся избежать прямого вмешательства заграницы, но одновременно станет невозможным нынешний режим в Берлине, и возникнет иное течение, наперед отрицающее гегемонию специфически прусского начала; или же 2) в Берлине произойдет переворот еще до прихода австрийцев, и в этом случае все равно возникнет такое же движение.

С чисто-военной точки зрения я смотрю на дело так, что обе армии приблизительно равны по своим силам, и бои между ними будут носить весьма кровопролитный характер. Но во всяком случае, Бенедек—лучший генерал, чем принц Фридрих-Карл, и если Франц-Иосиф не поможет Бенедеку или же у Фридриха-Карла не окажется очень хороших и влиятельных штабных офицеров, то, мне кажется, пруссаки будут биты. Уже одно это бахвальство после Дюппеля напоминает про Иену.

Если первое сражение окончится решительным поражением пруссаков, то австрийцам ничто не мешает двигаться на Берлин. Если же победят пруссаки, то у них нехватит реальной силы, чтобы предпринять наступление на Вену через Дунай, а тем более через Пешт. Австрия еще может, пожалуй, собственными силами принудить Пруссию к миру. Но Пруссия бессильна заставить Австрию мириться. Следовательно, каждый успех пруссаков только лишний раз ободрял бы Бонапарта и побуждал бы к вмешательству. Впрочем, оба эти мерзавца уже сейчас будут стараться перещеголять друг-друга, наперерыв предлагая немецкие области третьему мерзавцу—французу.

□ □ □

Манчестер, 10-го апреля 1866 г.

Повидимому, русские хотят войны, при чем целью их является, видно, восстановление Польши под русским владычеством и, если удастся, аннексия Молдавии. „Kölnische Zeitung“, которая, разумеется, испытывает панический ужас перед войной, послала своего военного специалиста, И. фон-Викеде, в Богемию, для наблюдения предполагаемых военных приготовлений Австрии. Парень приезжает туда 3-го апреля, т.-е. через две недели после ноты Бисмарка, и находит повсюду самое что ни на есть мирное положение, за исключением разве того, что пара богемских полков отправлены в западные округа для того, чтобы им потом было легче перейти на военное положение. Ни один отпускной солдат не призван обратно, ни одна крепость не вооружена,—ничего решительно. Таким образом, весь этот скандал был умышленно спровоцирован Бисмарком.

Дальше. Русские концентрируют свои войска на австрийской и прусской границе Польши, и солдаты совершенно открыто рассказывают, что те, которые стоят на прусской границе, в самое ближайшее время оккупируют Польшу, как только прусские войска выступят против австрийцев. Не говоря о том, что русские непосредственно обеспечат здесь за собой обладание оставшейся частью прусской Польши, на них будет также лежать обязанность подавлять какие бы то ни было революционные движения в Берлине. Весьма вероятно, однако, что это был бы неверный расчет, но, во всяком случае, Гогенцоллерны делают себя совершенно невозможными для будущего.

Наконец, сегодняшняя передовица „Times'a", которая в глупой, неуклюжей, но решительной форме становится на сторону пруссаков и изображает австрийцев, как нападающую сторону. Она, явно, писана по приказу.

В виду всего этого, война кажется мне чем-то несомненным,—ее делают неизбежной и новая австрийская нота, апеллирующая к Союзу, и проект г-на Бисмарка относительно германского парламента,—что за болван этот молодчик, если он думает, что это поможет ему хоть на волос!—и обстоятельства, связанные с внутренним положением Германии. В основе австрийской ноты и лежит, как видно, сознание того, что так или иначе дело дойдет до драки,—в противном случае они оставили бы себе, по крайней мере, лазейку, облегчив пруссакам отступление при условии отставки Бисмарка. Но так как они апеллировали к Союзу, то эта возможность исчезает; большинство голосов Союза—не авторитет ни для данного, ни для какого-либо другого прусского министерства. Бонапарт, верно, будет держать себя мирно, по крайней мере, на первых порах,—ведь, Бисмарк уже заранее предложил ему Саарбрюкен, а в крайнем случае подарит ему и баварскую часть Пфальца. Если он увидит, что русские на стороне пруссаков, то он не станет пускаться в рискованные авантюры.

Если в самом деле дойдет до драки, то ход событий—впервые в истории—будет зависеть от Берлина. Если берлинцы во время нанесут удар, то исход дела может быть вполне удачный, но кто же может положиться на эту публику?

□ □

Морнингтон-Стрит, 25-го мая 1866 г.

Если у австрийцев хватит ума, чтобы не нападать первыми, то в прусской армии, наверняка, пойдет катавасия. Эти ребята давно уже не были так бунтовщически настроены, как во время последней мобилизации. К сожалению, мы узнаем лишь самую ничтожную часть того, что там происходит, но достаточно и этого, чтобы видеть, что наступательная война с подобной армией немыслима. Если же эти парни сначала будут сконцентрированы большими массами, станут пересчитывать свои ряды и увидят, что три четверти армии проникнуты одним и тем же духом; если им потом придется во все время Конгресса, в течение трех или четырех недель стоять под-ружьем, то это неизбежно должно привести к кризису, и в одно прекрасное утро дисциплина пошатнется. Уж повод-то к этому найдется; а в такой армии, если начнет один батальон, то дело пойдет быстро. И если даже удастся избежать открытого бунта, то не подлежит ни малейшему сомнению, что эта армия, до такой степени деморализованная и имеющая такого главнокомандующего, как старый Вильгельм, с Фридрихом-Карлом и кронпринцем в качестве командующих флангами, тотчас же будет разбита на-голову раз'яренными австрийцами под командой Бенедека, который отстранил от себя всех эрцгерцогов и никому не позволяет вмешиваться в назначение на штабные должности, и у которого в распоряжении имеется от 300.000 до 360.000 человек. Это известно и старику, и я уверен, что он отступит при малейшей возможности именно из-за этого настроения в армии. То, что я говорил в прошлом году в своей брошюре относительно характера мобилизованной прусской армии, подтвердилось теперь в полной мере.

Забавно замешательство, в какое пришли национальные ферейны, когда Бисмарк украл у них их программу; эта публика вынуждена теперь опровергать свою собственную велико-прусскую фразеологию точь в точь, как „Kreuzzeitung“ свою феодальную фразеологию.

Лондонский корреспондент „Manchester Guardian“ рассказывает, что Луи Бонапарт выторговал себе в награду за свое согласие на это мудрое государственное дело, следующие области: у Италии—Сардинию, у Пруссии—Люксембург, Саарлуи и Саарбрюкен (он забывает при этом Ландау),—и это минимум.

□ □ □

(Место не указано) 4-го июля 1866 г.

Что ты скажешь о пруссаках? Они с огромной энергией использовали свои первые успехи; если бы не их стремительность, то Бенедек, по всей вероятности, втихомолку отступил бы в Ольмюц, но вчера он, видно, был вынужден принять бой, исход которого после всего происшедшего не подлежал никакому сомнению. Это что-то небывалое—провести такое решительное сражение в течение восьми часов; в другой обстановке оно продолжалось бы два дня. Но игольчатое ружье—страшное оружие, а к тому же ребята, действительно, дерутся с таким воодушевлением, которого я никогда не видал у подобных войск, не имеющих никакого боевого опыта. Необходимость штурмовать позиции противника для нападающих в данном случае перевешивала их превосходство в вооружении; при таких условиях приходися признать, что пруссаки, сделали очень много. Бенедек со своим глубокомысленным „планом" оказывается просто ослом и тюфяком. А, ведь, при наличии достаточных сил он прекрасно мог бы захватить всех этих молодчиков в горах!

Во всяком случае, Бисмарк попытается теперь осуществить свою идею создания Германской империи, включая сюда Богемию, которую он хочет отнять у австрийцев, чтобы установить связь между Силезией и Баварией. При заключении договора с Италией он выторговал себе именно „такую австрийскую область, которая была бы равноценна Венеции".

Берлин ведет себя по обыкновению подло и в конце концов вдруг выбрал вчера сплошь одних министров. Что-то скажут теперь наши прогрессивные верблюды!

Красивая комедия разыгрывается на северо-западе, а скоро, пожалуй, не лучше будет и на юге.

Единственной гарантией против измены, которую затеял Бисмарк заодно с Наполеоном, это неожидано крупные успехи пруссаков. Бисмарку трудно будет много уступить, и бельгийцам, верно, придется кой-чем поплатиться.

□ □ □

Манчестер, 9-го июля 1866 г.

История,—я хочу сказать: мировая история,—становится все более насмешливой. Можно ли представить себе что-нибудь более красивое, чем этот насмешливый урок житейской практики, преподанный Бонапарту его же учеником Бисмарком, который, будучи простым „мещанином во дворянстве“, перерастает своего маэстро на целую голову и разом наглядно показывает всему свету, в какой степени существование этого арбитра Европы зависит от терпимого к нему отношения. А потом—сам этот Бисмарк: чтобы сохранить за собой на несколько месяцев видимость феодально-абсолютистской власти внутри страны, он в международных отношениях в самой крайней форме проводит политику буржуазии, подготовляет почву для ее господства, прокладывает пути, по которым можно продвигаться вперед только с помощью либеральных, даже революционных средств, при чем заставляет своих собственных юнкеров фактически попирать ногами свои собственные принципы. Я еще никогда не видел ничего красивее, чем „Kreuzzeitung“ в последние четыре недели, и историко-феодальная партия, основать которую стоило стольких трудов и хлопот блаженной памяти гению Фридриха-Вильгельма IV, захлебывается теперь в грязи, которую ей приходится пожирать по команде ее собственного вождя.

Дело обстоит очень просто: у пруссаков 500.000 игольчатых ружий, а у всех остальных государств нет и 500. В течение двух, трех, пускай даже пяти лет ни одной армии нельзя вооружить ружьями, заряжающимися с казны. До тех пор пальма первенства остается за Пруссией. Ты думаешь, что Бисмарк не использует момента? Наверняка использует. Бонапарт будет сильно остерегаться ввязываться в драку, что же касается русских, то они, правда, очень грозно рычат в „Петербургском Журнале“, но в военном отношении они теперь менее страшны, чем когда бы то ни было. Я ничуть не сомневаюсь, что внезапное громадное усиление Пруссии сплотит Бонапарта с русскими, и что первой их заботой будет воспрепятствовать какому бы то ни было росту прусского могущества. Но они будут остерегаться доводить дело до войны; что касается Франции, то активное вмешательство с ее стороны было бы наилучшим средством окончательно толкнуть население Южной

Германии в ряды прусской армии, заставив его забыть про гражданскую войну. Если же говорить о русских, то г-н Бисмарк сумеет пригрозить им новым польским восстанием, и они знают, что наш молодчик достаточно бессовестен для этого. Вообще Бисмарк слишком хорошо сознает свою силу, но он знает также и то, что сохранит ее за собой во всей ее полноте в течение всего лишь пары лет, и я полагаю, что он использует ее до последнего. К тому же Бонапарта, в конце-концов, всегда можно купить Бельгией, а план раздела Бельгии между Францией и Голландией, которая затем должна уступить Франции Люксембург, был „принят к сведению" совсем незадолго до войны Гольцем, Бонапартом и голландским кронпринцем. Я полагаю, что вопрос с войной вовсе еще не улажен,—всякое еще может случиться.

Русские, действительно, с некоторого времени обнаруживают как-будто бы уклон в сторону Австрии, а этот огромный успех пруссаков совершенно отрезывает им путь к отступлению. Тем более, что Австрия будет теперь достаточно рассудительной, чтобы оттягать себе в обмен на Венецию Боснию или Валахию, а тогда Россия возьмет себе Молдавию.

Ты видишь, впрочем, насколько правильно судил я о прусской армии, всегда утверждая, что она имеет гораздо больше данных, чем обычно предполагалась. После недавних успехов и после несомненно блестящих операций армии ее чувство собственного достоинства, а вместе с тем ее боевой опыт настолько возросли, что она могла бы хоть завтра выступить против французов, даже в том случае, если бы у последних были ружья, заряжаемые с казны; между тем, роль французского штыка уже сыграна, точно так же, как в свое время роль испанской пики. Если повсюду будет введено оружие, заряжаемое с казны, то кавалерия снова вступит в свои права.

□ □ □

Манчестер, 22 го июля 1870 г.

Браво Кугельман! Видно, что человек недаром прошел школу. Гипотеза вполне в духе ее авторов и может объяснить все.

Но если она в действительности верна, то, по крайней мере, Бисмарка вся эта история совсем захлестнула. Этим господам явно удалось вызвать в Германии настоящую национальную войну. Многократное зондирование почвы относительно уступки германской территории, Люксембурга и т. д., при помощи которого Луи Бонапарт, по обыкновению, хотел заранее приучить публику к тому, что ей придется стать перед совершившимся фактом, подействовало на немецкого Михеля совершенно в обратную сторону. На этот раз он, очевидно, твердо уверен в том, что надо раз навсегда покончить с этим надувательством. Учитывая данное обстоятельство, а также принимая во внимание состояние обеих армий и наличие старого самодура Вильгельма, нетрудно предвидеть, что предстоящая война не будет войной только для виду, а превратится в серьезную и жестокую борьбу.

Внезапно наступившие колебания и задержка во французских операциях [33]), рассчитанных, повидимому, на середину этой недели, служит доказательством, что Луи Бонапарт увидел, как он основательно просчитался. Быстрое вмешательство южногерманских частей, а затем сознание того, что ему придется иметь дело с самим немецким народом, расстроили его план неожиданного нападения на Майнц при помощи бомбардировки и удара в направлении на Вюрцбург с половинными силами. Вообще говоря, он должен теперь наступать всеми наличными силами. Но с этим ему еще придется повременить. Приказ о формировании четвертых батальонов в полках был отдан только 15-го или 16-го; их кадры состоят из четырех рот третьего полевого батальона каждого полка,—это значит, что их число сперва надо довести до шести или восьми рот и пополнить резервами. Призыв отпускных солдат был произведен 19 го и 20 го, бывших на действительной службе резервов 21-го и 22 июля, призыв не состоявших на действительной службе резервов назначен на завтра. Обе первые категории должны сначала прибыть к своим полкам, и лишь после этого последние будут укомплектованы. Таким образом, открытие кампании, если не считать единичных стычек, отодвигается, по меньшей мере, до середины будущей недели. Но к тому моменту немцы могут оказаться настолько силь-

ными, что Бонапарт сочтет необходимым подождать прибытия четвертых батальонов, что опять представляет отсрочку на 8—14 дней. А к тому времени он будет сидеть в галоше.

Вчера один местный немецкий обыватель рассказывал мне, как он ехал в субботу в Вестфалии в одном поезде с прусским генералом, который разговаривал с ним по-английски, приняв его за англичанина. Генерал сказал: „В этом есть большая доля истины, что мы отстали приблизительно на десять дней, но если вы в продолжение десяти дней не услышите, что мы потерпели крупное поражение, то мы скоро заслужим ваши симпатии“. На вопрос, что он имеет этим в виду, он ответил: „Вы знаете, что симпатии англичан всегда на стороне успеха“.

Мобилизация началась в Северной Германии 16-го, в Баварии 17-го числа. Резервы и пехота ландвера могут быть приведены в боевую готовность приблизительно в течение восьми дней, остальные части—в течение двенадцати дней с начала мобилизации; следовательно, 25-го будет готова вся пехота, а 30-го вся армия в целом. Но так как резервы притекают массами по собственному почину, то полевая армия будет готова еще раньше. На Рейне расположены, наверное, 7, 8, 11 и 12 армейские корпуса. Гвардия тоже выступила из Берлина, как мне передавал Борхардт, вчера приехавший оттуда; я полагаю, в Баварию, чтобы стать под командование чудесного кронпринца. Прохождение восточной армии через Берлин должно было начаться вчера. После воскресенья или понедельника Бонапарту удастся, самое большее, занять Пфальц, но он уже не сможет переправиться через Рейн, если не произойдет слишком больших ошибок со стороны противников.

С конца будущей недели немцы могут переходить в наступление и ввести во Францию целую армию, которая неизбежно подавит всякое сопротивление со стороны Бонапарта, хотя бы ценой многократных упорных боев. При данном положении вещей я считаю счастливый исход кампании для Бонапарта совершенно невозможным.

□ □ □

Манчестер, 31-го июля 1870 г.

Посылаю тебе план прусского похода. Прошу тебя сейчас же взять кэб и отвезти его в „Pall Mall Gazette“, чтобы он

появился в печати в понедельник, вечером. Было поистине нелегким делом разгадать этот план. Решающую роль сыграло известие, что двоюродный брат Гумперта, ротный командир 77-го полка, авангарда 7-го армейского корпуса, 27-го июля выступил из Аахена в Трир. Тогда вся эта история мне стала ясной.

Чем дальше, тем бо́льшим позором будем мы покрывать себя, продолжая войну под верховным командованием Вильгельма. Но все же это хорошо, что он ставит сам себя в такое ужасно смешное положение вместе со своей божественной миссией, без которой никак невозможно осуществить единства Германии. Адрес Интернационала был напечатан здесь в субботу в „Toryblatt Courier"; если бы это было в иной день недели, то его напечатали бы и другие газеты, но этому помешали субботние объявления. „Адрес" поучителен для всех классов, так как покажет им, что в данное время настоящая иностранная политика имеется исключительно у рабочих. „Адрес" очень хорош, и „Times" не принял его, наверное, только из-за русских. И правительства, и буржуазия будут страшно удивлены, когда рабочие после войны спокойно возобновят свою прерванную деятельность, словно ничего и не случилось.

Мое доверие к военным достижениям немцев растет с каждым днем. Мы, значит, по справедливости выиграли бы первое серьезное сражение. Французы, повидимому, все еще не знают что они приобрели, когда ввели у себя оружие, заряжаемое с казны.

Игра, которую ведет Мольтке, весьма рискованна. По моим расчетам, он не закончит своей концентрации раньше вторника или среды. От Аахена до границы—около 20 немецких миль, четыре или пять усиленных переходов, в особенности в жару. Следовательно, седьмой корпус едва ли успеет до завтрашнего дня расположиться на Сааре в полном составе, а сегодня, возможно, идет уже решительное сражение. Во всяком случае, план разработан так тонко, что разница в 24 часа будет играть огромную роль. Ядро сражения будет развертываться, верно, на Сааре между Мерцигом и Саарбрюкеном.

Хорошо, что французы начали свое наступление на немецкой территории. Если немцы, отразив нападение, погонятся за про-

тивником по пятам, то это, наверняка, не произведет во Франции такого же эффекта, как в том случае, если они вступят во Францию без предшествовавшего нападения на них. Таким образом, война примет с французской стороны более бонапартистский характер.

Успешный исход войны,—т.-е. конечная победа немцев,—не подлежит для меня никакому сомнению; однако, план Мольтке отражает его абсолютную уверенность в том, что в первом же сражении подавляющее превосходство сил будет на его стороне. Мы, пожалуй, уже во вторник, вечером, будем знать, не просчитался ли он. Мольтке часто строит свои расчеты без Вильгельма.

Чем больше пресмыкается германский филистер перед своим благочестивым и пресмыкающимся перед небесами Вильгельмом, тем наглее становится он по отношению к Франции. Опять на всех перекрестках вопят про Эльзас-Лотарингию, и громче всех кричит „Аугсбургская Газета". Но лотарингские крестьяне уже докажут пруссакам, что это не так просто.

Насчет договора ты совершенно прав. Эти люди не так уж глупы, как воображает Бисмарк. Здесь имеется одна хорошая сторона,—что теперь воя грязь всплывет на поверхность, и тогда наступит конец шашням между Бисмарком и Бонапартом.

□ □ □

Манчестер, 3-го августа 1870 г.

Мне очень нравится то, что французы продвигаются вперед и оккупировали Саарбрюкен[34]) (который был занят одним батальоном, четырьмя эскадронами и, может-быть, небольшим количеством артиллерии). Нравится, во-первых, по соображениям морального свойства. Во-вторых, потому, что немцы в первом сражении будут биться на оборонительной позиции, а оборона в огромной степени усиливается ружьями, заряжаемыми с казны. Так как немцы, по моим расчетам, начали свое стратегическое построение вчера, вечером, то я полагаю, чтой бой, к которому сегодня, вероятно, будут даны подготовительные стычки, разыграется завтра на линии Отвейлер—Нейнкирхен—Гамбург, при чем армия Фридриха-Карла и кронпринца возьмет на себя

фронт, а Штейнмец ударит на (левое) крыло французов. Или наоборот.

То, что французы врезываются в еще не законченную построением боевую линию немцев, связано с известным риском. Если бы благородный Луи нанес свой удар в пятницу, то он мог бы дойти до самого Рейна без особых затруднений. Но во вторник люди должны были приблизительно уже быть готовы. Причины провала самых лучших шансов наступления лежат в самом Бонапарте, т.-е. в гнусной империи, в тех интригах среди командования армией, которые задержали его на пять дней и, вероятно, теперь тоже заставили его выступить, не будучи еще подготовленным.

Если немцы, против ожидания, проиграли это первое сражение, то через какой-нибудь месяц они смогут стать снова значительно сильнее, чем сейчас; от окончательного поражения их защищает линия Рейна, а французов не гарантирует решительно ничто.

□ ⊃ □

Манчестер, 10-го августа 1870 г.

Сегодня 10-е августа. Неужто парижане совершенно забыли это? По сегодняшней вечерней „Pall Mall Gazette“ этого не должно бы быть. Вторая Империя, кажется, совершенно тает, оставляя после себя только смрад. Бадинге[35]) уходит из армии и должен передать ее Базену[36]) (!), который является теперь лучшим его помощником и еще ни разу не был бит. На деле это значит, что он вообще выходит в отставку. Для этой публики революция прошла как-будто очень легко, все идет само собой, словно ничего иного и ожидать было нельзя. Так это или нет,—решится, наверное, в ближайшую пару дней.

Я полагаю, что орлеанисты,—без армии,—достаточно сильны для того, чтобы рискнуть тотчас же произвести реставрацию. Так как они в настоящий момент представляют собой единственную возможную династию, то они, может-быть, сами предпочтут новое республиканское междуцарствие. В этом случае, пожалуй, у власти станет экс-марсельеза?

Я полагаю, что с республикой пруссаки согласятся заключить почетный мир. Им не к лицу будет снова вызывать в

памяти общества тень 1793 - 1794 гг. Смысл всей тронной речи Вильгельма сводился к тому, что надо спекульнуть на революции и не доводить дело до крайности. Впрочем, с тех пор в Германии непомерно возросло националистическое неистовство, и поднялся всеобщий вопль о присоединении Эльзас-Лотарингии. К тому же на Вильгельма нечего рассчитывать. Но все же я еще думаю, что немцы удовлетворятся меньшим. Франции, пожалуй, придется уступить клочок территории. А для того, чтобы повторился подъем 1793 г., да еще воплотился в действие, для этого нужен и такой противник, какой был в 1793 году, и притом, как ты справедливо сказал, немного иные французы, чем те, которые сейчас выходят из гнусной империи.

Впрочем, я полагаю, что пруссаки уже вели переговоры с орлеанистами.

Говорят, что Бисмарк посетил Вену, но мне кажется, что это—биржевая утка. На этот счет Вена—мастерица.

То, что ты говоришь относительно русских, совершенно согласуется и с моим мнением. И этого уже недолго придется ждать. Я уверен, что в этом случае Бисмарк заранее пощадит французов.

Относительно стратегии Бадинге—вчера (передовица) и сегодня, вечером, в „Pall Mall Gazette". С тех пор я открыл еще новую глупость. Седьмой корпус Феликса Дуэ всего лишь 1-го августа преспокойно выступил из Бельфора на Альткирх и, следовательно, теперь, когда линия Страсбург — Нанси у Цаберна занята,—или же будет занята, - немцами, должен быть послан через Везуль и Шомон на Мец или Шалон. Подобного свинства свет еще не видал. Это превосходно, что именно немцы одним ударом разорвут всю эту сеть обмана!

Какое представление составили себе во французской армии о противнике,—лучше всего явствует из писем капитана Жаннеро, публикуемых в „Temps", начиная с воскресенья. Этот простак был в Саарбрюкене взят в плен и видел восьмой корпус (наших ребят из Рейнской области). Удивление этого парня прямо-таки уморительно. Уже с первого взгляда ему сильно импонирует прусский лагерь. „Хорошая и красивая армия, нация, сильно организованная для войны",—говорит он, и эти достоинства он видит во всем, вплоть до прусского

унтер-офицера, „высокие моральные качества которого, к сожалению, достойны нашей зависти“! И это был еще один из самых умных людей, который сам хорошо знает немецкий язык! Он добавляет также, что пруссаки стреляют гораздо лучше французов.

У немцев сейчас под-ружьем $1^1/_2$ миллиона солдат, так что даже 100.000—200.000 итальянцев (около половины французской армии) не дало бы Франции большого перевеса. Австрия рискует революцией в Вене, если зашевелится. Россия, вероятно, будет совершенно безопасной до тех пор, пока не будет заключен мир, или пока в Париже будет сидеть революционное правительство, на которое нельзя рассчитывать, как на партнера в шулерской игре. Со всех сторон правительства будут остерегаться еще больше раздразнить приведенного в ярость немецкого Михеля. Но ты видишь, как я был прав, усматривая в прусской военной организации огромную силу, совершенно непобедимую в национальной войне, подобно нынешней.

Теперь официально говорится: I, II, III немецкая армия.

□ □ □

Манчестер, 15-го августа 1870 г.

Насколько Браке сам увлекся общенациональным подъемом,— я не знаю, а так как я получаю „Volksstaat“, самое большее, раз в две недели, то не могу судить и относительно поведения ЦК в этом вопросе,—разве только по письму Бонгорста к Вильгельму[37]), которое написано, в общем, довольно холодно, но обнаруживает неуверенность в своей теоретической позиции.

Мне обстоятельства дела представляются так. Благодаря Бонапарту Германия оказалась втянутой в войну за свое национальное существование. Если Бонапарт победит ее, то эта победа укрепит бонапартизм и погубит Германию на долгие годы, а, может-быть, и на целые поколения. О самостоятельном германском движени в том случае тоже не придется говорить, — борьба за сохранение национального существования поглотит все силы, и в лучшем случае германские рабочие будут тащиться на буксире за французскими. Если же победит Германия, то, во всяком случае, французскому бонапартизму— крышка; улягутся, наконец, вечные споры из-за объединения Германии, германские рабочие смогут организоваться в совер-

шенно ином национальном масштабе, чем до сих пор, а у французских, какое бы правительство ни сформировалось у них, наверное, откроется более свободное поле деятельности, чем при бонапартизме. Вся масса германского народа, без различия классов, поняла, что дело идет, в первую очередь, о национальном существовании, и поэтому сразу взялась за дело. Мне кажется невозможным, чтобы германская политическая партия могла в таких условиях проповедывать полную обструкцию à la Вильгельм и выдвигать всякие побочные соображения в ущерб главному.

К тому же Бонапарт не мог бы вести этой борьбы, не опираясь на шовинизм массы французского населения, буржуа, мещан, крестьян и созданного Бонапартом в больших городах империалистического, вышедшего из крестьян строительного пролетариата. До тех пор, пока этот шовинизм не будет окончательно сломлен,—а это следует сделать,—до тех пор мир между Германией и Францией невозможен. Можно было ожидать, что такую работу возьмет на себя пролетарская революция; но с тех пор, как началась война, немцам ничего иного не остается, как сделать это самим, и как можно скорее.

Перейдем теперь к мотивам второго порядка. Если настоящей войной руководят Леман, Бисмарк и К°, которым она должна принести мимолетную славу в случае ее удачного завершения, то этим мы обязаны моральному убожеству германской буржуазии. Конечно, это омерзительно, но тут ничего не изменишь. Но было бы нелепо из-за этого возводить „антибисмаркизм“ в единственный руководящий принцип. Во-первых, Бисмарк и сейчас, так же, как и в 1866 году, выполняет все-таки часть нашей работы,—по-своему и даже помимо своей воли, но все же делает это. Он расчищает для нас почву. А затем теперь уже не 1815 год. Представители Южной Германии обязательно вступают теперь в рейхстаг, создавая таким образом противовес пруссакам. К тому же—долг перед нацией, доставшийся на его долю и, как ты уже раньше писал, наперед запрещающий ему вступать в союз с Россией. Вообще, желание повернуть вспять всю историю, начиная с 1815 г., à la Либкнехт,—только потому, что она ему не нравится,—представляет собой сущий вздор. Но, ведь, мы знаем наших образцовых южан.

По моему мнению, эти люди могут:

1) итти вместе с национальным движением,—насколько оно сильно, ты видишь из письма Кугельмана,—постольку и до тех пор, пока оно ограничивается обороной Германии (что при известных обстоятельствах не исключает наступления до самого заключения мира);

2) подчеркивать при этом различие между национальными интересами Германии и династическими интересами Пруссии,

3) бороться со всякой аннексией Эльзаса и Лотарингии,—у Бисмарка проглядывает намерение насильственно присоединить их к Баварии и Бадену;

4) в случае прихода к власти в Париже республиканского, не шовинистического правительства выступать в пользу почетного мира с ним,

5) постоянно выдвигать на первый план единство интересов немецких и французских рабочих, которые относились к войне отрицательно и дрались между собой вовсе не как рабочие,

6) по отношению к России выступать так, как говорится в „Адресе“ Интернационала.

Забавно утверждение Вильгельма, что так как Бисмарк—товарищ по оружию Бонапарта, то самой правильной является теперь тактика сохранения нейтралитета. Если бы это было всеобщим мнением в Германии, то у нас скоро опять возродился бы Рейнский союз, и тогда благородный Вильгельм уж увидел бы, что за роль играл бы он в Союзе, и что осталось бы от рабочего движения. Народ, вечно получающий одни удары и пинки, конечно, как-будто для того и создан, чтобы произвести социальную революцию, и притом в излюбленных малых государствах Вильгельма!

Вильгельм явно рассчитывал на победу Бонапарта, —исключительно ради того, чтобы его Бисмарк при этом в конец скомпрометировал себя. Ты помнишь, как он всегда угрожал ему французами. Ты, конечно, тоже на стороне Вильгельма!

Катастрофа во Франции приняла, видно, ужасающие размеры. Все разорено, распродано, промотано, „Шаспо“ действовали скверно и в бою отказываются служить, да их и нет больше,—снова вытаскиваются на свет старые кремневые ружья. И все же, если только революционное правительство придет ко власти сейчас, ему нечего приходить в отчаяние. Но оно должно

предоставить Париж своей собственной участи и продолжать войну со стороны юга. Тогда ему еще удастся продержаться до тех пор, пока будет закуплено оружие, и организована новая армия, с помощью которой неприятель постепенно снова будет оттеснен к самой границе. Собственно, это и было бы настоящим концом войны, если бы оба государства взаимно доказали друг-другу свою непобедимость. Но если этого не произойдет в самом скором времени, то комедия кончена. Мольтке проводит свои операции образцово,—старый Вильгельм, повидимому, предоставил ему полную свободу действий,— и четвертые батальоны уже вливаются в армию, между тем, как французских еще и на свете нет.

Если Бадинге не успел еще уйти из Меца, ему, пожалуй, худо придется.

□ □ □

Манчестер, 20-го августа 1870 г.

Мне думается, теперь аннексия немецко-французских областей—дело решенное. Если бы в Париже еще на прошлой неделе сформировалось революционное правительство, то еще можно было бы кое-что сделать. В данный момент оно уже запоздало и может только представить удобный случай для насмешек своей пародией Конвента. Я уверен, что Бисмарк заключил бы с революционным правительством мир без аннексий, если бы оно выступило своевременно. Но при теперешнем поведении Франции у него нет никаких оснований бороться с давлением извне и со своим собственным тщеславием. Это большое несчастие, но, мне кажется, его невозможно предотвратить. Еще если бы Германия была государством в роде Франции, то подобные поступки скорее были бы простительны. Но здесь, когда добычу приходится делить между тремя соседними странами, это просто смешно. Еще более смешно то, что немцы хотят отхватить себе на западе говорящую по-немецки Венецию.

Что ты скажешь про Мак-Базена? Достаточно плох был уже Мак-Маон, а теперь выступает на сцену просто Мак (из Ульма)[38]). Это, ведь, будет совсем безумие, если 120.000 французов должны будут сложить оружие,—а он, конечно, доведет

до этого. Старый осел—на старости лет растлить девственный Мец! В истории еще не слыхано подобного падения, до какого докатилась эта Вторая Империя. Мне бы только хотелось знать, неужели парижане не подымут, наконец, восстания, когда узнают всю правду о событиях последней недели. Пользы от этого, конечно, уже никакой не будет. Вокруг Парижа, чтобы сделать его обороноспособным, нужно проделать такие колоссальные работы по слому старых укреплений, что я не могу представить себе, чтобы они были выполнены, как следует. С 1840 г. население города утроилось, продовольственные затруднения—тоже. Наконец, весь товарооборот теперь в такой степени базируется на железных дорогах, что достаточно взорвать несколько железнодорожных мостов на каждой линии,—и станет почти совершенно невозможной гужевая доставка в город сколько-нибудь значительных запасов, даже при неполной блокаде.

Потери прошлой недели должны быть огромны. Немцы во все время войны с величайшей решимостью действовали штыком, а теперь еще кавалерия против непоколебимой пехоты; люди падали, должно-быть, как мухи. Наш прекрасный Вильгельм ничего не говорит по этому поводу. Во всяком случае несомненно, что в стычках лицом к лицу, батальон против батальона, немцы обнаруживали самый решительный перевес над французами. Сначала при Шпихерне [39])—27 батальонов против 42 (минимум) батальонов французов, занимавших почти неприступную позицию. После сражения, происходившего в четверг, разложение во французском лагере станет нестерпимым.

□ □ □

Манчестер, 7-го сентября 187 г.

Под влиянием неожиданных и вместе с тем незаслуженных побед немецкий обыватель до мозга костей проникся шовинизмом, и пора, пора уже что-нибудь предпринять против этого. Если бы только республика не находилась в таком жалком состоянии! Но тут ничего не поделаешь. Прежде, чем мое предисловие к „Крестьянской войне“ появится в печати отдельной брошюрой, события значительно опередят ее. Новое воззвание

Интернационала (на этот раз тебе придется составить и немецкий оригинал) является поэтому еще более необходимым.

Если текст парижского воззвания Интернационала передан сюда по телеграфу более или менее правильно, то оно показывает, что эта публика еще всецело находится под властью фразы. Эти люди, которые в течение 20 лет терпели Бонапарта, которые еще 6 месяцев назад не могли воспрепятствовать тому, чтобы он получил шесть миллионов голосов против полутора, и чтобы он без всякого повода, без малейших оснований натравил их на Германию,—эти самые люди, исходя из того, что немецкие победы подарили им республику—да еще какую!—требуют, чтобы немцы немедленно оставили священную почву Франции, а в противном случае—война до последней капли крови! Совсем старые бредни о превосходстве Франции, о святости, которая снизошла на французскую землю в 1793 году, и которой не могут осквернить никакие свинские поступки французов позднейшего времени,—о святости слова „республика". На деле подобное поведение напоминает датчан, которые в 1864 году подпускали к себе пруссаков на тридцать шагов, давали по ним залп, а затем складывали оружие, надеясь, что в награду за соблюдение этой формальности им не станут платить той же монетой.

Я хочу надеяться, что эта публика одумается, как только у нее из головы выйдет первый хмель, так как в противном случае было бы чертовски трудно поддерживать с ними международное общение.

Вся эта республика, так же, как и ее бескровное возникновение, представляет собой с начала до конца чистейший фарс. Как я и ожидал, недели две назад, и даже еще раньше, орлеанисты хотят водворить на-время республиканское правительство, которое заключит похабный мир,—для того, чтобы бремя вины не пало впоследствии на Орлеан[40]), власть которого они намереваются восстановить. Реальная сила находится в руках у орлеанистов: военное командование—у Трошю, полиция—у Кератри, а господам из левой достались посты, на которых можно только разговаривать, но не действовать. Так как Орлеанская династия в настоящее время единственно возможная, то она может спокойно выжидать своего фактического прихода к власти, пока не настанет подходящий момент.

Как-раз сейчас уезжает Дюпон. Он был здесь вечером,— его привело в ярость это прекрасное парижское воззвание. Его успокаивает то, что Серайе едет туда, и что он предварительно говорил по этому поводу с тобой. У него совершенно ясный и правильный взгляд на эту историю: надо использовать свободу, которую неизбежно дает республика, для организации партии во Франции; после создания организации воспользоваться первым же удобным случаем для выступления; удерживать Совет Интернационала во Франции до заключения мира.

Господа из временного правительства и парижские буржуа (если судить по корреспонденции в „Daily News") прекрасно знают цену всему краснобайству о продолжении войны. Дожди мало помешают немцам,—люди, стоящие теперь в поле, уже привыкли к дождю, и он для них здоровее, чем жара. Могут, конечно, прибавиться эпидемические заболевания, в особенности после капитуляции Меца, где они, верно, уже имеются, но это не обязательно. Партизанская война, которая могла бы заставить пруссаков производить массовые расстрелы, представляется тоже не весьма вероятной, однакоже, может вспыхнуть там и сям под первым впечатлением революции. Мы сможем судить о дальнейшем ходе войны лишь тогда, когда узнаем, какое впечатление произведет в Париже капитуляция Меца, которая последует, конечно, самое позднее, в течение ближайших недель. До сих пор мероприятия, т.-е., точнее выражаясь, фразы новых правителей, мне кажется, оставляют мало надежды на что-нибудь другое, кроме капитуляции.

Характерно для парижского правительства, что и оно не отваживается раскрыть перед публикой карты относительно истинного положения дел. Если не случится какого-либо чуда, то, боюсь, неминуемо придется пережить момент открытого господства буржуазии для того, чтобы борьба развернулась перед нами в обнаженном виде. В настоящий момент приносить рабочих в жертву было бы стратегией в духе Бонапарта и Мак-Магона. До заключения мира рабочие ни при каких условиях ничего не могут предпринять, а после него им на первых порах еще нужно будет время для организации.

Угрозы со стороны иностранных держав окажут, пожалуй,

некоторое давление на пруссаков. Однако, последние знают, что русские ружья, заряжаемые с казны, никуда не годятся, что у англичан нет армии, австрийцы же весьма слабы. В Италии Бисмарк, повидимому, ликвидировал самую возможность сопротивления с помощью папы (так как флорентинское правительство официально уведомляет, что еще в сентябре посылает своего представителя в Рим), а кроме того, при помощи обещания уступить Савойю и Ниццу нынешним правителям; это был мастерский ход. Впрочем, Бисмарк, кажется, ждет только какого-нибудь нажима извне, чтобы удовлетвориться денежной компенсацией и городом Страсбургом с прилежащей областью. Французы еще могут пригодиться ему, ему хочется думать, что они сочли бы это проявлением великодушия с его стороны.

□ □ □

Манчестер, 12-го сентября 1870 г.

Наши друзья по ту сторону—как в Германии, так и во Франции—стараются превзойти друг-друга в политической ловкости. Эти патроны в Брауншвейге! Они боялись, что ты будешь сердиться на них, если они по-своему переработают данные им точки зрения, и поэтому они передали все дословно. Между тем, по существу, неприятно только то место, где говорится о перенесении центра тяжести [41]). Печатать это было величайшей нетактичностью. Впрочем, надо надеяться, что у парижан и без того найдется теперь, что делать, а не посвящать свое время изучению этого манифеста, тем более, что они не понимают по-немецки. Немецкий язык, каким написано воззвание, прямо-таки прекрасен. И Вильгельм хвалит в своей газете это произведение. Лонге тоже хорош. Из-за того, что Вильгельм I подарил им республику, нужно сейчас же произвести революцию и в Германии. А почему они не произвели революции после переворота в Испании? Если бы в Париже можно было что-нибудь предпринять, то необходимо было бы воспрепятствовать вооруженному выступлению рабочих раньше заключения мира. Бисмарку скоро представится возможность заключить мир,— или он займет Париж, или же его заставит поскорее кончать войну общеевропейская ситуация. Каковы бы

ни были последствия мира, он должен быть заключен для того, чтобы рабочие могли что-либо сделать. Если они победят теперь на службе у правительства национальной обороны, то им придется принять наследство Бонапарта и нынешней буржуазной республики; они потерпят совершенно бесплодное поражение от германской армии и снова будут отброшены на двадцать лет назад. Если же они немного обождут, то ничего не потеряют. Известные изменения, которые могут быть внесены в пограничную линию, все равно носят только временный характер. Драться с пруссаками за буржуазию было бы безумием. Каково бы ни было правительство, которое заключит мир, оно уже в силу этого является недолговечным, а та армия, которая возвратится из плена, в случае внутренних конфликтов не будет представлять большой опасности. После заключения мира у рабочих будет гораздо больше шансов на успех, чем до сих пор. Но не поддадутся ли они снова увлечению под давлением нападения извне, и не вздумают ли они провозгласить социальную республику накануне штурма Парижа! Было бы отвратительно, если бы в качестве заключительного акта войны между немецкими армиями и парижскими рабочими разыгрался баррикадный бой. Это вернуло бы нас на полстолетия назад и так перетасовало бы все карты, что для всех решительно создалось бы самое ложное положение; а вдобавок к этому—какая развилась бы национальная ненависть среди французских рабочих, и как усилилась бы позиция болтунов и демагогов!

Чертовски скверно, что в Париже так мало людей, которые посмели бы посмотреть фактам прямо в глаза. Разве есть в Париже хоть один человек, который осмелился бы даже подумать, что сила французского активного сопротивления в этой войне сломлена, и нет никакой надежды на избавление от интервенции революционным путем. Именно по той причине, что эта публика слышать не хочет о действительном положении вещей, я боюсь, что так оно и будет, так как апатия, овладевшая рабочими перед падением империи, теперь, конечно, исчезнет.

□ □ □

(Место не указано).
13-го сентября 1870 г.

Что за неисправимые ослы эти пруссаки! Они арестовали по приказу Фогеля фон-Фалькенштейна и отвезли закованными в кандалы в Лецен (в Восточной Пруссии) весь несчастный брауншвейгский, социал-демократический ЦК, и даже печатника, печатавшего это благонамеренное и поистине еще очень смиренное по своему тону воззвание. Ты знаешь, что под предлогом угрозы французского десанта почти вся Северная Германия объявлена на военном положении, и поэтому военные власти могут производить аресты по своему произволу. К счастью, немедленная высылка в Восточную Пруссию доказывает, что их намереваются держать под арестом только до заключения мира, а не предавать их военному суду,—в последнем случае командированные для устрашения крамольников лейтенанты, наверняка, засудили бы их на десять лет крепости или тюрьмы. Однако, можно судить, до чего страшно для этих жалких душонок самое слово „республика“, и как неловко чувствуют себя официальные сферы без политических заключенных.

Вообще война с течением времени принимает неприятный характер. С французов еще мало тех колотушек, которые они получили, а немцы одержали слишком много побед. Виктор Гюго пишет вздор по-французски, а наш очаровательный Вильгельм[41]) уродует немецкий язык. „Теперь будь здорова с растроганным сердцем в конце такового письма“. И подобное существо хочет быть императором! И вдобавок императором самого просвещенного народа в мире! А его жена отдает это в печать!

Твой *Ф. Э.*

ПРИМЕЧАНИЯ

1) Распайль — знаменитый французский революционер XIX в., постоянный участник заговоров и восстаний, начиная с периода июльской монархии и кончая периодом Парижской Коммуны, ближайший сподвижник Бланки; много раз привлекался к суду монархии, республики и империи; много лет просидел в тюрьмах.

2) Мобильная гвардия — так называлась специальная охрана, созданная второй французской республикой накануне июньского восстания для защиты „порядка" частью из безработных рабочих, но, главным образом, из всевозможных подонков общества, известных под именем люмпенпролетариата. Во время июньского восстания мобильная гвардия сражалась на стороне Кавеньяка против парижских рабочих.

3) Бем — польский генерал, отличившийся в боях против русских во время восстания 1830—31 гг. После поражения восстания и взятия Варшавы русскими войсками эмигрировал в Зап. Европу. В 1849 г. предложил свои услуги восставшей Венгрии; во время неравной борьбы с наводнившей Венгрию русской армией Паскевича опять проявил большие военные способности.

4) Дембинский — тоже польский генерал, сражавшийся вместе с Бемом в 1849 г. на стороне Венгрии против русских и австрийцев.

5) Дюмурье — французский генерал, сравнительно удачно командовавший молодыми республиканскими войсками в начале французских революционных войн; впоследствии изменил и пытался вместе со всей армией перейти на сторону врага, но едва скрылся от ярости возмущенных его предательством революционных солдат.

6) Паскевич — любимец и ближайший сподвижник Николая I. В начале его царствования был послан на Кавказ сменить Ермолова, одного из способнейших генералов предшествующего царствования, заподозренного в сочувствии декабристам. За победу, одержанную кавказской армией над нестройными, плохо обученными персидскими войсками, в частности, за взятие крепости Эривани, слывшей „неприступной", но более известной среди современников под именем глиня-

ного горшка, получил титул Эриванского. В 1828—29 гг., во время турецкой войны, командовал русскими войсками на кавказском фронте и благодаря самым жалким средствам борьбы на этом фронте у турок одержал ряд „блестящих“ побед. Русская армия, под начальством Паскевича, легко овладела неукрепленным Карсом и продвинулась далеко за Эрзерум. В 1830 г. Паскевич был назначен командующим русской армией против восставших поляков. Пользуясь огромным превосходством в силах, Паскевич быстро закончил эту войну, затянутую его нерешительным предшественником Дибичем. В 1849 году Паскевич руководил венгерской экспедицией. В 1854 г. царь назначил своего любимца командующим дунайской армией, при чем здесь, не имея на своей стороне колоссального превосходства в силах, Паскевич обнаружил крайнюю степень нерешительности и трусости. Бездарная осада Силистрии была делом его рук.

7) Нессельроде—министр иностранных дел Николая I и душа его иностранной политики.

8) Лорд Абердин (Эбердин) министр-президент английского правительства, при котором разразилась Крымская война, крайний консерватор по своим убеждениям; личный друг Николая I. До самого последнего момента Абердин противился, как только мог, разрыву с Россией, опасаясь от войны с ней дурных последствий для дела порядка в Европе. Этим объясняется жгучая ненависть Энгельса (и Маркса) к Абердину.

9) Лорд Пальмерстон—министр иностранных дел британского правительства.

10) Герцог Веллингтон—знаменитый английский полководец, крайний консерватор, ненавистник французской революции. В 1807—13 гг. командовал английским экспедиционным корпусом, действовавшим в Испании и Португалии против армий Наполеона. Благодаря помощи флота продержался в Испании в течение нескольких лет. В 1815 г. при Ватерлоо выдержал ожесточенный бой с Наполеоном, в котором, несмотря на стойкость английских войск, только прибытие прусской армии Блюхера помешало полному поражению Веллингтона. Битва закончилась разгромом Наполеона. После 1815 г. Веллингтон пользовался несколько десятилетий славой национального героя Англии.

11) Дарьяльское ущелье проходит по долине реки Терека, между станциями Ларс и Казбек Военно-Грузинской дороги, по северную сторону Крестового перевала. Факт захвата Дарьяльского ущелья восставшими горцами, о котором говорит Энгельс, на самом деле не имел места. Более подробно об этом см. в нашем предисловии.

12) Осада Силистрии. Вина за неудачное и бестолковое ведение осады Силистрии целиком падает на главнокоман-

дующего русской армией фельдмаршала Паскевича. В своем распоряжении Паскевич имел не только солидный артиллерийский парк, но и лучших военных инженеров, какими только располагала русская армия. К числу их принадлежал Шильдер, тяжело раненый под Силистрией и умерший от раны, и Тотлебен, впоследствии прославившийся при обороне Севастополя. Главной причиной трусости и нерешительности Паскевича под Силистрией было опасение австрийской армии, стоящей в Трансильвании; об этом свидетельствует переписка Паскевича с Николаем. Сам Паскевич под Силистрией получил легкую контузию, а не лишился ноги, как пишет Энгельс.

13) Омер-паша—командовавший турецкой армией, бывший австрийский подданный, кроат по своему происхождению. В ранней молодости бежал в Турцию, служил писцом, пока совершенно случайно не попал в армию, где быстро возвысился. После поражения венгерского восстания Омер-паша принял к себе большое количество беглецов и отказал в их выдаче австрийскому и русскому правительствам. Один из компетентнейших историков Крымской войны, А. М. Заиончковский с большой похвалой отзывается о военных способностях Омер-паши. Однако, во все время боевых действий 1853—54 гг. турецкий главнокомандующий проявил большую нерешительность. Частью она, впрочем, объяснялась его недоверием к маневренным способностям своих войск, их уменью сражаться в открытом поле. Однако, удачные операции турок под Калафатом, в особенности дело при Четати, показывают, что Омер-паша слишком низко ценил свои войска. Впоследствии Омер-паша принял участие в Крымской кампании, высадившись со своей армией в Евпатории. В течение нескольких месяцев эта армия занимала Евпаторию, не решаясь, однако, действовать на русские сообщения, по отношению к которым она занимала фланговую позицию. Единственным успехом Омера-паши в Крыму было отбитие русского нападения на Евпаторию, которое Энгельс не совсем правильно квалифицирует как простую демонстрацию. После взятия Севастополя Омер-паша предпринял экспедицию в Мингрелию, высадившись в Сухуме; но цели эта экспедиция не достигла.

14) Уркварт—английский публицист, ярый руссофоб и туркофил; был знаком с Марксом.

15) Бомарзунд—так называлась русская крепость на Аландских островах. Аландские острова были укреплены еще за 20 лет до Крымской войны по личной инициативе Николая I, желавшего создать базу для поддержания активных действий своего флота на Балтийском море, где единственным серьезным морским противником России могла быть только Англия. (Германия в то время флота не имела.) Поэтому укрепление Аландских островов вызвало протест

Англии, и поэтому же уничтожение аландских укреплений стало первым серьезным делом английского военного флота, как только он начал враждебные действия против России на Балтийском море.

16) Меньшиков — одна из звезд Николаевского царствования. В 1853 году был отправлен царем в качестве чрезвычайного посла в Константинополь, где бестактные действия Меньшикова в значительной степени способствовали ускорению разрыва. По возвращении из Константинополя на Меньшикова было возложено руководство обороной Крыма. Это не помешало союзникам совершенно спокойно высадиться в Евпатории и найти там громадные склады муки, а Севастополю— в момент высадки—быть совершенно беззащитным со стороны суши. До самого последнего дня Меньшиков не давал ни копейки денег на укрепление города, боясь, что эти деньги будут совершенно напрасно растрачены. Под Альмой он проиграл сражение в значительной степени потому, что не принял самых элементарных мер предосторожности. Как утверждает патриотический историк Восточной войны 1853—56 гг. генерал Богданович, Меньшиков

> „питал безотчетное недоверие ко всем вообще штабам, хотя и сам служил в них в Отечественную войну 1812 г. Вместо того, чтобы поручить занятия по исполнению своих соображений сведущим офицерам, возложив на них и должную ответственность, он исполнял почти все непосредственно сам, через состоявшего при нем полковника Вунша, и потому многие из его распоряжений были несвоевременны“. („История Восточной войны“, Богдановича. Стр. 12, том III).

Потерпев поражение под Альмой, Меньшиков обнаружил большую растерянность и нерешительность. Меньше всего по его вине союзники сразу не овладели Севастополем. После неудачи первого бомбардирования, обескуражившего их, получив значительные подкрепления, Меньшиков, хотя и взял инициативу боевых действий в свои руки, но воспользовался ей крайне неудачно. 25-го октября, вместо решительного наступления на английские позиции под Балаклавой, обещавшего полный успех, Меньшиков ограничился бесплодной демонстрацией, после которой англичане настолько укрепили свои позиции, что сделали их совершенно неприступными. Об Инкерманском сражении см. в нашем предисловии. Последней боевой операцией русской армии в Крыму под начальством Меньшикова была неудачная атака евпаторийского укрепленного района, занятого турками. Атака эта все время откладывалась Меньшиковым и была предпринята только тогда, когда турки как следует укрепили свои позиции и собрали для их защиты до-

статочные силы. После неудачи под Евпаторией Николай освободил Меньшикова от командования крымской армией, заменив его М. Д. Горчаковым.

17) Русские силы в Севастополе к началу года состояли из нескольких тысяч гарнизона и моряков черноморского флота, не превышая в общем 25-ти тысяч. Город был совершенно обнажен с южной стороны. Да и северные укрепления были такого качества, что рушились от пробной стрельбы своих же собственных орудий. Военные историки Крымской войны совершенно согласны с Энгельсом в том, что город не имел никаких шансов устоять (особенно после отступления Меньшикова к Бахчисараю), если бы только союзники, одержав победу на Альме, предприняли решительный штурм.

18) В битве на Альме на стороне союзников сражалось 60 тыс. человек при 96-ти орудиях; русские имели 35 тысяч при 84-х орудиях. Позиция русских тянулась по левому гористому берегу Альмы. Но крайний левый фланг ее перед впадением Альмы в море, круто спускавшийся к берегу, русский главнокомандующий не позаботился занять, понадеявшись на его неприступность. Французская дивизия Боске спокойно взобралась на отвесные крутизны и даже втащила на них свои орудия. Укрепившись на высотах, она заняла охватывающее положение к русским позициям, подвергнувшимся губительному фланговому огню. Исход боя этим был решен с самого начала. Перед фронтом своих позиций русские не позаботились даже вырубить виноградники, ставшие отличным прикрытием для наступавших английских стрелков. Впрочем, благодаря крайней беспорядочности своих операций, английские войска также понесли большие потери. В общем союзные армии потеряли свыше 3-х тысяч, а русские—около 6-ти тысяч. Благодаря отсутствию преследования русские ушли с поля сражения в сравнительном порядке.

19) Балаклава—небольшой городок в 12-ти верстах от Севастополя, с очень глубокой, вместительной и сравнительно защищенной от ветров бухтой. После перехода союзников на южную сторону Севастополя сделался их главной операционной базой. В Балаклавской бухте стоял союзный флот, здесь происходила высадка войск и выгрузка военного материала и припасов. 13-го (25-го) октября с прибытием значительных подкреплений к русской армии Меньшиков приказал отряду генерала Липранди, численностью в 16 тыс. человек, атаковать Балаклаву, занимавшуюся двумя рядами укреплений и небольшим отрядом англичан и турок. Несмотря на крайнюю неумелость обороны, русские не достигли в этом деле решительных успехов и остановились, ограничившись занятием нескольких передовых редутов. Балаклава осталась в руках союзников, которыми была превращена потом в совершенно неприступную

позицию. В балаклавском сражении английский главнокомандующий лорд Раглан весьма неумело распоряжался своей кавалерией. Эта неумелость была усугублена бестолковостью исполнителей его распоряжений, непосредственно руководивших действиями кавалерии лорда Лукана и лорда Кардигана. Благодаря этому английская кавалерия понесла под Балаклавой большие потери, что дало основание к целой кампании в прессе и парламенте.

20) Инкерман. Статья Энгельса об Инкерманском сражении, к сожалению, не могла быть помещена в нашем сборнике. Русские потеряли в этом сражении до 10-ти тысяч, союзники— около $4^1/_2$ тысяч. Главная причина поражения русских заключалась в крайней неумелости их командования, бестолковости диспозиций, отсутствии взаимной связи и поддержки между частями и неумении войск сражаться в рассыпном строю.

Битва при Рокруа, с которой Энгельс сравнивает Инкерманское сражение, произошла в 1673 г. на бельгийской территории между французами и испанцами и закончилась полным поражением испанцев.

21) Джентри — мелкое английское дворянство; то же, что шляхта в Польше.

22) Статья „Сила сопротивления России“ написана после падения Севастополя, но еще до получения подробностей штурма 8-го сентября, давших впоследствии Энгельсу материал для его позднейшей статьи „К взятию Севастополя“. Незадолго перед сообщением об очищении южной стороны Севастополя Энгельс поместил в „Нью-Йоркской Трибуне“ еще одну статью о ходе войны на различных фронтах. Статья эта под заглавием „Непонятная война“ (помечена 17 августа) по случайному недосмотру не попала в основной текст нашего сборника, почему и дается нами здесь.

НЕПОНЯТНАЯ ВОЙНА.

I.

Англо-французская война с Россией будет, бесспорно, всегда фигурировать в военной истории, как „непонятная война“. Широковещательные речи на-ряду с ничтожными действиями, чудовищные приготовления и незначительные результаты, предусмотрительность, граничащая с трусливостью, и безумная храбрость, порожденная невежественностью, чрезмерная посредственность генералов, соединенная с чрезмерной храбростью войск, ужасные поражения на-ряду с победами по недоразумению; армии, погибшие по небрежности и вновь спасенные

благодаря случаю. Чудовищный клубок противоречий и недоразумений. И это одинаково характерно как для русских, так и для их врагов.

Если англичане сумели расстроить образцовую армию, благодаря дурному управлению гражданских чиновников и трусливой бездеятельности офицеров; если французы подвергали себя бесполезным опасностям и несли чудовищные потери только потому, что Луи Наполеону было желательно руководить войной из Парижа, то русские также понесли такие же потери из-за дурного командования и глупых, хотя и безапелляционных приказаний из Петербурга.

Со времени турецкой войны 1828—29 года даже наиболее ретивые льстецы императора Николая заботливо замалчивают о его военных талантах. Если русские указывают на Тотлебена, который не является русским, то, с другой стороны, у них есть Горчаков, ни в коем случае не уступающий по своей неспособности Сент-Арно и Раглану.

Можно было бы ожидать, что, по крайней мере, теперь, когда столько голов занято изобретением всевозможных планов нападения и защиты, когда массы войск и материалов ежедневно увеличиваются, могла бы родиться какая-нибудь ценная идея. Ничего подобного! Война расползается, но с ее течением расширяется лишь пространство, на котором она ведется. Чем больше открывается новых театров военных действий, тем меньше событий происходит на них. Теперь у нас шесть таких театров: Белое море, Балтийское море, Дунай, Крым, Кавказ и Армения. Все примечательное, происходящее на этом пространстве, можно рассказать на одном газетном столбце. О Белом море англо-французы не говорят абсолютно ничего. Здесь для них возможны лишь две военные задачи: угрожать берегам и торговле русских в этих водах и, если представится возможность, захватить Архангельск. Первое они уже пытаются делать, но частично; союзные эскадры, как в прошлом, так и в этом году, появлялись слишком поздно и отплывали слишком рано. Второе—занятие Архангельска—никогда не предпринималось. Вместо того, чтобы преследовать эти свои задачи, блокирующие эскадры забавлялись бессмысленными атаками на русские и лапландские деревни и уничтожением жалкого имущества несчастных рыбаков. Это позорное поведение объясняется английскими корреспондентами раздражением эскадры-которая чувствует себя неспособной сделать что-нибудь серьезное. Хорошее оправдание! На Дунае ничего не происходит. Дельта этой реки не раз очищалась от разбойников, которые делали ее небезопасной. Австрия держит в своих руках ключи к воротам, ведущим с этой стороны в Россию и, кажется, намерена держать их крепко. На Кавказе все спокойно. Ужасные черкесы, подобно всем диким и независимым горцам,

кажется, вполне удовлетворены отступлением русских летучих отрядов из их ущелий и не имеют желания спускаться в равнины для других целей, кроме разбойничьих набегов. Они умеют бороться лишь на своей собственной земле, да и к тому же перспектива присоединения к Турции их ни в коем случае не воодушевляет. В Азии Турция показала свою настоящую сущность; ее армия целиком отражает упадочное состояние империи. Оказалось необходимым призвать на помощь европейских гяуров; но европейцы оказались в состоянии лишь построить здесь полевые укрепления. Все их попытки принудить войска к правильным методам войны потерпели крушение. Русские окружили Карс и, кажется, намерены предпринять настоящую осаду. Трудно надеяться на освобождение города, даже и в том случае, если Омер-паша высадится с 20.000 чел. в Батуме и будет действовать во фланг русским. Непонятно, и далеко не лестно для русских, что они ведут свои операции так медленно и предусмотрительно против столь плохо дисциплинированного врага, имея в своем распоряжении 20.000 или 30.000 прекрасных войск. Но каковы бы ни были их успехи на этом театре военных действий, самые большие результаты могут выразиться в занятии Карса и Эрзерума,—о марше на Константинополь через Малую Азию не может даже стоять вопроса. Война в Азии представляеет поэтому собой скорее местный интерес. Но вряд ли возможно, при неопределенности существующих карт, высказать издалека правильное тактическое и стратегическое суждение, а потому мы не будем углубляться в этот вопрос. Остаются два главных военных театра: Крым и Балтийское море.

II.

В Крыму сонно продолжается осада. В течение всего июля месяца французы и англичане работали над своими новыми подходами (авансами) к Редану *) и Малахову и несмотря на постоянные сообщения, что они продвинулись „вплотную к русским“, мы узнаем теперь, что 4-го августа голова сапы находилась от русских главных укреплений не ближе, чем на растоянии 115 метров, а может-быть, и еще дальше. Правда, довольно утешительно слышать признание заносчивого Пелисье, что его „система штурма“ потерпела крах, и что дорога для его колонн должна быть подготовлена правильными осадными работами. Все же странный метод войны, при котором 200.000 человек спокойно лежат в своих палатках и в ожидании окончания сооружения траншей гибнут от холеры и лихорадки, кажется не менее удивительным. Если даже невозможно, как это утвер-

*) 2-му бастиону.

ждают парижские газеты, перейти Черную, так как по ту сторону ее лежат, будто бы, неприступные русские позиции, то значительные выгоды могла бы дать экспедиция в сторону Евпатории к берегу моря и попытка завлечь русских в открытое поле, разузнать их реальные силы и состояние их вспомогательных средств. В том положении, которое существует сейчас, турецкая, сардинская и наполовину английская и французская армии низведены на роль пассивных зрителей. Большая часть их могла бы поэтому быть употреблена для диверсий. Но единственные диверсии, о которых мы знаем, были произведены в лондонских увеселительных театрах, где русские каждый вечер под шум патриотических криков терпели ужасные поражения.

В настоящее время русские должны были получить все свои подкрепления и в ближайшее время достигнуть максимума своих сил. Англичане послали еще несколько полков, французы отправили от 10.000 до 15.000 человек, за ними должны последовать еще более значительные силы. В общем союзные силы в Крыму должны увеличиться еще на 50.000—60.000 человек свежих войск. Кроме того, французское правительство купило или арендовало большое количество пароходов (по разным сведениям, от 50 до 100), которые должны быть употреблены для экспедиции в Черное море. Предназначаются ли они для Азовского моря или для поездки по Днепру и Бугу, где целью для нападения должны явиться Очаков, Кинбурн, Херсон и Николаев,—увидим. Мы уже ранее предсказывали, что в середине августа можно было ожидать кровавых битв, так как к этому времени русские, получив подкрепление, должны были снова попытаться взять инициативу в свои руки. И в самом деле, они произвели под начальством генерала Липранди, наступление на французов и сардинцев, стоящих на реке Черной, но были отброшены с большими потерями. Потери союзников неизвестны и поэтому, вероятно, были весьма значительны. Но чтобы подробнее судить об этом деле, надо иметь большие сведения, чем дают телеграммы.

В Балтийском море, наконец, „нанесен сильный удар". Смотри английскую печать! Бомбардировка Свеаборга! Разрушение Свеаборга! Все укрепления лежат в развалинах! Действительно, Свеаборг больше не существует! Славная победа союзников! Флот охвачен неописуемым энтузиазмом! А теперь посмотрим на самый факт. Союзные флоты—6 линейных кораблей, 4 или 5 больших фрегатов (blockships) и приблизительно 30 легких судов и канонерок отправились 7-го августа от Ревеля к Свеаборгу. 8-го они заняли позиции. Суда мелко сидящие прошли через песчаные косы и скалы на восточную сторону крепости, куда глубокие суда не могли пройти и, как видно, остановились на расстоянии пушечного выстрела от островов, на которых расположен Свеаборг. Большие корабли

остались снаружи и, поскольку мы можем судить, вне района досягаемости крепостных орудий. Канонерки и мелкие суда открыли огонь. Прямой прицельный огонь они, кажется, не пытались открыть, но лишь выбрасывали бомбы на самое большое расстояние, какое только было возможно для пушек. Бомбардировка продолжалась 45 часов. Известный ущерб был, несомненно, нанесен, однако, оценить его, не имея подробных донесений с обеих сторон, невозможно. Разрушены арсенал и различные пороховые магазины (очевидно, небольше). „Город" Свеаборг (поскольку мы знаем, в нем было не больше двух домов, в которых жили люди, служившие во флоте или на укреплениях) сожжен! Вред же, причиненный непосредственно укреплениям, может быть лишь весьма незначительным, так как флоты, как заявляют оба адмирала, не насчитывают ни одного убитого, а лишь несколько раненых, и не имеют даже никаких материальных повреждений. Лучшее доказательство того, что они держались на почтительной дистанции, а раз так, то они могли вести бомбардировку навесным, а не прицельным огнем, которым только и можно было бы разрушить укрепления. Дундас, гораздо более тактичный и сдержанный в своей депеше, чем французский адмирал (судя, по крайней мере, по редакции этих депеш в „Мониторе", которая, возможно, несколько изменена в Париже), признается, что нанесенный вред сосредоточивается, главным образом, на трех островах, лежащих к западу от главного канала, ведущего в Гельсингфорскую бухту, тогда как Свеаборг расположен на семи островах. Нападения на главный канал, кажется даже и не было предпринято. Большие корабли, видимо, лишь наблюдали, не вмешиваясь в дело, вопрос же о решающем маневре в этом деле— о высадке войск для захвата и разрушения укреплений, даже и не поднимался. Таким образом, нанесенный вред падает, главным образом, на запасы и магазины, т.-е. на предметы, которые могут быть легко восстановлены снова. Если русские не будут терять времени и беречь свои средства, Свеаборг может быть в течение 3-х недель приведен в такое же состояние, как и раньше. Говоря военным языком, он совсем не пострадал, и вся история выражается лишь в одном акте, материальные ресурсы которого вряд ли соответствуют его собственной стоимости, и который был предпринят частью потому, что надо же было Балтийскому флоту что-нибудь сделать, прежде чем возвращаться домой, частью же потому, что Пальмерстону захотелось закончить парламентскую сессию фейерверком. К сожалению, в последнем случае произошло опоздание на 24 часа. Таково славное разрушение Свеаборга союзными флотами. Мы еще вернемся к этому вопросу после получения подробных донесений.

В статье „Сила сопротивления России“ Энгельс рассматривает стратегическую обстановку, создавшуюся после падения Севастополя. Как известно, овладев городом, союзники не предпринимали больше решительных действий в Крыму. Взятие Кинбурна при входе в Днепровско-Бугский лиман, не имевшего почти никакого военного значения, было простой демонстрацией. Между тем в Малой Азии русские вынудили капитулировать запертую в Карсе анатолийскую армию. Война вступила в фазу хронического затишья, и неизвестно, сколько времени продолжалось бы еще это затишье, если бы Австрия в решительной форме не потребовала от России согласия на условия союзников, грозя в противном случае присоединиться к ним.

23) Жомини—французский генерал, перешедший на службу к России. Историк наполеоновских войн и один из лучших стратегов своего времени.

---

24) В статье „К взятию Севастополя“ Энгельс называет „Малый Редан“ бастионом № 1, тогда как у русских он назывался бастионом № 2 (см. карту на стр. 120). Малахов же курган, именуемый Энгельсом бастионом № 2, не носил этого названия. На Малаховом кургане был устроен Корниловский бастион или Корниловский редут, указанный на карте. „Фланговый“ (или мачтовый) бастион именовался русским четвертым (ныне на нем находится „Исторический бульвар“ и панорама севастопольской обороны), а „центральный бастион“—пятым. Главные причины успеха штурма на Малахов—внезапность нападения и совершенная неприспособленность внутренней части бастиона к обороне—совершенно правильно указаны Энгельсом. К ним следовало бы еще прибавить хорошую артиллерийскую подготовку, продолжавшуюся три дня и почти сравнявшую с землей подступы к бастиону. Густые массы французской пехоты перебрались через обвалившийся бруствер и очутились внутри укрепления, прежде чем защитники успели построиться для отпора.

25) Статья „По и Рейн“ написана Энгельсом в 1859 году, в связи с событиями, происходившими тогда в Италии. Венский конгресс 1815 года оставил Италию в раздробленном состоянии. Южная часть ее (с островом Сицилией) составляла Неаполитанское королевство (или королевство Обеих Сицилий). Средняя Италия делилась на Церковную или Папскую область (светское владение римского папы), герцогства Парма, Модена, Тоскана и Романья, наконец, половина северной Италии (Ломбардия и Венеция) принадлежала Австрии, другую, запад-

ную половину (вместе с островом Сардинией) составляло королевство Пьемонтско-Сардинское. В то время, как часть итальянской мелкой буржуазии держала курс на единую республику, более влиятельные и экономически сильные буржуазные элементы ждали объединения Италии от Пьемонтско-Сардинского королевства, под скипетром которого они надеялись если не сразу, то постепен о собрать всю Италию. Еще в революцию 1848 г. Пьемонт пожелал воспользоваться охватившим Австрию революционным движением для того, чтобы захватить Ломбардию и Венецию, но потерпел жестокое поражение от австрийцев. После окончания революции Пьемонт искал себе внешней поддержки у французского императора Наполеона III. Наполеон боялся объединения Италии, но хотел заработать на этом деле. Он вступил в тайное соглашение с пьемонтским королем Виктором-Эммануилом и обещал последнему отнять у Австрии для Пьемонта Венецию и Ломбардию с тем, чтобы Виктор-Эммануил, в награду за военную помощь, уступил ему, в свою очередь Савойю и Ниццу (см. карту на стр. 227). Главной целью Наполеона, во имя которой он добивался изгнания австрийцев из Италии, был левый берег Рейна. Насколько мало при этом Бонапарт думал об объединении Италии,—можно видеть из того, что по тому же договору Пьемонт обязался не препятствовать расширению Тосканского герцогства за счет Церковной области. Это герцогство Наполеон хотел превратить в королевство для создания противовеса Пьемонту, посадивши в Тоскане на королевский трон своего брата. Надвигавшаяся война между Италией и Австрией вызвала разногласия в революционных кругах. Энгельс (вместе с Марксом), будучи безусловным сторонником объединения Италии и противником австрийского владычества в Ломбардии и Венеции, считал, однако, что разрешение соответствующих вопросов должно произойти в результате соглашения между Италией и Германией. Что касается Бонапарта, то, по мнению Энгельса, всем его попыткам вмешательства в итальянские дела необходимо было дать самый решительный отпор. Эта точка зрения подробно развита Энгельсом в брошюре „По и Рейн“. На другой точке зрения стоял Лассаль, считавший, что главным врагом революции в центральной Европе и главным препятствием к объединению Германии, которому Лассаль, вместе с Марксом и Энгельсом, придавали большое революционное значение, является не бонапартовская Франция, а Австрия, и что в предстоящем военном конфликте для революции будет выгодно поражение Австрии. К лассалевской точке зрения склонялся и Меринг в своей „Истории германской социал-демократии“. Позже он стремился несколько сгладить в исторической перспективе те разногласия, которые в 1859 году возникли между Лассалем и Энгельсом. В случае победы Австрии,—писал Меринг уже в 1915 году,—сохранилось

бы австрийское господство в Италии, которое Энгельс осуждал самым решительным образом. Затем Австрия сохранила бы свою гегемонию над Германией, и несчастная союзная конституция была бы гальванизирована. Наконец, если бы Австрия свергла бонапартистский режим во Франции, то она посадила бы на его место правительство Бурбонов, т.-е. заменила бы чорта „если не Вельзевулом, то, во всяком случае, другим чортом“.

Национальное движение, охватившее Германию при первых признаках военного конфликта между Австрией и Францией, Маркс и Энгельс желали использовать в революционных целях. Лассаль самым решительным образом отрицал возможность такого использования. Говоря словами того же Меринга, он „в антифранцузском настроении, проявлявшемся в южной Германии, видел не революционное возмущение против отравы и грязи бонапартизма, но лишь новое проявление старой реакционной ненависти к французам, которую следовало бы не поддерживать, а искоренять самым решительным образом; ожесточенная национальная война между Францией и Германией была для Лассаля ужасным поражением европейской культуры“. (См. Фр. Меринг „Очерки по истории войны и военного искусства“, стр. 372). Лассаль с неменьшей ненавистью, чем Энгельс, относился к русскому царизму... Но Лассаль в то же время не считал особенно реальной опасность союза Бонапарта с русским царем в виду тяжелого внутреннего политического кризиса, который переживали, как бонапартовская Франция, так и царская Россия. Лассаль думал, что поражение Австрии, даже от Бонапарта, будет во всех отношениях полезно для революции.

Австрия действительно потерпела поражение, но не слишком тяжелое. Наполеон поспешил прекратить войну, опасаясь вмешательства Пруссии и не уверенный в поддержке России, еще не оправившейся от Крымской войны. По Виллафранкскому миру Австрия уступила Франции Ломбардию, переданную Наполеоном Пьемонту, но удержала в своих руках Венецию. Наполеон обязался принять все меры к сохранению самостоятельных герцогств Пармы, Модены и Тосканы, но население выгнало оттуда своих монархов и присоединилось к Пьемонту. Обманувши сначала Пьемонт, а потом Австрию, Бонапарт, однако, добился присоединения к Франции Савойи и Ниццы. Значение этого присоединения Энгельс осветил в статье „Савойя, Ницца и Рейн“. В последующие годы революционное движение в южной и средней Италии повело к ликвидации Неаполитанского королевства и Папской области. В руках папы остался только город Рим с ближайшими окрестностями. Венеция недолго оставалась в руках Австрии. После австро-прусской войны, в которой Италия (в 1861 году пьемонтский король принял титул короля Италии) была союзницей Пруссии,

Австрия отказалась от Венеции, а в 1870 году итальянские войска вступили в Рим. Так было завершено объединение Италии, хотя часть населенных итальянцами земель еще продолжала находиться за ее границами (остров Корсика и Ницца принадлежала Франции, Триест и Триент—Австрии).

26) 32-фунтовые орудия. Раньше калибр орудий определялся весом мраморного ядра сферической формы, входившего в их дуло. У 32-фунтовых орудий это ядро весило 32 фунта. Теперь калибр определяется диаметром поперечного разреза дула (в дюймах или сантиметрах).

27) 8—9 тысяч тонн водоизмещения—такова была максимальная, предельная величина броненосцев в конце 70-х годов. Артиллерия таких броненосцев состояла из орудий трех типов: наиболее тяжелые орудия (обычно не более четырех, калибром в 9—10 дюймов) помещались на двух вращающихся башнях. Средняя артиллерия в 10—12 орудий, калибром в 4—6 дюймов, распределялась по бортам, мелкая скорострельная артиллерия (не свыше 3-х дюймов) предназначалась для боя с самых близких дистанций. Большую роль еще играли тараны, которыми броненосцы наносили друг-другу удары, при чем протараненный корабль часто шел ко дну. В морской битве при Лиссе в 1866 г. между австрийским и итальянским флотом тараны еще имели решающее значение. В 80-е и 90-е годы техника военно-морского дела развивается сравнительно медленно, если не считать минного дела. В русско-японскую войну 1904—05 гг. мы встречаем на русской стороне самые крупные броненосцы не свыше 13,5 тыс. тонн водоизмещения, а на японской—15,2 тысяч. Самые крупные морские орудия не превышают 12-ти дюймов. Соотношение между родами артиллерии остается прежним, но, помимо пушек, суда вооружаются минными аппаратами (выпускающими самодвижущиеся мины Уайтхеда), приближение судов вплотную и действие таранами становится совершенно невозможным. Быстрый прогресс военно-морской техники начинается после русско-японской войны с появлением дредноутов и сверхдредноутов. Основное их отличие от старых броненосцев сводится к однотипности вооружения. Количество тяжелых орудий с 4-х доводится до 12—16-ти, а калибр их—с 12 до 14—15-ти дюймов, средняя же артиллерия совершенно упраздняется, броневая защита становится гораздо более мощной, и водоизмещение доходит до 30-ти тысяч тонн.

28) Битва при Игании происходила во время польского восстания 1830—31 гг. между поляками и русскими, так же, как бптва при Остроленке, явившаяся одним из самых серьезных сражений этой войны.

29) Беннигсен—русский генерал, участник убийства царя Павла, пользовался большим вниманием со стороны его сына,

царя Александра I, командовал русскими войсками в 1806—07 гг. во время борьбы с Наполеоном в Восточной Пруссии. Кампания закончилась поражением русских войск при Фридланде и заключением Тильзитского мира. Какими-либо военными талантами Беннигсен не обладал.

30) Буль-Рен—река в С.-А. Соед. Штатах на путях между Вашингтоном и Ричмондом, столицами Северных и Южных штатов в гражданской войне 1861—65 гг. На этой реке два раза происходили сражения, при чем оба раза победителями оставались южане. О втором из этих сражений говорит Энгельс.

31) Шерман — один из лучших генералов северян, проделавший труднейший путь с западного театра войны на восточный, к берегам Великого океана, через вражескую страну. Организация этой трудной экспедиции потребовала от Шермана устройства для своей армии колоссального обоза, который двигался за ней (обычно снабжение в этой войне осуществлялось путем реквизиций). Взятие Атланты (см. карту на стр. 311), о котором говорит Энгельс, было важнейшим этапом длинной и трудной экспедиции Шермана.

32) Джонсон — новый президент, избранный Северными штатами к концу войны на смену погибшего жертвой террористического акта южан Авраама Линкольна.

33) Задержка в организации и наступлении французских армий в кампании 1870 г. сыграла роковую для них роль, ибо быстрота действий была единственным шансом на стороне Франции; дав возможность немцам мобилизовать свои огромные силы, Франция с самого начала обрекла себя на пассивную оборону с перспективой верного поражения впереди: отвратительная организация мобилизационного аппарата и аппарата снабжения лишила ее этого единственного шанса. Как писал Наполеон III уже после своего пленения при Седане, он рассчитывал в первый же момент войны сосредоточить 150 тыс. человек в Меце, 100 тыс.—в Страсбурге и 50 тыс.—в Шалоне-на-Марне. С первыми двумя армиями Наполеон был намерен вторгнуться в Германию, разбить ее армию, еще не успевшую мобилизоваться, принудить к нейтралитету южно-германские государства, обеспечить себе помощь Австрии и Италии. Но, прибыв в Мец, Наполеон нашел там всего 100 тыс. вместо 150-ти, а в Страсбурге было только 40 тысяч. В Шалоне не удалось сосредоточить никаких резервов. Войска не были снабжены вещевыми мешками, палатками, котелками, чайниками, не было никаких сведений о местопребывании неприятеля. Этим была решена судьба всей кампании. Французская армия потерпела решительное поражение, прежде чем она сделала хотя бы один выстрел.

34) Саарбрюкен—небольшая прусская крепость на границе с Лотарингией, была занята французами 2-го августа

1870 года после короткой стычке с немцами. Эту стычку Вторая Империя пыталась раздуть в целое сражение.

35) Бадинге, — так часто в своей переписке Энгельс и Маркс называли Наполеона III действительным отцом которого считали не брата Наполеона I, а г-на Бадинге, находившегося в связи с его матерью.

36) Базен—французский генерал, участвовал в осаде Севастополя и был назначен комендантом города после очищения русскими южной стороны. В кампанию 1870 года командовал главной частью французской рейнской армии, сосредоточенной в Меце; общее командование находилось в руках самого Наполеона. После поражений французов у Верта и Шпихерна (Форбаха) 10-го августа Базен был назначен главнокомандующим. В результате целого ряда неудачных боев (при Марс-Ла-Туре, Гравелоте и т. д.) и неумелых операций Базен очутился запертым в Меце со всей своей армией, достигавшей 170 тысяч человек. Движение армии Мак-Магона, возглавлявшейся Наполеоном, на выручку к Базену вызвало седанскую катастрофу, выразившуюся в пленении всей наступавшей французской армии вместе с командующим и самим императором. Что касается до Базена, то 27-го октября 1870 года он позорно сдался на капитуляцию, далеко не исчерпав средств обороны, находившихся в его распоряжении и даже не сделав серьезной попытки пробиться. Капитуляция Базена освободила огромные немецкие силы, дала немцам возможность усилить обложение Парижа и парализовать все попытки провинциальных армий, направленные к его освобождению. „Предыдущая военная карьера Базена,—писал Энгельс после капитуляции Меца,—не была блестящей. Его мексиканская кампания только показала, что он ставил выгоду выше славы и чести своей родины. Своим назначением на пост главнокомандующего рейнской армией он был обязан чисто-случайным обстоятельствам: он получил его не потому, что он был наиболее подходящим, а потому что он был наименее неподходящим из всех возможных кандидатов, а решающими оказались соображения, имеющие весьма мало общего с военным делом. Его имя навсегда сохранится в истории, как имя человека, совершившего самый позорный поступок во французской военной истории, помешавшего 160 тысячам французов прорваться через блокирующую армию, которая определенно уступала им по силе, и сдавшего их как военнопленных, когда у них уже не оставалось съестных припасов“. (Энгельс, „Статьи о войне 1870—71 гг.“, стр. 144—145).

37) Вильгельм Либкнехт—отец Карла Либкнехта.

38) Ульм—город в Баварии. У этого города в 1805 году австрийская армия под начальством генерала Мака положила оружие перед Наполеоном I. Отсюда игра слов: „Мак-

Магон превращается в Мака из Ульма". Эта фраза вырвалась у Энгельса в письме от 20-го августа, а 1-го сентября Мак-Магон действительно сдался пруссакам со всей своей армией в 104 тыс. человек и не только превратился в „Мака из Ульма", но и далеко превзошел его. Это был тот самый Мак-Магон, дивизия которого взяла Малахов курган 8-го сентября 1855 года.

39) Шпихерн—место боя между пруссаками и французами (часто называемого сражением при Форбахе), происходившего 6-го августа 1870 года. Энгельс ошибается, указывая численность участвовавших в бою войск с обеих сторон. На самом деле при Шпихерне один французский корпус генерала Фроссара сражался с 3-я немецкими, которыми был атакован. Находившаяся поблизости армия Базена не оказала ни малейшей поддержки атакованному корпусу.

40) Орлеанская династия, или младшая линия Бурбонов, в течение XIX столетия не раз выступала конкурренткой Бурбонской династии (старшей линии), предъявляя, со своей стороны, претензии на французский престол. Король из этой династии Луи-Филипп в течение 18-ти лет (1830—1848 гг.) занимал французский трон. За Бурбонами стояли крупные помещики, в то время как орлеанисты являлись партией крупной финансовой буржуазии по преимуществу.

41) Брауншвейгский манифест германских с-д-ов был направлен против продолжения войны и требования аннексии Эльзас-Лотарингии. Энгельс в этом манифесте считал нетактичным то место, которое говорило о перемещении центра тяжести международного рабочего движения из Франции в Германию. Как видно из помещенных в последнем сборнике писем, до падения Наполеона (последовавшего за седанской капитуляцией) Энгельс считал в интересах революции победу германской армии. Когда же место бонапартизма заняла республика, хотя и буржуазная, он начал рассматривать войну как чисто-завоевательную со стороны Германии. Все его симпатии отныне были на стороне французской революции. Об этом периоде войны мы не имеем никаких писем Энгельса к Марксу, ибо с переездом Энгельса в Лондон (во второй половине сентября 1870 года) их переписка прекратилась.

52) Здесь речь идет о прусском короле Вильгельме I.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОШИБКИ И ОПЕЧАТКИ.

Стр.	Строка.	Напечатано.	Следует читать.
LXI	8	54 д. и	546
„	13	Бурбова	Бурбаки.
29	7	пролетариатом	пролетариатом Франции и Германии
33	5	еще 1-2 возрастов	первого и второго призыва
100	26	издалека [12]), дней	издалека [12]), одиннадцать дней
129	25	осадные батареи	брешь-батареи (т.-е. батареи, специально предназначенные для пробивания брешей в штурмуемых укреплениях).
162	1	иго	его
173	2	первые стоят	первый стоит
176	18 и 19	в поле обстрела не только канонерских лодок, но и военных шлюпок	в поле обстрела не только речных, но и морских военных судов
186	10	французском	франкфуртском
235	на карте Франции между 45 и 46°	Лиль	Лион
310	обращение в письме	Дорогой Негр	Дорогой Мавр (так называли Маркса в интимном кругу)
313	2	свободные государства	свободные штаты

СОДЕРЖАНИЕ.

Стр.

Предисловие III

Революция 1848 года и ее поражение.

Июньский бой в Париже 1
Рейнская Пруссия 10
Возможность и предпосылки войны Священного союза против Франции в 1852 году 17

Восточная война 1853—1856 гг.

Священная война 45
Военные действия на Дунае 51
Синоп и Ахалцых 59
Европейская война 65
Русское отступление 71
Военные события на Балтийском и Черном море (Англо-французская система военных операций) 76
Положение английской армии. 83
На театре военных действий 90
Осада Силистрии 97
Скучная война 102
Очищение дунайских княжеств 108
Занятие Бомарзунда 113
Крымская экспедиция (Нападение на Севастополь) 115
Военная сила России 124
Осада Севастополя 126
Английское военное управление. (Дезорганизация английских военных учреждений) 131
Об английском военном устройстве 134
К критике осады Севастополя 139
Состояние армий 142
Крымские события 146
Критика французского способа ведения войны 150
О последних событиях в Крыму 154

О положении в Крыму 158
Последние события в Крыму 161
Неудача 18-го июня (Штурм Малахова) 164
Британская армия (Организация) 169
Вооружение британских солдат 172
Сила сопротивления России 176
К взятию Севастополя 179

Поли Рейн. Савойя, Ницца и Рейн. Развитие военно о искусства в эпоху капитализма.

По и Рейн 185
Савойя, Ницца и Рейн 237
Развитие военного искусства в эпоху капитализма 283
Письма к Марксу 295
Примечания 351

ПЕРЕЧЕНЬ КАРТ.

Стр.

Карта театра военных действий в Азии в 1853—1855 гг. 47
Карта театра военных действий в Европе в 1853—1854 гг. 55
План г. Севастополя 120
Карта Северной Италии 227
Карта Северо-Восточной Франции 235
Карта театра войны 1861—1865 гг. 311

ЦЕНА 1 Р. 90 К.

Издательство „КРАСНАЯ НОВЬ“

ТОРГОВЫЙ СЕКТОР — Москва, Воздвиженка, 9.
ОТДЕЛЕНИЕ ИЗД-ВА — Ленинград, Проспект 25 Октября (б. Невский), 66.

КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ ИЗДАТЕЛЬСТВА:

1. Москва, пл. Свердлова, 2-й Дом Советов — „Серп и Молот“.
2. Москва, Сретенка, д. № 8
3. Ленинград, Проспект 25 Октября (б. Невский), 66.